Е. А. Тюгашев

Диалектический и исторический материализм

Е. А. Тюгашев

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Учебное пособие для марксистских кружков
(базовый уровень)

Чебоксары
ЦНС «Интерактив плюс»
2026

УДК 141.82(075)
ББК 87.3я7
Т98

Тюгашев Е. А.

Т98 **Диалектический и исторический материализм :** учебное пособие для марксистских кружков (базовый уровень) / Е. А. Тюгашев. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2026. – 348 с.

В учебном пособии рассматриваются основные темы диалектического и исторического материализма – дисциплинарных разделов философии марксизма. Книгу отличает опора на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Массив высказываний основоположников марксистской философии определил содержание и оригинальную структуру учебного пособия. Учтены более поздние концептуализации, выдвинутые в марксистской мысли.

Учебное пособие предназначено для слушателей марксистских кружков.

УДК 141.82(075)
ББК 87.3я7

© Тюгашев Е.А., 2026
© ЦНС «Интерактив плюс», оформление, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ... 8
ЧАСТЬ I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ ... 10
ВВЕДЕНИЕ ... 11
РАЗДЕЛ I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ... 13
Глава 1. НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ ... 13
1.1. Все люди – философы ... 13
1.2. Народность философии ... 14
1.3. Партийность философии ... 16
1.4. Вопросы философии ... 18
Глава 2. СТРАТЕГИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ... 20
2.1. Эмпирический базис диалектического материализма ... 20
2.2. «Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов» ... 22
2.3. Позиция положительной критики ... 24
2.4. Фигуры практики – фигуры логики ... 25
Глава 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ... 28
3.1. Философия в психологическом фокусе ... 28
3.2. «Только диалектическое мышление разумно» ... 30
3.3. Диалектическому мышлению – учиться смолоду ... 34
3.4. Гендерная идентичность материализма ... 36
Глава 4. ПРАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ ... 38
4.1. Социальный вопрос ... 38
4.2. Основной вопрос диалектического материализма ... 39
4.3. Идея практики ... 40
4.4. Абстракция материи ... 42
РАЗДЕЛ II. МИРОПОНИМАНИЕ ... 44
Глава 5. ОНТОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ ... 44
5.1. Партия движения ... 44
5.2. Учение о формах движения ... 45
5.3. Движение как процесс ... 46
5.4. Пространственно-временной континуум ... 49
Глава 6. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ... 51
6.1. Mixtum compositum ... 51
6.2. Всеобщая причинность ... 52
6.3. Динамический хаос ... 53
6.4. Законы-тенденции ... 56
Глава 7. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ... 60
7.1. Феномен и явление ... 60
7.2. Видимость явления и действительность ... 62
7.3. Относительность сущности ... 64

7.4. Соотносительность субстанции и субстрата ... 67
Глава 8. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ... 69
8.1. Содержательность формы ... 69
8.2. Относительная самостоятельность формы ... 71
8.3. Форма превращенная ... 73
8.4. Форма и гештальт ... 74
РАЗДЕЛ III. ГЛАВНЫЕ ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ ... 76
Глава 9. ЗАКОН ПРЕВРАЩЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА ... 76
9.1. Взаимосвязь количества и качества ... 76
9.2. Эффект кооперативности ... 77
9.3. Минимакс ... 79
9.4. Скачок ... 81
ГЛАВА 10. ЗАКОН ВЗАИМНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ПОЛЯРНЫХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ИХ ДРУГ В ДРУГА, КОГДА ОНИ ДОВЕДЕНЫ ДО КРАЙНОСТИ ... 83
10.1. Двойственность натуры ... 83
10.2. «Крайности сходятся» ... 85
10.3. Опосредствование противоположностей ... 87
10.4. Взаимопроникновение противоположностей ... 89
Глава 11. ЗАКОН РАЗВИТИЯ ПУТЕМ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ИЛИ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ ... 91
11.1. Диалектическое противоречие ... 91
11.2. Положительная и отрицательная сторона диалектического противоречия ... 92
11.3. Отрицание отрицания ... 94
11.4. Самоотрицание ... 96
Глава 12. ЗАКОН СПИРАЛЬНОЙ ФОРМЫ РАЗВИТИЯ ... 98
12.1. Круговорот – элементарная форма развития ... 98
12.2. Линейная форма развития ... 99
12.3. Зигзаг ... 100
12.4. Развитие по спирали ... 102
РАЗДЕЛ IV. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ ... 104
Глава 13. СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ... 104
13.1. Система мира ... 104
13.2. Концепция реляционных систем ... 105
13.3. Концепт органической системы ... 107
13.4. Законы движения систем ... 110
Глава 14. ПУТЬ К ИСТИНЕ ... 112
14.1. Предметная истинность ... 112
14.2. Асимптотическое приближение к истине ... 114
14.3. Конкретность истины ... 115
14.4. Окольный путь к истине ... 117
Глава 15. ГЕРМЕНЕВТИКА ... 119
15.1. Точка зрения (Gesichtspunkt) и позиция (Standpunkt) ... 119

15.2. Горизонт ... 122
15.3. Концентрация на классических объектах ... 124
15.4. Представление в чистом виде ... 126
Глава 16. МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ ... 128
§ 1. Два пути восхождения ... 128
§ 2. Элементарная форма («клеточка») ... 130
§ 3. Исходное, простейшее и всеобщее отношение ... 131
§ 4. Исходная категория и конструкция предмета ... 133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 137
ЧАСТЬ II. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ ... 140
ВВЕДЕНИЕ ... 141
РАЗДЕЛ V. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА ... 144
Глава 17. ОБЩЕСТВО ... 144
17.1. Социальная форма движения материи ... 144
17.2. Производство материальной жизни людей ... 145
17.3. Общественная жизнь ... 147
17.4. Общественный (социальный) организм ... 150
Глава 18. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ... 152
18.1. Общественное отношение – «клеточка» общественного организма ... 152
18.2. Структура общественного отношения ... 153
18.3. Параллелограмм сил ... 155
18.4. Генезис системы общественных отношений ... 157
Глава 19. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ... 159
19.1. Общественная практика ... 159
19.2. Производство, потребление, распределение, обмен ... 160
19.3. Процесс труда ... 162
19.4. Разделение труда ... 164
Глава 20. ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ ... 166
20.1. Понятие общественного класса ... 166
20.2. Типы общественных классов ... 168
20.3. Классовая борьба ... 170
20.4. Классовые компромиссы и союзы ... 171
Глава 21. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ ... 174
21.1. Формационный подход ... 174
21.2. Типы общественных формаций ... 175
21.3. Базисно-надстроечная структура ... 177
21.4. Общественный уклад ... 180
Глава 22. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС ... 182
22.1. Закон соответствия ... 182
22.2. Историческое отрицание ... 183
22.3. Историческая преемственность ... 184

22.4. Неравномерность развития сфер общественной жизни ... 187
Глава 23. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ... 189
23.1. Общественное сознание как отражение общественного бытия ... 189
23.2. Объективные мыслительные формы ... 191
23.3. Идеология ... 193
23.4. Сравнение феодального и буржуазного мировоззрений ... 196
Глава 24. ОТЧУЖДЕНИЕ ... 199
24.1. Естественное отчуждение ... 199
24.2. Самоотчуждение ... 200
24.3. Всемогущий контроль ... 202
24.4. Снятие самоотчуждения ... 204
РАЗДЕЛ VI. ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ... 205
Глава 25. ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ... 205
25.1. Естественно возникшие и исторические общественные формы ... 205
25.2. Природная основа исторического процесса ... 206
25.3. Существенные отличия человека от других животных ... 207
25.4. Естественные состояния в предыстории человечества ... 208
Глава 26. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ... 211
26.1. Континентально-океаническая дихотомия ... 211
26.2. Великие материки: особый путь ... 213
26.3. Восток – Запад, Север – Юг ... 214
26.4. Географические гомологии в истории ... 216
Глава 27. ИНТЕРНАЦИОНАЛ ... 218
27.1. Национальный вопрос ... 218
27.2. Национальный характер ... 222
27.3. Национальные образы мира ... 226
27.4. Национальные отношения ... 227
Глава 28. ХАРАКТЕР ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ... 231
28.1. Бессознательная логика национальной истории ... 231
28.2. Сознательное следование образцам ... 232
28.3. Восходящее и нисходящее развитие ... 235
28.4. Приливы и отливы в исторических движениях ... 235
Глава 29. ИРОНИЯ ИСТОРИИ ... 237
29.1. Ирония истории как механизм исторического развития ... 237
29.2. Несовпадение целей и результатов деятельности ... 238
29.3. «Душеприказчики» революции ... 240
29.4. Комизм и трагизм иронии истории ... 242
Глава 30. ПРЕДВАРЯЯ «ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ» ... 246
30.1. Мистерия общественных форм ... 246
30.2. Карнавализация в истории ... 247
30.3. Трагедия и комедия в истории ... 249
30.4. История как многоактная драма ... 251

Глава 31. МИР-СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД 253
31.1. Взаимозависимость 253
31.2. Совместное действие 254
31.3. Концепция гегемонии 255
31.4. Центр и периферия 257
Глава 32. ПЕРЕНОС ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 259
32.1. Неравномерность исторического развития 259
32.2. Внешнее основание развития общественного организма 261
32.3. Эффект домино 263
32.4. Историческое развитие: методическое и ускоренное 265
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 268
ПОСЛЕСЛОВИЕ 271
ПРИЛОЖЕНИЯ 273
Приложение1. Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии (40: 3-7) 273
Приложение 2. Энгельс Ф. Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или Торжество веры (41: 284-317). 2 76
Приложение 3. Маркс К. Тезисы о Фейербахе (42: 261-263) (текст 1845 года) 305
Приложение 4. Лукач Д. Изменение функций исторического материализма. Доклад, сделанный при открытии исследовательского института исторического материализма в Будапеште 307
Приложение 5. Сталин И. О диалектическом и историческом материализме 330

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы открывали Маркса каждый том…
В. В. Маяковский

Диалектический и исторический материализм – основные части марксистской философии[1]. Ее исходные положения были выдвинуты К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1840-х гг.

Актуальную задачу философии К. Маркс видел в том, чтобы встать на службу истории (1: 415)[2]. Ввиду того, что Ф. Энгельс выделял фигуры крупнейших «практических» философов (2: 463), а К. Маркс писал о «прикладной метафизике» (4: 131), диалектический материализм можно рассматривать как фундаментальный раздел марксистской философии, а исторический материализм – как ее прикладной раздел. Как практический результат –философский проект – можно рассматривать «материалистически-критический социализм» (34: 235).

Обращение к учебному изложению марксистской философии мотивировано источниковой скудностью давних учебных изданий[3]. Завершение второго издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса позволяет комментировать идеи марксизма на более широком корпусе первоисточников. «…Сейчас нам доступны все основные произведения классиков марксизма и наиболее крупных их последователей и идейных вдохновителей…» – констатирует А. А. Коряковцев[4]. И что важно, в информационном обществе не требуется для популяризации пересказывать содержание этих произведений, как это было принято на протяжении XX века[5].

В современном мире интерес к марксизму сохраняется. В 2020–2025 гг. по цитируемости К. Маркс находится на втором месте среди известных философов, уступая М. Фуко, но значительно опережая М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, Ф. Ницше[6].

Освоение мирового философского наследия актуализирует те представления классиков марксизма, которым ранее не придавалось значения. Появилась возможность различать имплицитное и эксплицитное – «то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что дает только в собственном представлении» (34: 287). Ф. Энгельс признавался в том, что они «во многих отношениях лишь бессознательно подражали великому образцу подлинного…» (21: 20). К. Маркс полагал нужным отделять «бесшумно продвигающегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта» (40: 136). Поэтому требуется отличать экзотерическое учение марксизма от эзотерического учения, как это делалось применительно к А. Смиту (24: 247).

Итак, даже в историко-философском плане необходима «дальнейшая реконструкция классической философии марксизма»[7].

Правда, возникает вопрос о ее содержании. Ф. Энгельс писал, что «современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии,

---

[1] Основы марксистской философии / рук. Ф. В. Константинов. М., 1959. С. 3.

[2] Здесь и далее в скобках перед двоеточием указывается том 2-го издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, после двоеточия – страница тома.

[3] Диалектический и исторический материализм / под общ. ред. А. Г. Мысливченко, А. П. Шептулина. М., 1988; *Ракитов А. И.* Марксистско-ленинская философия. М., 1988.

[4] *Коряковцев А. А.* Диалектика Людвига Фейербаха и Карла Маркса: сравнительный анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2011. С. 4.

[5] Говорилось о необходимости пересказа значительных фрагментов произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. См.: *Масарик Т. Г.* Философские и социологические основания марксизма: этюды по социальному вопросу. М., 1900. С. 2.

[6] По данным профилей в поисковой системе *Google Scholar* (Google Академия).

[7] *Коряковцев А. А., Любутин К. Н.* Диалектика как проблема классического марксизма // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2015. Том 15. Вып. 2. С. 17.

стоящей над прочими науками[8]. <…> И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» (20: 25).

Очевидно, что Ф. Энгельс предполагал сохранение материализма, т. е. философии, стоящей уже не над науками – а где-то рядом. На склоне лет он находил в учебниках акушерства «вещи, имеющие огромное значение с философской точки зрения» (38: 89).

Как отмечалось, позиция Ф. Энгельса противоречива[9]. Диалектика определялась и как наука «о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (20: 145). Так диалектика – философия или «положительная» наука?[10]

Только в конце XX века произошло окончательное размежевание науки и философии. Последняя стала рассматриваться как самостоятельная форма общественного сознания, равномощная искусству, науке, религии, утопии и др. Например, Э. В. Безчеревных писал: «Характеристика форм общественного сознания не случайно завершается в книге философией. Именно эта форма сознания отличается широтой охвата действительности, высотой парения мысли и степенью всеобщности суждений и выводов»[11].

Ф. Энгельс заслугой себя и К. Маркса считал формирование диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы и истории (20: 10). Разработка это понимания действительно не относится к ведению конкретных наук и входит в компетенцию философской мысли.

Марксистскую философию в настоящее время в России изучают в марксистских кружках (очно или дистанционно)[12]. Предлагаемое слушателям кружков учебное пособие представляет собой систематизацию философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Подобно тому, как изложение индуизма не является изложением всей религии (или всех религий), так и представляемый материал есть изложение не всей мировой философии (или высшей ее формы), а собственно марксистской философии, точнее, ее вклада в философскую мысль. Поэтому учебное пособие не содержит критического историко-философского очерка и не заменяет изучения наследия Лао-цзы, Демокрита, Платона и т. д.

В учебном пособии диалектический и исторический материализм изложены на базовом уровне[13]. Для его освоения достаточно знакомства с философией Платона и Аристотеля, софистов, эпикурейцев, скептиков, стоиков и др. – это, так сказать, «обязательный гимназический минимум» (3: 126)[14]. Начальный уровень – «for Dummies» – подразумевал бы меньшее количество глав и минимум приводимых цитат. Продвинутый уровень изложения мог бы включать информацию о дискуссиях среди марксистов по различным проблемам[15]. На экспертном уровне возможны обобщение и критическая оценка идей марксистской философии.

---

[8] Безусловно, мнение Ф. Энгельса искажается дополнением «или рядом с» («Любую попытку воздвигать над (или рядом с) положительными науками…»). См.: *Ильенков Э. В.* Диалектика идеального: собр. соч. Т. 5. М., 2021. С. 222.

[9] Маркс утраченный и Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь / под науч. ред. А. А. Коряковцева. Москва; Екатеринбург, 2021. С. 29.

[10] Демаркацию феномена философии предпочтительно осуществлять в предметно-дисциплинарном поле социальной философии с позиций социокультурного подхода. См.: *Тюгашев Е. А.* Феномен философии: рефлексия дискурса. Новосибирск, 2008; *Тюгашев Е. А.* Философия как социокультурный феномен: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. Новосибирск. 2018.

[11] Общественное сознание и его формы / Предисл. и общ. ред. В. И. Толстых. М., 1986. С. 326.

[12] *Тюгашев Е. А., Тюгашев И. Е.* Популяризация основ марксизма в цифровой среде: опыт «Вектора» // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде. Новосибирск, 2021.

[13] Работы в близком жанре: *Больнов О. Ф.* Философия экзистенциализма. СПб., 1999; *Прехтль П.* Введение в феноменологию Гуссерля. Томск, 1999.

[14] В настоящее время это вузовский минимум. См.: *Тюгашев Е. А.* Философия: учебник для вузов. М., 2025.

[15] Ознакомительно некоторая информация дана в обзорном издании: История марксизма / Под ред. Э. Хобсбаума. В 4 т. М., 1981-1986.

ЧАСТЬ I

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ВВЕДЕНИЕ

В 1980-е годы наряду с учебными изданиями по диалектическому материализму[16] вышло несколько многотомных научных работ[17]. Подготовленные различными региональными группами советских философов, они малоразличимы по комплексу философских идей, но отличаются привлекаемым материалом, акцентами и симпатиями, долей внимания, уделяемой отдельным темам. Ко всем этим изданиям относима формулировка из другого издания того времени: «Наша философия называется диалектическим материализмом или (что то же самое) материалистической диалектикой»[18].

Термин «диалектический материализм» ввел в употребление И. Дицген: «Так как несостоятельность идеалистической философии в лице ее последних знаменитых представителей – Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля – была чисто немецкой, то и результат этой последней – диалектический материализм – является по преимуществу продуктом немецкого происхождения… Для нас, диалектических, или социал-демократических, материалистов, духовная мыслительная способность есть развившийся продукт материальной природы, между тем, согласно немецкому идеализму, дело обстоит как раз наоборот»[19].

И. Дицген полагал, что Ф. Энгельс назвал материализм социал-демократии диалектическим – в противоположность старому, метафизическому материализму (ib.: 108). В действительности Ф. Энгельс термин «диалектический материализм» не использовал. Он только замечал, что «современный материализм является по существу диалектическим» (20: 25). При этом отдавалось должное И. Дицгену: «…Не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием; немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля» (21: 202).

К. Маркс и Ф. Энгельс писали о материалистическом и диалектическом воззрении на мир (понимании мира). Поэтому говорят как о диалектическом материализме, так и о материалистической диалектике.

Материалистическое мировоззрение и диалектическое мировоззрение в ранних формах существовали давно. С одной стороны, констатировалось, что «античная философия была первоначальным, стихийным материализмом» (20: 142). С другой стороны, утверждалось, что «древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками…» (ib.: 19). Таким образом, первоначально античная философия была *стихийным диалектическим материализмом*.

Перефразируя Ф. Энгельса, можно сказать, что новый, современный диалектический материализм – отрицание отрицания – не простое восстановление старого, стихийного диалектического материализма, «ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии» (ib.: 142).

---

[16] *Алексеев П. В., Панин А. В.* Диалектический материализм (Общие теоретические принципы). М., 1987; Диалектический материализм / отв. ред. Б. Н. Бессонов. М., 1989; *Зубков И. Ф.* Курс диалектического материализма. М., 1990.

[17] Материалистическая диалектика / под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова; отв. ред. Ф. Ф. Вяккерев. В 5 т. М., 1981-1985. Марксистско-ленинская диалектика / гл. ред. серии М. Б. Митин. В 8 кн. Кн. 1-5. М., 1983-1988; Материалистическая диалектика как общая теория развития / Общ. ред. Л. Ф. Ильичев. В 4 т. М., 1982-1987. Диалектическая логика / Под общ. ред. Ж. М. Абдильдина. В 5 кн. Кн. 1-4. Алма-Ата, 1985-1987.

[18] Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории / П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский и др. М., 1985. С. 3.

[19] *Дицген И.* Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 108.

Материализм в своей истории прошел различные ступени развития: стихийный материализм, античный атомизм, средневековый номинализм, возрожденческий пантеизм, метафизический – механицистский или органицистский – материализм Просвещения. Наряду с данными ступенями диалектический материализм и материалистическая диалектика снимают в себе предшествующий диалектический идеализм и идеалистическую диалектику.

Оценивая методологическое значение диалектической философии, Ф. Энгельс писал: «Кто хочет иметь яркий пример того, что немецкий диалектический метод на своей теперешней ступени развития по меньшей мере настолько же превосходит старый, пошло-болтливый метафизический метод, насколько железные дороги превосходят транспортные средства средневековья…» (13: 498). Для метафизика понятия, мысленные отражения вещей не относительны, а «суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные» (20: 21). Такое отношение к понятиям приемлемо в локальных областях, но утрачивает эффективность при применении в более широких областях, особенно в масштабе мирового целого.

К диалектическому материализму вело не только применение диалектического метода для систематизации и развития материалистических представлений. Под влиянием бурного развития промышленности и естествознания господствовавшие «идеалистические системы все более и более наполнялись материалистическим содержанием и пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи. В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» (21: 285).

К. Маркс замечал, что в философии права Г. В. Ф. Гегель везде опускается с высот своего спиритуализма Гегель до грубейшего материализма (1: 341). По В. И. Ленину, «объективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошел вплотную к материализму, частью даже превратился в него» (ПСС-29: 250)[20].

Таким образом, диалектический материализм основывается как на традиции материализма в его различных исторических формах, так и на материалистической интерпретации идей, выдвинутых идеализмом. «Мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля», – писал Ф. Энгельс (19: 323).

[20] Здесь и далее в скобках перед двоеточием указывается том 5-го издания полного собрания издания сочинений В. И. Ленина, после двоеточия – страница тома.

РАЗДЕЛ I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Глава 1. НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ

1.1. Все люди – философы

«Тюремные тетради» А. Грамши начинаются замечанием: «Нужно разбить широко распространенный предрассудок, будто философия представляет собой нечто очень трудное, как такая интеллектуальная деятельность, которая свойственна лишь определенной категории ученых-специалистов или профессиональных философов, систематически работающих в данной области. Для этого нужно предварительно доказать, что все люди – “философы”, определив границы и особенности такой “стихийной философии”, свойственной “всему свету”, то есть философии, которая заключена: 1) в самом языке, представляющем собой не только (и не столько) набор грамматически бессодержательных слов, но и совокупность определенных понятий и представлений; 2) в обыденном сознании и здравом смысле; 3) в народной религии, а, следовательно, также во всем комплексе народных верований, суеверий, мнений, воззрений, образов действий – словом, во всем том, что обычно объединяют под общим понятием “фольклор”.

Показав, что философами являются все, хотя и каждый на свой лад, бессознательно, потому что в самом минимальном проявлении любой интеллектуальной деятельности, в “языке”, уже заключено определенное мировоззрение, надо перейти ко второму моменту, к моменту критики и осознания, поставив вопрос, что предпочтительнее: “думать”, не осознавая критически собственных мыслей, бессвязно и случайно, иными словами, “разделять” какое-то мировоззрение, механически “навязанное” внешним окружением, то есть одной из многих социальных групп, в которые каждый оказывается автоматически включенным с момента своего сознательного вступления в мир (а этот мир может быть размером с собственную деревню или провинцию, и истоки его могут восходить к приходской церкви и “интеллектуальной деятельности” местного священника или патриархального старца, чья “мудрость” приобретает силу закона, к бабке, унаследовавшей науку колдунов, к интеллигентику, прокисшему в соку своей собственной глупости и неспособности к действию), или же выработать посредством сознательного и критического мышления собственное мировоззрение и, таким образом, поработав головой, выбрать собственную сферу деятельности, принять деятельное участие в свершении мировой истории, быть руководителем самого себя, а не ждать пассивно и покорно, пока окружающий мир сформирует твою личность?»[21].

В 1-м примечании к сформулированному тезису А. Грамши разъясняет, что критика собственного мировоззрения есть критика всей предшествующей философии, которая оставила прочные наслоения в народной философии. «Эта критическая переработка собственного мировоззрения начинается с осознания, кем ты являешься в действительности, то есть с некоего “познай самого себя” как продукта всего предшествовавшего исторического процесса, оставившего в тебе самом бесчисленные свои следы – тот багаж, который ты принял, не прибегая к инвентарной описи. Для начала необходимо составить такую опись», – настаивал А. Грамши (ib.: 26).

Для того чтобы стать философом и ответить на подлинное актуальные вопросы, как предупреждает А. Грамши во 2-м примечании к высказанному тезису, приходится использовать мышление, выработанное для изучения проблем прошлого, часто довольно далекого и уже преодоленного. Отсюда следует неожиданный вывод: «Если так обстоит дело, – продолжал он, – значит вы стали “анахроничные” для своего времени, значит, вы – ископаемые, а не современные живые люди» (ib.: 27).

---

[21] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 25-26.

В 3-м примечании указывается на взаимопереводимость великих культур. Язык великой культуры обладает достаточной мощностью для ассимиляции и адекватного выражения духовного богатства любой другой культуры. Следовательно, возможно взаимопонимание великих философов.

В 4-м примечании формулируется критерий исторической состоятельности философских учений. По мнению А. Грамши, здесь важна социализация открытых истин, превращение их в основу практической деятельности, в фактор ее упорядочения и координации. «Масса людей, приведенная к единому и последовательному способу осмысления реальной действительности, – это “философский” факт, куда более значительный и “оригинальный”, чем открытие каким-нибудь философским “гением” новой истины, остающейся достоянием узких групп интеллигенции», – заключал А. Грамши (ib.: 27-28).

По его убеждению, поскольку рано или поздно «любая философия стремится стать обыденным сознанием», то разрабатывать следует философию, «уже обладающую распространенностью или имеющую способность распространяться благодаря тому, что она связана с практической жизнью и вытекает из нее, философию, которая стала бы обновленным обыденным сознанием» (ib.: 32).

1.2. Народность философии

Мысли А. Грамши сформулированы в развитие идей К. Маркса, который характеризовал философию как духовную квинтэссенцию своего времени. «Но философы не вырастают как грибы из земли, они – продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях», – писал К. Маркс (1: 105).

О происхождении философии говорилось: «Эмбрионы философии появлялись всюду – и в тропических странах Африки, и в холодных тундрах Сибири»[22]. У первобытных народов возник стихийный идеализм: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?» (ПСС-29: 329).

Советские философы ставили вопрос: «Значит ли это, однако, что философская мысль в истории духовного развития человечества началась с появления идеализма, что религиозные верования и мифы были предвестниками философских представлений, как утверждают это ученые-идеалисты?»[23]. И отвечали: «Нет, отнюдь не значит. У философской мысли совсем иная предыстория» (ib.).

Подчеркивалось, что «уже в эпоху первобытно-общинного строя зарождались и складывались наивно-реалистические взгляды» (ib.). Тогда же появился стихийный материализм (ib.). Стихийно-материалистическое мировоззрение всегда существовало в толще народа, и «в повседневной деятельности, в труде человек руководствовался стихийно-материалистическим взглядом на мир» [24].

Справедливо заключалось: «В сознании первобытного человека происходила борьба стихийно-материалистических тенденций, тесно связанных с трудом, с практикой, и религиозно-идеалистических тенденций, отражавших бессилие человека в борьбе с природой»[25]. Данное заключение соответствовало убеждению Ф. Энгельса в том, что высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости» (21: 283).

---

[22] *Шахнович М. И.* Происхождение философии и атеизм Л., 1973. С. 51.

[23] История философии / Под ред. М. А. Дынника и др. В 6 т. Т. 1. М., 1957. С. 30.

[24] *Гулыга А. В.* Из истории немецкого материализма (последняя треть XVIII века). М., 1962. С. 16.

[25] История философии. … Т. 1. С. 35.

Греческая философия рождается в лице семи мудрецов (К. Маркс: «чуть не сказал “семь швабов” – Греции» (30: 516)). По мнению А. Е. Лукьянова, «мудрец-философ стихийно выталкивался из народной толпы объективной общественной потребностью в посредники между верхами и низами»[26].

Древнегреческих мудрецов-философов К. Маркс характеризовал как возникающих из самого народа, выражающих саму теорию народа (40: 51). «Первые мудрецы являются лишь сосудами, пифиями; субстанция изрекает их устами общие, простые предписания; их язык – это еще только язык субстанции, которая глаголет их устами; в них раскрываются элементарные силы нравственной жизни. Поэтому они отчасти являются и деятельными творцами политической жизни, законодателями» (ib.: 53).

Опорой древнегреческим философам служили «представления в том виде, в каком они даны в общем знании» (ib.: 29). Связь философов с массовым сознанием К. Маркс описывал иронически: «Сапожник Якоб Бёме был большой философ. Некоторые именитые философы – только большие сапожники» (1: 77). Развивая метафору Ф. Энгельс, замечал: «Философия, которая во времена Якоба Бёме была еще всего лишь сапожником, делает шаг вперед, принимая образ кожевника» (31: 329). При этом он имел в виду И. Дицгена, предложившего термин «диалектический материализм». Об И. Дицгене К. Маркс отозвался: «Энгельс верно заметил, что философия самоучек – философия, которой занимаются сами рабочие, – сделала в лице этого кожевника крупный шаг вперед по сравнению с сапожником Якобом Бёме, а также, что кроме “немецкого” рабочего никакой другой не способен на такую умственную работу» (ib.: 483).

О философии Возрождения и Нового времени Ф. Энгельс утверждал, что она «лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию» (21: 312). Констатировалось, что «либерализм буржуазного общества – политический идеализм его повседневной практики» (2: 137). «Английские деисты и их более последовательные продолжатели – французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы – даже философами буржуазной революции, – писал Ф. Энгельс. – В немецкой философии от Канта до Гегеля отразился немецкий обыватель – то в позитивном, то в негативном смысле» (37: 419). Даже И. В. Гете и Г. В. Ф. Гегель «не могли вполне отделаться от немецкого филистерства» (21: 277).

Приводился пример обывательского представления о материализме и идеализме: «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче – все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в “лучший мир”, о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился, словом – когда ему приходится переживать неизбежные последствия своих обычных “материалистических” излишеств» (ib.: 290).

Изначально философия частного собственника есть материализм, но это «*низменный материализм*» (1: 160). Он выражается в рабски подчиненном отношении к определенному материальному предмету, который ставится на пьедестал.

Таким образом, обычные люди имеют житейскую философию (1: 585). Обыденные философские представления составляют основу профессиональной философии. Здравый человеческий рассудок как способ мышления вырастает в метафизический способ понимания (20: 20). Наивный реализм, т. е. убеждение каждого здорового человека в существовании мира независимо от человека, «*сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания» (ПСС-18: 66). Люди также мыслили диалектически «задолго до того, как узнали, что

[26] *Лукьянов А. Е.* Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). М., 1989. С. 108-109.

такое диалектика, точно так же, как они говорили прозой задолго до того, как появилось слово “проза”» (20: 146).

Философия, представленная на уровне систем, рано или поздно находит отклик в обыденном сознании. «Любой учебник истории покажет нам, как стереотипно повторяются простейшие внешние формы, которые с полной ясностью говорят о проникновении философии в салоны, в дом священника, в редакции газет, в королевские приёмные, в сердца современников – в обуревающие их чувства любви и ненависти», – писал К. Маркс (1: 105).

Поэтому появление очередной философии пробуждает философскую мысль оппонентов: «Философия вступает в мир при криках её врагов; но и враги философии внутренне заражаются ею, и они выдают это своим диким воплем о помощи против пожара идей. Этот крик её врагов имеет для философии такое же значение, какое имеет первый крик ребёнка для тревожно прислушивающейся матери; это первый крик её идей, которые, разорвавши установленную иероглифическую оболочку системы, появляются на свет как граждане мира» (ib.: 106).

1.3. Партийность философии

Поскольку все являются философами на свой лад, то образуется множество философских кружков, направлений, течений, школ. Они получили название философских партий.

Феномен партийности философии был по существу описан Платоном в диалоге «Теэтет». Один из персонажей диалога Феодор рассуждает: «Так вот, Сократ, что касается этих гераклитовцев и, как ты говоришь, гомеровцев, а также более древних, то с самими эфесцами, кичащимися своей опытностью, разговаривать не легче, чем с разъяренными слепнями. Прямо как стоит в их писании, они вечно несутся, а задержаться на предмете исследования или вопросе, спокойно и чинно отвечать или спрашивать менее всего им присуще. Скорее можно сказать, что это им и вовсе не свойственно – покоя для них не существует... Они вовсю остерегаются, как бы не оказалось чего-либо прочного в их рассуждениях или в их собственных душах, считая, как мне кажется, это застоем. А с ним они страшно воюют и по возможности отовсюду его изгоняют»[27].

Соглашаясь, Сократ добавляет: «Да, чуть было не забыл, Феодор, ведь есть и другие, которые со своей стороны провозгласили противоположное, а именно, что “настоящее имя всего – Неподвижность”, не говоря уж о том, что вразрез с теми утверждали Мелиссы и Парменид, – что-де все есть единое и само в себе неподвижно, не имея пространства, где оно могло бы двигаться. Как же нам быть теперь, друг мой, со всем этим? Ибо, понемногу продвигаясь вперед, мы незаметно оказались на середине между теми и другими, и если не сумеем спастись бегством, то поплатимся тем, что нас, как во время игры в палестре, схватят и начнут тянуть в разные стороны – кто перетянет через среднюю черту. Поэтому, мне кажется, нам следует, прежде всего, рассмотреть тех, с кого мы начали, то есть этих “текучих”. Если окажется, что в их утверждениях есть толк, то к ним мы и присоединимся, постаравшись убежать от других. Если же нам покажется, что более правы эти “неподвижники”, тогда мы побежим к ним, прочь от двигающих неподвижное. Но если нам покажется, что обе стороны не говорят ничего ладного, тогда мы попадем в смешное положение, считая дельными себя, слабосильных, и лишая чести наидревнейших и наимудрейших мужей. Итак, смотри, Феодор, стоит ли подвергать себя такой опасности?» (ib.: 283-284).

[27] *Платон*. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб., 2007. С. 282-283.

Описанная Платоном полемика между «текучими» (гераклитовцами) и «неподвижниками» (элеатами) – один из первых примеров борьбы партий в европейской философии. В последующем она стала нормой философской жизни: «Последователи Скота воюют с последователями Фомы, номиналисты сражаются с реалистами, платоники с перипатетиками»[28].

Впечатляет картина философской жизни Германии первой половины XIX в.: «Но уже довольно давно немецкие идеологи усвоили себе такую манеру: каждая из их литературных фракций, в особенности же фракция, мнящая, что она "делает наиболее крайние выводы" объявляет себя не только "одной из главных партий", но даже "*главной* партией нашего времени". Так, среди прочих партий мы имеем "главную партию" критической критики, "главную партию" согласного с собой эгоизма, а теперь – "главную партию" истинных социалистов. Германия может этаким путем дойти до целой сотни "главных партий", существование которых известно только в Германии, да и здесь только в среде узкого сословия ученых, полуученых и литераторов, воображающих, что они поворачивают рычаг всемирной истории, между тем как на самом деле они лишь прядут бесконечную нить своих собственных фантазий» (3: 469)[29].

На сугубо личную позицию претендовал младогегельянец Б. Бауэр. О себе он заявлял: «Критика *не* образует *партии*, она не стремится иметь свою особую партию, она *одинока*, – одинока тогда, когда она углубляется в *свой* предмет, одинока и тогда, когда она противопоставляет себя этому предмету. Она *отделяет себя от всего*» (2: 174). В желании Б. Бауэра стать выше догматических противоположностей, возвыситься над партиями. К. Маркс видел противопоставление себя как партии всему остальному человечеству, а также скатывание «*ниже партийной точки зрения*» (2: 174-175). К. Маркс был убежден в том, что «без партий нет развития, без размежевания нет прогресса» (1: 113).

По убеждению К. Маркса, психологически закономерно философская партийность переходит в политическую партийность: «Таков психологический закон, что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как воля из царства теней Амента, обращается против земной, существующей помимо него действительности» (40: 210). В напряженном отношении к миру философская партия раздваивается на два до крайности противоположных направления: в критике либеральная партия удерживает понятие и принцип философии, а позитивная философия сохраняет момент реальности, уходя в себя (40: 211).

В целом К. Маркс полагал, что ничто не мешает связать философскую критику «с критикой политики, с определённой партийной позицией в политике» (1: 381). В результате одна из политических партий ведет своё происхождение от философии. А этой «теоретической» политической партии противостоит «практическая» политическая партия, выступающая и против философии (1: 420–421).

К. Маркс признавал существенной взаимосвязь философии и политики. Он высоко оценивал союз философии и политики, которого добились энтузиасты государства XVI столетия (27: 374–375). По его словам, в то время философия сделала в политике то же, что и всякая другая наука в своей области. Бэкон Веруламский «освободил физику от теологии – и она стала плодотворной... Почти одновременно с великим открытием Коперника – открытием истинной солнечной системы – был открыт также закон тяготения государств: центр тяжести государства был найден в нем самом. Различные европейские правительства пытались, – правда, поверхностно, как это бывает при первых практических шагах, – применить этот закон в смысле установления равновесия государств. Но уже Маккиавели, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля, стали рассматривать

---

[28] *Эразм Роттердамский.* Жалоба Мира // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., 1991. С. 395.

[29] Пафос партийности того времени представлен в строках стихотворения соратника К. Маркса по «Новой рейнской газете» поэта Г. Гервега «Партия»: «О Партия! Для нас ты – матерь всех свершений! Желаем, чтобы ты к победам нас вела. Ты делаешь слова сильней и совершенней, преображая их в великие дела… Нам Партия – маяк, и под ее знамена стекаются флажки разрозненных идей» (см.: https://lit.lib.ru/f/florja_a_w/text_0410.shtml).

государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» (1: 111). Благодаря союзу с политикой, как считал К. Маркс, философия стала истинной, а политика плодотворной.

А. Грамши утверждал, что «всякая философия есть политика, а каждый философ – это в сущности политический деятель»[30]. Он также выдвигал предположение, что «во всякой политике кроется философия, пусть даже нестройная и как бы в наброске» (ib.: 122). Кроме того, по его мнению, «философия должна стать политикой, чтобы воплотиться в истину, чтобы быть философией» (ib.: 94). «А так как наша деятельность есть всегда деятельность политическая, нельзя ли сказать, что настоящая философия каждого заключена целиком в его политике?», – уточнял А. Грамши (ib.: 29).

1.4. Вопросы философии

В цитированном выше диалоге Платона «Теэтет» о гераклитовцах Феодор говорит: «А если ты кого-нибудь о чем-либо спросишь, то они обстреляют тебя, вытаскивая, как из колчана, одно загадочное речение за другим, и если ты захочешь уловить смысл сказанного, то на тебя обрушится то же, только в переиначенном виде, и ты с ними никогда ни к чему не придешь»[31]. Аналогичное сравнение встречается у К. Маркса: «Каждый из обоих бойцов ежеминутно бросает свое оружие в поисках какого-либо другого. У обоих дело не доходит до ударов не только потому, что они постоянно меняют оружие, которым должны сражаться» но также и потому, что, едва они столкнутся в одном месте, как тотчас же перебегают на другое» (46-I: 62-63).

Первые вопросы философов происходят от священных загадок. «…Легко отыскать загадочные слова каждого исторического периода. В них выражены вопросы, выдвигаемые временем…» – констатировал К. Маркс (40: 237).

Подводя итоги философской истории XVIII века Ф. Энгельс зафиксировал ситуацию противостояния односторонностей: «…субъективности была противопоставлена объективность, духу – природа, спиритуализму – материализм, абстрактно-единичному – абстрактно-всеобщее, субстанция» (1: 599). Что первично – что вторично? Как тождественны, как совпадают эти противоположности?

К. Маркс также указывал на противопоставление друг другу в общественном сознании субъективизма и объективизма, спиритуализма и материализма, деятельности и страдания. Разрешение таких теоретических противоположностей он считал возможным «только практическим путем, только посредством практической энергии людей» (42: 123). «Разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически…» – писал он (ib.: 135).

Ф. Энгельс следующим образом описывал практику разрешения теоретических противоположностей: «Восемнадцатый век, следовательно, не разрешил великой противоположности, издавна занимавшей историю и заполнявшей её своим развитием, а именно: противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности. Следствием этого ясного, крайнего развития противоположности была всеобщая революция, которая осуществлялась по частям различными национальностями и предстоящее завершение которой будет вместе с тем разрешением противоположности, характеризующей всю прошлую историю» (1: 600).

Разрешение спорных вопросов предыдущей истории философии усматривалось в революции: в революции собственно философской – у немцев, в революции политической – у французов, в революции социальной – у англичан (ib.).

---

[30] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. С. 71.

[31] *Платон*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. С. 282.

Отмечалось, что «подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политическому перевороту» (21: 273). А политический переворот 1848 г. произвел, в свою очередь, полный переворот в области философии: «Устремившись в область практики и положив начало, с одной стороны, крупной промышленности и спекуляции, а с другой стороны, тому мощному подъему, который естествознание с тех пор переживает в Германии и первыми странствующими проповедниками которого явились карикатурные персонажи Фогт, Бюхнер и т. д., – нация решительно отвернулась от затерявшейся в песках берлинского старогегельянства классической немецкой философии» (20: 368).

А сама философская революция во Франции была непосредственно обусловлена социальной революцией. Триумф французского материализма в XVIII веке обусловлен финансовыми спекуляциями Ло: «…Само это теоретическое движение находит себе объяснение в практическом характере тогдашней французской жизни. Жизнь эта была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на земной мир. Её антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. Метафизика практически потеряла всякое доверие» (2: 140-141).

К середине XIX века, по сообщениям наблюдателей, англичане глубоко погрязли «в своем островном эгоизме и материализме» (13: 237). Италия целиком впала в материализм: торговля сделалась всепоглощающей злобой дня (8: 382). Немецкий буржуа переметнулся от прежнего поверхностного, сентиментального идеализма к бездушному материализму машинной техники (42: 229). Возобладал материализм в различных формах, в т. ч. в форме стыдливого материализма агностиков и неокантианцев, следующих манере «тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него» (21: 284).

Но, как полагал Ф. Энгельс, великий, высший основной вопрос всей философии – вопрос об отношении мышления к бытию[32], духа к природе – окончательно оказался неразрешенным и в новейшей философии (ib.: 282-283).

Основную трудность составляют не ответы, а сами вопросы. Вопросы могут быть поставлены в плоской, тривиальной форме, и «на них можно дать столь же краткий ответ» (46-I: 34). «Поэтому истинная критика анализирует не ответы, а вопросы, – подчеркивал К. Маркс. – Подобно тому как решение алгебраического уравнения уже дано, лишь только задача поставлена в своих наиболее чистых и четких соотношениях, — так и каждый вопрос получает ответ, лишь только он становится действительным вопросом» (40: 237). «Каково, – спрашивал К. Маркс, – расстояние между звуком А и столом? Вопрос этот лишен смысла» (26-III: 146). Например, можно совершенно неправильно ставить вопрос и в качестве основания приводить то, что ещё нужно обосновать (1: 58). Манера ставить вопрос может быть такова, что ответы будут если не ложными, то будут выражать истину в извращённом, подтасованном виде (2: 398). Таким образом, сами вопросы могут заключать мистификацию (3: 16). И-за несуразности условий постановки вопроса (задачи, проблемы) «ответ часто может заключаться лишь в критике вопроса, и вопрос часто может быть разрешен лишь путем отрицания самого вопроса». (46-I: 66). Эмпирическая иллюстрация часто «не дает ответа, а, наоборот, вызывает ряд перекрещивающихся вопросов, вместо одной загадки возникает целая уйма» (ib.: 56).

Серию вопросов можно свести к одному вопросу (ib.: 34). Следует выбирать основной, наиболее общий и трудный вопрос, который, «разумеется, может быть поставлен лишь в конце (ib.: 62).

---

[32] Формулируя основной вопрос философии, Ф. Энгельс не противоречил философской традиции. Например, в 1840 г. А. Тренделенбург писал: «Как мышление приходит к бытию? Как бытие вступает в мышление? Этот вопрос мы характеризуем как основной». Цит. по: *Демин М. Р.* Еще раз об основном вопросе философии: мышление и бытие в немецкой философии середины XIX в. // Эпистемология & Философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. С. 135.

Глава 2. СТРАТЕГИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

2.1. Эмпирический базис диалектического материализма

С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса «всякая глубокомысленная философская проблема … сводится попросту к некоторому эмпирическому факту» (4: 43). Просветительская теория полезности (взаимной эксплуатации) у англичан была просто констатацией известного факта, но у французов стала философской системой (3: 412). Л. Фейербах в своей философии религии исходил «из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир» (42: 265).

Определяя исходные позиции, Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтобы наши идеи и, в особенности, наш “человек” были чем-то реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель» (27: 12). По его убеждению, материализм вообще ничего более не означает как понимание мира без предвзятых идеалистических выдумок, которые не соответствуют фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи (21: 300). Поэтому в своей полемике с Е. Дюрингом он «по большей части ограничивался тем, что противопоставлял ложным или сомнительным утверждениям моего противника верные и неоспоримые факты» (20: 7).

Домарксовский материализм в своей основе был эмпирическим, а именно – созерцательным. О древнегреческих материалистах Ф. Энгельс замечал: «Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания» (20: 369). Указывалось на «роль пыли (в солнечном луче)» для формирования пифагорейского образа души как совокупности солнечных пылинок (ПСС-29: 224).

Отмечались отдельные недостатки предшествующего философского эмпиризма. Так, англичане «склонны принимать первую эмпирическую форму проявления чего-либо за самую основу» (23: 414). Немецкий идеализм доказал «на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории – и обратно – и господство одинаковых законов для всех этих процессов» (20: 581). Вместе с тем теоретизируя Г. В. Ф. Гегель «впадает в грубейшую эмпирию доморощенного филистерского опыта» (ib.: 603). В его идеализме истина сводится к «некоему эмпирическому существованию, и при этом первое попавшееся эмпирическое существование трактуется как реальный момент идеи» (1: 263).

Для подтверждения и опровержения философских концепций имеет значение эксперимент: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой “вещи в себе” приходит конец» (21: 284).

Материалисты без сожаления жертвуют «всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам» (21: 301). Утверждалось, что философское рассуждение должно опираться на предпосылки, установленные чисто эмпирическим путём (3:18), в результате эмпирического наблюдения (ib.: 24). Материалистическое воззрение на мир, мировоззрение «эмпирически изучает как раз действительные материальные предпосылки как таковые» (3: 224).

Обращаясь к рабочим, Ф. Энгельс следующим образом характеризовал свой метод погружения в эмпирию: «Вам я посвящаю труд, в котором я попытался нарисовать перед своими немецкими соотечественниками верную картину вашего положения, ваших страданий и борьбы, ваших чаяний и стремлений. Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьёзным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удавалось раздобыть их,

но всё это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим» (2: 235).

По оценке Н. К. Михайловского, «Капитал» К. Маркса представляет собой «несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала» (цит. по: ПСС-1: 130). Как вспоминал Ф. Энгельс, у К. Маркса «должны были быть собраны полностью все материалы вплоть до последнего дня» (36: 41). И такое «детальное исследование задержало его на многие годы» (ib.).

С учетом этого опыта Ф. Энгельс писал К. Каутскому, занимавшемуся исследованием возникновения брака и семьи: «Вообще во всех этих научных исследованиях, охватывающих такую обширную область и массу материала, какие-либо подлинные достижения возможны лишь в результате долголетней работы. Легче нащупать по отдельным вопросам новую и правильную точку зрения, что Вам иногда и удавалось в Ваших статьях; но охватить весь материал сразу и по-новому систематизировать можно только после исчерпывающей его обработки – иначе такие книги, как “Капитал”, появлялись бы гораздо чаще. Поэтому я рад, что Вы для ближайшей литературной разработки избрали темы вроде библейской первобытной истории и колонизации, где при менее исчерпывающем изучении подробностей все же можно сделать кое-что, и притом актуальное» (36: 53).

Сам К. Маркс писал о своем стиле: «Я не придерживаюсь обычной манеры начинать раскрытие всей темы с общих рассуждений, а, напротив, начинаю с фактов» (29: 438).

Характерные для К. Маркса приемы работы с эмпирическим материалом описывались так: «Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да сверх того важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития» (23: 20). По мнению К. Маркса, этими словами удачно описан примененный диалектический метод.

Как полагал Ф. Энгельс, в «Капитале» приведено «несчетное число случаев, где количественное изменение преобразует качество вещей и, равным образом, качественное преобразование вещей изменяет их количество, где … количество переходит в качество, и наоборот» (20: 130). Для доказательства этого закона диалектики Ф. Энгельс полагал возможным привести еще сотни подобных фактов (20: 129).

В эмпирическое основание диалектического материализма включают повседневный опыт, живое созерцание, научные данные, содержание различных видов общественного сознания, общественно-историческую практику в целом[33].

В связи с приведенными соображениями следует обратить внимание на положительно оцененную Ф. Энгельсом осторожность английских социалистов в отборе фактов: «Английские социалисты гораздо принципиальнее и практичнее французских <…> У лекторов очень хорошая манера рассуждать: они во всём исходят из опыта и из доказуемых или наглядных фактов и сопровождают их при этом такими глубоко принципиальными выводами, что с ними очень трудно бороться на избранной ими почве. Если же кто-либо пытается перенести спор в другую область, то они просто высмеивают его; если я говорю, например: человек не должен ставить существование бога в зависимость от фактических доказательств, то они отвечают:

[33] *Алексеев П. В.* Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1983. С. 104.

“Как смехотворно выдвинутое вами положение: если бог не проявляет себя посредством фактов, то какое нам до него дело; из вашего положения как раз следует, что для людей безразлично, есть ли бог или его нет. А так как у нас тысячи разных других забот, то мы оставляем вам господа бога в заоблачных сферах, где он, может быть, существует, а может быть, и не существует. То, что не может быть удостоверено фактами, нас нисколько не интересует; мы стоим на почве “доподлинных фактов”, где не может быть речи о таких фантастических вещах, как бог и другие религиозные представления”. Так они и прочие свои коммунистические положения основывают на доказательствах при помощи фактов, в выборе которых они действительно осторожны» (1: 518).

Общественное сознание содержит различные виды и формы, в том числе сознание мифологическое, религиозное, утопическое и т.п. Как следует из приведенного рассказа, многообразие религиозного опыта Ф. Энгельс не считал нужным включать в эмпирический базис диалектического материализма. Скептически он также относился к данным об «ясновидении шотландцев» и «животном магнетизме» (7: 213).

По свидетельству К. Маркса, сомневаться в ведьмах и привидениях даже в XIX веке считалось философской смелостью (1: 36). В. И. Ленин требовал отказаться от трусливой терпимости «к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах» (ПСС-18: 129), требовал не примысливать эти явления и поддерживал А. А. Богданова в том, чтобы не включать эти элементы народного опыта в объективный опыт (ib.: 126). Правда, шутливым семейным прозвищем К. Маркса было «Old Nick» (варианты перевода: «нечистый», «дьявол», «леший», «домовой»).

2.2. «Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов»

В истории каждое последующее поколение использует и изменяет материалы, переданные ему предшествующими поколениями (3: 45). Каждая идеологическая область – наука, философия, теология – располагает «известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел самостоятельный, свой собственный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений» (39: 83). Философия как особая область разделения труда «располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит» (37: 419).

В истории европейского материализма Нового времени идейная эстафета очерчивалась следующими вехами. «Материализм – прирожденный сын Великобритании» (2: 142), а Ф. Бэкон – его настоящий родоначальник. Т. Гоббс систематизировал бэконовский материализм и уничтожил его теистические предрассудки (ib.: 143-144). Основной принцип учений Ф. Бэкона и Т. Гоббса – происхождение идей из мира чувств – обосновал Д. Локк (ib.: 144). Деисты (Д. Гартли, Э. Коллинз, Д. Пристли и др.) уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма (ib.). Далее: «Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие ещё темперамент и грацию. Они цивилизовали его» (ib.). Ж. О. де Ламетри соединил английский материализм с картезианским материализмом. Французский материализм в виде учения К. А. Гельвеция лег в основу утилитаризма И. Бентама, и через него – в основу английского коммунизма Р. Оуэна (ib.: 146). Французский материализм в виде учения Н. де Кондорсэ стал основой французского коммунизма. «Современный социализм… – писал Ф. Энгельс, – выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала…» (19: 189).

С учетом этого, высказываясь о задачах «Немецко-французского ежегодника», К. Маркс писал А. Руге: «…Речь идёт не о том, чтобы мысленно провести большую разграничительную

черту между прошедшим и будущим, а о том, чтобы осуществить мысли прошедшего» (1: 381). Он также говорил: «Поэтому я не стою за то, чтобы мы водрузили какое-нибудь догматическое знамя. Наоборот, мы должны стараться помочь догматикам уяснить себе смысл их собственных положений» (ib.: 379). Далее он провозглашал: «…Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! – Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов» (ib.: 381).

К. Маркс предлагал «взять за исходную точку всякую форму теоретического и практического сознания и из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как её долженствование и конечную цель» (ib.: 380).

Например, можно стать целиком на точку зрения политэконома: «Политэконом говорит нам… Но одновременно с этим он говорит… Политэконом говорит нам… В то время… Если, согласно политэкономам… то, согласно той же политической экономии… По словам политэкономов… Согласно политэкономам… тогда как в действительности… По словам политэкономов… Это вытекает из собственных рассуждений политэкономов, хотя они этого и не замечают» (42: 52–53).

«Мы исходили из предпосылок политической экономии. Мы приняли ее язык и ее законы», – констатировал К. Маркс (42: 86). И декларировал: «Мы не собираемся вступать в спор с мировоззрением своекорыстия, но мы хотим заставить его быть последовательным». (1: 139). Он полагал, что «надо заставить плясать эти окаменелые порядки, напевая им их собственные мелодии!» (ib.: 417).

Наследовались риторические приемы. Метафора «призрака чартизма» (1: 516) трансформировалась в метафору «призрака коммунизма» (4: 423). Начиная работу «Нищета философии. Ответ на “Философию нищеты” г-на Прудона», К. Маркс описывал трактат Прудона как своего рода «библию», в которой есть «тайны», «секреты», «откровения», «пророчества» (ib.: 70). А в «Капитале» К. Маркса, который «часто называют “библией рабочего класса”» (23: 34), тоже говорится о тайнах (двойственного характера труда, формы стоимости, товарного фетишизма, капиталистического отношения, прибавочной стоимости, заработной платы, первоначального накопления и др.), загадках (товара, денег, тенденции нормы прибыли к понижению и др.). «Капитал» содержит и пророчество: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (ib.: 773).

По словам Ф. Энгельса, К. Маркс придавал большое значение доскональному овладению идейными предпосылками как источником развития: «По-настоящему же, в конце концов, он всегда интересовался своей наукой, которую в течение двадцати пяти лет он изучал и обдумывал с добросовестностью, не имеющей себе равной, с такой добросовестностью, которая не позволяла ему опубликовать свои выводы в систематизированном виде, прежде чем он сам не был удовлетворен их формой и содержанием, прежде чем он не убедился, что не осталось ни одной не прочитанной им книги, ни одного не взвешенного им возражения, что каждый вопрос им исчерпан до конца» (16: 382).

Соответственно Ф. Энгельс отвергал распространенное в Германии пустозвонство, которое понимает свободу науки как право человека писать обо всем, чего он не изучал: «Высокопарное пустозвонство в поэзии, в философии, в политике, в политической экономии, в истории, высокопарное пустозвонство с кафедры и трибуны, высокопарное пустозвонство везде, высокопарное пустозвонство с претензией на превосходство и глубокомыслие, в отличие от простого, плоско-вульгарного пустозвонства других наций, высокопарное пустозвонство как характернейший и наиболее массовый продукт немецкой интеллектуальной индустрии, с девизом: “дешево, да гнило”, – совсем как другие немецкие фабрикаты…» (20: 7). Такое пустозвонство он считал «детской болезнью» учащихся.

2.3. Позиция положительной критики

Основные труды основоположников марксизма написаны в форме критики. К. Марксу представлялось крайне важным предпослать положительному изложению предмета полемическое сочинение, необходимое для того, чтобы подготовить публику к точке зрения, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор (1: 398-399). Смысл критики всего существующего усматривался в том, чтобы «посредством критики старого мира найти новый мир» (ib.: 379).

Указывалась, например, такая конкретная возможность развития истинной действительности из собственных форм существующей действительности: «Показывая преимущество представительной системы перед сословной, критик затрагивает практические интересы большой партии. Возводя представительную систему из её политической формы во всеобщую форму и выявляя истинное значение, лежащее в основе этой системы, критик вместе с тем заставляет эту партию выйти из своих рамок, так как её победа есть в то же время и её конец» (ib.: 381–382).

К. Маркс отмечал, что критику можно вести с различных точек зрения. Например, критика проекта закона о разводе излагалась с точки зрения рейнской юриспруденции, с точки зрения старопрусской юриспруденции и с точки зрения ее практики. А с общей философско-правовой точки зрения, как полагал К. Маркс, «уже недостаточно исследовать отдельные доводы pro и contra, а необходимо развить понятие брака и вытекающие из этого понятия следствия» (40: 256).

Истинная, подлинно философская критика противопоставляется критике вульгарной, догматической. Последняя везде рассудочно находит противоречия (1: 325).

Впрочем, предварительное выявление противоречий предполагается. «И в каком удивительном противоречии запутывается цензурная инструкция!» – замечал К. Маркс (ib.: 11).

А далее приходит к выводу высокой степени обобщения: «Но если произвол цензора, – а право на безоговорочное мнение есть право на произвол, – есть логический вывод из инструкции, тщательно скрываемый ею под маской объективных определений, то эта же инструкция, наоборот, с полным сознанием выражает произвол обер-президиума, которому без дальнейших околичностей оказывается полное доверие, и это оказанное обер-президенту доверие есть последняя гарантия прессы. Сущность цензуры вообще, таким образом, основана на высокомерном фантастическом представлении полицейского государства о его чиновниках. Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признаётся возможным. Этот коренной порок проходит через все наши учреждения» (ib.: 25-26).

Истинная критика не только вскрывает противоречия, но и объясняет их, постигает их генезис, их необходимость. Постигается специфическая логика специфического предмета (1: 325).

Формулировалось требование, чтобы критика «критически относилась к самой себе и не упускала из виду трудностей своего предмета» (40: 259).

Ф. Энгельс выделял еще «плоскую критику» односторонностей и экстравагантностей (41: 124). Его интересовало иное: «Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся только забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным “сумасбродством”. Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филистеры» (19: 194).

Аналогично об эпохе господства идеалистического мировоззрения (христианства) он писал: «Ведь дело идет тут отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике его, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из

этой преходящей формы» (20: 513). Так и Г. В. Ф. Гегель «не был просто отброшен в сторону. Наоборот, за исходную точку была взята указанная выше революционная сторона его философии, диалектический метод» (21: 301). По оценке Ф. Энгельса, К. Маркс смог высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли (13: 496-497).

К. Маркс и Ф. Энгельс избрали позицию положительной критики. Один вариантов ее реализации Ф. Энгельс описывал так: «Подвергаемая здесь критике “система” г-на Дюринга охватывает очень широкую теоретическую область, и это вынудило и меня следовать за ним повсюду и противопоставлять его взглядам свои собственные. Отрицательная критика стала благодаря этому положительной; полемика превратилась в более или менее связное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых Марксом и мной, – изложение, охватывающее довольно много областей знания» (20: 8–9).

2.4. Фигуры практики – фигуры логики

Концептуальные положения возникают не произвольно, а формируются в практической деятельности.

Так, философия, проповедующая наслаждение, «всегда была лишь остроумной фразеологией известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения» (3: 418). У придворной знати философия наслаждения имеет «форму непосредственного наивного жизнепонимания» (ib.: 418). Вытекающий из образа жизни образ мыслей буржуазия абстрагирует, обобщает и применяет к каждому индивиду без различия, превращая теорию наслаждения «в плоскую и лицемерную моральную доктрину» (ib.: 419). В результате «философия наслаждения становилась пустой фразой, как только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашала себя жизнепониманием общества в целом. Она опускалась в этих случаях до уровня назидательного морализирования, до софистического прикрашивания существующего общества или же превращалась в свою противоположность, объявляя наслаждением вынужденный аскетизм» (ib.: 418).

Объясняя происхождение идеализма, Ф. Энгельс писал: «…Планирующая работу голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в простой семье) имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира» (20: 493).

Но сам план намеченной работы сформирован в результате многократного успешного повторения известных действий. На это обращал внимание В. И. Ленин: «Для Гегеля *действование*, практика есть *логическое „заключение“*, фигура логики. И это правда! Конечно, не в том смысле, что фигура логики инобытием своим имеет практику человека (= абсолютный идеализм), a vice versa: практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (ПСС-29: 198).

Психологический механизм описанного В. И. Лениным феномена позже был раскрыт Ж. Пиаже в концепции сенсомоторного интеллекта – первичной стадии формирования интеллекта, на которой вырабатывается система последовательно связанных схем действия, приводящая к определенной логике действия. Благодаря сенсомоторному интеллекту возникает представление о постоянном (стабильном, устойчивом) существовании объектов, также пер-

вичные представления об объективном пространстве, времени, причинности, а человек начинает рассматривать себя в качестве объекта среди других в мире, который существует объективно. Понятийное мышление образуется интериоризацией схем действия (в том числе перцептивных действий) в подвижные, обратимые умственные действия[34].

Многократно воспринимаемые явления обобщаются и концептуализируются.

Философские категории укоренены в категориях практики. «Но что сказал бы старик Гегель, – писал Маркс, – если бы узнал на том свете, что общее [Allgemeine] означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а частное [Sundre, Besondre] – не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность [Sondereigen]. Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают из "наших отношений" [aus "unsrem Verkehr"]» (32: 45).

Закон превращения количества и качества осмыслялся на материале социальных девиаций: «Если причины, приводящие к деморализации рабочего, действуют сильнее, более концентрированным образом, чем обычно, то он так же неизбежно становится преступником, как вода переходит из жидкого состояния в газообразное при 80° по Реомюру» (2: 361).

Явление самоотрицания, наступающего на ступени предельного развития процесса, становилось наглядным на примере протекания «бунтов Ребекки»: «Как всегда, этими более значительными нарушениями закона ознаменовался конец движения. Одни отошли от него, будучи не согласны с приёмами борьбы, другие – из страха, и спокойствие восстановилось само собой. Правительство послало комиссию для расследования событий и их причин, и тем дело кончилось» (ib.: 491).

Закон отрицания отрицания осваивался в практической политике: «…Развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) "отрицается", уступая место все заполоняющей дрязге, но затем начинается "отрицание отрицания" и, "ужившись" кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот "тезис" обогащен всеми результатами "антитезиса" и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю» (ПСС-8: 400).

Аналогичную логику действий раскрывал В. В. Маяковский:

Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боёв
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них[35].

[34] Психология. Полный энциклопедический справочник / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб., 2007. С. 655-657.

[35] *Маяковский В. В.* Большое собрание стихотворений и поэм в одном томе. М., 2018. С. 1299.

Общие контуры концепции формируются обозрением хода естественно-исторического процесса. «Последовательность, в которой должны быть рассмотрены различные отряды пролетариата, вытекает сама собой из вышеизложенной истории его возникновения», – заключал Ф. Энгельс (2: 259).

Поэтому «логический метод» исследования, согласно Ф. Энгельсу «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» (13: 497). И далее Ф. Энгельс продолжал: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» (ib.: 497).

В указанном смысле марксистская теория – не догма, а теория развития (36: 504), разъяснение процесса развития, который заключает в себе ряд последовательных фаз (ib.: 497). Соответственно, «история несет с собой и новые факты и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теории» (ПСС-4: 202).

Глава 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

3.1. Философия в психологическом фокусе

В гимназическом курсе философской пропедевтики К. Маркс и Ф. Энгельс изучали эмпирическую психологию. Поэтому высказывалось уважение к законам психологии (1: 26).

Констатировалось, что К. Маркс и Ф. Энгельс «были отличными знатоками человеческой психологии»[36]. Так, видный пропагандист немецкого коммунизма А. Руге описывался как померанец по характеру и саксонец по уму (6: 342). «Умению Маркса в нескольких штрихах дать глубокий психологический и социальный портрет личности могли бы позавидовать профессиональные литераторы самого высокого класса», – восхищался Г. Н. Волков (ib.: 6).

Психологический анализ философского мышления – довольно обычная ситуация. Молодой К. Маркс замечал: «Задача философской историографии заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы, еще менее в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям» (40: 136).

Впрочем, он не был абсолютно категоричен и допускал психологическую характеристику как подчиненный момент исследования философской мысли: «История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий в виде диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя. Она должна отделить бесшумно продвигающегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта, которое является вместилищем и двигательной силой этих рассуждений» (ib.).

Предпринятый Ф. Энгельсом детальный разбор философской системы Е. Дюринга таких «подлинных кристаллизаций» не выявил. А завершающий вывод «Анти-Дюринга» содержит психологический диагноз двигательной силы проанализированных рассуждений: «Теперь, когда философия, политическая экономия и социалитет лежат уже позади и перед нами раскрылся общий облик писателя, о котором нам раньше приходилось судить по отдельным его взглядам, – теперь на первое место могут выступить соображения, касающиеся его как человека; теперь мы можем позволить себе объяснить многие, непонятные иначе, научные заблуждения и самомнение автора его личными качествами и резюмировать свое общее суждение о г-не Дюринге словами: *невменяемость как результат мании величия*» (20: 338). Двигательный рисунок мышления Е. Дюринга напоминал Ф. Энгельсу «виттову пляску» (ib.: 370).

Поэтому знакомясь с размышлениями философов, крайне полезно представлять их психологический облик[37]. Это поможет отделить внешне данное нам феноменологическое сознание от подлинных философских знаний – возможно имеющихся, но скрытых. С точки зрения К. Маркса, после такого разделения сознания философа «должно быть прослежено как раз его единство, взаимная обусловленность» (ib.: 135). И тогда изложение философской системы может быть приведено «в связь с ее историческим существованием, – в связь, которую нельзя игнорировать именно потому, что это существование является историческим» (40: 136).

Указывая трудности, возникающие при отождествлении натурфилософии Демокрита с натурфилософией Эпикура, К. Маркс обращает внимание на различие личностных установок в восприятии мира: «В то время как беспокойный дух Демокрита гонит его во все части света, Эпикур лишь два или три раза покидает свой сад в Афинах и ездит в Ионию не для исследований, а для того, чтобы навестить друзей» (ib.: 164). Чтобы накопить опыт, знания

---

[36] *Волков Г. Н.* «Наша дерзкая, веселая проза»: (Сатирический и художественно-образный фермент в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса). М., 1986. С. 5.

[37] *Шувалов А. В.* Безумные грани таланта. Энциклопедия патографий. М., 2004.

и наблюдения Демокрит объехал полмира, встречался с египетскими жрецами, персидскими халдеями и индийскими гимнософистами. Но так и не нашел того, чего искал. И под конец жизни ослепил себя, чтобы избавиться от чувственно данного разнообразия. Эпикур же считал ум Демокрита второразрядным и был самоучкой.

Экстравертность Демокрита и интровертность Эпикура определили полную противоположность мыслителей друг другу: «Один – скептик, другой – догматик; один считает чувственный мир субъективной видимостью, другой – объективным явлением. Тот, который считает чувственный мир субъективной видимостью, опирается на эмпирическую науку о природе и на положительные знания и воплощает в себе беспокойство наблюдения, экспериментирующего, всюду ищущего познаний, странствующего по свету. Другой, который считает мир явлений реальным, презирает опыт; в нем воплощены покой самоудовлетворенного мышления, самостоятельность, которая черпает свое знание ex principio interno [из внутреннего принципа]. Но противоречие идет еще дальше. *Скептик* и *эмпирик,* считающий чувственную природу субъективной видимостью, рассматривает ее с точки зрения *необходимости* и старается объяснить и понять реальное существование вещей. Наоборот, *философ* и *догматик,* признающий явление реальным, везде видит только *случай,* и его способ объяснения скорее сводится к тому, чтобы отвергнуть всякую объективную реальность природы» (ib.: 167–168). Знаменитые античные атомисты, противоречащие друг другу во всем, представляются К. Марксу прикованными друг к другу.

В целом философия интровертна: «Философия, а в особенности немецкая философия, имеет склонность к уединению, к тому, чтобы замыкаться в свои системы и предаваться бесстрастному самосозерцанию…» (1: 105). Персонально указывалось на интровертность Плутарха, вечно копающегося в самом себе (40: 92). Плутарху противопоставлялся Лукреций Кар – «властитель мира» (ib.: 91). Говорилось об отшельничестве Л. Фейербаха (21: 289).

Использовались другие психологические идентификации – акцентуированность личности, ее темперамент, доминирующий способ восприятия.

К. Маркс писал о платоновском педантизме (40: 83), педантичном вольфовском лейбницианстве (39: 354). Утилитариста И. Бентама он характеризовал как архифилистера, трезво-педантичного, тоскливо-болтливого оракула пошлого буржуазного рассудка XIX века (23: 623). Последователи критически-утопического социализма и коммунизма оценивались как доктринеры (5: 139), отличающиеся систематическим педантизмом (4: 457).

С точки зрения антропологического материализма, принимаемого в этой части основоположниками диалектического материализма, темперамент имеет значение как фактор, определяющий облик философской мысли. Л. Фейербах писал о сангвиническом принципе французского сенсуализма и схоластической флегме немецкой метафизики. «Только esprit [ум, дух] Лейбница, только его сангвиническая, материалистическо-идеалистическая жилка впервые освободила немцев от их философского педантизма и схоластицизма»[38], – считал Л. Фейербах.

Как сангвиник характеризовался Ф. Энгельс (35: 243). А точнее, он был холерик, так как не мог сдержать свою горячность (38: 422) и легко впадал в ярость (35: 243; 41: 479). В самоописании «всегда он и везде непримирим и яр» (41: 303).

К. Маркс, имевший прозвище «Мавр», в описании Ф. Энгельса тоже был холерик:

Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет, – бежит, нет, катится лавиной.
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,

[38] *Фейербах Л.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 80.

Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый!

(ib.: 304).

Г. Маркс осуждал необузданность сына и мягко замечал: «Говорю тебе откровенно: меня глубоко радуют твои задатки, я многого жду от них, однако мне будет очень больно увидеть тебя выступающим в роли посредственного рифмоплета» (40: 605).

Сравнивая свои способности интуитивно-логического экстраверта со способностями этико-сенсорного экстраверта Ф. Энгельса, К. Маркс писал ему: «С механикой у меня та же история, что и с языками. Математические законы я понимаю, но простейшая техническая реальность, связанная с наглядным представлением, дается мне с большим трудом (30: 261–262). Он также признавал: «Арифметика никогда не давалась мне» (29: 210). Любопытна и жалоба Ф. Энгельса: «…Подсчеты в таблицах Мавра, почти без исключения, сделаны неправильно – ты ведь знаешь, каким гением он был в арифметике! – и их нужно пересчитывать» (39: 199).

Трудность составляло эмпирическое определение уровня развития умственных способностей. Комментируя требование новой прусской цензурной инструкции учитывать наличие у редакторов ежедневной прессы научных способностей, К. Маркс недоумевал, кто же будет определять эти способности. Он вообще-то признавал существование «универсальных гениев» и «энциклопедических голов», но сомневался в еще большей гениальности чиновников. К. Маркс признавал ранжирование людей по уровню интеллектуальных способностей: «Чем выше мы поднимаемся по лестнице этой бюрократии ума, тем всё более удивительные головы нам встречаются» (1: 21).

Поэтому естественные различия познающих субъектов важны. В действительности не существует абстрактный человек как квинтэссенция множества действительных людей (21: 295). Как заявляли К. Маркс и Ф. Энгельс, коммунизм – в отличие от реакционного социализма – основывается на эмпирическом изучении природы человека, различий мозга и умственных способностей (3: 54).

3.2. «Только диалектическое мышление разумно»

В выпускном гимназическом сочинении К. Маркс размышлял над проблемой выбора профессии, соответствующей индивидуальным способностям. Он полагал, что этот выбор не стоит предоставлять случаю. «Если же мы избрали профессию, для которой у нас нет необходимых способностей, то мы никогда не исполним ее достойным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы – бесполезные существа творения, что мы являемся такими членами общества, которые не могут осуществить свое призвание», – писал он (40: 5).

По его мнению, профессия может придать человеку возвышающее достоинство, высшее благородство, позволив ему «несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление» (ib.: 6). Для этого подходят свободные, творческие профессии. А самыми возвышенными (и вместе с тем – опасными) являются профессии, занимающиеся абстрактными истинами (ib.). Поэтому обдуманная оценка своего призвания, своих способностей казалась К. Марксу важной.

Врожденное нейроразнообразие оценивалось комплиментарно. «Вы восторгаетесь восхитительным разнообразием, неисчерпаемым богатством природы. Ведь не требуете же вы, чтобы роза благоухала фиалкой, – почему же вы требуете, чтобы величайшее богатство – дух – существовало в одном только виде?» – восклицал он (1: 6). «…Один и тот же предмет, – убеждал К. Маркс, – различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров» (ib.: 7).

Свой интерес к определению способностей К. Маркс практически реализовал в увлечении френологией. Как вспоминал В. Либкнехт, при приеме в 1850 г. в «Союз коммунистов» К. Маркс экзаменовал уровень развития его мозга «не только вопросами, но и пальцами, которыми он искусно ощупывал мою голову»[39]. Далее В. Либкнехт был направлен на планомерное обследование к партийному френологу К. Пфендеру.

Трезвая диагностика интеллектуальных способностей имела для К. Маркса и Ф. Энгельса важное значение в работе по подбору партийных кадров.

Так, например, В. Либкнехт в определенной мере разочаровал их. Его К. Маркс «сам устно учил в продолжение пятнадцати лет (к чтению он всегда был слишком ленив)» (32: 484). Но он так и остался «благородным дураком» (ib.: 424), обладавшим «талантом группировать вокруг себя глупейших людей Германии» (ib.: 222). «Однако что ты хочешь? – успокаивал Ф. Энгельс К. Маркса. – Такова его либкнехтовская природа, и тут не поможет никакая досада и никакое ворчанье» (31: 117-118). Впрочем, признавалось: «Дуракам счастье – Либкнехту снова повезло» (32: 235). К френологии К. Маркс стал относиться иронически.

Очевидно, недостатку в одних способностях сопутствовало превосходство в других способностях. Например, в отношении И. Э. Хорна сообщалось: «Этот дурак (впрочем, ловкач по части ажиотажа) …» (ib.: 162).

Ф. Энгельс считал Э. Бернштейна и К. Каутского настоящими жемчужинами партийной литературы по сравнению с ужасающим литературным молодняком. В письме к А. Бебелю он так характеризовал их: «Оба они – весьма порядочные и полезные люди. Эде в теоретических вопросах все очень легко схватывает, к тому же остроумен и находчив; ему не хватает лишь уверенности в себе, что в наше время поистине редкое явление и при всеобщей мании величия, свойственной даже ничтожнейшему ученому ослу, в известном смысле достоинство; Каутский обучился в университетах бездне всякой чепухи, но изо всех сил старается снова ее забыть; оба терпимы к откровенной критике, правильно поняли самое главное и заслуживают доверия» (36: 287).

Ф. Энгельс писал Э. Бернштейну о его способности схватывать вещи с надлежащей стороны. «Каутский, например, не был бы на это способен, у него всегда слишком много побочных точек зрения, – продолжал Ф. Энгельс. – Это, пожалуй, годится для больших журнальных статей, но в газете, где нужно быстро принимать решение, это часто приводит к тому, что из-за деревьев не видишь леса, а в партийном органе этого быть не должно» (35: 150).

Кроме того, об Э. Бернштейне говорилось, что «он обладает подлинным тактом и быстро схватывает суть дела, – полная противоположность Каутскому», который «очень порядочный парень, но прирожденный педант и схоласт, который, вместо того чтобы распутывать сложные вопросы, запутывает простые» (ib.: 178). О познавательном стиле К. Каутского также говорилось, что он вопросы изучает «один за другим, вне всякой связи» (ib.: 359).

Приведенные характеристики Э. Бернштейна и К. Каутского представляют интерес в связи с другими оценками.

Неуверенность Э. Бернштейна развилась в неврастению. Отмечалась его «мания копаться в мелочах» (39: 122) и доктринерски рассуждать о вопросах непосредственной практики (ib.: 139). После смерти Ф. Энгельса Э. Бернштейн вслед за К. Шмидтом призвал вернуться к И. Канту и выступил против использования диалектики Г. В. Ф. Гегеля: «Ее “да, нет, и нет, да” вместо “да, да или нет, нет”, ее взаимные переходы противоположностей и превращение количества в качество, и другие диалектические красоты всегда стояли препятствием ясному представлению о значении признанных изменений»[40]. Это порыв Г. В. Плеханов комменти-

[39] *Либкнехт В.* Воспоминания о Марксе. Одесса, 1905. С. 16.

[40] Цит. по. *Ойзерман Т. И.* Избранные труды: В 5 т. Т. 3. Оправдание ревизионизма. М., 2014. С. 447.

ровал так: «Хотя он всегда казался нам ограниченным человеком (это могут засвидетельствовать многие из наших ближайших товарищей), но мы все-таки считали его принадлежащим к школе Маркса и были очень поражены теми, поистине ребяческими, пустяками, которые он написал тогда о материализме»[41].

К. Маркс полагал, что Ф. Энгельс судил о К. Каутском довольно снисходительно из-за его больших способностей к выпивке. И дал ему следующую оценку: «Он – посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего лишь 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало; принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем, в своем роде – порядочный человек; я, по возможности, сплавляю его другу Энгельсу» (35: 146).

В. И. Ленин замечал: «Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом» (ПСС-37: 242). И при этом полагал, что К. Каутский – начетчик, подменяет диалектику эклектицизмом и софистикой.

Л. Троцкий характеризовал К. Каутского как популяризатора готовой системы марксизма, как школьного учителя научного социализма[42]. По его впечатлению от личного знакомства ум К. Каутского «угловат, сух, лишен находчивости, не психологичен, оценки схематичны, шутки банальны» (ib.: 23).

Приведенные наблюдения примечательны с точки зрения оценки способности овладеть диалектикой. Отзываясь о древних законах Уэльса, К. Маркс писал: «Весьма галантные парни, эти кельты! Притом прирожденные диалектики, ибо все составлено в триадах» (32: 420). А вот о министре королевских лесов У. Молсуорта говорилось, что он «от рождения обладает талантом из-за деревьев не видеть леса» (11: 260). А ведь еще Сократ оговаривал: «И это самая главная проверка, имеются ли у человека природные данные для занятий диалектикой или нет. Кто способен все обозреть, тот – диалектик, кому же это не под силу, тот – нет»[43].

Ф. Энгельс среди признаков метафизического способа понимания указывал на то, что он «за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием – их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса» (20: 21). Очевидно, что К. Каутский – прирожденный метафизик, и, как говорил Ф. Энгельс, «свою натуру он при всем желании не в состоянии побороть. Это сильнее его» (35: 179).

Ф. Энгельс полагал, что различение рассудка и разума в интерпретации Г. В. Ф. Гегеля, согласно которой «только диалектическое мышление разумно, имеет известный смысл» (20: 537). На взгляд, Ф. Энгельса, в философском мышлении рассудок представлен, например, в виде метафизического способа мышления. Последний противоположен диалектическому мышлению по ряду признаков (см. табл. 1).

---

[41] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 385.

[42] *Троцкий Л.* Война и революция: крушение второго интернационала и подготовка третьего. Т. 1. Петроград, 1922. С. 21.

[43] *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 322.

Таблица 1

Сопоставление метафизического мышления (рассудка)
и диалектического мышления (разума) (по Ф. Энгельсу (20: 20–22))

Метафизическое мышление (рассудок)	**Диалектическое мышление (разум)**
Рассматривает предметы: – как отдельные, в обособленности; – как независимые, один после другого; – в неподвижном состоянии; – как вечно неизменные; – как мертвые; – как застывшие, раз навсегда данные	*Рассматривает предметы:* – в великой общей связи; – в их взаимной связи, в их сцеплении; – в движении; – как существенно изменчивые; – как живые; – в их возникновении и исчезновении
В метафизическом понимании: – противоположности неопосредствованны; – вещь или существует, или не существует; – речевая формула «да – да, нет – нет»	*В диалектическом понимании:* – противоположности взаимопроникают; – вещь может быть самой собой и в то же время иной; – речевая формула «и да и нет»

Очевидно, что не все люди разумны и способны мыслить диалектически. Например, Ф. Лассаль освоил диалектику по-школьнически, применяя ее «по заранее предписанному рецепту и в освещенных обычаем формах» (29: 222). Но Ф. Лассаль «совершенно забывал о тех крохах диалектики, которые усвоил из Гегеля. При этом он всегда видел только одну сторону, совсем как Либкнехт, но так как последний среди оснований случайно видел правильную сторону…» (36: 33).

Главными стимулами формирования и развития человеческого мозга, а также усовершенствования его ближайших орудий – совокупности органов чувств – Ф. Энгельс считал развитие труда и членораздельной речи. Во всемирно-историческом процессе развитие труда и речи шло неравномерно: «…будучи у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, иногда даже прерываясь местными и временными движениями назад…» (20: 490). В порядке базисной детерминации естественной считалась неравномерность развития мозга и чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению. В частности, констатировалось, что в отличие от англичан «немцы, имеют на плечах головы, способные к обобщениям» (32: 134).

Высказывалась такая оценка: «Опыт трёх тысячелетий не сделал людей умнее, напротив, он сбил их с толку, запутал, довёл до безумия, и результат этого безумия – политическое состояние современной Европы» (1: 620).

К. Маркс иронически отмечал, что «в буржуазном обществе господствует fictio juris [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения» (23: 44). Это фикция абсолютной, неограниченной и совершенной рациональности. Ф. Энгельс также скептически относился к фикции совершенной рациональности людей (20: 365). Даже массовое овладение рассудочным мышлением, приобретение здравого смысла является нерешенной исторической задачей.

На этом фоне вольфовская метафизика и механический детерминизм уже скудоумны (ib.: 535). Естествоиспытатели имеют ограниченный рассудок (33: 102). А вместе с тем – у А. Сен-Симона – гениальная широта взгляда, у Ш. Фурье – большая глубина анализа (19: 196).

Сравнивая себя с К. Марксом, Ф. Энгельс писал: «Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, – таланты» (21: 300)[44]. Таким образом, дальновидность, широта взгляда и глубина анализа являются задатками способности к диалектическому мышлению.

[44] Впрочем, «Наброски к критике политической экономии» Ф. Энгельса К. Маркс признавал гениальными (13: 8). И также писал ему: «Ты знаешь, что, во-первых, у меня все приходит поздно и что, во-

3.3. Диалектическому мышлению – учиться смолоду

Внимание уделялось возрастной психологии, специфике философского мышления того или иного возраста, сохраняющейся зачастую в зрелости[45].

Например, точка зрения прусской «Staats-Zeitung» определялась как «детски-чувственная» (1: 34). «Она повествует нам о том, что когда речь идёт о железных дорогах, следует думать только о железе и дорогах, когда речь идёт о торговых договорах, следует думать только о сахаре и кофе, когда речь идёт о кожевенных заводах, – только о коже. Разумеется, ребёнок не идёт дальше чувственного восприятия, он видит только единичное, не подозревая существования тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевлённые члены одухотворённого целого. Ребёнок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее – вокруг частного. Ребёнок поэтому не верит в дух, зато он верит в привидения», – объяснял К. Маркс (ib.).

Ф. Энгельс оценивал как «ребяческое занятие» манеру «переменно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза» (20: 146).

Отдельно характеризовалось «школьное» мышление, с его догматизмом и в то же время абстрактным скептицизмом. «Несмотря на свою “Логику”, г-н Джон Стюарт Милль никогда не открывает ошибок в анализе своих предшественников, ошибок, которые даже в пределах буржуазного горизонта и просто с точки зрения специалиста вопиют об исправлении. Он всегда лишь регистрирует с догматизмом школьника путаницу мыслей своих учителей», – замечал К. Маркс (23: 604).

Ф. Энгельс предупреждал 27-летнего К. Шмидта о «школьническом» прочтении работ Г. В. Ф. Гегеля: «Но никоим образом не следует читать Гегеля так, как читал его г-н Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное» (38: 177). Позднее К. Шмидт все же перешел на неокантианские позиции.

По мысли Платона, сензитивный период овладения диалектикой завершается к тридцати годам: «…Из этих юношей, когда им исполнится тридцать лет, надо будет опять-таки произвести отбор, окружить их еще большим почетом и подвергнуть испытанию их способность к диалектике…»[46].

Наблюдения Платона нашли определенное подтверждение в исследованиях когнитивного развития старшекурсников и молодых сотрудников колледжей США[47]. По результатам исследований организованное диалектическое мышление формируется в период ранней взрослости – в молодости. При этом только треть опрошенных в форме интервью продемонстрировали полностью организованное диалектическое мышление, тогда как две трети опрошенных продемонстрировали паттерны формалистического и релятивистского мышления – когнитивные приобретения подросткового возраста.

Кроме овладения абстрактным мышлением – навыком проведения формальных операций – существенным является достигаемое в период юности умение соединять абстрактное с конкретным. Эту ситуацию описал Г. В. Ф. Гегель: «До сих пор занятый только общими

вторых, я всегда следую по твоим стопам» (30: 342). См. также: *Волков Г. Н.* Рядом с гением – гений. Эпизоды из творческой биографии Энгельса. М., 1984.

[45] Сходный комплекс идей формулировался позже: *Ильенков Э. В.* Диалектика идеального: собр. соч. Т. 5. С. 321-334.

[46] *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. С. 322.

[47] *Бессечес М.* Диалектическое мышление и развитие взрослых. М., 2018.

предметами и работая только для себя, юноша, превращающийся теперь в мужа, должен, вступая в практическую жизнь, стать деятельным для других и заняться мелочами. И хотя это совершенно в порядке вещей, – ибо, если необходимо действовать, то неизбежно перейти и к *частностям*, – однако для человека начало занятия этими частностями может быть все-таки весьма тягостным, и невозможность непосредственного осуществления его идеалов может ввергнуть его в ипохондрию. Этой ипохондрии – сколь бы незначительной ни была она у многих, – едва ли кому-либо удавалось избегнуть. Чем позднее она овладевает человеком, тем тяжелее бывают ее симптомы. У слабых натур она может тянуться всю жизнь. В этом болезненном состоянии человек не хочет отказаться от своей субъективности, не может преодолеть своего отвращения к действительности и именно потому находится в состоянии относительной неспособности, которая легко может превратиться в действительную неспособность»[48].

Обращаясь к Л. Фейербаху, К. Маркс напоминал «об искренней юношеской мысли» Ф. В. Й. Шеллинга, которая так и осталась «фантастической юношеской мечтой» (27: 377). В отличие от объективного идеализма Ф. В. Й. Шеллинга обращенность Л. Фейербаха к природе и истории характеризовалась как серьезное, мужественное дело (ib.).

Для периода юности характерна экзистенциальная проблема смысла жизни. Позитивное разрешение данной проблемы выражается в оптимизме. Сензитивный период овладения идеализмом Г. В. Ф. Гегеля усматривался в юности, с ее воодушевлением и энтузиазмом (41: 143-144). «Кто страшится лесных дебрей, в которых расположен дворец идеи, кто не пробивается через них при помощи меча и не будит поцелуем спящей царевны, тот недостоин ее и ее царства; пусть идет куда хочет, пусть станет сельским пастором, купцом, асессором или чем ему угодно, пусть женится, наплодит детей с благословения господня, но век не признает его своим сыном», – звал сверстников двадцатилетний Ф. Энгельс (ib.: 144).

Таким образом, овладение диалектическим мышлением даже в современной системе высшего образования не безусловно, а является новообразованием периода молодости и базируется на когнитивных достижениях подросткового и юношеского возраста.

Вот «Прудон по натуре был склонен к диалектике» (16: 31). Но диалектике нужно учиться своевременно – смолоду. Хотя К. Маркс «во время долгих, нередко всю ночь длившихся споров» (ib.: 26) заражал и заражал 35-летнего П.-Ж. Прудона гегельянством, но было уже поздно. К. Маркс был вынужден констатировать его тупоумие (47: 382), хотя ранее его книгу «Что такое собственность?» называл остроумной (1: 117). О «Системе экономических противоречий» К. Маркс писал: «Теперь, когда дело идет о практическом применении этой диалектики, разум изменяет ему. Диалектика г-на Прудона отрекается от диалектики Гегеля…» (4: 137). Диалектическое движение стало состоять «лишь в догматическом различении хорошего и дурного» (ib.: 135). Другими словами, диалектика П.-Ж. Прудона так и осталась грубой.

[48] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977. С. 89.

3.4. Гендерная идентичность материализма

В соответствии с философской традицией ассоциации материи с женским началом, а духа – с мужским началом[49], учитывалось гендерное измерение философского мышления. К. Маркс напоминал высказывание эпикурейца Веллея по поводу стоической философии: «Что следует думать о такой философии, по воззрению которой, – как это представляется старым и притом невежественным бабам, – все происходит по воле рока?.. Эпикур – наш избавитель, он дал нам свободу» (40: 165).

В том же ключе К. Маркс писал о младогегельянцах: «Критика только то и делает, что "образует себе формулы из категорий существующего", а именно – из существующей гегелевской философии и существующих социальных устремлений. Формулы – и ничего более, кроме формул. И несмотря на все её нападки на догматизм, она сама себя осуждает на догматизм, мало того – на догматизм женский. Она является и остаётся старой бабой; она – увядшая и вдовствующая гегелевская философия, которая подрумянивает и наряжает своё высохшее до отвратительнейшей абстракции тело и с вожделением высматривает все уголки Германии в поисках жениха» (2: 21).

К. Маркс признавал специфику женского мышления: «У женщин свой особый склад ума» (50: 466). «Женщины – даже те из них, которые одарены большим умом, – писал он Ф. Энгельсу, – забавные создания» (30: 261). И далее описывал переменчивость переживаний. В этом же письме К. Маркс замечал: «…Ведь женщины вообще привыкли требовать невозможного» (ib.). Он также заключал: «Видно, женщины всегда нуждаются в опеке!» (32: 276).

Как требующий невозможного описывался кантовский категорический императив («следовательно, никогда не приходит ни к чему действительному» (21: 299)). По словам Ф. Энгельса, законченный идеалист Г. В. Ф. Гегель резко критиковал бессильный категорический императив, а также насажденную Ф. Шиллером наклонность помечтать о неосуществимых идеалах (ib.).

В феминности мышления виделось определенное преимущество. К. Маркс писал Л. Фейербаху о «легко возбудимой женственной восприимчивости» Ф. В. Й. Шеллинга (27: 377), стимулирующей воображение. Здесь он следовал самому Л. Фейербаху, который видел в Ф. В. Й. Шеллинге представителя «женского начала рецептивной восприимчивости; сначала он воспринял Фихте, потом Платона и Спинозу, наконец, Я. Бёме, – словом, это представитель материалистического принципа»[50]. В противоположность Ф. В. Й. Шеллингу, Г. В. Ф. Гегель выступал в глазах Л. Фейербаха как «представитель мужского начала самостоятельности, самодеятельности, словом, идеального начала» (ib.).

Для Л. Фейербаха материализм ассоциировался с сердцем, с женским принципом – с чувством конечного, с движением, волнением, страстью, чувственностью (ib.: 81). Идеализм для него – это «голова», мужской принцип, приводящий вещи в порядок (ib.). К. Маркс также считал мужественным и бесстрашным «светлый идеализм» (40: 151).

Ф. Энгельс обращался к А. Бебелю (упоминая и П. Лафарга) не за умозрительным порядком, а за женской практичностью – практичным чувством конечного: «Твое присутствие столь же необходимо, как и его, чтобы охладить при случае наши горячие головы и хладнокровно изложить нам свою точку зрения на положение во Франции, а также для того, чтобы со своей женской находчивостью и гибкостью помочь нам найти "выход" в тех случаях, когда мы, косные, неповоротливые мужчины, станем в тупик» (38: 194-195).

Характеризуя практичность женщин, Ф. Энгельс писал о городской цивилизации, что «никто не усваивает эту цивилизацию быстрее, чем женщины, которые извлекают из нее непосредственные и самые очевидные выгоды» (5: 519). К выгодам относится освобождение от

---

[49] *Воронина О. А.* Оппозиция духа и материи: гендерный аспект // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 56-65.
[50] *Фейербах Л.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 82.

грубых работ, множество средств, дающих возможность поддерживать чистоту и одеваться к лицу. «…Женщины легче приспособляются к новым условиям и быстрее воспринимают лучшие жизненные привычки, – отмечал А. Бебель. – Их способность приспособления большая, чем у тяжеловесных мужчин»[51]. Показательно и признание Л. Каутской: «Женщина, как правило, пальца о палец не ударит и поэтому не станет любезничать, пока ей что-либо не понадобится» (38: 274).

Если женщины практичны и сосредоточены на конечном, то сам Ф. Энгельс предпочитал бесконечное. Рассуждая о проблеме дробления и концентрации земельной собственности, он признавал: «…Я все же предпочитаю волнующийся океан с его безграничной свободой маленькому озеру с его спокойной гладью, с его миниатюрными волнами, прерываемыми на каждом шагу то откосом берега, то корнем дерева, то камнем (41: 127). Океаническое мироощущение присутствовало и у К. Маркса. Революции 1848 г., как представлял он, обнаружили под поверхностью, казавшейся твердой, бездну, колышущийся океан (12: 1).

Соответствующее гендерное различие в мировосприятии К. Маркс зафиксировал в одном из юношеских стихотворений:

И звуков меня поглотил океан,
Она усмехнулась: «Ну и болван!» (40: 449).

Таким образом, гендерное позиционирование материализма неоднозначно. Особенно с учетом того, что «прав был Энгельс, что система Гегеля перевернутый материализм» (ПСС-29: 215).

Юный Ф. Энгельс ассоциировал Природу с матерью человека – свободного мужа, защищающего свою мать, а Идею (самосознание человечества) – с прекрасной невестой (41: 225). «И эта вера во всемогущество идеи, в победу вечной истины, эта твердая уверенность, что она никогда не поколеблется, никогда не сойдет со своей дороги, хотя бы весь мир обратился против нее, – вот истинная религия каждого подлинного философа, вот основа подлинной позитивной философии, философии всемирной истории» – восторгался он (ib.: 226). Аналогичную метафору использовал и К. Маркс: «И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!» (34: 229).

В целом к культу природы-матери К. Маркс и Ф. Энгельс относились как к ребячеству, исчезающему вместе с промышленным освоением природы (7: 211-213). Они настаивали на рассмотрении современного социального положения женщины.

Успехи материализма в промышленной цивилизации можно связывать с повышением экономического значения женского труда в фабричной системе. Речь уже шла об экономическом господстве женщин: «Если господство женщины над мужчиной, неизбежно вызываемое фабричной системой, недостойно человека, значит и первоначальное господство мужчины над женщиной следует также признать недостойным человека» (2: 377). Впрочем, как юридическое признание приоритета воли женщины можно рассматривать венчание Ф. Энгельса с М. Бернс и Л. Бернс незадолго до их смерти.

[51] *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 298-299.

Глава 4. ПРАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

4.1. Социальный вопрос

Вопросы, выдвигаемые временем, К. Маркс считал голосами времени, которые звучат открыто и бесстрашно (40: 237). «Каждый такой вопрос – девиз времени, – писал он, – его в высшей степени практический клич, выражающий его собственное душевное состояние» (ib.: 238). В ответах на эти вопросы «большую роль играют намерения и понимание отдельного индивида» (40: 237).

В XIX веке действительным вопросом времени стал социальный вопрос в его разнообразных постановках – как вопрос о свободной конкуренции, о положении рабочего класса и других классов и сословий, о собственности в ее различных видах[52]. Все вопросы, касающиеся взаимных отношений между людьми, К. Маркс считал социальными вопросами (4: 301). «Последовательнейшие республиканцы, в Англии “уравнители”, во Франции Бабёф, Буонарроти и т. д., первые провозгласили эти “социальные вопросы”», – напоминал он (ib.). С экономическим развитием социальный вопрос выступал все резче и резче (ib.: 302).

Во избежание кровавого разрешения социального вопроса Ф. Энгельс предлагал создать для всех людей такие условия жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними в человеческих отношениях. «Мы вовсе не хотим разрушать подлинно человеческую жизнь со всеми ее условиями и потребностями, – говорил Ф. Энгельс, – наоборот, мы всячески стремимся создать ее» (2: 554). Но для этого нужно заняться «серьезным и основательным изучением социального вопроса» (ib.).

Целью своей жизни К. Маркс сделал изучение «социального вопроса, то есть критику политической экономии» (16: 377). Эта критика не была завершена[53]. Поэтому такое общетеоретическое решение социального вопроса как уничтожение капиталистического способа производства и классов едва ли можно признать окончательным.

Ф. Энгельс пришел к выводу о том, что в истории человечества результатом одной из наиболее радикальных революций стало всемирно-историческое поражение женского пола: «Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» (21: 60). Основным общественным законом стало неограниченное господство мужчин над женским полом (ib.: 70). «…Первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским», – думал Ф. Энгельс (ib.: 68).

Единобрачие оценивалось как великий исторический прогресс и «клеточка цивилизованного общества» (ib.: 69). Вопрос обеспечения общественного равенства между супругами Ф. Энгельс считал возможным решить после установления общественной собственности и возвращения всего женского пола к общественному производству (ib.: 77).

С учетом этой перспективы и ассоциации материи с женским полом («любимое дитя природы, человек» (41: 225)) утратила актуальность прежняя постановка основного вопроса философии. По убеждению Ф. Энгельса, люди в большей мере люди будут «сознавать свое единство с природой и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой,

---

[52] См.: *Штейн Л.* Социальный вопрос с философской точки зрения: Лекции об общественной философии и ее истории. М., 1899.

[53] Из шести запланированных книг К. Маркс подготовил только книгу I «О капитале» в части отдела I «Капитал вообще». См.: *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса: (План экономических исследований 1857-1859 гг. и «Капитал»). М., 1983.

душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве» (20: 496).

Популярное в мировой философии отождествление материи с женским началом (матерью-кормилицей), а духа (разума) с мужским началом раскрывает в борьбе материализма и спиритуализма (идеализма) борьбу женской и мужской партий. Эта борьба осуществляется в разных формах и проходит определенные стадии развития. Здесь можно лишь указать на возможную борьбу половых классов за господство в период агамии. Для эпохи группового брака наиболее значимо противоборство мужских и женских брачующихся экзогамных родов. В эпоху парного брака решался вопрос о смене матриархальной (и матрилинейной) семьи патриархальной (и патрилинейной) семьей. Возможно, различные исторические модификации материализма и идеализма являются не только плодом умозрительного философского творчества, но и отражают в превращенной форме исторически конкретное оформление достигнутого союза полов.

На большую значимость такой постановки социального вопроса обратил внимание К. Маркс в письме своей жене: «Однако не любовь к фейербаховскому “человеку”, к молешоттовскому “обмену веществ”, к пролетариату, а любовь к любимой, именно к тебе, делает человека снова человеком в полном смысле этого слова» (29: 435).

4.2. Основной вопрос диалектического материализма

Исторически основной вопрос философии ставился в форме различных противопоставлений: свобода – необходимость, субъективность – объективность, дух – природа, спиритуализм – материализм, абстрактно-единичное – абстрактно-всеобщее, субъект – субстанция. В средневековой схоластике он принял такую форму: «создан ли мир богом или он существует от века?» (21: 283). Смена исторических форм постановки основного вопроса философии может быть объяснена тем, что «мировая история не обладает иным методом, кроме разрешения и устранения старых вопросов посредством новых» (40: 237).

Для диалектического материализма не составлял проблемы вопрос о первичности духа или природы, познаваемости природы. Проблему составлял практический вопрос предметной истинности человеческого мышления, его действительности и посюсторонности (3: 1). «Философы лишь различным образом объясняли [interpretiert] мир, – записывал К. Маркс, – но дело заключается в том, чтобы изменить его» (ib.: 4). Его не устраивал выдвигаемый И. Кантом постулат «практического разума, который никогда не осуществляется, но осуществление которого всегда должно быть нашей целью и предметом наших помыслов…» (7: 77).

Основной вопрос диалектического материализма: как изменить мир? Основной вопрос ставится не как абстрактно-теоретическая задача познания, а как «действительная жизненная задача» (42: 123).

Но что является содержанием этой жизненной задачи? Изменение мира – не проблема: он и так постоянно изменяется: «Мир полон изменений»[54].

Под миром тогда К. Маркс понимал филистерский мир – мир пассивных, бессмысленно наслаждающихся политических животных. «Века варварства породили и сформировали этот порядок, и вот он стоит теперь перед нами в виде последовательной системы, принцип которой – обесчеловеченный мир. Наиболее законченный филистерский мир – наша Германия…» (1: 373). «…Всякое движение вперёд может заключаться только в том, что будет оставлена позади основа этого мира, – рассуждал он, – и будет осуществлён переход к человеческому миру демократии» (ib.: 376).

К. Маркс выступал против скотства деспотизма от лица страдающего и мыслящего человечества. В его понимании изменение мира должно состоять в упразднении мира скотских

[54] *Корнфорт М.* Диалектический материализм. Введение. М., 1956. С. 35.

отношений между людьми и в образовании нового мира – мира человеческих отношений между людьми. Таким образом, жизненная задача заключается не в произвольных изменениях в мире, а в завершении скачка от животного к человеку, в завершении предыстории человеческого общества (13: 8). «Точка зрения старого материализма есть “гражданское” общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество», – декларировал К. Маркс (3: 4).

Но и тут возникали затруднения. Недостатках в социальных реформаторах не было. «Хотя не существует сомнений насчёт вопроса – “откуда?”, но зато господствует большая путаница относительно вопроса: “куда?”, раздумывал К. Маркс. – Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признаться себе самому, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее» (1: 379).

Точного представления о будущем не было и у К. Маркса и Ф. Энгельса. «Не прав ли я, когда утверждаю, что в наши дни демократия, это – коммунизм?» – подсказывал читателю Ф. Энгельс (2: 599). К. Маркс рассматривал коммунизм – отрицание частной собственности – только как промежуточную цель: «Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» (42: 127).

Социалисты-утописты выдвигали на первый план современную мифологию «с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства» (34: 234). Ф. Энгельс обращал внимание на то, что у основателей школ социализма абсолютная истина, разум и справедливость различны. «При этом особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы, – подчеркивал он, – обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления» (20: 19).

В. И. Ленина также беспокоил аспект практической обусловленности тождества мышления и бытия: «Если я скажу: новую Россию надо построить вот так-то с точки зрения, положим, истины, справедливости, трудовой уравнительности и т. п., это будет субъективизм, который заведет меня в область химер. На деле борьба классов, а не мои наилучшие пожелания, определит построение новой России. Мои идеалы построения новой России будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я нисколько не оправдываю действительности, а напротив указываю в самой этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования» (ПСС-22: 101).

4.3. Идея практики

Таким образом, вопрос об отношении мышления к бытию (духа к природе, сознания к материи) значим для основоположников диалектического материализма в аспекте развивающегося единства бытия и мышления. Неудовлетворенность актуальным состоянием бытия побуждает человека изменять его, а действительность его мышления определяется верностью отражения окружающего мира, источников и сил ее преобразования.

Мир, действительность изменяется, движется как сам по себе, так и благодаря мышлению, сознанию людей. Изменение мира, опосредствованное сознанием людей, есть *практика,* практическая деятельность.

Подчеркивая специфику своей мировоззренческой позиции, К. Маркс напоминал о том, что мир нам дан как человеческая чувственная деятельность, практика, субъективно (3: 1). «…Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди…» – писали К. Маркс и Ф. Энгельс (ib.: 25).

А люди деятельны в силу собственной жизнедеятельности. Данная аксиома была установлена французским философом Ш. Фурье. Ф. Энгельс так излагал его взгляды: «…В природе человеческого духа заложена потребность быть деятельным самому и побуждать к деятельности своё тело; что поэтому нет необходимости насильно принуждать людей к деятельности, как это делается при нынешнем устройстве общества, а нужно лишь дать верное направление их природной активности» (1: 528).

Мышление человека, его духовная деятельность включены в практику, опосредствуя ее. «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса…» – писали К. Маркс и Ф. Энгельс (3: 25). Поэтому из действительного жизненного процесса людей выводилось развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса: мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии.

Действительное, конкретное единство бытия и мышления, природы и духа, материи и сознания как целостный процесс существует в виде практики. Ф. Энгельс указывал на недостаточность абстрактного противопоставления природы и мысли. «Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, – писал он, – и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» (20: 545).

Развитие человеком разума, изменение его сознания (например, по линии: животное сознание как осознание основных инстинктов – стадное сознание – родовое сознание – племенное сознание и т. д.) есть его духовная деятельность и она опосредствована изменением природы, т. е. практикой. Поэтому духовная деятельность лишь относительно самодостаточна. Она основывается на практике и выступает ее внутренним моментом, так как предназначена для изменения природы. «Общественная жизнь является по существу практической. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят своё рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики», – констатировал К. Маркс (3: 3). Объективную правильность своих идей человек доказывает практикой (ПСС-29: 173).

В развитой форме проблема единства бытия и мышления проявляется в проблеме единства практики и теории.

«…Сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики…» – писали К. Маркс и Ф. Энгельс (3: 25).

Например, в 1830-е гг. южногерманский либерализм был порожден непосредственной практикой. «Но практика, на основе которой он построил себе теорию, состояла, как известно, из многих наслоений французской, германской, английской, испанской практики и т. д., – констатировал Ф. Энгельс. – Отсюда получилось, что и теория, подлинное содержание этого направления, целиком вылилась в нечто всеобщее, неопределенное, туманное, что она не была ни германской, ни французской, ни национальной и никак не космополитической, но именно абстрактной и половинчатой» (41: 249). Обобщение практики производилось путем универсализации ее ограниченных, частных форм без соответствующей субординации.

Экономист, исходивший из локального, крайне ограниченного в пространстве и времени опыта, выстраивал теорию спроса и предложения и доказывал, что «никогда не может быть произведено слишком много» (1: 561). «…А практика отвечает торговыми кризисами, которые появляются снова так же регулярно, как кометы, и бывают у нас теперь в среднем через каждые пять – семь лет… – замечал Ф. Энгельс. – Разумеется, эти торговые революции подтверждают закон, подтверждают его в полнейшей мере, но не тем способом, как нам это изображает экономист» (ib.).

Продолжение производства несознательным, бессмысленным способом ведет к универсализации торговых кризисов. Ф. Энгельс призывал начать «производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности» (ib.).

К. Маркс опирался на обобщение глобальной практики, но сетовал о разрыве между своими исследованиями и личной практикой. Полемизируя с теорией народонаселения Т. Р. Мальтуса, он также признавал: «Обратно пропорциональное отношение плодородия почвы к человеческой плодовитости должно было глубоко смущать такого многодетного отца семейства, как я. Тем более, что мой брак более продуктивен, чем мое ремесло» (27: 161). И горько сожалел: «Если бы я только мог подыскать себе какое-нибудь занятие! Сера, мой друг, всякая теория, и лишь дело зелено. К сожалению, я слишком поздно убедился в этом» (30: 230).

4.4. Абстракция материи

Экстраполяция локальных представлений, универсализация ограниченного опыта порождает эффект опережающего отражения действительности. Неудовлетворенность бытием, осознание возможностей жить иначе, по-человечески, побуждает практически выступить против существующего положения вещей и изменить его. «…Для *практического* материалиста, т. е. для *коммуниста*, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир…» (3: 42). С изменением обстоятельств изменяются и люди, что рассматривается как революционная практика (ib.: 4).

Со своей телесной организацией человек, будучи частью природы, всегда изменял ее. Природа дана ему в ее чувственном разнообразии. Как справедливо отмечал Б. Баэур, материалист видит действительность как «деятельно развёртывающую и осуществляющую себя во множестве, – как природу» (цит. по: ib.: 90). Вместе с тем он признает ее как материю.

В идеалистическом представлении Б. Бауэра «сперва существует понятие материи, абстракция, представление, и это последнее осуществляет себя в действительной природе» (ib.). Для материалиста материя как таковая тоже есть «чистое создание мысли и абстракция» (20: 570). Но абстракция материи вторична по отношению к эмпирическому разнообразию природы. «Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи, – разъяснял Ф. Энгельс. – Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим» (ib.)

Ф. Энгельс сравнивал материю как абстрактный объект с такими абстрактными объектами как «плод как таковой», «млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой, камень как таковой, химическое соединение как таковое; движение как таковое» (ib.). Он также писал: «…Материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения. Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как “материя” и “движение”, суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаём последние, постольку мы познаём также и материю и движение *как таковые»* (ib.: 550).

Образование абстракции материи в философии сопоставимо с формированием монотеизма: «Совершенно подобным же образом вследствие олицетворения сил природы возникли первые боги, которые в ходе дальнейшего развития религии принимали все более и более облик внемировых сил, пока в результате процесса абстрагирования – я чуть было не сказал: процесса дистилляции, – совершенно естественного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий»

(21: 282-283). Таким образом, единый мировой бог является «продуктом длительного процесса абстрагирования, концентрированной квинтэссенцией множества прежних племенных и национальных богов» (ib.: 295).

В древней философии «в основе определения материи лежало понятие материала (первоматерии), из которого “вылеплены” все вещи»[55]. В материализме Нового времени – кроме того – материя равна природе (миру, вселенной). Для диалектического материализма материя – это понятие, используемое для обозначения объективной реальности, данной человеку в ощущениях его, но существующей независимо от них (ПСС-18: 131). Но прежнее словоупотребление, онтологизирующее материю как абстрактный объект (придающее ему бытийность), также сохраняется. Поэтому Ф. Энгельс различает органическую и неорганическую материю, пишет о том, что «материя в своем вечном круговороте движется согласно законам, которые на определенной ступени – то тут, то там – с необходимостью порождают в органических существах мыслящий дух» (20: 510). Но поскольку материя – все же абстракция, то «дух есть лишь абстракция от материи» (1: 322).

[55] *Библер В.* Материя // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3. М., 1964. С. 365.

РАЗДЕЛ II. МИРОПОНИМАНИЕ

Глава 5. ОНТОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ

5.1. Партия движения

В европейском революционном процессе 1840-х гг. К. Маркс и Ф. Энгельс ассоциировали себя с «партией движения», которая противопоставляла себя консервативной «партии порядка». О последней К. Маркс свидетельствовал: «Порядок! – таков был боевой клич Гизо. Порядок! – кричал гизотист Себастиани, когда Варшава была взята русскими. Порядок! – кричит Кавеньяк, это грубое эхо французского Национального собрания и республиканской буржуазии. Порядок! – гремела его картечь, разрывая тело пролетариата» (5: 139-140).

В пределах буржуазного антагонизма «частный собственник представляет собой консервативную сторону, пролетарий – разрушительную [destruktive]» (2: 39). Это объяснялось психологически: «Буржуа оперирует с готовыми, выработанными вещами; рабочий принимает участие в прямом созидании вещей. Поэтому первый склонен рассматривать все с статической точки, второй – с динамической»[56].

«В глаза бросается постоянное бытие этого мира, а не его текучесть», – писал К. Маркс в отношении мира капитала (24: 293). Центром консервативной философии является представление о неподвижности мира – хотя бы в форме «абсолютного знания», как у Г. В. Ф. Гегеля (2: 210). Возник мир однажды из хаоса или был создан, то в дальнейшем он остается неизменным. В консервативном взгляде на природу «все и теперь еще остается таким же, каким оно было изначально» (20: 349). В воззрении «партии движения» вся природа движется в вечном потоке и круговороте (ib.: 355).

Поэтому описывая пиетизм в Вуппертале, Ф. Энгельс представлял, как «даже эта скала старого обскурантизма не может больше противостоять бурному потоку времени: песок будет унесён течением и скала с грохотом рухнет» (1: 465). А если мир все равно меняется, то почему бы не поучаствовать в его изменениях, попробовать вызвать какие-либо изменения к лучшему для людей? И дело не в быстротекущих изменениях, а в том, что можно совершить нечто в отношении казалось бы незыблемого, когда-то возникшего, но как и все в мире – преходящего.

Существование движения для К. Маркса и Ф. Энгельса, как и для всех материалистов[57], было просто фактом. Все рассматривалось как находящееся в движении, «в вечном возникновении и исчезновении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении» (20: 354). И ничто не находится в абсолютном покое, хотя может быть в покое относительном или кажущемся (1: 72).

Тотальность движения эмпирически иллюстрировалась примерами того, что «растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собой и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции – словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и общие итоги которых выступают воочию в виде жизненных фаз: эмбриональная жизнь, юность, половая зрелость, процесс размножения, старость, смерть» (20: 529). Все тела претерпевают непрерывные, бесконечно малые изменения, не оставаясь тождественными с собой (ib.). Любой предмет есть движущееся вещество (ib.: 563).

Эти изменения вызваны, в частности, неизбежными внешними воздействиями: «Скала пришла в состояние покоя, но процесс выветривания, работа морского прибоя, действие рек, глетчеров непрерывно уничтожают равновесие» (ib.: 561). Все процессы основываются

---

[56] *Вольский С. А.* Философия борьбы. (Опыт построения этики марксизма). М., 1909. С. 251.

[57] *Гольбах П. А.* Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М., 1963. С. 81.

на действии и противодействии (сопротивлении) (ib.: 404). Взаимодействия предметов и их сил – вот что фиксирует взгляд на материю в целом (ib.: 546). Находясь во взаимной связи, тела «воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение» (ib.: 392).

Движение – это изменение вообще (ib.: 62). Изменение абсолютно и вечно. «Если мир был некогда в таком состоянии, когда в нем не происходило абсолютно никакого изменения, то как он мог перейти от этого состояния к изменениям? – рассуждал Ф. Энгельс. – То, что абсолютно лишено изменений, если оно еще вдобавок от века пребывает в таком состоянии, не может ни в каком случае само собой выйти из этого состояния, перейти в состояние движения и изменения» (ib.: 52).

Постоянное изменение есть снимание абстрактного тождества с самим собой (ib.: 530).

Покой есть подчиненный момент движения и в то же время он относительно обособлен и выступает как диалектическая противоположность изменения. Всякий покой лишь относителен, он принимает участие в совокупное движение и исчезает в нем.

Движение есть единство изменения и покоя. Изменения «успокаиваются», накапливаются. Покой является «результатом того или иного ограниченного движения» (ib.: 563). Покой ограничивает и стабилизирует движение: движение находит свою меру в своей противоположности, в покое (ib.: 62). Относительный покой дифференцирует движение в виде разнообразных форм движения, сохраняющих определенную устойчивость, инерционность.

Формулируется «закон неуничтожимости и несотворимости движения» вообще (ib.: 393). Уничтожается лишь отдельное движение – переносом или превращением в другие формы движения.

5.2. Учение о формах движения

Движение осуществляется в различных формах. «Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, теплоту, свет, электричество, магнетизм, химическое соединение и разложение, переходы агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все – если исключить *пока* органическую жизнь – переходят друг в друга, обусловливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием…» – писал Ф. Энгельс (ib.: 546).

Формы движения связаны взаимопереходами: «Механическое движение масс переходит в теплоту, в электричество, в магнетизм; теплота и электричество переходят в химическое разложение; со своей стороны, процесс химического соединения порождает опять-таки теплоту и электричество, а через посредство последнего – магнетизм; и, наконец, теплота и электричество в свою очередь производят механическое движение масс» (ib.: 400). Или более кратко: «Механическое движение превращается в теплоту, электричество, магнетизм, свет и т. д., и vice versa [наоборот]» (ib.: 546).

Такой переход интерпретируется как превращение формы движения. Ф. Энгельс приводит следующий пример превращения: «Трение можно рассматривать как ряд маленьких ударов, происходящих друг за другом и друг подле друга; удар можно рассматривать как концентрированное в одном месте и на один момент трение. Трение – это хронический удар, удар – мгновенное трение. Исчезающее здесь механическое движение исчезает *как таковое.* Оно непосредственно не восстановимо из самого себя. Процесс непосредственно не обратим. Механическое движение превратилось в качественно отличные формы движения, в теплоту, в электричество – в формы молекулярного движения» (ib.: 428). Переходы при известных обстоятельствах форм движения друг в друга показывают, что они являются формами одного и того же движения (ib.: 400).

Формы движения подразделяются на две большие группы – формы движения неживой природы и органические формы движения (ib.: 391). Дифференцируются низшие, простейшие формы движения и высшие, более сложные формы движения (ib.). В качестве наипростейшей

формы движения виделась механическая форма движения (простое перемещение) (ib.: 444). Говорится о множестве физических форм движения (ib.: 356).

Одна форма движения развивается из другой (ib.: 565). «Так, например, стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-либо отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать закон о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть политическое движение, – пояснял К. Маркс. – И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает политическое движение, то есть движение класса, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества» (33: 282-283).

Более высокая (сложная) форма движения возникает на основе низших, необходимым образом связана с ними и включает их в себя: «органическая жизнь невозможна без механического, молекулярного, химического, термического, электрического и т. п. изменения» (20: 563).

В отношении к ним высшая форма движения описывается главная форма, а низшие – как побочные формы. «Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом рассматриваемом случае. Мы, несомненно, “сведем” когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» – предупреждал Ф. Энгельс (ib.).

5.3. Движение как процесс

Ограниченность домарксовского материализма «заключалась в неспособности его понять мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии…» (21, 287). Великая заслуга Г. В. Ф. Гегеля, по оценке Ф. Энгельса, состояла в том, что «он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий, в равной мере достойных – перед судом созревшего ныне философского разума – лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать его внутреннюю закономерность среди всех кажущихся случайностей» (20: 22-23).

Свою совместную с К. Марксом теорию Ф. Энгельс характеризовал как «разъяснение процесса развития, который заключает в себе ряд последовательных фаз» (36: 497). Иронично замечалось: «Выходит, что если бы Ричард Львиное сердце и Филипп-Август ввели свободу торговли, вместо того, чтобы впутываться в крестовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества» (39: 84). Как раз именно крестовые походы стимулировали международную торговлю, а также освобождение крестьянства. «Многие феодалы, отправляясь в поход, прямо отпускали крестьян на свободу, – констатировал Ф. Энгельс. – Другие умерли, погибли; сотни дворянских родов исчезли, и их крестьяне тоже часто добивались свободы» (19: 339).

В практическом плане процессное видение позволяло учитывать закономерную последовательность стадий движения и прогнозировать его ход. Например, то, что уместно на конкретной стадии процесса, изживает себя на последующих его стадиях: «Существует закон развития партий, заключающийся в том, что когда партия достигает определенной степени силы, то оказываются нецелесообразными те самые выступления, без которых она не могла обойтись в дни своей юности» (38: 249).

Каждая стадия процесса должна быть пережита для его полного развития: «Слишком быстрый ход событий для нас тоже нежелателен. Нам тоже еще требуется время для развития» (ib.:

251). Поэтому не нужно торопить события: «Совершенно ясно, что дело все ближе подходит к тому моменту, когда наши люди во Франции станут единственно возможными руководителями государства. Только пусть бы это не наступило слишком скоро; наши люди во Франции далеко еще не созрели для власти» (ib.: 254).

От лица рабочего класса Франции К. Маркс провозглашал: «Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять par decret du peuple готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей» (17: 347).

И не вполне ясно, какова неизбежная последовательность ступеней процесса: «Обстоятельства, однако, теперь таковы, что абсолютно нельзя предвидеть, какие промежуточные ступени заполнят этот промежуточный период» (38: 480). Соответственно В. И. Ленин подчёркивал, что надо «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (ПСС-39: 67).

Таковы прикладные выводы из онтологии движения как процесса. Между тем допроцессуальное миропонимание предполагало другие выводы. Например, П. А. Гольбах ориентировал общество исключительно на механические преобразования: он рекомендовал изгнать из души заблуждения, злобу и тревоги; удалить богов в область воображения; сломать скипетр в кровавых руках тирании; разбить цепи и др.[58] Очевидно, что разрушение результатов процесса неизбежно возвращало его к истокам.

Ф. В. Й. Шеллинг так оспаривал «допроцессный» взгляд: «Считается, например, что чему-то такому, каковым является христианство, вообще не следовало бы существовать; кроме того, оно должно находиться вне истинной истории, т. е. должно представляться как не-сущее, а именно как явление, которое обязано своим происхождением непониманию, произвольному или непроизвольному заблуждению. Такой взгляд на историю хотел бы сделать бывшее небывшим, прошедшее, поскольку оно не соответствует его совершенно случайным понятиям, сделать несуществующим, т. е. не имеющим никакого влияния и значения для настоящего. Такой подход выходит за рамки одного лишь теоретического взгляда, упраздняя непрерывность самого образования, лишает настоящее его основы, базиса, но тем самым ставит под сомнение все будущее. Мы не можем начать мир сначала, ибо тем самым нам пришлось бы при надлежащей последовательности вернуться к самой древности. Мы не можем совсем покончить с христианством. Мы не можем ни сделать его небывшим, ни упразднить того, что возникло в результате христианства, а именно ту величайшую и глубочайшую перемену, свидетелем которой когда-то стал весь мир. Мы должны признать христианство как сущее, так же, как должны признать самостоятельность любой природной формации. Нам не удастся исключить его из ряда вещей, как не удастся забыть ни об одном из многочисленных семейств растений, хотя среди них есть такие, отсутствие которых мы даже не ощутили бы, и наш рассудок, наверное, даже не осознал бы их недостатка»[59].

Если Ф. В. Й. Шеллинг противопоставлял процессуальность жизни механическому движению, то Г. В. Ф. Гегель мыслил как процесс всю природу. Характеризуя различные процессы, он указывал на то, что процесс: начинается с непосредственных предпосылок, протекает в определенных условиях, снимает свои предпосылки, содержит определенные моменты, проходит ступени, включает последовательные процессы, угасает в своем продукте[60].

---

[58] *Гольбах П. А.* Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. С. 683-684.
[59] *Шеллинг Ф. В. Й.* Философия откровения. Т. 2. СПб., 2002. С. 28-29.
[60] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 3. М., 1972. С. 179-182.

Предмет своего исследования К. Маркс фиксировал как тот или иной процесс. В первой главе третьего тома «Капитала», подводя промежуточные итоги проделанной работы, К. Маркс писал: «В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический *процесс производства*, взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется *процессом обращения*, который составил предмет исследования второй книги. Там, – именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, – оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*» (25-I: 29).

При этом для К. Маркса ориентиром была позиция физика, который «наблюдает процессы природы» (23: 6). Критически оценивая отчеты о торговых кризисах, представленных комиссией палаты общин парламента Великобритании, К. Маркс их принципиальный недостаток усматривал в том, что «они трактуют каждый новый кризис как изолированное явление, впервые возникающее на социальном горизонте и поэтому объясняющееся будто бы событиями, движениями и факторами, исключительно присущими – или такими, которые счи-таются исключительно присущими, – только одному периоду, именно периоду, истекшему между предпоследним и последним потрясениями» (12: 586). По словам К. Маркса, «если бы ученые физики пользовались таким же наивным методом, то даже появление кометы каждый раз заставало бы мир врасплох» (ib.). По его убеждению, необходимо дать объяснение периодическому характеру кризисов мирового рынка, точным датам этой периодичности, а также выявлять как общее в торговых кризисах, так и их отличительные черты.

Резюмируя позицию К. Маркса, Д. Лукач писал: «все бытие – и природа и общество – должно рассматриваться как исторический процесс»[61]. И далее Д. Лукач пояснял: «...Он снова и снова показывал, сколь многое из того, что мы привыкли понимать как “вещное” при правильном понимании оказывается процессом <…> Везде, где мы приходим к правильному мыслительному пониманию природы, основные ее явления оказываются необратимыми процессами процессуально изменяющихся комплексов» (ib.: 276).

Взгляд на мир как совокупность процессов имел, согласно Ф. Энгельсу, большое методологическое значение: «Если же мы при исследовании постоянно исходим из этой точки зрения, то для нас раз навсегда утрачивает всякий смысл требование окончательных решений и вечных истин; мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем» (21: 302).

Тождество изменения и покоя – это момент (движения). Движение, будучи по своей сути, моментальным, является движением от некоторого одного момента к некоторому другому моменту. Процесс – дифференцированное единство моментов движения.

Ближайшим значением латинского «momentum» является «движение». Другие же значения это и «движущая сила», «повод», «влияние», изменение», «отрезок пространства или времени» и пр.[62] Существенно то, что термин «момент» фиксирует как целостность движения, так и его пространственно-временную определенность. Момент, таким образом, амбивалентен и представляет собой некоторый элемент пространственно-временного континуума.

---

[61] *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Пролегомены. М., 1991. С. 275.

[62] *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 2003. С. 492.

5.4. Пространственно-временной континуум

Пространство и время – сеть отношений сосуществования и последовательности моментов движения. Из-за цикличности процесса его различные последовательные ступени существуют рядом и одновременно: последующее существует одновременно с предшествующим.

Так происходит, например, на фабрике с непрерывным производством, «где имеет место как прохождение всем сырым материалом ряда различных частичных процессов во временной последовательности, так и одновременное нахождение различных его частей рядом друг с другом в различных частичных процессах» (50: 53). В процессе кругооборота капитала, когда часть его покидает одну стадию, а другая только вступает в нее, то капитал «постепенно проходит во временной последовательности весь свой периодический метаморфоз» (ib.). При этом части капитала особенные фазы процесса проходят одна подле другой: «Пока одна часть капитала функционирует в процессе производства как рабочая сила, хлопок, уголь и т. д., другая часть превращается из пряжи в деньги и одновременно третья часть вновь превращается из денег в элементы производства, которые поступают в процесс производства, между тем как его продукт как раз покидает его в форме пряжи» (ib.). Единство и непрерывность процесса кругооборота опосредствованы последовательностью и рядоположенностью метаморфозов.

Взаимообусловленность и взаимопревращения процессов позволяют говорить о взаимосвязи пространства и времени в пространственно-временном континууме. Континуум (от лат. continuum – непрерывное) – непрерывное, сплошное; непрерывная совокупность, в которой переход от одного элемента к другому происходит постепенно. Любой устойчивый процесс должен быть непрерывным, т. е. «периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии» (23: 579).

Непрерывность пространственно-временной организации процессов конституируется благодаря метаморфозам, превращениям форм движения. «Великий основной закон движения» Ф. Энгельс предлагал понимать не только отрицательно и количественно – лишь как закон *сохранения* энергии, но и в виде закона *превращения* энергии. Более содержательным представлялось исследование «самого процесса превращения, того великого основного процесса, в познании которого находит свое обобщение все познание природы» (20: 14).

Вместе с тем превращение формы движения есть скачок. «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом», – писал Ф. Энгельс (ib.: 66). Но непрерывность в природе не нарушается, потому что «она слагается сплошь из скачков» (ib.: 586).

Ф. Энгельс подчеркивал, что *hard and fast lines* [*абсолютно резкие разграничительные линии*] несовместимы с теорией развития (ib.: 527). Разграничительные линии между объектами расплывчаты и не безусловны, «все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов» (ib.)[63]. А эти промежуточные звенья, почти не поддающиеся классификации, открываются и множатся с каждым днем (ib.: 13-14).

В связи с этим он обращал внимание на следующее замечание Ш. Фурье: «Люди нового времени всюду терпели неудачи в изучении природы именно потому, что они не знали теории исключений или переходов, теории *"помесей"*. Примеры "помесей": "айва, нектарин, угорь, летучая мышь" и т. д.» (ib.: 646). Актуальной задачей Ф. Энгельс считал «установление отдельных переходов и связей всех, даже самых малых, звеньев в цепи бытия» (ib.: 54).

---

[63] Ф. Энгельс сожалел: «К несчастью, Либкнехт видит только или белое или черное, для него не существует оттенков (39: 379). При этом: «…Он всегда находится под влиянием минуты, а стало быть, сегодня и здесь называет белым то, что завтра и где-нибудь в другом месте назовет черным, и самым искренним образом будет утверждать, что не противоречит себе» (38: 461).

Этноязыковую непрерывность он видел в диалектном континууме Центральной Европы: «Язык меняется от деревни к деревне, чуть ли не от одной фермы к другой» (11: 205).

Аналогичная непрерывность дана в процессах: «Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология доказывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс» (20: 21).

В общественной жизни классовое деление не выступает в чистом виде, так как «средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах)» (25-I: 208). Между противоположными направлениями мысли существуют «различные промежуточные оттенки, множество мелких “разновидностей”» (46-I: 72). Частная собственность имеет бесконечные оттенки форм – промежуточные состояния, лежащие между крайностями (23: 171). Это обусловлено тем, что первобытная общая собственность лишь после более или менее долгих промежуточных стадий превращается в частную собственность (20: 142).

Констатировалось, что:

– любой общественный переворот «протекает среди пестрого хаоса переходных форм» (23: 484);

– развитие общественных отношений «не может происходить иначе, как с большой постепенностью, среди массы переплетающихся, переходных форм и кажущихся возвращений к прошлому» (ПСС-3: 536);

– «всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм» (ПСС-6: 385).

На основе представления о пространственно-временном континууме приветствовалось «непритязательное, спокойное, но непрерывно прогрессирующее развитие немецкого пролетариата» (18: 497).

Глава 6. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

6.1. Mixtum compositum

Mixtum compositum – сложная смесь, невообразимая, сумасбродная мешанина (28: 311). Данный термин К. Маркс использовал для описания отдельных объектов. В известном смысле это гештальт восприятия, в соответствии с которым всё сложно, даже если на первый взгляд кажется простым.

Так, как mixtum compositum определяется политическое устройство сословного государства (1: 274), его законодательная власть (ib.: 316), бюджет Великобритании (11: 24), финансовая система Франции (45: 5), содержимое хлеба (15: 572), зонтик. В отношении последнего говорится: «Но так как зонтик есть mixtum compositum [соединение] совершенно разнородных составных частей, то мало-помалу изготовление последних стало предметом особых отраслей производства, не зависимых друг от друга и расположенных в различных местах» (23: 367).

Да и всякая вещь не проста, а сложна. «На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью, – писал К. Маркс. – Его анализ показывает, что это – вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений» (ib.: 80–81).

Замечание К. Маркса относимо не только к товару, но и к любому явлению действительности. «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом…» – писал В. И. Ленин (ПСС-18: 277).

Восприятие мира как смешения (миксиса) укоренено в материалистической традиции. В своей докторской диссертации К. Маркс приводил стихи Эмпедокла: «Но есть только смешение и распад смешанного. – Вот то, что у людей называется Природой (40: 80).

Неприятие смешения восходит к мифологеме чистоты, к требованию предпочтения чистоты перед скверной, порядка – перед беспорядком, космоса – перед хаосом. Архаическое сознание воспринимает смешение как нечистоту и осквернение, подлежащие преодолению в ритуалах очищения.

В античной философии смешения реабилитируется, разрабатываются разнообразные концепции миксиса (и миксации). В «Политике» Аристотеля встречаем такое суждение: «...смешение прекрасно; а такое смешение заключается именно в середине, так как в ней находят место обе противоположности»[64]. В метафизике Аристотеля любое отдельное сущее является сложным, многосоставным, комбинируемым из разных видов целым. Все – не просто, а сложно и смешано.

Существующее смешение есть и результат и предпосылка дальнейшего развития.

Так, английский либерализм XIX века «представляет собой по преимуществу мешанину всех сект и сектантских причуд этой богатой сектами страны» (39: 330). Эклектический средний социализм, господствовавший в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии характеризовался как «смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе, – смесь, которая допускает крайне разнообразные оттенки и которая получается тем легче, чем больше ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани» (20: 19).

Из хаоса рождается порядок. «Из смешения народов, происходившего в раннем средневековье, – писал Ф. Энгельс, – постепенно развивались новые национальности, процесс, при котором, как известно, в большинстве бывших римских провинций побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировало победителя – германского властелина» (21: 409).

Результаты реформ Р. Оуэна описывались следующим образом: «Население Нью-Ланарка, постепенно возросшее до 2500 человек и состоявшее первоначально из крайне смешанных и

[64] *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М., 1976. С. 505.

по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, тяжбы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями» (20: 272). А достиг он этого потому, что начал с простого: ввел школы для детей, начиная с двухлетнего возраста; сократил продолжительность рабочего дня до 10,5 часов.

Таким образом, можно найти руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в кажущемся лабиринте и хаосе, и внести свет в этот хаос.

6.2. Всеобщая причинность

Детерминизм (от лат. determinare – «ограничивать, очерчивать, определять») – представление о взаимосвязи и взаимной определённости всех явлений и процессов, доктрина о всеобщей причинности.

В системе мира все движения происходят взаимосвязанно и взаимообусловленно. Размышляя о причинности, Ф. Энгельс писал: «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, – это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их *обусловленность* друг другом. Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), – по крайней мере, не встречаются в таком виде, – и что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры» (ib.: 55).

Важно отметить, что взаимосвязаны и взаимообусловлены не просто тела (или явления), а движения тел (или явления как движения). За одним движением следует другое движение: «…Движение возникает из другого движения, но никогда не возникает из неподвижности…» (ib.: 544-545). В этой выделенной последовательности «сменяющиеся движения выступают перед нами – одно как причина, другое как действие» (ib.: 547). Это и есть причинность, когда одно движение есть причина другого (ib.: 545).

С прекращением причины прекращается и действие: cessante causa, cessat effectus (2: 50). И наоборот, с прекращением действия исчезает движущая его причина: «Причина, которая не действует, не есть вовсе причина» (20: 570).

Понятно, что другое движение – действие (следствие) – в свою очередь выступает причиной: «…то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» (ib.: 22).

Таким образом, любое «движение является результатом перенесения, преобразования или продолжения какого-нибудь предшествующего движения» (ib.: 54). Перенос движения совершается во взаимосвязи с другими различными движениями (условиями), часто очень многообразными и сложными. «Если не хватает одного условия, – писал Ф. Энгельс, – то переноса движения не происходит, пока это условие не осуществится» (ib.: 598).

Поскольку движение происходит во взаимодействии с другими движениями, в том числе со встречными, то возникает противодействие – сопротивление, которое противопоставляется перенесению движения (ib.: 404). Недостаточное сопротивление также иногда рассматривается как причина эффекта: «Не мышьяк виновен в том, что кто-то, приняв его, умирает, а виновна неспособность организма этого человека переварить мышьяк» (3: 396).

Движение неизбежно становится причиной чего-либо. Следствие есть открытое проявление причины (42: 250). Характер следствия определяется причиной, содержится в причине включенным в нее (ib.).

Представление о причинности основывается на наблюдении об устойчивой последовательности, регулярной повторяемости движений («теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем» (20: 545)). А проверяться представление о причинности может в деятельности человека:

«Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца» (ib.).

Если прослеживается во всех деталях последовательность движений (например, при выстреле: «весь процесс воспламенения, сгорания, взрыва, вызванного внезапным превращением в газ, давление газа на пулю» (ib.)), то при отсутствии известного по опыту эффекта, для «каждого подобного отклонения от правила мы можем, произведя соответствующее исследование, найти его причину: химическое разложение капсюльного ударного состава, сырость и т. д. пороха, поврежденность ствола и т. д.» (ib.).

Наличие последовательности причин и следствий может учитываться и следующим образом: «Когда самоеды убивают зверя, то, прежде чем содрать с него шкуру, они уверяют его серьёзнейшим образом, что только русские причинили ему зло, что режет его русский нож и что, следовательно, вся месть должна быть обращена только на русских» (1: 133).

Выделяемое действие (следствие) может происходить по множеству причин. Например, увеличение числа занятых на фабриках рабочих происходит по трем различным причинам: а) вследствие расширения уже существующей промышленности; б) вследствие применения машин на ремесленных предприятиях той же отрасли; в) вследствие перехода на фабричную организацию других отраслей (47: 486).

У отдельного, конкретного движения (эффекта, явления) причины могут быть главные и менее важные, основные и сопутствующие, более или менее значительные, простые и сложные, известные и неизвестные, действительные (истинные) или мнимые, конечные первопричины (относительно), достаточными, случайные, внешние и внутренние, глубокие причины и мелкие поводы. Масштабное событие может долго созревать и разражаться в момент, будучи обусловленным комплексом целого ряда причин (ПСС-36: 531).

Аналогично, причины порождают множество разнообразных следствий – прямых и побочных (косвенных), ближайших и отдаленных (последствий). Например, с развитием буржуазии из средневекового сословия в современный класс, «ее всегда и неизбежно сопровождает, как тень, пролетариат» (20: 108). Социальная и политическая деятельность пролетариата развивалась нога в ногу с подъемом промышленности (16: 417).

При известной регуляции в человеческой деятельности причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых желают (20: 295). Только надлежит бороться не с нежелательными следствиями, а с причинами, например: не с юридической надстройкой, а с экономическим базисом (16: 383), а последний изменять развитием технического базиса, производительных сил.

6.3. Динамический хаос

В диалектическом материализме внимание фокусируется на массовых явлениях, на множестве случайно происходящих событий. Об этом писал, например, В. И. Ленин, комментируя данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом: «И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности <…> Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная “теория предельной полезности”» (ПСС-26: 67).

Взгляд с точки зрения массовых экономических явлений фиксирует прежде всего случайность происходящего. «Экономисты говорят, что средняя цена товаров равна издержкам производства; это, по их мнению, – закон. Анархическое движение, в котором повышение цены

компенсируется ее падением, а падение – повышением, они рассматривают как случайность. С таким же правом можно было бы – как это и делают иные экономисты – рассматривать колебания цен как закон, а определенно их издержками производства как случайность, – иронизировал К. Маркс. – На самом же деле только в ходе этих колебаний, – приносящих с собой, как выясняется при более близком рассмотрении, ужаснейшие опустошения и сотрясающих, подобно землетрясениям, самые устои буржуазного общества, – только в ходе этих колебаний цены и определяются издержками производства. Совокупное движение этого беспорядка есть его порядок» (6: 438).

«Партию движения», с которой себя ассоциировали К. Маркс и Ф. Энгельс, противники окрестили «партией анархии» (7: 89). Анархическое движение обладает собственным порядком. Об этом обстоятельстве, ссылаясь на статистику, писал Ф. Энгельс применительно к правовой жизни общества: «Кто несколько знаком со статистикой преступности, тому должна бросаться в глаза своеобразная регулярность, с какой ежегодно возрастает преступность и с какой определённые причины порождают определенные преступления. ... Для большого города или для целого округа можно с достаточной точностью заранее предсказать, как это нередко делалось в Англии, ежегодное число арестов, уголовных преступлений, даже число убийств, краж со взломом, мелких краж и т. д.» (1: 570).

В мире явлений – на поверхности явлений – все кажется случайным. В природе – «в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности» (21: 305). Кроме того, в истории: «…В общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» (21: 306).

Таким образом, на поверхности явлений, т.е. в эмпирической действительности «царствует, в общем и целом, по-видимому, случай» (ib.). В то же время для Ф. Энгельса несомненно «наличие закономерности внутри этих случайностей» (ib.: 305-306). Данная закономерность постепенно проступает: «Восемнадцатый век собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотичные данные познания были упорядочены, выделены и приведены в причинную связь» (1: 599). Точка зрения диалектики, по его убеждению, состоит в том, что через бесконечный ряд кажущихся случайностей прокладывают себе путь общие законы движения, «бессознательно, в форме внешней необходимости» (21: 302).

Множество случайных событий воспринимается как хаос. «Для греческих философов, – писал Ф. Энгельс, – мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим» (20: 349). Но с диалектико-материалистической точки зрения мир не остается неизменным завершенным творением.

Природа и сейчас видится как «хаос бесчисленных изменений», через который «прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий» (ib.: 11). Таким образом, видимый хаос обладает определенными регулярностями, закономерностями движения. В совокупном движении этого беспорядка наблюдается порядок.

Одна из таких регулярностей фиксировалась метафорой вихревого движения. К. Маркс упоминал сообщение Диогена Лаэрция о том, что «вихрь атомов, из которого все происходит, и есть демокритовская необходимость» (40: 164). Вихрь, происходящий от отталкивания и столкновения атомов друг с другом, есть субстанция необходимости (ib.: 176). Ф. Энгельс, в соответствии с современными ему космологическими представлениями принимал картину формирования галактик Вселенной из вихреобразно вращающихся раскаленных газообразных туманностей (20: 355).

В общественный жизни это представлялось следующим образом: «1848 год первоначально создал в Австрии страшнейший хаос, предоставив на какой-то момент свободу всем этим различным народностям, до тех пор, по милости Меттерниха, порабощавшим друг друга. Немцы, мадьяры, чехи, поляки, моравы, словаки, хорваты, русины, румыны, иллирийцы, сербы вступали во взаимные конфликты, в то время как внутри каждой из этих наций тоже шла борьба между различными классами. Но скоро в этом хаосе возник порядок. Борющиеся разделились на два больших лагеря: на стороне революции оказались немцы, поляки и мадьяры; на стороне контрреволюции остальные, т. е. все славяне, кроме поляков, румыны и трансильванские саксы» (6: 178).

Таким образом, мир изменений, случайностей упорядочен. Признавая данный факт, стали говорить о динамическом (детерминированном) хаосе[65]. Предвосхищением этого синергетического концепта можно считать утверждение Ф. Энгельса: «...То, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.» (21: 303).

Концепт динамического хаоса разрешает парадокс тождества необходимости и случайности – парадокс, к которому пришел метафизический материализм. Согласно его наблюдениям, «случайное необходимо, а необходимое точно так же случайно» (20: 532). Соответственно, «пестрое скопление различнейших предметов природы в какой-нибудь определенной местности или даже на всей Земле остается, при всей извечной, первичной детерминированности его, все же таким, каким оно было, – случайным» (ib.: 535).

Реализация необходимости осуществляется через массу случайностей. Например, «один и тот же экономический базис … благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации…» (25-II: 354).

С другой стороны, массы случайностей осуществляется в рамках необходимости. С необходимость, обусловленной шаг за шагом там, при наличии соответствующих условий (не обязательно везде и всегда одних и тех же), материя приходит к развитию мыслящих существ. Но появление мыслящего мозга именно у человека – чистая случайность (20: 523-524). «Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, – это было случайностью, – рассуждал Ф. Энгельс. – Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д.» (39: 175-176).

Это означает, что необходимость и случайность относительны. «Необходимость проявляется в конечной природе как *относительная необходимость,* как *детерминизм»*, – писал К. Маркс (40: 166). Аналогично можно утверждать, что случайность проявляется как относительная, детерминированная и ограниченная случайность. Следовательно, детерминизм в аспектах необходимости и случайности оказывается детерминизмом не абсолютным (механистическим, фаталистическим), а относительным (стохастическим).

---

[65] *Гулидов А. И., Наберухин Ю. И.* Диалектика необходимого – случайного в свете концепции динамического хаоса // Философия науки. 2001. № 1 (9).

6.4. Законы-тенденции

Великая заслуга Г. В. Ф. Гегеля виделась в том, что он доказал наличие внутренней закономерности в диком хаосе исторического процесса, закономерности, существующей среди всех блужданий и кажущихся случайностей этого процесса (19: 206).

Такие закономерности К. Маркс называл законами-тенденциями: «Вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» (25-I: 176).

Колебания рыночных цен К. Маркс называл барометрическими (23: 368). За этими колебаниями скрывается не просто беспорядочный произвол товаропроизводителей, но и преодолевающая его внутренняя, слепая естественная необходимость, действующая a posteriori. Не только цены, но и величины стоимостей непрерывно изменяются. Тем не менее «общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом» (23: 85). Для К. Маркса естественные законы капиталистического производства – это тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью (ib.: 6).

Законы-тенденции К. Маркс характеризовал как господствующие тенденции.

Во-первых, это означает, что какая-либо тенденция процесса не всегда господствовала. Так, констатировалось следующее: «Только по мере развития свободной конкуренции внутренние законы капитала – которые на первоначальных исторических ступенях его развития выступают лишь как тенденции – полагают себя как законы» (46-II: 154). В общем виде отмечается существование для каждого процесса своих критических пороговых параметров размеров массы охватываемых событий и интервала времени, при которых действие таких законов доступно выявлению: «Для допороговых масс событий и интервалов времени закон-тенденция “существует, не существуя”, его действие неуловимо»[66].

Во-вторых, формирующаяся тенденция сталкивается с препятствиями, которые ее сдерживают. Например, соответственно своей тенденции к постоянному и беспредельному расширению (46-I: 402), к снятию локальной замкнутости и формированию мирового рынка «капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни» (ib.: 387). Но самым большим пределом для этой тенденции к универсализации является сам капитал. При кризисах и войнах буржуазное общество возвращается к варварскому состоянию (ib.: 176). На внешней периферии мирового капиталистического хозяйства капитал «исчезает». В Азии богатство могло быть зарыто в землю как сокровище, вступая «в совершенно тайную связь с индивидом» (ib.). Идет накопление золота и серебра в качестве украшений и предметов роскоши у полуварваров (ib.).

Наблюдается регрессия капитала в докапиталистические формы, как в случае организации плантационного рабства. Или капитал стимулирует регенерацию архаических форм, в частности, второе издание крепостничества (35: 107) в странах второго эшелона капиталистического развития. Так, в XIV и XV столетиях в Европе происходит рост богатств городов. «Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, которое питалось грубой пищей, одевалось в грубую одежду и должно было довольствоваться неуклюжей мебелью», – писал Ф. Энгельс (19: 340). Дворянству стали необходимы города: «…Ведь свое единственное орудие производства – свои доспехи и свое оружие – оно получало из городов!

[66] *Иванов В. Т.* Законы-тенденции // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 243.

Сукна, мебель и украшения местного производства, итальянские шелка, брабантские кружева, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности – все, за исключением мыла, оно покупало у горожан» (21: 407). Деньги для покупки мог доставлять только крестьянин. «Отсюда – новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины, возобновившееся и все растущее стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общую землю марки в господскую землю», – резюмировал Ф. Энгельс (19: 340).

В-третьих, как замечал К. Маркс, упорно прокладывающая себе путь тенденция капиталистического способа производства может наталкиваться на препятствия, создаваемые большей частью самим же капиталистическим способом производства (49: 69). В мануфактурный период капиталистического способа производства полное осуществление присущих мануфактуре тенденций наталкивалось на разнообразные препятствия. Например: «Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит» (23: 380). Ремесленное искусство и искусные рабочие составляли объективный скелет мануфактуры. Рабочие ревностно охраняли длительный срок обучения учеников. Рабочие проявляли своевольство и недисциплинированность. От совокупного работника зависело само существование мануфактуры: «…Мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой…» (ib.).

В-четвертых, закон-тенденция развивающегося процесса сталкивается с контртенденцией, порождаемой в самом этом процессе. Например, если капитал имеет тенденцию распределяться между отраслями в правильных пропорциях, «то точно такой же необходимой его тенденцией является выходить за пределы пропорциональности, так как капитал без всякой меры гонится за прибавочным трудом, за добавочной производительностью, за добавочным потреблением и т. д.» (46-I: 391). Как следствие, через механизм межотраслевых взаимосвязей «выход за пределы существующих пропорций в одной отрасли производства выталкивает за рамки этих пропорций все отрасли, и притом в неодинаковых соотношениях» (ib.: 392).

В отношении капитала отмечалось, что он «действует в двух противоположных направлениях, и перевес по временам берет то одна, то другая тенденция» (46-II: 108). Сегодня указывается, что «процессы, подчиняющиеся действиям закона-тенденции, могут иметь побочные результаты, способные накапливаться и, при достижении некой меры, кардинально изменять условия протекания исследуемого процесса и изменять характер тренда»[67]. Так, капиталу в одинаковой мере присущи тенденции:

– как создавать пауперизм, так и устранять его (ib.: 108);

– как *безгранично повышать производительные силы, так и* делать односторонней, лимитировать *главную производительную силу* – самого *человека* (46-I: 403) (но «сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства» (23: 498-499));

– как безмерно удлинять рабочий день (ib.: 418), так и соглашаться на введение рабочего законодательства, ограничивающего продолжительность рабочего времени (ib.: 511–512);

– при системе поштучной платы повышать индивидуальную заработную плату выше среднего уровня, понижая сам этот уровень (ib.: 566).

Противоположные тенденции суть необходимые тенденции капитала, а последний есть живое противоречие, единство этих противоречивых тенденций (46-II: 290).

[67] Там же.

В-пятых, «противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции» (25-I: 254), имманентны процессу. По отношению к закону тенденции нормы прибыли к понижению К. Маркс констатировал: «И таким образом в общем оказывается, что те самые причины, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызывают противодействия, тормозящие это понижение, замедляющие и отчасти парализующие его. Они не уничтожают закона, но ослабляют его действие. Без учета этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения. Таким образом закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени» (ib.: 261-262).

К. Маркс считал ошибкой, что формулируя абстрактный экономический закон, не учитывают изменение и постоянное упразднение этого закона, благодаря чему он только и осуществляется. В итоге получается так, что «закон определяется в политической экономии через свою противоположность, через отсутствие закона; истинный закон политической экономии есть случайность, из движения которой мы, ученые, произвольно фиксируем в форме законов отдельные моменты» (42: 18).

Закон-тенденция прокладывает себе путь «сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел» (32: 112). Индивидуальные различия в производительности труда и заработной плате сглаживаются в мастерской в целом (23: 565). Индивидуальные отклонения в норме эксплуатации уравновешиваются для всего общества (23: 335).

Ориентация на средние величины имеет важное теоретическое и практическое значение. Спрос и предложение если и покрывают друг друга, то только случайно. Но этот исключительный случай рассматривается как норма, так как отклонения от нее «имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию» (25-I: 208). За более или менее продолжительный период спрос и предложение всегда взаимно покрываются, но «результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия» (ib.). В результате рыночные цены «выравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус» (ib.). Исходя из этого, затраты капиталиста «рассчитаны на колебания и выравнивания в течение более или менее определенного периода времени» (ib.).

Аналогично, общая норма прибыли относительно стабильна, так как колебания «в отдельных сферах производства приводят к тому, что колебания отчасти уравновешиваются благодаря своему чередованию во времени, так что за повышением цен следует их понижение и наоборот; следовательно, колебания остаются местными, т. е. ограниченными определенной сферой производства; наконец, по этим же причинам различные местные колебания взаимно нейтрализуются» (25-I: 185). Непрерывность и всесторонность движения капитала, его постоянное перераспределение между отраслями и местностями есть причина изменения общей нормы прибыли, но такую причина, которая вследствие этого движения «опять-таки в значительной степени парализует самое себя» (ib.). Общая норма прибыли может быть зафиксирована «только как средняя величина для многих предприятий и для целого ряда лет» (39: 355).

Таким образом, множество случайных факторов взаимно компенсируются и уравновешиваются. Внутренний закон становится видимым лишь только тогда, когда случайности охватываются в больших массах (25-II: 395–396).

К. Маркс полагал, что не только законы капиталистического способа производства, но и все экономические законы действуют в виде тенденции (25-I: 191). Не будет преувеличением сказать, что все общественные законы действуют как тенденции.

В XX веке стало понятно, что законы-тенденции действуют и в обществе и в природе. Более того, все законы стали восприниматься как тенденции, т. е. как стохастические (статистические) законы – законы средних величин, действующие в области массовых явлений случайного характера. «Реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью»[68], – писали И. Пригожин и И. Стернгерс. Динамические, жестко детерминистские законы интерпретируются как предельный случай репрезентации законов статистических, когда ситуация идеализируется и от целого ряда случайных факторов абстрагируются [69].

Таким образом, актуальные представления науки о законах стали согласовываться с массовым практическим опытом. «Но интуитивно, на основе эмпирических наблюдений, люди в своей практической деятельности еще задолго до этого считались с существованием статистических законов. Например, для предварительного определения урожайности крестьяне прибегали к массовым выборочным намолотам»[70]. К. Маркс также отмечал: «Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме. Средняя цена является путеводной звездой, например, для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно большой период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам» (13: 176). Таким образом, закономерность проявляется как средняя, массовая закономерность при взаимопогашении индивидуальных уклонений (ПСС-26: 68).

[68] *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 2003. С. 224.
[69] *Рузавин Г. И.* Статистические и динамические закономерности // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 653.
[70] *Яхот О.* Статистические и динамические закономерности // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 130.

Глава 7. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

7.1. Феномен и явление

Необходимой областью философии является феноменология – учение о феномене, его сущности и её явлении. Указывалось, что субъектам присуще «феноменологическое сознание» (40: 138). Напоминалось, что Г. В. Ф. Гегель дал «феноменологию христианского духа» (3: 139).

Понятия «феномен» и «явление» в философии, как правило, не разграничиваются[71]. К. Маркс и Ф. Энгельс данные понятия различали. Например, К. Маркс замечал: «Этот факт, это действительное отношение спекулятивное мышление сводит к явлению, к феномену» (1: 224).

Когда говорилось о феномене, то прежде всего имелось ввиду нечто необычное, особенное. Так, Ф. Энгельс писал: «Французская революция есть феномен; поэт Гёте и немецкая литература, в качестве её дополнения и духовного выражения, являются для меня тоже феноменом. Пусть старый светский или практический мир погиб в огне, разве это не возвещение и не утренняя заря нового духовного мира, порождающего гораздо более благородные, широкие, новые, практические миры? Жизнь, проникнутая античным самопожертвованием, античной правдой и античным героическим духом, сделалась снова возможной, стала действительно зримой для самого современного человека – феномен, несравнимый в своём совершенном покое ни с каким другим! Мы слышим здесь отзвуки новой мелодии сфер, которые вновь прорвались сквозь сплошной жаргон и диссонансы того, что зовётся литературой» (ib.: 587).

Ф. Энгельс в отношении Т. Карлейля: «Поэтому Карлейль со своим пантеизмом, ведущим своё происхождение от немецкой литературы, является тоже “феноменом” в Англии, и притом довольно-таки непонятным феноменом для практических и скептических англичан. Они смотрят на него с изумлением, говорят о “немецком мистицизме”, об исковерканном английском языке; иные утверждают, что, в конце концов, тут что-нибудь да скрывается; его английский язык, правда, не обычен, но всё же он красив; Карлейль – пророк и т. п., но никто толком не знает, какое всему этому можно найти применение» (ib.: 589).

Многогранную характеристику феномена лорда Пальмерстона дал К. Маркс: «Лорд Пальмерстон – бесспорно интереснейший феномен официальной Англии. Хотя он уже старик и с 1807 г. почти непрерывно подвизается на политической арене, он всегда умудряется придавать себе прелесть новизны и возбуждать все те надежды, которые обычно возлагаются на многообещающих и неискушенных юношей. И хотя он уже стоит одной ногой в могиле, все еще считают, что его настоящая карьера впереди. Если бы Пальмерстон завтра умер, вся Англия была бы поражена, узнав, что он целых полвека был министром. Не будучи универсальным государственным деятелем, он, несомненно, универсальный актер; ему одинаково хорошо дается как героический, так и комический стиль, как пафос, так и фамильярный тон, как трагедия, так и фарс; впрочем фарс, пожалуй, больше соответствует его характеру. Он не первоклассный оратор, но совершенный полемист. Обладая удивительной памятью, большим опытом, непревзойденным тактом, неизменной находчивостью и гибкостью светского человека, будучи тончайшим знатоком всех парламентских махинаций, интриг, партий и деятелей, он с милой непринужденностью судит о самых сложных делах, приспосабливаясь каждый раз к предрассудкам любой аудитории. Его беспечность служит ему защитой от всяких неожиданностей, эгоизм и ловкость предохраняют его от порывов откровенности, а крайнее легкомыслие и аристократическое безразличие оберегают от запальчивости. Удачными остротами он умеет расположить всех в свою пользу. Никогда не теряя самообладания, он тем самым импонирует своим самым ярым противникам. Если ему и недостает общих воззрений, зато он

[71] *Крюков А. Н.* Понятия «явление» и «феномен» в трансцендентальной философии (Кант, Гуссерль, Финк) // Кантовский сборник. 2020. № 4. С. 30.

всегда готов плести изящный узор из общих фраз. Если он и неспособен овладеть каким-либо предметом, то все же умеет им играть. С трепетом уклоняясь от борьбы с сильным врагом, он умеет создать себе врага слабого» (11: 61-62).

В немного другой редакции еще говорилось: «Не будучи человеком широких планов, далеко идущих комбинаций, не преследуя никаких великих целей, он ввязывается в затруднения только для того, чтобы затем эффектно из них выпутываться. Ему нужны осложнения, ибо они дают ему возможность проявить свою деятельность, и, если их не оказывается налицо, он сам их создает. Он находит наслаждение в мнимых конфликтах, в мнимых битвах с мнимыми противниками, в обменах дипломатическими нотами, в приказах к отплытию судов, пока, наконец, вся эта суматоха не заканчивается для него бурными парламентскими дебатами, которые непременно принесут ему минутный успех, составляющий постоянную и единственную цель всех его стремлений. Он действует в международных конфликтах как артист, доводя дело до определенной грани, отступая, когда положение становится угрожающим, но при всех обстоятельствах достигая той драматической напряженности, в которой он нуждается. В его представлении само историческое развитие является не более как развлечением, изобретенным специально для личного удовольствия благородного виконта Пальмерстона оф Пальмерстон» (9: 360–361).

«Мы берем феномен в той форме, в какой он проявляется наиболее полным образом», – замечал К. Маркс (47: 70). Можно сказать, что феномен дан с очевидностью, во всей своей полноте, в различных планах, аспектах, перспективах… Феномен каким-то образом представляется (24: 128). Сознание относится к нему согласно совокупности своих определений и рассматривает его с точки зрения каждого из этих определений (42: 161).

Явление – в отличие от феномена – есть явление чего-то и выказывает нечто иное, отличное от него самого. Явление имеет причины, оно чем-то порождается или из чего-то проистекает. Оно может быть своеобразным или очередным, обычным или исключительным. Его можно объяснить и воспроизвести в той или иной форме.

Отношение к явлению в известной степени одномерно. «При исследовании явлений государственной жизни слишком легко поддаются искушению упускать из виду объективную природу отношений и всё объяснять волей действующих лиц, – констатировал К. Маркс. – Существуют, однако, отношения, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания. Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы не будем искать добрую или злую волю попеременно то на одной, то на другой стороне, а будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица. Раз доказано, что данное явление с необходимостью порождается существующими отношениями, то уже нетрудно будет установить, при каких внешних условиях оно должно было действительно осуществиться и при каких оно осуществиться не могло, несмотря на то что уже имелась потребность в нём» (1: 192-193).

Таким образом, явление интересно не столько само по себе, сколько тем, что за ним находится.

7.2. Видимость явления и действительность

Таким образом, явление дано как проявление чего-то, находящегося за ним. Проявлений, как правило, множество и они разнообразны. Поскольку они воспринимаются органами чувств, то говорят о видимости явления.

Проявления замечаются в различных ситуациях, что обусловливает специфику отдельных, частичных восприятий и интерпретаций. Характеризуя перцептивные возможности газетного корреспондента, К. Маркс писал: «…Газетный корреспондент, передавая со всей добросовестностью услышанный им голос народа, вовсе не обязан в любое время быть готовым к тому, чтобы дать исчерпывающее и мотивированное изложение, касающееся всех обстоятельств дела, всех поводов и источников. Не говоря уже о том, что такая работа потребовала бы много времени и средств, газетный корреспондент может считать себя только частицей многосложного организма, в котором он свободно избирает себе определённую функцию. Один, скажем, больше изобразит непосредственное, почерпнутое из общения с народом, впечатление, произведённое его бедственным положением; другой – историк – займётся историей создавшегося положения; эмоциональный человек даст описание самой нужды; экономист рассмотрит средства, необходимые для её уничтожения, – причём разрешение этого единого вопроса может опять-таки даваться с различных сторон: то в местном масштабе, то по отношению к государству в целом и т. п.» (ib.: 188).

И далее К. Маркс заключает: «Так, при живом движении печати раскрывается вся правда в целом. Сперва это целое выступает перед нами только в виде различных, одновременно развивающихся взглядов, выдвигающих – то намеренно, то случайно – какую-либо одну сторону явлений. Но, в конечном счёте, пресса этой своей работой только подготовила для одного из своих участников тот материал, из которого он создаёт единое целое. Так пресса, шаг за шагом, посредством разделения труда, выясняет всю правду, – не тем путём, что кто-либо один делает всё, а тем, что каждый из этого множества людей делает какое-либо одно небольшое дело» (ib.: 188).

Это дело, впрочем, может делать и один человек, последовательно обращаясь к различным способам описания явления. В своем гимназическом сочинении К. Маркс писал: «Перед тем, кто пожелает исследовать вопрос о том, каким было время Августа, открывается много способов, с помощью которых он может об этом судить: во-первых, он может прибегнуть к сравнению с другими эпохами римской истории, ибо если показать, что время Августа было похоже на те предшествующие эпохи, которые называют счастливыми, и не похоже на те эпохи, в которые, по суждению современников и новейших исследователей, нравы изменились и ухудшились, государство раскололось на партии, а на войне его постигали неудачи, – то по этим эпохам можно делать заключения об эпохе Августа; затем нужно исследовать, что говорили об этой эпохе древние, как смотрели на империю чужеземцы, боялись ли они ее или презирали, и, наконец, как обстояло дело с искусствами и литературой» (40: 594).

Субъектность видимости иллюстрируется на примере Л. Фейербаха: «Ошибка Фейербаха заключается не в том, что лежащую под носом чувственную *видимость* он подчиняет чувственной действительности, устанавливаемой путём более точного изучения чувственных фактов, а в том, что в конечном счёте он не может справиться с чувственностью без того, чтобы рассматривать её “глазами” – т. е. через “очки” – *философа*» (3: 42).

Демокрит считал, что чувственный мир есть субъективная видимость (40: 162). И он воплощал в себе «беспокойство наблюдения, экспериментирующего, всюду ищущего познаний, странствующего по свету» (ib.: 163). Это снимало ситуативную субъективность.

Подобная субъективность снимается и историческим наблюдением. «Наблюдая, как французы вечно впадают в подобного рода паническое состояние из-за боязни таких ситуаций, когда приходится смотреть правде в глаза, – получаешь гораздо лучшее представление о периоде господства террора, – писал Ф. Энгельс. – Мы понимаем под последним господство

людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот, – это господство людей, которые сами напуганы. Террор – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставлявших себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обделывавших свои делишки при терроре» (33: 45)

Эпикур полагал, что чувственно воспринимаемые явления объективны: как сообщает Цицерон, «величина солнца в действительности такова, какой она нам кажется» (40: 162). Поэтому в Эпикуре «воплощены покой самоудовлетворенного мышления, самостоятельность, которая черпает свое знание ex principio interno [из внутреннего принципа]» (ib.: 163). И это тоже оправданно: факт личного существования подтверждал объективность чувственного воспринимаемого. Отсюда другое отношение к миру: «…Эпикурейцы высказывались в том смысле, что мир должен быть освобождён от обмана, т. е. от страха перед богами, ибо мир – мой друг» (3: 127).

Видимость явления обычно описывалась как внешняя («в противоположность закону явления» (23: 317)), затемняющая, маскирующая и скрывающая внутренние связи, причины и механизмы действительного движения. На этом основании внешняя видимость явлений зачастую оценивалась как обманчивая видимость. Но это не исключает наличие достоверной видимости (в противном случае живые организмы не выжили). Например, Ф. Энгельс уверенно замечал, что «по всей видимости» общинная собственность в России идет к своему разложению (15: 255).

Разрыв между восприятием внешности явления и пониманием его внутренней основой преодолевается действием, выявляющим и утверждающим действительность. «…Природа должна быть расколота для того, чтобы было достигнуто единство духа внутри себя, – писал К. Маркс. – Греки разбивали природу гефестовым молотом искусства, создавая статуи; римлянин направлял свой меч прямо в ее сердце, и народы умирали…» (40: 51–52). Англичане, чтобы свести видимость к её принципиальному содержанию, сосредоточиваются «на ближайшем, на осязаемой действительности, на внешней стороне практической деятельности» (1: 504).

В. И. Ленин констатировал: «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)» (ПСС-29: 200).

Впрочем, действительность также субъектна – в зависимости от базисного типа деятельности субъекта. К. Маркс, например, писал: «Поэтому даже ясная как день действительность кажется чиновнику иллюзорной по сравнению с действительностью, засвидетельствованной в актах, – следовательно в официальном, следовательно в государственном порядке, – а также по сравнению с той точкой зрения, которая опирается на эту официальную действительность» (1: 200). Бюрократическая действительность сохраняет свой авторитет, как бы ни менялись времена (ib.: 201).

Действительность обнаруживается со временем. Ф. Энгельс о парадной внешности новых коттеджей для рабочих, казалось бы, построенных на века, писал: «…Только видимость, видимость, от которой через десять лет уже ничего не останется» (2: 294). Причины следующие: «…Крохоборство при самой постройке коттеджа, отсутствие всякого ремонта, то обстоятельство, что дома часто пустуют и жильцы быстро сменяются; наконец, разрушения, которые квартиранты, большей частью ирландцы, производят в течение последних десяти лет до окончания срока аренды, нередко ломая деревянные части, чтобы топить ими печи, – всё это по истечении сорока лет превращает эти коттеджи в развалины» (ib.: 295).

Еще один вариант – борьба: «И такая борьба, в которой явно и открыто выступают наружу все пружины и причины, действовавшие ранее во всех исторических конфликтах неясно и скрыто…» (ib.: 552).

Поскольку видимость объективна, есть одна из сторон объективного мира (ПСС-29: 89), то она играет важную роль при ориентации в деятельности. Так, видимость достаточного спроса гонит производство за пределы правильной пропорции (46-I: 401). Феодальная видимость системы физиократов, «совершенно так же, как аристократический тон эпохи Просвещения – должна была сделать немалое количество феодальных господ восторженными приверженцами и распространителями такой системы, которая по существу провозглашала буржуазную систему производства на развалинах феодальной» (26-I: 25).

7.3. Относительность сущности

Комментируя цензурную инструкцию прусского правительства от 24 декабря 1841 г., К. Маркс отмечал, что она создает видимость улучшения, не улучшая дела по существу (1: 4). Институт цензуры основан, по его убеждению, на *мировоззрении видимости*, которому противостоит *мировоззрение сущности* (ib.: 54).

Практическое значение дифференциации видимости и сущности иллюстрировалось, в частности, на материалах официальной статистики чайной торговли. Так, официальная статистика фиксировала незначительное потребление чая на душу населения в России, так как не принимала во внимание контрабандную торговлю. А чай в Иркутске стоил дороже, чем в Санкт-Петербурге, поскольку продаваемый петербургскими торговцами чай состоял «на 1/3 из обычного черного чая, на 1/3 – из уже бывших в употреблении и снова высушенных листочков чая и на 1/3 – из так называемого плиточного чая» (50: 80).

Характеризуя правовое состояние Англии с точки зрения доктрины «правового государства», Ф. Энгельс с горечью констатировал вопиющее противоречие теории и практики: «Все власти, установленные конституцией, – корона, палата лордов и палата общин – растаяли на наших глазах; мы видели, что государственная церковь и все так называемые прирождённые права англичан – пустые названия, что даже суд присяжных в действительности только одна видимость, что самый закон не имеет действительной силы; короче говоря, что государство, которое само поставило себя на точно определённую, законную основу, эту свою основу отвергает и попирает. Англичанин свободен не в силу закона, а вопреки закону, если он вообще свободен» (1: 641).

Его особенно огорчало то обстоятельство, что «люди преклоняются перед пустыми названиями и отрицают действительность, не хотят ничего о ней знать, противятся признанию того, что действительно существует, что сами создали; они обманывают самих себя и пользуются условным языком с искусственными категориями, из которых каждая – пасквиль на действительность; они трусливо цепляются за пустые абстракции, лишь бы не признаваться себе в том, что в жизни, на практике дело идёт совсем о других вещах» (ib.).

Хотя истинная сущность английской конституция «то здесь, то там чересчур уж открыто выступает наружу» (ib.), то благоразумно мыслящие люди «и если даже начинают понимать, что всё это сооружение – сплошная неправда и фикция, то и тогда ещё крепко держатся за него, крепче, чем когда-либо, чтобы только не распадались пустые слова, несколько без всякого смысла поставленных рядом букв, ибо именно эти слова и суть устои мира, и без них мир и человечество должны были бы низринуться во мрак хаоса!» (ib.).

Ф. Энгельс предлагал «с полным омерзением отвернуться от этого сплетения явной и скрытой лжи, лицемерия и самообмана» (ib.). Ближайшим будущим Англии он считал демократию.

Впрочем, исход грядущей социальной революции Ф. Энгельс видел двояким: «Либо восставшая сторона направит свой удар только против видимости, а не против сущности, только

против формы, а не против самой сути вещей, либо она доберётся до самой сути вещей, до самых корней зла. В первом случае частная собственность будет сохранена и произойдёт лишь её перераспределение; тогда останутся в силе те причины, которые вызвали теперешнее положение вещей, и через более или менее короткий срок они опять вызовут такое же положение, а вместе с ним новую революцию» (2: 553). Таким образом, различение видимости и сущности формировало принципиально важную альтернативу.

Установку на выявление сущности, не всегда совпадающей с видимостью явлений, К. Маркс считал общенаучной установкой. Все науки, как подчеркивал он «стремятся выяснить скрытую за обыденными явлениями и, как правило, по своей форме противоречащую обыденному явлению (такому, например, как движение Солнца вокруг Земли) сущность...» (47: 612).

Правда, сущности усматриваются также религией: «В религии люди превращают свой эмпирический мир в некую лишь мыслимую, представляемую сущность, противостоящую им как нечто чуждое» (3: 176). В религиозных представлениях сущности автономны и в своем генезисе не связаны с людьми.

Объективный идеализм конструирует сущности обобщением представлений: «…Я из действительных яблок, груш, земляники, миндаля образую общее представление *“плод”; …*я иду дальше и *воображаю,* что моё, выведенное из действительных плодов, абстрактное представление “плод” есть вне меня существующая сущность…» (2: 63). Но такая абстракция неэвристична: «Спекулятивный разум видит в яблоке *то же,* что в груше, в груше то же, что в миндале, а именно – “плод”» (ib.).

Диалектический материализм имеет дело с движением в явлениях, а проявления этого движения объясняются как обусловленные не всегда очевидными причинами. «Задача науки, – подчеркивал К. Маркс, – заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» (25- I: 343). Движение явлений необъяснимо неподвижными, внешними сущностями.

Наличие подобного внутреннего движения предполагал Г. В. Ф. Гегель, говоря о поступательном движении вперёд государственного строя в его формировании: «Это поступательное движение есть изменение, которое невидимо и не имеет формы изменения» (цит. по: 1: 282). А законодательная власть легитимирует изменения в государстве. К. Маркс пояснял: «Иными словами: государственный строй есть с точки зрения закона (в иллюзии), но в действительности (поистине) он становится. По своему назначению он неизменен, но в действительности он изменяется, только это изменение совершается бессознательно, оно не имеет формы изменения. Видимость противоречит сущности. Видимостью тут является сознательно установленный закон государственного строя, а сущностью – его бессознательный закон, стоящий в противоречии к первому» (ib.: 283).

Сущность – это внутренняя основа предмета (явления), но она может проявляться вовне и существовать в качестве его внешней сущности. Человеческая сущность опредмечивается в предметах (42: 122). Человек есть сущность всех социальных образований (1: 264). Сущность человека становится предметной (42: 160), объективированной (ib.: 157). «…Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений», – писал К. Маркс (ib.: 242).

Например, сущность еврея – торгашество и его предпосылки – получила своё всеобщее действительное осуществление в гражданском обществе. Она проявляется как еврейская ограниченность современного общества (1: 412–413).

Соответственно, сущность предмета может быть не только внутренней, но внешней по отношению к нему: «труд рассматривается как сущность частной собственности» (42: 140). Сущность денег – это отчужденная, отчуждающая и отчуждающаяся родовая сущность человека (2: 149). В общем виде: «Существо, несовершенное не только для меня, не только с моей

точки зрения, а несовершенное в самом себе, имеет вне себя нечто такое, чего ему недостает, т. е. его сущность есть что-то иное, чем оно само» (42: 174).

Сущность предмета может быть собственной (особой, специфической) и более общей (всеобщей). Так, человек обладает природной сущностью, человеческой сущностью, родовой сущностью. В качестве его сущности может рассматриваться труд (ib.: 159).

Таким образом, предмет обладает несколькими сущностями разного порядка. «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца», – писал В. И. Ленин (ПСС-29: 227). Сущность предмета может быть высшей (1: 133), а может быть и глубочайшей (26-III: 495). Отмечалось, что «сущность вещей и явлений оказывается не простой, ординарной, однородной, а сложной, многоступенчатой, как бы многослойной или многоэтажной»[72]. Она «не раскрывается сразу, целиком и полностью до конца, а только постепенно, шаг за шагом, ступень за ступенью, “этаж” за “этажом”» (ib.: 251-252).

Неоднородность сущности выражена в разнообразии особенных сущностных сил: «Своеобразие каждой сущностной силы – это как раз ее своеобразная сущность, следовательно и своеобразный способ ее опредмечивания, ее предметно действительного, живого бытия» (42: 121). Например, опредмечивание солнца в растении есть обнаружение его животворной силы, «его предметной сущностной силы» (ib.: 163).

Множественность сущностей можно проиллюстрировать на примере выделения сущности государства. Укажем на различные варианты выделения К. Марксом и Ф. Энгельсом данной сущности, не субординируя эти варианты между собой:

– «суверенитет, составляющий сущность государства» (1: 245);

– «демократия есть сущность всякого государственного строя» (ib.: 252);

– «сущность государства есть абстрактное, частное лицо» (ib.: 264), т. е. государь как личность государства (ib.: 248);

– «государство и есть “общее дело”» (ib.: 356);

– «государство – это “союз семей”, который, прибавим мы от себя, принадлежит на правах наследственной собственности высочайшей семье, именуемой династией» (ib.: 374);

– «завершённое политическое государство является по своей сущности родовой жизнью человека» (ib.: 391);

– «государство есть устройство общества» (ib.: 440);

– «сущность государства, как и религии, заключается в страхе человечества перед самим собой» (ib.: 620);

– «централизация – это принцип государства» (41: 326);

– «существенный признак государства состоит в публичной власти, отделенной от массы народа» (21: 118);

– «это насилие в его организованной форме называется *государством*» (20: 647).

Констатировалось, что сущность полна противоречий (2: 37; 40: 209). Следует постигать их генезис, их необходимость (1: 325).

Как подчеркивал В. И. Ленин, «диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей» (ПСС-29: 227). Сущность подвижна (42: 167). Неизменной сущности вещей не бывает: «“Сущность” вещей или “субстанция” *тоже* относительны...» (ПСС: 18–277).

[72] *Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 2006. С. 251.

7.4. Соотносительность субстанции и субстрата

В. И. Ленин отмечал, что диалектика изучает противоположность явления и «сущности, субстрата, субстанции» (ПСС-29: 227). Сущность является, т.е. лежит в основе явления. А в основе сущности находятся субстрат и субстанция. Поэтому приветствовалось «углубление познания от внешности явлений к субстанции» (ib.:143).

Субстанция и субстрат слабо различимы. Так, в своей докторской диссертации К. Маркс писал: «…Все, что проявляет себя как субстанция, относится к числу субстратов, подлежащих, – того, что лежит в основе» (40: 119). А позже он замечал: «…Деньги выступают по отношению к товарам как нечто существующее, материальная субстанция денег, их субстрат как определенное количество золота и серебра безразличны...» (46-I: 158). Часто субстанция (и субстрат) понимались как вещество (материал), составляющее основу явления. Например, говорилось о вещественном субстрате электрического движения (20: 439) и химических составных частях, образующих субстанцию органического тела (20: 610). Выделялась главная субстанция предмета и вспомогательные материалы, принимавшие участие в его образовании (23: 192). В этом смысле товары и деньги описывались как преходящие субстанции капитала (46-I: 221).

Наряду с этим, в интенции категории субстанции и субстрата выполняли разные познавательные функции.

Категория субстанции фиксировала:

– абстрактно-всеобщее качество в совокупности единичных тел (1: 600), присущее им в отвлечение от их особых качеств (23: 54);

– нечто одинаковое, единое в телах: «Как стоимости, товары представляют собой нечто единое, они – всего лишь выражения одной и той же единой субстанции – общественного труда» (26-III: 33);

– «внутреннее имманентное специфическое качество» (40: 99);

– общее единое начало тел, например: «…все товары суть лишь выражения одного и того же единого начала, труда… он есть субстанция товаров как стоимостей» (26-III: 140);

– единое начало некоторого множества, обладающее свойством саморазвития, дифференциации: «…стоимость товаров … внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы» (23: 165);

– себетождественность этого начала в непрестанной смене его форм и способов существования (46-I: 209).

При характеристике стоимости как субстанции К. Маркс стремился дистанцироваться от натуралистически-вещественного значения категории субстанции: «Общая всем товарам субстанция, т. е. их субстанция, взятая опять-таки не как их материальное вещество, т. е. не как их физическое определение, но их общая им всем субстанция как товаров, а потому и как меновых стоимостей, состоит в том, что товары представляют собой овеществленный труд» (ib.: 222). И наоборот, говоря о субстрате, он подчеркивал его материальный (натуральный) статус: «…О потребительной стоимости речь шла лишь в той мере, в какой она является необходимым условием, материальным субстратом меновой стоимости» (23: 69).

Следовательно, субстанция и субстрат являются внутренней основой явления, но основой разного порядка. Субстанция – это самая глубокая сущность явления, а субстрат – носитель, на котором существует субстанция (и явление). Например, потребительная стоимость характеризовалась «лишь как материальный субстрат экономических отношений» (48: 330).

При этом субстрат не рассматривается как самодвижущееся, саморазвивающееся начало в рассматриваемом явлении. Субстрат значим лишь как носитель субстанции: «Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости» (23: 197). Субстрат отбирается и модифицируется для выполнения конкретной экономической функции: «Первоначально мы

видели это при рассмотрении денег, где природа субстрата, который служит им в качестве носителя, потребительная стоимость того товара, который функционирует в качестве денег, сама определяется посредством экономической функции» (48: 330).

В связи с этим в советской философии было предложено понимать под субстанцией себетождественность формы (уровня) движения[73]. Основой субстанции является субстрат (от суб- и лат. stratum – слой, пласт) – субстанция другого, генетически предшествующего уровня движения (ib.: 54). В свою очередь этот предшествующий процесс сам является снятием другого типа движения, т. е. имеет свой субстрат. Субстрат определяет спектр возможностей развития феномена и его субстанции, а это развитие изменяет субстрат и создает возможности для дальнейшего саморазвития.

Э. В. Ильенков определял субстанцию как объективную реальность в аспекте «ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует…»[74]. По его убеждению, понятие субстанции позволяет систематизировать однородные явления, установить критерий распознавания и выделения этих явлений из моря эмпирических фактов, установить ее внутренне необходимые различения. «Все без исключения категории капиталистической экономики понимаются тут как различные “модусы” этой одной и той же, общей им всем, субстанции. И если та или иная форма экономических отношений не поддается “выведению” из этого всеобщего начала, то это значит, что она и не принадлежит вовсе к составу исследуемого здесь конкретного саморазвивающегося целого. Поэтому каждая последующая категория “Капитала” (деньги, заработная плата, прибавочная стоимость, прибыль, рента, процент и т. д.) определяется как специфицированная, модифицированная категория стоимости – как более конкретная (развитая) форма проявлений той же субстанции», – указывал Э.В. Ильенков (ib.: 153).

Все различения в рамках описания определенной формы (уровня) движения вводятся как внутренние по отношению к субстанции, выступают как ее модификации (*модусы*). Каждая такая модификация обладает собственной спецификой относительно целого и может рассматриваться как некая производная субстанция. Так, наряду с общественной субстанцией (23: 125) выделялись нравственная субстанция (1: 162), экономическая субстанция (46-I: 222).

На примере соотнесения абстрактно-общего представления «плод» как субстанции и действительных яблока, груши, земляники, миндаля К. Маркс поставил проблему оснований содержательного выделения специфических модусов субстанции: «Спекулятивный разум видит в яблоке то же, что в груше, в груше то же, что в миндале, а именно – “плод”. Различные по своим особенностям действительные плоды являются отныне лишь иллюзорными плодами, истинную сущность которых составляет “субстанция” “плод”» (2: 63). Но из абстрактного представления «плод» трудно создать действительные плоды.

Проблема дифференциации субстанции на модусы разрешается учетом значимых различий в субстрате. «Здесь вновь обнаруживается и другое, – как потребительная стоимость, которая первоначально выступала у нас лишь как материальный субстрат экономических отношений, теперь сама оказывает решающее воздействие на экономическую категорию», – писал К. Маркс (48: 330). В частности, эмпирически находятся товары, пригодные для выполнения функции денег. Столь же эмпирически обнаруживается специфический товар «рабочая сила».

Наряду с модусами, внутренне необходимыми модификациями субстанции также выделяют *акциденции* – привходящие, случайные изменения субстанции, вызываемые различными внешними обстоятельствами. Так, в наследственном майорате субстанцией является наследственное имение, а землевладелец есть его акциденция: «Землевладение антропоморфизируется в различных поколениях» (1: 343).

---

[73] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 34.

[74] *Ильенков Э. В.* Субстанция // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 151.

Глава 8. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

8.1. Содержательность формы

В отношении классической политической экономии К. Маркс замечал, что за разнообразием различных фиксированных, индифферентных и чуждых друг другу форм богатства она пытается усмотреть как общий источник – форму, проявлениями которой они являются. Но она делает это слишком непосредственно, без выявления посредствующих звеньев. К. Маркс предлагает реализовывать генетическую трактовку, обеспечивающую понимание действительного процесса формообразования в его различных фазах (26-III: 525–526).

Первая форма основана на бесформенности. Ф. Энгельс полагал, что быстрое формообразование всего органического мира началось после того, как в совершенно бесформенном, бесструктурном белке, выполнявшем все необходимые жизненные функции, дифференцировались ядро и оболочка, т. е. образовалась первая клетка (20: 357).

Таким образом, форма вторична. Первичной по отношению к ней является сущность. «Форма существенна. Сущность формирована. Так или иначе в зависимости и от сущности», – писал В. И. Ленин (ПСС-29: 129).

Сущность есть общая основа многих явлений[75]. Но кроме сущности каждое явление включает в себя второстепенные моменты. Вместе с сущностью они образуют содержание. Таким образом, содержание шире сущности[76]. Сущность – это главное содержание[77].

Сущность множественна и многоуровнева. В соответствие с дифференциацией сущности дифференцировано и содержание. Устойчивая дифференциация содержания есть его форма, прежде всего, внутренняя форма: «Содержание любого предмета, явления определенным образом организовано, другими словами, всякий предмет всегда относительно устойчив, обладает определенной структурой. Эту относительно устойчивую, внутреннюю структуру предмета, которая обнаруживается и внешним образом, и характеризует форма»[78]. Форма есть внутренняя организация содержания[79].

Идеализм рассматривает форму как внешнюю по отношению к содержанию. От данной позиции К. Маркс дистанцировался еще в студенчестве. Характеризуя свои попытки систематики jus publicum, он писал: «Ошибка заключалась в том, что я воображал, будто материя и форма могут и должны развиваться отдельно друг от друга, и благодаря этому получил не реальную форму, а нечто вроде письменного стола с выдвижными ящиками, в которые я насыпал затем песку» (40: 11). Критикуя позже философию права Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркс замечал: «Гегель отрывает друг от друга содержание и форму, в-себе-бытие и для-себя-бытие, и это последнее бытие лишь внешне привносится Гегелем в качестве формального момента. Содержание в готовом виде существует у Гегеля во многих формах, которые не являются формами этого содержания; зато ясно само собой, что та форма, которая теперь должна иметь значение действительной формы содержания, не имеет своим содержанием действительное содержание» (1: 289).

На примере права К. Маркс формулировал идею неразрывности формы и содержания: «…Материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, –

---

[75] Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., 1968. С. 250.
[76] *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм. М., 1960. С. 586.
[77] Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. С. 251.
[78] Краткий словарь по философии. М., 1970. С. 292.
[79] *Кураев В*. Форма и содержание // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 383.

подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных» (1: 158).

Ф. Энгельс также писал неразрывности (или тождестве) формы и содержания: «Морфологические и физиологические явления, форма и функция обусловливают взаимно друг друга. Дифференциация формы (клетки) обусловливает дифференциацию вещества на мускулы, кожу, кости, эпителий и т. д., а дифференциация вещества обусловливает, в свою очередь, дифференцированную форму» (20: 620).

Содержательность формы усматривалась в том, что она есть «не одежда на другое тело», а отвердевшее содержание[80]. «Например, еще до того, как Корнель начинает писать своего “Сида”, существует выработанная веками и тысячелетиями структура драмы как зрелища, самодвижения художественной мысли через ее расчленение на вопросы и ответы (диалог), в отличие от эпической художественной мысли – повествования, данного как сообщение извне, как благовещение какой-то духовной силы, стоящей над действием персонажей, которую мы слушаем и ей доверяем, не парализуя ее движения критическими вопросами, – разъяснял свою мысль Г. Д. Гачев. – В драме же художественная мысль – в цепи вопросов и ответов, сама себя критикует, двигаясь не плавно, а непрерывно спотыкаясь, озираясь, с боем завоевывая каждую следующую ступень. При этом у структуры драмы есть еще множество тектонических свойств: завязка, развязка, qui pro quo, декорации и т. д. Так вот, не пронизывает ли эта живая структура мириадами невидимых нами силовых линий формирующуюся художественную идею “Сида”, его характеры и обстоятельства и т. д.?»[81]

Из принципа содержательности формы вытекает критическое отношение к формализму – искусственному отрыву формы от содержания – в его различных проявлениях. Например, формализмом является трактовка отношения капитала и наемного труда не как исторически (и следовательно, содержательно) определенной общественной формы, а как данной природой формы, безразличной к историческому этапу экономического развития (46-I: 278). В отношении автора «Экономических софизмов» (1845) замечается: «Г-н Бастиа обнаруживает необычайное глубокомыслие, утверждая, что *система наемного труда* является несущественной, чисто формальной формой, такой формой ассоциации, которая *как таковая* не имеет ничего общего с экономическим отношением труда и капитала» (46-I: 277). И дальше Маркс продолжает: «Поэтому *существенные* формы сами по себе представляются г-ну Бастиа *бессодержательными*, т. е. недействительными формами» (ib.: 278).

О взаимосвязи формы и содержания А. П. Шептулин писал: «Будучи структурой содержания, форма всегда содержательна, а содержание всегда формировано»[82]. «Но в этой взаимозависимости, в этом соотношении они играют неодинаковую роль, – подчеркивал он. – Определяющим является содержание, форма возникает под его непосредственным воздействием, под его влиянием» (ib.: 193). С содержания начинается развитие предмета и содержание определяет направления и темпы изменения формы[83].

Содержание непрерывно изменяется. Как следствие, форма не остается прежней. Новое содержание «...может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые...» (ПСС-41: 89).

---

[80] *Гачев Г. Д., Кожинов В. В.* Содержательность литературных форм // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. Т. 2: Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 20.
[81] *Гачев Г. Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 2008. С. 18.
[82] *Шептулин А. П.* Категории диалектики. М., 1971. С. 191.
[83] Краткий словарь по философии. С. 292.

Многие формы перерождаются, подчиняются. Указывалось, что вытесняемые формы общения могут на протяжении веков влачить свое существование рядом с побеждающей формой общения (3: 73). Более развитая структура содержит в себе погибшие формы, из обломков и элементов которых она построена (46-I: 42).

Примером может служить абсолютная монархия в Испании, которую К. Маркс относил к азиатским формам правления. «Испания, подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе, – писал он. – Деспотизм принимал различный характер в различных провинциях, где общее законодательство произвольно толковалось вице-королем и губернаторами; но при всем своем деспотизме правительство не мешало провинциям сохранять свои различные законы и обычаи, различные монетные системы, военные знамена разнообразных цветов и свою особую систему налогового обложения. Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот, связанных с действительным управлением» (10: 432-433). Таким образом, К. Маркс описывал испанскую абсолютную монархию как сложное государство, в составе которой находилось множество более простых маленьких государств-республик, образовавшихся в условиях историко-географического разнообразия страны.

8.2. Относительная самостоятельность формы

В развитии форма имеет самостоятельное значение. Это было очевидно К. Марксу, прежде всего, из юридического опыта. «Людям, не посвященным в тайны юриспруденции, трудно понять каким образом в самых простых судебных процессах неожиданно встают правовые вопросы, которые возникают не из существа данного судебного дела, а из предписаний и формул судопроизводства, – писал он. – Умение оперировать этими правовыми формулами делает человека адвокатом, как умение отправлять церковные обряды делает человека брамином. Как в процессе развития религии, так и в процессе развития права форма превращается в содержание» (11: 374).

Влияние формы на развитие содержание считалось как положительным, так и отрицательным. В отношении общественных форм развития процесса труда отмечалось следующее: «Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы» (25-II: 456). Первоначальная форма выступает условием развития, а впоследствии – оковами этого развития: «Эти различные условия, которые сначала являлись условиями самодеятельности, а впоследствии оказались оковами её, образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, – соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности индивидов, – форма общения, которая, a son tour [в свою очередь], превращается в оковы и заменяется другой формой» (3: 72).

Замещение другой формой и собственное развитие формы оценивалось как предпосылка развития содержания: «Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил...» (ПСС-8: 378). Примером является оценка кооперации как формы: «Кооперация, покоящаяся на разделении труда, или мануфактура, вначале представляет собой стихийно выросшее образование. Но как только она приобретает известную устойчивость и достаточную широту распространения, она становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства» (23: 376).

Универсализируемая форма может отличаться от первоначальной, заимствуемой формы. «Известно также и то, что все современные конституции в значительной мере основываются на неправильно понятой английской конституции и перенимают как нечто существенное как раз то, что свидетельствует об упадке английской конституции и существует еще и сейчас в Англии формально только per abusum [с натяжкой, с искажением] – например, так называемый ответственный кабинет, – приводил пример К. Маркс. – Неправильно понятая форма есть как раз всеобщая форма, и на определенной ступени развития общества – форма, пригодная для всеобщего употребления» (30: 505).

Таким образом, закрепившаяся и устоявшаяся форма стабилизирует и канализирует развитие. Поэтому К. Маркс говорил о важности постижения специфических форм: «То, что “формы обмена” кажутся Росси безразличными, равносильно тому, как если бы физиолог сказал, что ему безразличны определенные формы жизни, ибо все они – лишь формы органической материи. Но как раз только эти формы и важны для нас, когда речь идет о том, чтобы понять специфический характер какого-либо общественного способа производства» (26-I: 291).

Как бы ни была детерминирована форма содержанием, подчеркивается относительная самостоятельность формы: «Однако форма не пассивно следует за содержанием, она обладает относительной самостоятельностью и оказывает воздействие на содержание. Она может способствовать развитию предмета или, наоборот, тормозить его»[84]. Тормозящая роль формы объясняется тем, что «содержание отличается большой подвижностью, изменчивостью, а форме, наоборот, свойственна устойчивость» (ib.).

Об этом же писали, в частности, Г. Д. Гачев и В. В. Кожинов: «Между тем художественная форма – это как раз та сфера, та сторона литературы, которой более всего присущи устойчивость, постоянство, повторяемость. Конечно, и литературные формы способны к изменению и преобразованию, но они развиваются гораздо медленнее и постепеннее»[85]. К литературным формам указанные авторы относят такие моменты устойчивости и постоянства, как тысячелетнее существование основных литературных родов, видов и жанров, одни и те же типы сюжета, системы тропов и стихотворных метров.

Тысячелетиями выработанная содержательная форма закрепляет результаты всего предшествующего развития (ib.: 25). Это устойчивая предметность, которая сравнивается с «руслами» и «каналами», в которых совершается движение литературы. Каждое такое русло, разумеется, изменялось. «Оно расширялось и суживалось, расчленялось на разное количество рукавов, самое строение этого русла значительно преобразовывалось. Но так или иначе оно оставалось одним и тем же руслом литературы» (ib.: 18).

Сравниваемые с желобами и колеями устойчивые, канализированные траектории динамики принято обозначать в генетике термином «креод», а в математической экономике – термином «магистраль». Г. Д. Гачев и В. В. Кожинов сравнивают литературные формы с мощными аккумуляторами энергии, модифицирующими и усиливающими новое содержание. «Однако едва это новое начинает оформляться, как якобы мертвые формы вдруг оживают и наваливаются всей своей накопленной мощью на новое содержание, так что оно, чтобы не захлебнуться под потоком этой “мертвой воды”, должно напрячь всю свою силу, которая лишь теперь впервые и выявляется для обеих сторон (“содержания” и “формы”). В этом единоборстве и сотворяется, в конечном счете, нечто новое, не предполагавшееся ни новым содержанием, ни старыми формами. В нем торжествуют обе стороны. Новое, конечно, так или иначе изменяет старую форму. Но и сама эта традиционная форма незаметно для нового обволакивает его своей содержательной силой, так что в процессе творчества не только создается новое, но оживает и все тысячелетнее содержание (ib.: 21).

---

[84] Краткий словарь по философии. С. 292.

[85] *Гачев Г. Д., Кожинов В. В.* Содержательность литературных форм. С. 17.

А. П. Шептулин отмечал, что форма дает широкий простор развитию содержания[86]. «Вся ширь стремления, не знающего никаких границ, прорывается здесь в разных формах…» – писал К. Маркс о своих стихах (40: 9-10). Следовательно, разнообразие форм, выражающих одно содержание, является еще одним проявлением относительной самостоятельности формы.

8.3. Форма превращенная

Форма – это форма движения некоторого содержания. А все движение в природе состоит в непрерывном процессе превращения из одной формы движения в другую форму движения (21: 304). Какая-либо форма есть итог превращения другой, процессуально предшествующей ей формы. Поэтому любая форма есть превращенная форма.

Ф. Энгельс писал о том, что процесс превращения есть великий основной процесс природы (20: 13). В метафизическом представлении роды и виды растений и животных считались неизменными (ib.: 56), установленными раз навсегда при своем возникновении (ib.: 349). Например, М. Штирнер думал, что у овец или собак нет исторического процесса. К. Маркс и Ф. Энгельс были убеждены в том, что «овцы и собаки в своём теперешнем виде являются, несомненно, – правда, malgre eux [помимо их воли] – продуктом исторического процесса» (3: 71–72). Дарвинизм окончательно установил «ряд развития организмов от немногих простых форм до все более многообразных и сложных, какие мы наблюдаем в наше время, кончая человеком» (20: 512).

Концепт превращенной формы ориентирует на ретроспективу процесса формообразования. Удачно об этом писала Г. В. Старк: «“Форма превращенная” – это такая форма, которая является эффектом игры другой, исходной по отношению к ней формы (деньги – превращенная форма стоимости, прибыль – превращенная форма прибавочной стоимости и т.д.). Причем, цель этих превращений и опосредствовании может продолжаться до бесконечности. Прибыль как превращенная форма прибавочной стоимости превращается в новые, более конкретные формы процента и ренты, процент с капитала превращается, в свою очередь, в “сложные проценты” и т.д. По отношению к каждой новой форме предшествующая оказывается ее содержанием и внутренним единством, а каждая последующая – превращенной формой действительного существования предыдущей. Чем длиннее цикл, тем больше опосредствующих звеньев между исходной и превращенной формой, тем больше скрыты и нераспознаваемые следы самих этих опосредствований. Различные отношения и моменты не только обособляются в нечто самостоятельное, получая такой способ существования, при котором они кажутся не зависящими друг от друга, но они представляются как нечто данное от природы в естественно-историческом смысле»[87].

Действительно, К. Маркс писал о массе стертых и нераспознаваемых, невидимых промежуточных звеньев, связывающих через многочисленные превращения и опосредствования превращенные формы с первоначальным источником. В результате превращенные формы выглядят как особые, безразличные друг к другу, не зависящие друг от друга формы, регулируемые различными законами. Каждая из форм может сводиться к некоторому особому элементу как к своей мере и своему особому источнику, например: «…Каждая часть прибавочной стоимости представляется действием некоторой особой причины, акциденцией некоторой особой субстанции. А именно: прибыль – капитал, рента – земля, заработная плата – труд» (26-III: 509).

---

[86] *Шептулин А. П.* Категории диалектики. С. 193.

[87] *Старк Г. В.* Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса. Ростов н/Д, 1976. С. 139-140.

Свой несомненной заслугой К. Маркс считал то, что в противоположность всей прежней политической экономии, которая исследовала как нечто данное формы ренты, прибыли, процента, он прежде всего исследовал «общую форму прибавочной стоимости, в которой все это заключается еще в неразделенном виде, так сказать, в состоянии раствора» (32: 9).

Важна и перспектива превращений. О своих юношеских стихах К. Маркс писал: «…Каждая метаморфоза есть отчасти лебединая песнь, отчасти увертюра к новой большой поэме, которая стремится придать сверкающему богатству еще расплывающихся красок прочные формы» (40: 8).

Таким образом, какие-либо формы существуют не в исключительной данности и самодостаточности, а в сложной цепочке метаморфоз. Поэтому при оценке любой формы необходимо усматривать предшествующую форму, превращение из которой состоялось (например: превращение обезьяны в человека, товара – в деньги), а также исходную форму процесса.

Превращенные формы воспринимаются как самостоятельные и независимые формообразования, индифферентные по отношению друг к другу и не имеющие общего источника. В превращенных формах «не видно уже и следа их первоначальной сущности» (26-III: 517).

Особенность восприятия превращенной формы состоит в представлении об ее квазисубстанциальности: связи действительного происхождения «сняты» в ней, а форма обособляется, сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы[88]. «И тогда кажется, – комментировал А. А. Щитов, – что золоту от природы свойственно быть всеобщим эквивалентом, что ссудный процент приносят деньги, что заработная плата прямо зависит от произведенного количества потребительных стоимостей»[89].

Превращенность форм проявляется также в том, что в них повторяются снятые предыдущие формы. Так, Ф. Энгельс констатировал следующие факты: «Повторение морфологических форм на всех ступенях развития: клеточные формы (обе главные уже в Gastrula) – образование метамер на известной ступени: Annulosa, Arthropoda, Vertebrata. – В головастиках амфибий повторяется первобытная форма личинки асцидии. – Различные формы сумчатых, повторяющиеся у плацентных (даже если брать только живущих еще в настоящее время сумчатых)» (20: 620).

Налицо кажущееся возвращение к прошлому, отмечавшееся В. И. Лениным (ПСС-3: 536). Он также подчеркивал большую постепенность развития форм и наличие массы переходных форм (ПСС-3: 536).

8.4. Форма и гештальт

На определенных направлениях развития формообразование когда-то заканчивается. Когда эмпирически найденная форма инструмента кристаллизуется, то «он перестает изменяться, как это и показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого» (23: 497). «История мануфактуры в собственном смысле показывает, – писал К. Маркс, – как характерное для нее разделение труда сначала приобретает целесообразные формы чисто эмпирически, как бы за спиной действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится традицией закрепить раз найденную форму и, в отдельных случаях, закрепляет ее на целые века. Если эта форма изменяется, то, – за исключением совершенно второстепенных перемен, – всегда лишь в результате революции в орудиях труда» (ib.: 376). В результате форма приобретает завершенный, законченный и даже закостеневший вид.

Так, в Индии сформировались самодовлеющие общины, «которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем» (ib.: 371). К окаменевшим формам К. Маркс относил касты и цехи: «Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует

[88] *Мамардашвили М.* Форма превращенная // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 387.
[89] *Щитов А. А.* Становление диалектико-материалистической концепции формы и содержания. Ростов н/Д, 1989. С. 154.

образование в животном и растительном мире видов и разновидностей, – с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируются как общественный закон» (ib.: 352).

Римское право – законченное право простого товарного производства (36: 145). Примером законченной и более неповторимой формы можно считать также эпос. В отношении эпоса и ряда других форм искусства «признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда уже не могут быть произведены…» (46-I: 47). Древний мир представлялся «возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, законченную форму и заранее установленное ограничение» (ib.: 476).

Такую законченную форму К. Маркс обозначал термином Gestalt. В примечаниях к переводу «Энциклопедии философских наук» Г. В. Ф. Гегеля поясняется, что термин Gestalt трудно переводим на русский язык. Широко используемый К. Марксом термин Gestalt переводится как «образ», «форма», «вид», «характер», «строй»[90].

Отмечается, что Gestalt является точным немецким переводом платоновского понятия идеи, эйдоса. Предлагается в качестве наиболее адекватного перевод термина Gestalt «как прообраза, как организованности внешней и внутренней, как облика или лика» (ib.: 626).

Вместе тем указывается, что восходящее к И. В. Гёте употребление термина Gestalt относимо к ставшей, упрочившейся форме[91]. Действительно, И. В. Гёте писал: «У немца для комплекса проявлений бытия какого-нибудь реального существа имеется слово Gestalt. Употребляя его, он отвлекается от всего подвижного и принимает, что все частности, входящие в состав целого, прочно установлены, закончены и закреплены в своем своеобразии»[92]. В отношении остальных форм он писал, что «нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного; что все, напротив, скорее зыблется в постоянном движении» (ib.: 2).

Впрочем, то же относится и к такой форме как гештальт. В движении даже все кристаллизованное, окостеневшее рано или поздно разлагается и исчезает. «И понятно, – замечал В. И. Ленин, – что поиски нового не могут дать сразу тех определенных, установившихся, почти застывших и окоченевших форм, которые раньше складывались веками и веками держались» (ПСС-36: 154).

Впрочем, судьба законченных форм различна. Они могут переноситься готовом виде на другое место и утверждаться там полностью и без препятствий, например как община в Перу и в Уэльсе или как феодальная организация в Англии и Неаполе после нормандского завоевания (3: 73). Крупная капиталистическая промышленность «воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями» (23: 498). В рамках законченных форм могут возникать новообразования, которые развиваются на данной базе. Так, в окостеневшей системе родства активно развивается семья (21: 36). Возможен и такой вариант использования сложившейся формы: «В Италии мы являемся свидетелями удивительного зрелища: человек, занимающий самое реакционное положение во всей Европе, представитель окаменевшей идеологии средневековья – римский папа – стал во главе либерального движения. Движение в одно мгновение приобрело могучий размах…» (4: 463). В конце XIX века социалисты Австро-Венгрии стали опираться на императора Франца-Иосифа I, который «высказался за нечто, приближающееся ко всеобщему избирательному праву, и действительно думает, что это – необходимое дополнение ко всеобщей воинской повинности» (39: 181).

Интересно замечание Ф. Энгельса о том, что социалистические партии Великобритании и США превратили теорию развития К. Маркса «в окаменелую ортодоксию, к пониманию которой рабочие должны прийти, не руководствуясь своим собственным классовым чутьем, а проглотив ее залпом и без рассуждений в качестве символа веры» (39: 207). По его мнению, эти партии останутся «лишь сектами и придут, как говорит Гегель, от ничего через ничто к ничему» (ib.).

---

[90] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М., 1975. С. 627.
[91] *Режабек Е. Я.* В поисках рациональности (статьи разных лет). М., 2007. С. 41.
[92] *Гёте И. В.* Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 11-12.

РАЗДЕЛ III. ГЛАВНЫЕ ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ

Глава 9. ЗАКОН ПРЕВРАЩЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА

9.1. Взаимосвязь количества и качества

Каждая вещь воспринимается прежде всего со стороны качества и со стороны количества (20: 43). «Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества», – начинал в «Капитале» анализ товара К. Маркс (23: 43).

Античные авторы обращали внимание исключительно на качество (квалитативизм), тогда как в мануфактурный период подчеркивалась количественная сторона дела (квантитативизм (ib.: 377), восходящий к Пифагору – «статистику мироздания» (1: 32)). Диалектический материализм подчеркивает взаимообусловленность количества и качества.

Например, в случае анализа мануфактуры указывалось, что «мануфактурное разделение труда не только упрощает и разнообразит качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические пропорции для количественных размеров этих органов, т. е. для относительного числа рабочих или относительной величины рабочих групп в каждой специальной функции. Вместе с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции общественного процесса труда» (23: 358).

Взаимосвязь количества и качества описывается в различных аспектах.

Количественные изменения ведут к изменению качества. Так, «художник не пишет больших исторических полотен акварелью» (1: 42). Рост политической партии преобразует ее организацию: «в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же суровой, как в маленькой секте» (38: 76). В пролетарском движении «секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастет их; тогда они становятся реакционными» (18: 353).

От размера зависит способ бытия: «Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду – вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной (6: 416).

Качество имеет много количественных градаций (например, оттенки цветов), которые качественно различны и измеримы и познанию. Вещи обладают бесконечно многими качествами. Любые различные вещи всегда имеют общие качества (например, телесность). До крайности различные вещи могут помещены в бесконечный ряд других вещей, занимая свое место в системе природы. Деление неживого тела на все меньшие частицы сперва не ведет к качественному изменению. Но это имеет свой предел: молекула качественно отлична от физического тела, к которому она принадлежит, так как «она может совершать движения независимо от этой массы и в то время, как эта масса кажется находящейся в покое» (20: 386) Константы – это конкретные количественные значения, узловые (критические) точки, достижение которых ведет к качественным изменениям.

Взаимосвязь качественных и количественных характеристик создает основу для образования узловой линии мер, линейки качеств: «Орудия малых калибров в то время были подвижны, но неэффективны; орудия крупных калибров давали достаточный эффект, но были малоподвижны; пушки же средних калибров не обладали в достаточной мере ни тем, ни другим качеством, чтобы быть пригодными для выполнения всех задач. Вследствие этого сохранялись все калибры, и разные орудия смешивались в одну кучу, причем каждая батарея состояла как правило из обычного ассортимента орудий» (14: 202).

Качественные различия ведут к количественным изменениям. «Но ведь не количество, а качество, как говорят королевские философы в Берлине, обычно придает вещам величие или ничтожество и кладет на них печать возвышенного или смешного», – напоминал К. Маркс

(12: 98). В качестве примера может служить конституция Второй Французской республики: «Она возвела в основной закон несменяемость судей, на которую посягнуло было временное правительство. Один король, которого она низвергла, тысячекратно воскрес в этих несменяемых инквизиторах законности» (7: 41). Еще один пример – экспансия французских институтов: «В 1855—1856 гг. немцы получили вполне готовые мошеннические уставы французских Credits Mobiliers, подобно тому как в 1831 г. они получили из Франции готовые политические конституции. Француз семнадцатого столетия изумился бы, увидев двор Людовика XIV, воспроизведенный в стократном размере по ту сторону Рейна; французы последнего десятилетия были не менее изумлены, увидев в Германии шестьдесят два национальных собрания, между тем как они сами с таким трудом произвели на свет всего лишь одно)» (12: 58).

Образование рас, подвидов и видов живых организмов позволяет осваивать новые экологические ниши и расширять ареал обитания. Дифференциация труда, его разделение труда на качественно различные виды работ увеличивает его продуктивность. «Вследствие разделения общественных отраслей производства товары изготовляются лучше, различные склонности и таланты людей избирают себе соответствующую сферу деятельности, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного. Таким образом, и продукт и его производитель совершенствуются благодаря разделению труда», – писал К. Маркс (23: 378). Частичный труд превращается в жизненное призвание человека, а отдельным ремеслам придаются окаменевшие формы каст или формы цехов.

Вслед Г. В. Ф. Гегелем взаимосвязь количества и качества интерпретируется как закон взаимного перехода (или превращения). Конкретизируется, что речь идет об изменениях количества и качества, а также об их дифференциации. Так. Ф. Энгельс писал: «Закон перехода количества в качество и обратно. Закон этот мы можем для наших целей выразить таким образом, что в природе качественные изменения – точно определенным для каждого отдельного случая способом – могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии). Все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (энергии), либо, – что имеет место почти всегда, – на том и другом. Таким образом, невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела» (20: 385). Подчеркивается, что накопление количественных изменений происходит благодаря передаче движения (энергии) и потому – во взаимодействии по меньшей мере между двумя телами. «До сих пор еще никогда не удавалось превратить движение внутри отдельного изолированного тела из одной формы в другую» (ib.: 385).

9.2. Эффект кооперативности

Кооперативность – эффект, возникающий вследствие совместного действия элементов, активирующих друг друга. Эффект кооперативности может быть положительным, отрицательным или нейтральным.

Например, даже при простой кооперации, когда мастерская цехового мастера только расширена за счет дополнительных работников, уже в этом случае «в известных границах происходит некоторая модификация» (23: 334). Индивидуальные различия между рабочими погашаются и их труд становится общественно средним (по свидетельству Э. Бёрка, «пять первых попавшихся английских батраков зрелого возраста вместе взятые выполняют в одно и то же время совершенно такую же работу, как 5 любых других английских батраков» (ib.: 334)). «Следовательно, закон возрастания стоимости вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, – заключает К. Маркс, – когда последний производит как капиталист, применяет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд» (ib.: 335).

Далее возникает эффект масштаба, связанный с экономией в применении средств производства благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц: «Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть вместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит меньшего количества труда, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость сконцентрированных в массовом масштабе и применяемых совместно средств производства растет не пропорционально их размерам и их полезному эффекту» (ib.: 336). Экономию обеспечивается тем, что действенность общих условий производства не требует пропорционального роста их массы (ib.: 93).

В простой кооперации взаимная активация элементов происходит следующим образом: «…Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц…» (ib.: 337).

Простая кооперация позволяет мобилизовать работников в критические моменты времени, например, в период сбора урожая (ib.: 339). Кроме того, она позволяет при необходимости сузить или расширить пространственную сферу труда (ib.: 340).

Во всех этих ситуациях образуется качественно новое явление – общественная производительная сила труда (ib.: 341).

Мануфактура порождает новые общественные производительные силы. Так, при выполнении различных операций в процессе труда к работнику предъявляются разные требования: «В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае – больше ловкости, в третьем – больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере» (ib.: 361). В мануфактуре рабочие группируются сообразно их преобладающим способностям. «Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, на которой произрастает разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, коль скоро она введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям, – констатирует К. Маркс. – Совокупный рабочий обладает теперь всеми производственными качествами в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления его специфической функции» (ib.: 361-362).

В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост применяемых рабочих технической необходимостью. Теперь минимум рабочих, которых должен применять отдельный капиталист, предписывается наличным разделением труда. С другой стороны, выгоды дальнейшего разделения труда обусловлены новым увеличением числа рабочих, которое осуществимо лишь таким способом, что сразу увеличиваются в определенных пропорциях все производственные группы данной мастерской. Но вместе с переменной составной частью капитала должна возрастать и постоянная его часть, причем наряду с увеличением общих условий производства – зданий, печей и т. д., должно увеличиваться, – и гораздо быстрее увеличения числа рабочих, – количество сырого материала. Масса сырых материалов, потребляемых в течение данного промежутка времени данным количеством рабочих, увеличивается пропорционально росту производительной силы труда вследствие его разделения. Таким образом, рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных жизненных средств и средств производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры (ib.: 372). Качественное расчленение и количественная пропорциональность развивают общественную производительную силу труда.

Действует также фактор организации. Ф. Энгельс цитирует следующее наблюдение Наполеона: «Два мамлюка справлялись с тремя французами, потому что у них были лучшие лошади и сами они лучше ездят и лучше вооружены. У мамлюка пара пистолетов, мушкетон, карабин, шишак с забралом, кольчуга, несколько лошадей и несколько человек пешей прислуги. Но сотня французских кавалеристов не боялась сотни мамлюков; триста французов брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала 1500. Так сильно влияние тактики, порядка и эволюции!»[93]. Ф. Энгельс же подчеркивает, что «определенная минимальная величина конного отряда необходима, чтобы дать проявиться силе дисциплины, заложенной в сомкнутом строе и планомерности действия, и чтобы эта сила дисциплины выросла до превосходства даже над более значительными массами иррегулярной кавалерии, имеющей лучших коней, более искусной в верховой езде и фехтовании и, по меньшей мере, столь же храброй» (20: 132).

Отрицательный эффект кооперативности описан в следующем разъяснении К. Маркса в отношении немецкой политической действительности 1840-х гг.: «Речь идёт об изображении взаимного тягостного давления всех общественных сфер друг на друга, всеобщего бездеятельного недовольства, ограниченности, в одинаковой мере выражающейся как в самовозвеличении, так и в самоуничижении, – всего того, что заключено в рамки такой правительственной системы, которая живёт тем, что охраняет всякие мерзости, и сама есть не что иное как мерзость, воплощённая в правительстве» (1: 417).

9.3. Минимакс

Закон перехода на известной ступени количественных изменений в качественные различия К. Маркс упоминал, комментируя ситуацию существования минимальных и максимальных границ, в пределах которых возможно существование конкретных явлений. В частности, напоминается, что средневековые цехи ограничивали незначительным максимумом число работников, которых дозволялось иметь отдельному мастеру (23: 318).

К. Маркс констатировал, что «то, что, например, на базе цехового способа производства представляется максимумом (например, в отношении числа подмастерьев), едва может составить минимум для капиталистического отношения» (49: 77). Так, применяя двух рабочих, хозяин живет как рабочий. Чтобы жить вдвое лучше рабочего ему нужно «вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансируемого капитала» (ib.).

Экономико-математический концепт *минимакса* представляется возможным использовать для описания реальности, в которой выделяются минимум и максимум как пороговые точки. Например, Устав Союза коммунистов предписывал: «Ст. 6. Община состоит минимум из трех и максимум из двадцати членов Союза» (4: 525).

Минимум и максимум как пороговые границы, в пределах которых существуют любые явления, характеризуются в различных аспектах.

Например, К. Маркс отмечал существование житейского английского правила – уложить «наилучшие вещи в наименьшее по объему место» (30: 483).

Важно не только то, что минимум и максимум существуют применительно к определенным явлениям, но и то, что они дифференцированы в зависимости от условий. «Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий», – писал К. Маркс (23: 319). Ми-

[93] *Наполеон*. Избранные произведения. М., 1956. С. 660-661.

нимум капитала «тем больше в данной отрасли хозяйства, чем более она развита капиталистически, чем выше развита в ней производительность труда…» (48: 18). Минимум капитала возрастает с понижением нормы прибыли (25-I: 275).

В отношении заработной платы формулировался «закон товара труда, закон минимума заработной платы» (4: 415). Он основывался на том законе, что «конкуренция понижает цену всякого товара до минимума издержек его производства» (ib.). Минимум заработной платы понижается благодаря тому, что «постоянно отыскиваются новые способы кормить рабочих более дешевыми и худшими продуктами» питания (ib.). Так минимум цены обусловливает максимум потребления хлопка, картофеля и водки (ib.: 97).

Минимум заработной платы дифференцирован в зависимости от профессии, в каждой из которых требуется определенная сноровка и регулярность: «Вот почему заработная плата промышленных рабочих в среднем выше заработной платы простых грузчиков, подѐнщиков и т. д. и выше заработной платы сельских рабочих…» (2: 315). Предел, минимум заработной платы есть нечто относительное и в силу того, что «если все члены семьи работают, то каждый может получать соответственно меньше, и буржуазия широко использовала для снижения заработной платы представившуюся ей при машинном труде возможность с выгодой для себя занять в производстве женщин и детей» (ib.: 313).

Правда Ф. Энгельс указывал на отклонения от этого минимума в различных фазах торгово-промышленного цикла. «Нет, в результате действия этого закона у рабочего класса иной раз бывают более счастливые времена. Иногда ему случается получить и сверх этого минимума, но это превышение является всего лишь надбавкой, компенсирующей то, что он недополучает по сравнению с минимумом во времена промышленного застоя, – замечал он. – Это означает, что в известный, всегда периодически повторяющийся промежуток времени в течение того кругооборота, который совершает промышленность, проходя одну за другой фазы процветания, перепроизводства, застоя и кризиса, рабочему классу – если сосчитать все, что он получает сверх необходимого, и все, что он недополучает, – достается в итоге не больше и не меньше этого минимума; иначе говоря, рабочий класс сохраняется в целом как класс, несмотря на все пережитые им бедствия и нищету, несмотря на трупы, оставленные им на поле промышленной битвы» (4: 415). В конечном счете, «конкуренция между рабочими определяет минимум заработной платы, конкуренция между имущими – ее максимум» (2: 311).

Ход развития промышленности совершается через периодические максимумы и минимумы (37: 415). Циклические колебания претерпевают норма прибыли, ставка ссудного процента. «Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе», – резюмировал К. Маркс (25-I: 274).

О важности образов минимума и максимума можно судить по значимости дифференциации программы-минимум и программы-максимум в планировании политической деятельности.

Динамическое соотношение максимума и минимума приходится учитывать в политической тактике. «Так как наши члены парламента не оплачиваются, – писал Ф. Энгельс о германских социал-демократах, – то мы не всегда можем выдвинуть лучших людей, и нам приходится принимать наименее скверных из тех, которые находятся в большей или меньшей степени на положении буржуа. Поэтому наши массы гораздо лучше, чем фракция» (37: 411). Принцип *минимакса* оборачивается в принцип *максимина*.

9.4. Скачок

Скачок – момент перехода от одного качества к другому в результате накопления количественных изменений. «...Количественное увеличение или уменьшение вызывает в определенных узловых пунктах качественный скачок, как, например, в случае нагревания или охлаждения воды, где точки кипения и замерзания являются теми узлами, в которых совершается – при нормальном давлении – скачок в новое агрегатное состояние, где, следовательно, количество переходит в качество», – писал Ф. Энгельс (20: 44).

Скачки происходят как в пределах одной формы движения материи, так и при переходе от одной формы движения к другой форме, например, «при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью» (ib.: 66). Скачком стало добывание огня трением, окончательно отделившее человека от животного царства (ib.: 116). Природа слагается сплошь из скачков, поэтому возникает впечатление, что в ней нет скачков (ib.: 586).

Таким образом, в развитии усматривалась не только медленная эволюция, но и быстрые скачки, перерывы постепенности (ПСС-20: 66). Скачки могут совершаться не только вперед, но и назад. Обсуждая возможность превращения национальной войны в империалистическую и обратно (в т. ч. опосредствованно через гражданскую войну), В. И. Ленин писал, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (ПСС-30: 6).

По сравнению с предшествующими количественными изменениями скачок протекает относительно быстро, но вместе с тем он сам является процессом, имеющим определенную длительность.

Так, революция является довольно затянувшимся скачком. «Грубая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе, будто революцию можно сделать в один день, писал Ф. Энгельс. – На самом же деле она представляет собой многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению. Каждая революция, которая совершалась в один день, либо только устраняла заранее обреченную на гибель реакцию (1830 г.), либо приводила к результатам, прямо противоположным поставленной цели (1848 г., Франция)» (36: 49).

Например, буржуазная революция в Пруссии началась в 1808–1813 гг. (если не считать первой немецкой буржуазной революции в религиозном облачении лютеранской Реформации 1517–1555 гг. (37: 229)). Еще один шаг вперед был сделан в 1848 г. Ф. Энгельс рассчитывал: «И если все будет идти гладко и мир будет спокойно ждать, а мы сами достаточно долго жить, то, может быть, к 1900 г. мы доживем до того, что прусское правительство действительно уничтожит все феодальные учреждения и Пруссия, наконец, достигнет того положения, в котором Франция находилась в 1792 году» (18: 496). Этого положения Германия достигла, как известно, только в 1918 г. Аналогично еще не решены основные задачи русской революции, которая началась в 1905 г.

Процесс скачка включает как исчезновение старого качества, так и окончательное установление нового качества. Скачок также слагается из скачков.

Например, в становлении капиталистического производства К. Маркс выделял два этапа – этапы формального и реального подчинения труда капиталу: «Действительный процесс производства, определенный способ производства капитал находит и подчиняет себе вначале только формально, ничего не меняя в его технологической определенности. Только в ходе

своего развития капитал подчиняет себе процесс труда не только формально, но и преобразует его, придает новую форму самому способу производства и таким образом впервые создает свойственный ему способ производства» (47: 98). В период формального подчинения труда капиталу осваиваются методы производства абсолютной прибавочной стоимости (повышает непрерывность и интенсивность труда), в период реального подчинения труда капиталу – методы производства относительной прибавочной стоимости, включая применение в крупном масштабе сил природы, науки и машин в технологическом процессе.

В советской антропологии получила распространение теория двух скачков в процессе антропогенеза. Согласно этой концепции, первый скачок был связан с началом изготовления архантропами орудий труда, второй скачок связан с появлением неоантропов, обладающего речью. Суть второго поворота в эволюции человека заключалась в том, что «социальные закономерности, появившиеся в зачаточном виде с древнейшими людьми, достигли своего полного выражения только на стадии нового человека. Только с появлением неоантропа общественные законы приобретают действительно господствующее значение в жизни человеческих коллективов»[94].

Представление о скачке не отрицало «постепеновщины», например, необходимости «собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества» (ПСС-36: 80). Но ориентировало, с другой стороны, на то, что каждое усилие, каждый шаг может и должен быть качественным поворотом, скачком.

[94] *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977. С. 183.

ГЛАВА 10. ЗАКОН ВЗАИМНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ПОЛЯРНЫХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ИХ ДРУГ В ДРУГА, КОГДА ОНИ ДОВЕДЕНЫ ДО КРАЙНОСТИ

10.1. Двойственность натуры

«О Эриндур, объясни мне Эту двойственность натуры!» – восклицал К. Маркс (9: 43; 34: 160). Двойственность бытия он усматривал не только в товаре (13: 54), но и, например, в Л. Кошуте: «И в прежней деятельности Кошута мы находим много таких проявлений непостоянства и слабости, крайней противоречивости и двойственности» (8: 569).

О себе же К. Маркс писал: «Ваше письмо произвело на меня и неприятное, и приятное впечатление. (Как видите, я всегда движусь в диалектическом противоречии.)» (32: 449). В противоречии движется, в частности, и мелкий буржуа. «Мелкий буржуа … составлен из “с одной стороны” и “с другой стороны”. Таков он в своих экономических интересах, а потому и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он in everything. Он – воплощенное противоречие» (16: 31).

Дуалистичность, двойственность могут быть связаны с неопределенностью текучего содержания объекта, смешения в нем противоположного (1: 128), особенно в стихийных объектах (ib.: 271). Так, дуализм сельской общины – сочетание в частного и общественного – обусловлен ее состоянием, переходным от первичной, архаической общественной формации к вторичной формации (рабство, крепостничество). Врожденный дуализм общины «допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится» (19: 419).

Еще в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс констатировал, что «всякая средневековая форма права, а следовательно и собственность, была во всех отношениях смешанной, дуалистической, двойственной» (1: 129). В силу неопределённости характера некоторых видов собственности «эти виды не являются ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью, представляя собой то смешение частного и публичного права, которое выступает перед нами во всех средневековых установлениях» (ib.: 128). Законодательный рассудок пытался уничтожить двойственные, неустойчивые формы собственности, забывая как двоякость частного права (частного права владельца и частное право невладельца), так и государственно-правовых привилегий собственности.

Двойственность бытия (еще в античном материализме – атомы и пустота) объективно определяет двойственность восприятия. Например, А. Смит «с большой наивностью движется в постоянном противоречии» (26-II: 177). Данное противоречие К. Маркс описывает как параллельное использование двух способов понимания: 1) описание, каталогизация, составление номенклатуры, концептуализация и схематизация того, «что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу» (ib.: 177); 2) проникновение во внутреннюю связь, скрытую структуру буржуазной экономической системы, ее физиологию. «…Оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат», – заключает К. Маркс (ib.). «Физиологический» способ понимания (особенно у Д. Рикардо) К. Маркс связывал с постижением не статики, а движения, жизненного процесса буржуазной системы (ib.: 178).

Казалось бы, натура неопределенно множественна. Отсюда «теория факторов», по которой различные факторы в различной степени определяют развитие. С практической точки зрения эта позиция недостаточна. «Марксизм в своем анализе общественных явлений преодолевает точку зрения простого взаимодействия факторов, – подчеркивал М. Н. Руткевич. – Материалистическая диалектика, говорил Ленин, требует выделять из многообразия общественных

явлений основной, решающий фактор. Маркс указал на производственные отношения как на основные, определяющие все другие общественные отношения»[95].

Исходя из видения двойственности всего существующего, В. И. Ленин рекомендовал: «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену…» (ПСС-36: 205). Это ведущая, сторона противоречия, определяющая его развитие. Поэтому требуется все же «раздвоение единого и познание противоречивых частей его…» (ПСС-29: 316).

Выявление двойственного характера изучаемых явлений стало для К. Маркса постоянно применяемым методическим приемом. Его прекрасно иллюстрирует следующая формулировка: «Вопрос представляется в двояком отношении внутренне противоречивым» (1: 356).

Кроме того, К. Маркс писал в такой манере: «Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета!» (46-I: 28). Приводя данный пример, С. С. Аверинцев охарактеризовал его как построение словесной ткани через «последовательность строго симметричных антитез»[96]. Действительно, К. Маркс как-то замечал: «Я не вижу нужды продолжать далее эти антитезы» (34: 293). На данную особенность стиля К. Маркса – «краткие, заостренные в виде антитез предложения» (39: 244) – указывал и Ф. Энгельс.

Систематически принцип двойственности реализовывался в экономических исследованиях[97]. Кроме двойственной природы труда К. Маркс выявлял двойственный характер товара, его раздвоение на товар и деньги, двойственный характер денег, двойственную природу рабочей силы, двойственную структуру рабочего дня, дифференциацию в производительности труда интенсивности труда и производительной силы труда, различение абсолютной и относительной прибавочной стоимости, формального и реального подчинения труда капиталу, номинальной и реальной заработной платы, концентрации и централизации капитала, абсолютного и относительного ухудшения положения рабочего класса, абсолютной и дифференциальной ренты и т. п.

Восприятие двойственности в практической политике ориентировало на выявление двоякий последствий различных действий.

О двойственной исторической роли Ф. Лассаля, организатора Всеобщего германского рабочего союза, Ф. Энгельс высказывался в письме К. Каутскому: «За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-демагог. Сквозь Лассаля-агитатора и организатора всюду проглядывает адвокат, ведущий гацфельдтовский процесс: тот же цинизм в выборе средств, то же стремление окружать себя сомнительными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон. Будучи до 1862 г. на практике специфически прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями (я только что просмотрел его письма к Марксу), он по причинам чисто личного характера внезапно переменил фронт и начал свою агитацию. И не прошло двух лет, как он уже начал требовать, чтобы рабочие стали на сторону королевской власти против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было

---

[95] Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М., 1975. С. 565.

[96] *Аверинцев С. С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 60.

Более подробно об антитетичности и диалектичности стиля К. Маркса см.: *Гуревич С. М.* Карл Маркс и современная пресса. М., 2010. С. 217-218.

[97] *Афанасьев В. С.* Великое открытие Карла Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М., 1980; *Афанасьев В. С.* Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М., 2005.

привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был вовремя застрелен» (38: 32).

О передаче промышленности и коммерции функций в руки государства Ф. Энгельс писал, что это «может иметь в наши дни двоякий смысл и двоякий результат, смотря по обстоятельствам: либо реакционный – шаг назад к средневековью, либо прогрессивный – шаг вперед к коммунизму» (34: 255). Поскольку в Германии едва только удалось выкарабкаться из средневековья, то в возможно большем развитии, как полагал он, нуждается режим именно буржуазной экономики. Если введение государственных монополий на почту и телеграф, на его взгляд, назрело, то учреждение иных государственных монополий (исключительно из финансовых и политических соображений) не обусловлено настоятельной внутренней необходимостью и приведет к значительному ущербу. Например, при введении табачной монополии и упразднении домашней табачной промышленности «прусское государство настолько ухудшило бы качество табака и так повысило бы его цену, что сторонники свободной конкуренции с восторгом затрубили бы об этом провале государственного коммунизма и народ поневоле признал бы их правоту» (ib.: 256).

10.2. «Крайности сходятся»

Г. С. Батищев отмечал, что в истории философии «сложилось представление о повсеместном сцеплении крайностей, об их чередовании и замещении друг другом, о том, что они “сходятся”»[98]. Источником максимы считаются «Мысли» Б. Паскаля, который полагал, что все крайности сходятся в Боге: «Одно зависит от другого, и одно ведет к другому. Крайности сходятся и, удаляясь друг от друга, соединяются. Они встречаются в Боге и только в Боге»[99].

К середине XIX века поговорка «крайности сходятся» стала распространенной, перешла в народное сознание (20: 373). Она стала представлять собой «великую и непреложную истину во всех сферах жизни, аксиому, которую философ так же не может игнорировать, как астроном законы Кеплера или великое открытие Ньютона» (9: 98).

Крайности сходятся, так как они первоначально расходятся, дифференцируются. Например, в простом товарообмене: «Относительная форма стоимости и эквивалентная форма – это соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости сходятся в отношение друг к другу» (23: 58).

Это и факт повседневной жизни. «Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и иссушают свой спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей – мистицизм или пьянство, – отмечал две крайности Ф. Энгельс. – Этот мистицизм в той грубой и отвратительной форме, в которой он там господствует, неизбежно порождает противоположную крайность, и в результате получается, что народ там состоит только из “добропорядочных” (так зовут мистиков) и беспутного сброда» (1: 456). Похожий размах крайностей отмечался во всякой вражде к свободной мысли – «выступает ли она в виде дикого, необузданного санкюлотизма или в виде бессмысленного и подлого раболепия; носит ли она пробор пиетиста или тонзуру католического попа» (41: 43).

Таким образом, крайности уживаются в одном. В отношении В. Либкнехта говорилось: «Либкнехт всегда впадает в крайности – у него либо все черно, либо все бело…» (38: 78). Это

---

[98] *Батищев Г. С.* Единство и борьба противоположностей // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 183.

См., например: Принцип совпадения противоположностей в истории европейской мысли: Альманах / Под ред. О. Э. Душина, М. В. Семиколенных. СПб., 2011. (Verbum. Вып. 13).

[99] *Паскаль* Б. Мысли. М., 1995.

вызывало сожаление: «К несчастью, он всегда впадает в крайности, и я надеюсь только, что патриотические забияки в рейхстаге не заставят его броситься очертя голову в противоположную крайность» (ib.: 422).

Совпадение крайностей объясняется изначальным смешением, преобладанием то одной противоположности, то другой. В отношении Ф. В. Й. Шеллинга, читавшего лекции по философии откровения, Ф. Энгельс писал: «Здесь, однако, обнаруживается, насколько крайности сходятся; Шеллинг не способен постичь конкретную мысль, он гонит ее в область самой головокружительной абстракции, которая тут же снова воплощается для него в чувственный образ, так что эта хаотическая смесь абстракции и представления образует характерную черту схоластически-мистического способа мышления Шеллинга» (41: 193).

Преобладание то одной крайности, то другой Ф. Энгельс описывал на примере отдельных фигур современной ему немецкой поэзии: «У Шамиссо преобладают то фантазия и чувство, то трезвый рассудок… у Иммермана оба эти свойства борются между собой и образуют тот дуализм, который он сам признает и крайности которого его сильная индивидуальность в состоянии сблизить, но не объединить; наконец, у Платена поэтическая сила отказалась от своей самостоятельности и легко мирится с господством сильного рассудка» (ib.: 32). У А. Платена рассудок стал ведущей противоположностью, но его движущую поэтическую силу лимитировала ограниченность фантазии: «Фантазия Платена робко следовала за смелым движением его рассудка; и когда потребовался гениальный труд, когда нужно было решиться на смелый прыжок, которого рассудок не в состоянии был сделать, фантазия робко отступила» (ib.: 33). Отсюда, в связи с необходимостью выразить законченные мысли, как заключал Ф. Энгельс, у А. Платена – возвышенные монологи комедий, длинные и растянутые стихи, чересчур искусственные газели, серьезный и размеренный ход искусственных стоп од.

Совпадение крайностей обнаруживается на уровне философского мышления. В отношении рассуждений Г. В. Ф. Гегеля о рождении монарха К. Маркс высказывался так: «Это, конечно, чистая спекуляция, но не потому, что Гегель из чистого самоопределения, из абстракции делает скачок в чистую природность (каковой является случайность рождения), т. е. в другую крайность, car les extremes se touchent [ибо крайности сходятся]» (1: 257).

Отмечалось, что грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные отношения «как *природные свойства* вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их» (46-II: 198).

В обобщенном виде закономерность формулировалась следующим образом: «…Всякая крайность есть своя собственная противоположность. Абстрактный спиритуализм есть абстрактный материализм; абстрактный материализм есть абстрактный спиритуализм материи» (1: 323).

Методику взаимного превращения доведенных до крайностей противоположностей Ф. Энгельс предлагал использовать в полемике против позиции М. Штирнера, изложенной в книге «Единственный и его собственность».

По оценке Ф. Энгельса, М. Штирнер является «идеалистом, превратившимся в материалиста и эмпирика» (27: 11). М. Штирнер ставил личность выше бога и в теории позицию эгоизма довел до кульминации. «Вот почему эта штука имеет большое значение, гораздо большее, чем думает, например, Гесс. Мы не должны отбрасывать ее в сторону, а наоборот, скорее использовать как наиболее полное выражение существующей нелепости и, перевернув ее, строить на этой основе дальше, – предлагал Ф. Энгельс. – Этот эгоизм доведен до такой крайности, до того нелеп и в то же время столь осознан, что в своей односторонности он не может удержаться ни одного мгновения и должен тотчас же превратиться в коммунизм» (ib.).

С одной стороны, последовательный эгоист неизбежно должен стать коммунистом (ср.: «разумный эгоизм» Н. Г. Чернышевского). А настоящий коммунист должен осознавать

себя эгоистом: «Но мы должны воспринять и то, что в этом принципе является верным. А верно в нем во всяком случае то, что если мы хотим чем-то помочь какому-нибудь делу, оно должно сперва стать нашим собственным, эгоистическим делом, – что, следовательно, мы в этом смысле, даже помимо каких-либо материальных чаяний, просто из эгоистических побуждений, являемся коммунистами и именно из эгоистических побуждений хотим быть людьми, а не только индивидами» (27: 11-12). Исходя из эмпиризма и материализма, всеобщее следует выводить из единичного.

В общем преобладают крайности, а среднее – исключение (34: 4). Системы колеблются между своими крайностями (4: 255). В частности, прогнозировалось, что «народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет приверженцем царизма» (39: 344). В циклической динамике одна крайность может компенсировать другую (6: 439) или, в конце концов, брать над ней верх (1: 322).

10.3. Опосредствование противоположностей

Крайности соединяются и нейтрализуются в посредственности (10: 373). Посредственность (или опосредствование) связывает и удерживает крайности.

«Aurea mediocritas! Золотая середина! – восклицает бравый представитель среднего класса. Лишь бы избежать крайностей!» – напоминается о популярности аристотелевской максимы (4: 317). Прусское государство на протяжении всей своей истории держалось «только благодаря посредственности – aurea mediocritas – тщательной бухгалтерии, избежанию крайностей, точности военного устава, известной доморощенной пошлости и “церковному уставу”» (29: 69).

Предпринимавшийся Г. В. Ф. Гегелем формально-абстрактный поиск посредников (опосредствований) в общественной жизни оценивался как не вполне удачный. При описании соотношения между государем, правительственной властью, законодательной властью и гражданским обществом (сословиями) становилось неясно, где крайности, а где посредник. Например, предполагалось следующее: «Подобно тому как государь связывается с гражданским обществом при посредстве Христа этого гражданского общества – правительственной власти, так гражданское общество связывается с государем при посредстве своих жрецов – сословных представителей» (1: 319).

К. Маркс фиксирует следующие трудности в концептуальной конструкции: «Государь, следовательно, должен был бы образовать в законодательной власти середину между правительственной властью и сословным элементом. Но ведь правительственная власть образует середину между государем и сословным элементом, а сословный элемент образует середину между государем и гражданским обществом! Как же может государь служить посредником между такими моментами, в посредствующей роли которых он сам нуждается, чтобы не быть односторонней крайностью? Здесь выступает вся несообразность этих крайностей, играющих попеременно то роль крайности, то роль середины. Это – головы Януса, которые повертываются то одной стороной, то другой и спереди имеют иной облик, чем сзади. То, что первоначально определялось как середина между двумя крайностями, само выступает теперь как крайность, а одна из двух крайностей, которая – при посредстве указанной середины – была связана с другой крайностью, выступает теперь, в свою очередь (именно в своем отличии от другой крайности), как середина между противоположной ей крайностью и тем, что по отношению к ней было серединой» (ib.: 320).

Решение проблемы было найдено на основе принципа развития – развития опосредствования из непосредственного. Ф. Энгельс писал, характеризуя органическое исторически закономерное развитие литературной жизни: «Немецкий стиль пережил диалектический процесс опосредствования; от наивной непосредственности нашей прозы отпочковался язык разума, кульминационной вершиной которого является мраморный стиль Гете, и язык фантазии и сердца, все великолепие которого раскрыл нам Жан Поль. Начало опосредствованию положил

Берне, хотя и у него еще, особенно в “Письмах”, преобладает рассудочный элемент; зато Гейне дал волю поэтической стороне. В современном стиле опосредствование завершено. Фантазия и рассудок не сливаются воедино без участия сознания, но и не противостоят резко друг другу; они сочетаются в стиле, как сочетаются в человеческой душе, а вследствие того, что это сочетание осознано, – оно прочно и неподдельно» (41: 60-61). В литературном процессе опосредствование происходит сочетанием различных стилей прошлого, художественного творчества и критики, поэзии и прозы.

В языковом континууме между противоположностями верхненемецкого и нижненемецкого диалектов был обнаружен сочетающий их древнефранкский язык. В современности он оказался представленным в нидерландском языке, а также «в средне- и нижнерейнских диалектах, которые отчасти сместились в различной степени в сторону верхненемецкого, а отчасти остались нижненемецкими» (20: 532).

Опосредствования обнаруживаются также в виде промежуточных звеньев. Например, на этнографическом материале констатировалось: «Когда были открыты разные части Америки, аборигены были найдены в двух различных состояниях: 1) оседлые индейцы, жившие почти исключительно огородничеством; в этом состоянии находились племена Нью-Мексико, Мексики, Центральной Америки, а также племена, населявшие плоскогорье Анд; 2) индейцы, не знавшие огородничества и питавшиеся рыбой, хлебными кореньями и дичью; к ним принадлежали индейцы долины Колумбии, территории Гудзонова залива, отдельных частей Канады и т. д. Промежуточное место занимали, связывая эти две крайности незаметными переходами, 3) полуоседлые и племена, занимавшиеся наполовину огородничеством…» (45: 303). Аналогично, между двумя крайностями частной собственности и общественной коллективной собственности находятся бесконечные оттенки форм, отражающие промежуточные состояния (23: 771).

Мышление метафизика критиковалось за отсутствие опосредствований. «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными неопосредствованными противоположностями, речь его состоит из: “да – да, нет – нет; что сверх того, то от лукавого”. Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной», – замечал Ф. Энгельс (20: 21). По данным современного естествознания, как писал Ф. Энгельс, «все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов» (20: 527). Диалектика, подобно естествознанию и в противоположность метафизическому методу «не знает hard and fast lines [абсолютно резких разграничительных линий] и безусловного, пригодного повсюду “или – или” … переводит друг в друга неподвижные метафизические различия, признаёт в надлежащих случаях наряду с “или – или” также “как то, так и другое” и опосредствует противоположности…» (ib. 527-528).

С развитием опосредствование приобретает самостоятельную и даже господствующую роль. Например: «Так в сфере религии Христос, посредник между богом и человеком – всего лишь орудие обращения между ними – становится их единством, богочеловеком и, в качестве такового, становится важнее самого бога; святые – важнее Христа, попы – важнее святых» (46-I: 288). Это универсальная закономерность, формулируемая применительно к потребительной стоимости, меновой стоимости и капиталу: «Это опосредствующее начало выступает всегда как завершенное экономическое отношение, потому что оно охватывает воедино обе противоположности, и в конце концов оно всегда выступает как односторонне более высокая степень по сравнению с самими крайностями, потому что то движение или то отношение, которое первоначально выступает в качестве опосредствующего обе крайности, диалектически с необходимостью приводит к тому, что оно оказывается опосредствованием самого себя,

субъектом, лишь моментами которого являются те крайности, самостоятельное предпосылание которых оно снимает с тем, чтобы путем самого их снятия утвердить само себя в качестве единственно самостоятельного» (ib.).

Таким образом, опосредствование принимает облик непосредственно данного, которое содержит подчиненные крайние моменты.

10.4. Взаимопроникновение противоположностей

Рассматривая перспективы революции в Китае и Европе, К. Маркс упоминал гегелевский закон «единства противоположностей [contact of extremes]» (9: 98). «Является “единство противоположностей” таким универсальным принципом или нет – яркую иллюстрацию этому можно видеть в том влиянии, которое китайская революция по всей видимости оказывает на цивилизованный мир. Может показаться очень странным и парадоксальным утверждение, что ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления будут, вероятно, в большей мере зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи – прямой противоположности Европы, – чем от какой-либо иной существующей ныне политической причины, в большей мере даже, чем от угроз России и их следствия – перспективы всеобщей европейской войны», – рассуждал К. Маркс (ib.).

Ф. Энгельс одним из главных (основных) законов диалектики считал «закон взаимного проникновения противоположностей» (20: 343, 384). К. Маркс обращал внимание на эффект взаимопроникновения противоположностей в переходах от мысли к мысли при изложении диалектики Г. В. Ф. Гегеля: «…Этот тезис, эта мысль, противополагаясь сама себе, раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, – на положительное и отрицательное, на “да” и “нет”. Борьба этих двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов образует диалектическое движение. “Да” превращается в “нет”, “нет” превращается в “да”, “да” становится одновременно и “да” и “нет”, “нет” становится одновременно и “нет” и “да”» (4: 132).

Полемически ситуация взаимного проникновения противоположностей фиксировалась в «Немецкой идеологии»: «Здесь, следовательно, проявляется другая сторона противоположности творца и творения, причём каждая из обеих сторон содержит свою противоположность в себе самой» (3: 259).

Так, либерализм консервативен, поскольку стремится сохранить свободу (40: 236). Отмечался следующий парадокс: «…Французская революция в самом своем начале была столь же консервативной и даже гораздо более консервативной, чем английская. Абсолютизм, особенно в той форме, в какой он выступил под конец во Франции, был и там новшеством, и против этого новшества восстали парламенты, защищая старые законы, us et coutumes [обычаи и порядки] старой сословной монархии. И если первым шагом французской революции было воскрешение почивших со времен Генриха IV и Людовика XIII Генеральных штатов, то английская революция не может противопоставить этому ни одного примера столь же классического консерватизма» (7: 220).

И, наоборот, консерватизм отчасти либерален, поскольку отстаивает конкретные, частные свободы. Не случайно во Франции консервативная партия распалась на две части: на ограниченных консерваторов и прогрессивных консерваторов (3: 551).

Позже отмечалось, что «оба полюса какой-нибудь противоположности <…> они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга» (20: 22). Применительно к противоположностям основания и следствия, причины и действия, тождества и различия, видимости и сущности утверждалось, что каждый полюс наличествует «in nuce [в зародыше] в другом» (ib.: 519). Все «чревато собственной противоположностью» (12: 4).

Взаимопроникновение первоначально единых противоположностей усматривалось в виде тонких расщеплений, расколов и разделений внутри из каждой противоположностей. Описывая концептуальные конструкции политэкономов, Ф. Энгельс подчеркивает, что труд раздваивается в себе самом на собственно труд и свое собственное опосредствование – капитал («накопленный труд»). «А после того, как это отделение совершилось, капитал снова делится на первоначальный капитал и на прибыль… Да и сама прибыль расщепляется в свою очередь на проценты и собственно прибыль. В процентах неразумность этих расщеплений достигает высшей степени», – заключает Ф. Энгельс (1: 557).

В качестве иллюстрации проникновения противоположностей приводился пример из жизни немецкой социал-демократии: «Поистине великолепно, что внутри фракции раздались голоса с требованием установить цензуру над “Neue Zeit”. Что это – призрак диктатуры фракции времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и превосходно проводилась) или это воспоминания о былой строгой организации фон Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль – после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который сами социал-демократические партийные органы должны сфабриковать и проводить в жизнь» (38: 33).

Итак, как отмечал Г. С. Батищев, «каждая из обладающих относительной самостоятельностью внешних противоположностей сама противоречива»[100]. В марксистской литературе анализ взаимопроникновения противоположностей осуществлялся на материале анализа субъект-объектной структуры деятельности.

Так, П. Кучеров, о соотношении опредмечивания и распредмечивания в живой деятельности писал: «Раскрытие предмета для субъекта, “распредмечивание”, обнаруживается в практике в проникновении субъективной деятельности в объект, в “опредмечивании”. Проникновение в объект, переход из формы деятельности в форму бытия есть в то же время раскрытие предмета. Переход субъектной деятельности в бытие (опредмечивание) и раскрытие объекта субъекту (распредмечивание) представляют единый процесс, процесс практики, предметной деятельности. “Опредмечивание” нужно понимать как “распредмечивание”, оба процесса находятся в единстве друг с другом. В единстве обоих процессов в труде обнаруживается существо субъекта, субъект является формой практики, предметной деятельности»[101].

Когда внутри социальной деятельности дифференцируются диалектические противоположности живой и опредмеченной деятельности, то их взаимопроникновение фиксируется: в живой деятельности – в моментах опредмечивания и распредмечивания, в опредмеченной деятельности – в субъекте и объекте.

На дифференциацию субъекта и объекта в структуре опредмеченной деятельности обращал внимание В. П. Фофанов: «Различение живой и опредмеченной деятельности играет чрезвычайно важную роль в характеристике социальной системы. Без использования этого различения представлять социальные объекты как системы в принципе невозможно. Однако само по себе различение живой и опредмеченной деятельности еще нельзя считать системным представлением социальной деятельности – оно для этого чрезмерно абстрактно. Необходимо пройти ряд последующих конкретизаций, чтобы выработать представление о социальной деятельности как о системе. Одна из таких важных конкретизаций состоит в том, чтобы зафиксировать взаимодействие, а на этой основе – взаимопроникновение живой и опредмеченной деятельности, для чего необходимо, в частности, введение категорий субъекта и объекта»[102]. Субъект – носитель живой деятельности в составе опредмеченной деятельности. Именно субъект определяет характер живой деятельности, выделяя и изменяя объект в соответствии с той или иной целью.

---

[100] *Батищев Г. С.* Единство и борьба противоположностей. С. 183.

[101] *Кучеров П.* Практика и диалектическая логика // Под знаменем марксизма. 1930. № 7-8. С. 76.

[102] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 138.

Глава 11. ЗАКОН РАЗВИТИЯ ПУТЕМ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ИЛИ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

11.1. Диалектическое противоречие

Противоречие состоит в том, что вещь содержит в себе противоположность, например: «остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется» (20: 640). Противоречия незаметны, если вещи рассматриваются как покоящиеся, в отдельности: «Мы находим здесь определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия» (ib.: 123). Противоречия обнаруживаются, когда вещи рассматриваются в их движении, в их взаимном воздействии друг на друга.

Все является тем же самым и все-таки иным. В мире движение идет путем постоянной борьбы противоположностей, переходом друг в друга и в более высокие формы. «Сосуществование двух взаимнопротиворечащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения», – замечал К. Маркс (4: 136).

Так, товар содержит противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Процесс товарообмена ведет к дифференциации товаров и денег (денежного товара). Это внешняя противоположность, в которой товары как потребительные стоимости противостоят деньгам как воплощению стоимости. Вместе с тем это противоположные формы товаров, так как каждая сторона есть единство потребительной стоимости и стоимости. «Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение, – писал К. Маркс. – Товар реально есть потребительная стоимость: его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту, которое противостоит ему как реальный образ его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм» (23: 114–115).

В метаморфозах имманентное противоречие получает развитые формы своего движения. «Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения, – заключал К. Маркс. – Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия» (ib.: 113-114).

Движение отношения труда и капитала К. Маркс описывал как протекающее следующим образом:

«Во-первых – непосредственное или опосредствованное единство обоих.

Вначале капитал и труд еще объединены; затем они хотя и разъединены и отчуждены, но обоюдно поднимают и стимулируют друг друга как положительные условия.

[Во-вторых] – противоположность обоих по отношению друг к другу. Они исключают друг друга; рабочий видит в капиталисте (и обратно) свое собственное небытие; каждый из них стремится отнять у другого его существование.

[В-третьих] – противоположность каждого по отношению к самому себе. Капитал = накопленному труду = труду. В качестве такового он распадается на самого себя и на свои проценты, а последние в свою очередь распадаются на проценты и прибыль. Полное принесение капиталиста в жертву. Он скатывается в рабочий класс, подобно тому как рабочий – однако лишь в виде исключения – становится капиталистом. Труд как момент капитала, как его издержки. Следовательно, заработная плата – жертва, приносимая капиталом.

Труд распадается на самого себя и заработную плату. Сам рабочий есть капитал, товар.

Враждебная взаимная противоположность» (42: 106-107).

В целом диалектическое противоречие включает в себя следующие взаимосвязанные процессы[103]:

1) Каждая из сторон противоречия полагает свою противоположность, т. е. выступает как необходимая предпосылка ее существования.

2) Каждая из сторон противоречия отрицает свою противоположность, т. е. собственным движением ограничивает ее развитие.

3) Обе стороны полагают себя в иное, развивая тем самым друг в друга.

4) Противоположности возвращаются в себя опосредованно через свое иное, модифицируясь и вместе с тем, ограничивая развитие иного и снимая его в себе.

Взаимное движение соотносительных противоположностей порождает внутренние, относительно обособленные опосредствования, усложняет и углубляет взаимодействие.

Стороны диалектического противоречия генетически и функционально асимметричны, играют разную роль в развитии. Одна из противоположностей может быть абсолютна, другая – относительна, одна первична – другая вторична, одна определяющая – другая определяемая, одна активная, ведущая – другая пассивная, одна положенная – другая отрицающая и т. д. Так, К. Маркс отмечал: «Ибо, сколь бы обе крайности ни выступали в своём существовании как действительные и как крайности, — свойство быть крайностью кроется всё же лишь в сущности одной из них, в другой же крайность не имеет значения истинной действительности. Одна из крайностей берёт верх над другой. Положение обеих не одинаково» (1: 322).

11.2. Положительная и отрицательная сторона диалектического противоречия

Асимметрия противоположностей является основанием оценки их как «хороших» и «дурных», положительных и отрицательных. «Можно рассматривать наследственность как положительную, сохраняющую сторону, а приспособление – как отрицательную сторону, постоянно разрушающую унаследованные признаки; но с таким же правом можно рассматривать приспособление как творческую, активную, положительную деятельность, а наследственность – как оказывающую сопротивление, пассивную, отрицательную деятельность», – рассуждал Ф. Энгельс об относительности подобной оценки (20: 526). Правда, с точки зрения прогресса (отрицания существующего), а также из чисто практических соображений он предлагал оценивать приспособление как отрицательную деятельность (ib.: 526-527).

По его впечатлениям, отношение к отрицательному неблагоприятно: «Всё отрицание да отрицание! Бедные позитивисты и рыцари juste milieu видят, как волна отрицания вздымается всё выше и выше; они крепко цепляются друг за друга и взывают к чему-либо положительному. И вот какой-нибудь Александр Юнг скорбит по поводу вечного движения мировой истории, называет прогресс отрицанием и, превратившись напоследок в лжепророка, возвещает “великое рождение позитивного”; заранее живописуемое в самых выспренних фразах, оно должно мечом господним поразить Штрауса, Фейербаха и их присных. В своём “Literatur-Blatt” он также предрекает приход нового “позитивного” мессии. Может ли быть что-либо более нефилософское, чем это неприкрытое недовольство, эта откровенная неудовлетворённость настоящим? Можно ли проявлять большую мягкотелость и бессилие, чем это делает г-н Юнг? Можно ли представить себе худшую фантастику, – за исключением неошеллингианской схоластики, – чем эта благочестивая вера в “позитивного мессию”? Существовала ли когда-либо большая и, к сожалению, более распространённая путаница, чем та, которая ныне господствует в отношении понятий “позитивного и негативного”? Стоит лишь дать себе труд ближе присмотреться к столь опороченному отрицанию, чтобы убедиться, что оно по существу своему насквозь положительно» (1: 482).

---

[103] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986. С. 28-29.

Ф. Энгельс выдвигал установку: «...Мы постигаем и исследуем положительную сторону отрицательных элементов, действующих в ходе истории...» (20: 641). Так, в отношении английских социалистов, постоянно жалующихся на деморализацию низших классов, он замечал, что они «не замечают в этом разложении общественного порядка элементов прогресса и упускают из виду, что деморализация имущих классов, лицемерных и преследующих лишь свои частные интересы, во много раз хуже» (2: 460). Поражения рабочего движения оценивались как еще более полезные для него: «Я думаю также, что и анархистские выходки в Чикаго пойдут на пользу. Если бы нынешнее американское движение, которое, поскольку оно не является исключительно немецким, находится еще на тред-юнионистской стадии, одержало большую победу в вопросе о восьмичасовом рабочем дне, то тред-юнионизм окончательно стал бы непоколебимой догмой. Между тем половинчатый результат поможет понять, что необходимо идти дальше «высокой заработной платы и короткого рабочего дня» (36: 477).

На концептуальном уровне: «Гегель не был просто отброшен в сторону. Наоборот, за исходную точку была взята указанная выше революционная сторона его философии, диалектический метод» (21: 301). Отмечалось, что старую натурфилософия содержит много нелепостей и фантастики, но «содержит также и много осмысленного и разумного» (20: 11).

К. Маркс также считал бессмысленной непосредственную борьбу с «дурными», отрицательными сторонами действительности. Ведь они являются необходимым дополнением «хороших», положительных сторон. «Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению», – критиковал он П.-Ж. Прудона (4: 136).

Отсюда вытекало оптимистическое, позитивное отношение к поражениям в борьбе. Так в отношении поражения революций 1848 года говорилось: «Но в этих поражениях погибала не революция. Погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений. Одним словом, революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию» (7: 7).

Недостатки могут оборачиваться достоинствами. «Даже недостатки книги Фейербаха усиливали тогда ее влияние, – вспоминал Ф. Энгельс. – Беллетристический, местами даже напыщенный слог обеспечивал книге широкий круг читателей и, во всяком случае, действовал освежающе после долгих лет господства абстрактной и темной гегельянщины. То же следует сказать и о непомерном обожествлении любви, которое можно было извинить, хотя и не оправдать, как реакцию против ставшего невыносимым самодержавия “чистого мышления”. Мы не должны, однако, забывать, что именно за обе эти слабые стороны Фейербаха ухватился «истинный социализм», который, как зараза, распространялся с 1844 г. в среде “образованных” людей Германии и который научное исследование заменял беллетристической фразой, а на место освобождения пролетариата путем экономического преобразования производства ставил освобождение человечества посредством “любви”, – словом, ударился в самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню» (21: 281).

Примером сосуществования положительной и отрицательной сторон в противоречии является основное классовое отношение капитализма. В пределах антагонизма частный собственник есть консервативная, положительная сторона, а пролетарий – отрицательная, разрушительная сторона: «От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма,

от второго – действие, направленное на его уничтожение» (2: 39). При этом частный собственник для сохранения себя вынужден сохранять существование своей противоположности – пролетариата.

В результате «капиталист производит рабочего, а рабочий – капиталиста» (46-I: 447). «А именно, в рамках этого процесса рабочий производит самого себя как рабочую силу, а также – противостоящий ему капитал, подобно тому как, с другой стороны, капиталист производит себя как капитал, а также – противостоящую ему живую рабочую силу, – пояснял К. Маркс. – Каждый воспроизводит самого себя тем, что он воспроизводит другого, воспроизводит свое отрицание» (ib.).

Если крупная промышленность постоянно производит перевороты в техническом базисе производства и перемена труда прокладывает себе путь со слепой разрушительной силой естественного закона, то уничтожается всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего. «Это – отрицательная сторона», – констатирует К. Маркс (23: 498). Положительной стороной является многосторонность рабочих как всеобщий закон общественного производства. Она обеспечивается тем, что «одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим – “ecoles d'enseignement professionnel” [“профессиональные школы”], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства» (ib.: 499).

Следовательно, в пределах антагонизма возможна модификация взаимодействия. В отношении уголовно-правового запрета обычного права на сбор валежника К. Маркс говорил: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» (1: 131) А затем продолжал: «Но он сделает это не путём ограничения сферы права, а тем путём, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности. Он не ограничится тем, что для членов одного класса устранит всё то, что не даёт им возможности подняться на более высокую ступень правовой сферы, а предоставит самому этому классу реальную возможность пользоваться своими правами» (ib.).

11.3. Отрицание отрицания

Г. В. Ф. Гегель призывал понять, что «отрицательное равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль»[104]. Это определенное, конкретное отрицание, которое будучи первичным, сменяется другим, вторичным отрицанием. Это положение Г. В. Ф. Гегель использовал при анализе развития форм сознания и выведении категорий.

В диалектико-материалистическом понимании всякое развитие есть «отрицание отрицания, движение путем борьбы противоположностей» (37: 98). «Всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой, – писал К. Маркс. – Если, например, народ в своем развитии переходит от абсолютной монархии к монархии конституционной, то он отрицает свое прежнее политическое бытие. Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» (4: 296–297). Отрицание отрицания интерпретировалось как закон развития природы, истории и мышления (2: 145).

В отрицании отрицания подчеркивалось три момента: а) поступательность развития, б) обогащение противоположностью, в) частичное возвращение к ранее отрицаемому. О ре-

[104] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 1. М., 1970. С. 107.

зультате отрицания отрицания Г. В. Ф. Гегель замечал, что «оно новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности» (ib.: 55).

Действие закона отрицания отрицания иллюстрировалось различными примерами.

Об отрицании феодальной монополии конкуренцией: «Тезис: Феодальная монополия, предшествовавшая конкуренции. Антитезис: Конкуренция. Синтез: Современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собой отрицание феодальной монополии и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает конкуренцию. Таким образом, современная монополия, буржуазная монополия, есть монополия синтетическая, отрицание отрицания, единство противоположностей» (4: 165).

О развитии форм собственности: «Все индогерманские народы начинают с общей собственности. Почти у всех народов она в ходе общественного развития отменяется, отрицается, вытесняется другими формами – частной собственностью, феодальной собственностью и т. д. Подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития – такова задача социальной революции» (20: 640). Установление гораздо более высокой, более развитой формы собственности позволит, по мнению Ф. Энгельса, «полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения» (ib.: 142).

О развитии философии: «…Античная философия первоначально представляла собой стихийный материализм. Из него возник идеализм, спиритуализм, отрицание материализма, сперва в виде противоположности между душой и телом, затем в учении о бессмертии и в монотеизме. Посредством христианства этот спиритуализм стал общераспространенным. Отрицание этого отрицания – воспроизведение старого на более высокой ступени, современный материализм, который, по отношению к прошлому, находит свое теоретическое завершение в научном социализме» (20: 640). Поэтому «современный материализм – отрицание отрицания – представляет собой не простое восстановление старого материализма…» (20: 142).

В отрицании отрицания обычно подчеркивался положительный результат. Например, о смене геологических формаций говорилось: «Так в течение миллионов столетий образуются всё новые и новые слои, – они по большей части вновь и вновь разрушаются и снова служат материалом для образования новых слоев. Но результат этого процесса весьма положителен: это – образование почвы, состоящей из разнообразнейших химических элементов и находящейся в состоянии механической измельченности, которое делает возможной в высшей степени массовую и разнообразнейшую растительность» (20: 142).

Но оговаривался и вариант отрицательного единства (12: 162) и синтеза противоположностей. О П.-Ж. Прудоне говорилось: «Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой» (4: 147). О выступавшем на конгрессе экономистов профессоре Воловском из Парижа: «Этот самодовольный и поверхностный краснобай, офранцуженный польский еврей, сумел соединить в себе отрицательные качества всех трех наций, не восприняв ни одной из их положительных черт» (ib.: 251).

11.4. Самоотрицание

В идеалистической диалектике Г. В. Ф. Гегеля фиксировалось явление самоотрицания. «В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противополагает себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание», – напоминал К. Маркс (ib.: 131).

По мнению Ф. Энгельса, до Г. В. Ф. Гегеля действие закона отрицания отрицания нашло отражение в учении Ж.-Ж. Руссо. Излагая его взгляды, Ф. Энгельс писал: «Все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в учреждения, прямо противоположные своему первоначальному назначению <…> И тем не менее эти государи неизбежно становятся угнетателями народов, и они доводят этот гнет до той точки, где неравенство, достигшее крайней степени, вновь превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: перед деспотом все равны, а именно – равны нулю» (20: 143-144). С грядущим превращением неравенства в более высокое равенство общественного договора происходит следующее: «Угнетатели подвергаются угнетению. Это – отрицание отрицания» (ib.: 144).

Отрицание отрицания происходит в результате имманентного развития как самоотрицание, наступающее на ступени предельного развития явления, которое переходит в свою противоположность. Одним из актуальных примеров самоотрицания Ф. Энгельс считал судьбу военной диктатуры в Австрии: «Первым примером подобного краха военной диктатуры является “патриархальная” Австрийская империя. Австрия, которая могла сохранить свое существование лишь с помощью самого грубого, доведенного до крайности господства сабли, – эта Австрия гибнет в настоящий момент из-за господства сабли» (43: 438). Одной из причин этого является неспособность что-то организовать и нехватка постоянных финансовых источников. В целом такова судьба любого милитаризма. Оценивая состязание между броней и пушкой в кораблестроении, Ф. Энгельс заключает: «…Корабль доводится до той грани изощренного совершенства, где он становится в той же мере недоступным по цене, как и непригодным для войны, и что благодаря этому состязанию тем самым также и на поприще морской войны раскрываются те внутренние законы диалектического движения, согласно которым милитаризм, как и всякое другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития» (20: 178).

Самоотрицание описывалось и в экономической жизни. Согласно К. Марксу, развитие простого товарного производства неизбежно вело к его разложению (49: 228), к тому, что оно само создает материальные средства для своего уничтожения (23: 771), и закон частной собственности, «превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность» (ib.: 596-597). А именно – право собственности, основанное на собственном труде, превращается в право капиталиста присваивать чужой неоплаченный труд, а рабочий утрачивает возможность присвоить себе свой собственный продукт.

В целом развитие противоречий конкретно-исторической формы производства рассматривается как единственный исторический путь ее разложения и образования новой формы производства (ib.: 499). Конечным результатом развития системы буржуазной экономики также является самоотрицание (46-II: 222). Утверждалось, что развитие материальных производительных сил (в т. ч. развитие сил рабочего класса) в определенный момент уничтожит капитал, а «противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения» (42: 102).

Более подробно модельный прогноз самоупразднения частной собственности и пролетариата излагался так: «Правда, частная собственность в своѐм экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путѐм не зависящего от неѐ, бессознательного, против еѐ воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путѐм порождения пролетариата как пролетариата, – этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самоѐ себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наѐмный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность – частная собственность» (2: 39).

С учетом данного прогноза о намерениях английских социалистах критически говорилось: «Они не признают исторического развития и поэтому хотят перевести страну в коммунистическое состояние тотчас же, немедленно, а не путём дальнейшего развёртывания политической борьбы до её завершения, при котором она сама себя упразднит» (ib.: 460).

Глава 12. ЗАКОН СПИРАЛЬНОЙ ФОРМЫ РАЗВИТИЯ

12.1. Круговорот – элементарная форма развития

Отрицание отрицание есть повторение, т.е. «воспроизведение того, что перед этим подвергалось отрицанию»[105]. Возвращение есть движение по кругу, протекающее в форме круговорота (кругооборота, цикла, пульсации) (ib.: 10). Круговое движение совершается в пределах одной и той же ступени развития. Поэтому круговорот – геометрической идеализацией которого является образ кругового движения – является элементарной формой развития[106].

Движение в рамках одного и того же уровня развития есть движение одного субстрата. Он проходит последовательно различные фазы круговорота и оказывается в различных состояниях (формах) (ib.: 77-78).

Мир в целом может быть представлен как «вечный круговорот движущейся материи» (20: 353). Ф. Энгельс представлял вечно повторяющуюся последовательную смену миров в бесконечном времени (ib.: 362). Ему очевидно, что в этом безжалостно совершающемся круговороте «материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет – мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» (ib.: 363).

Частным субстратом круговорота может быть, например, революция. «Европейская революция совершает круговорот. Она началась в Италии, в Париже она приняла европейский характер, в Вене мы наблюдали первый отзвук февральской революции, в Берлине – отзвук венской революции. В Италии, в Неаполе, европейская контрреволюция нанесла свой первый удар, в Париже – в июньские дни – она приняла европейский характер, в Вене мы наблюдали первый отзвук июньской контрреволюции, в Берлине она завершается и компрометирует себя. Из Парижа галльский петух снова разбудит Европу своим криком», – писал К. Маркс (6: 13).

Аналогичный интернациональный круговорот проходило изобретение паровой машины: «Паровую машину изобрел француз Папен, но в Германии. Немец Лейбниц, рассыпая вокруг себя, как всегда, гениальные идеи без заботы о том, припишут ли заслугу открытия этих идей ему или другим, – Лейбниц, как мы знаем теперь из переписки Папена (изданной Герландом), подсказал ему при этом основную идею: применение цилиндра и поршня. Вскоре после этого англичане Севери и Ньюкомен изобрели подобные же машины; наконец, их земляк Уатт, введя отдельный конденсатор, придал паровой машине в принципе ее современный вид. Круговорот изобретений в этой области был завершен: было осуществлено превращение теплоты в механическое движение» (20: 431).

Последнее превращение – тоже фаза круговорота, который начался открытием добывания огня трением. Превращение механического движения в теплоту должно завершиться обратным процессом – превращением теплоты в механическое движение: «Только тогда диалектика процесса получает надлежащее удовлетворение, и процесс исчерпывается в круговороте – по крайней мере для начала» (ib.: 430). Для первого завершения когда-то начатого круговорота потребовались многие тысячелетия.

В экономической жизни различные фазы круговорота (покой, оживление, процветание, перепроизводства, кризис, застой) в рамках периодически повторяющегося торгово-промышленного цикла переживает промышленность. В сельском хозяйстве латифундии порождают мелкое производство, а последнее – снова порождает латифундии. Аналогично, свободная конкуренция порождает монополию, а монополия – конкуренцию. «…Нам предстоит задача разорвать этот circulus vitiosus» [порочный круг]», – замечал Ф. Энгельс (39: 89).

---

[105] *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. М., 2006. С. 7.

[106] *Лойфман И. Я.* Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы). Екатеринбург, 2000. С. 84.

Возможность такого разрыва появляется с достигнутым развитием, особенно с изменениями во внешней среде. Подчеркивается, что круговорот – это «не постоянное движение по кругу, а необратимый циклический процесс, т.е. процесс, который никогда не приводит к полному возврату в исходное состояние»[107]. Прогнозируя откат рабочего движения в результате возможной мировой войны, Ф. Энгельс оптимистически замечал: «Несомненно одно – война на первых порах отбросила бы во всей Европе наше движение назад, а во многих странах и вовсе разрушила бы его и разнуздала бы шовинизм и национальную вражду; среди многих неопределенных возможных последствий войны нам будет гарантировано одно: после войны нам пришлось бы начать сначала, зато на неизмеримо более благоприятной почве, чем даже теперь» (36: 445).

Отдельные фазы круговорота в зависимости от динамики условий в окружающей среде изменяются по форме и интенсивности. Как следствие, в них накапливаются необратимые изменения и отклонения. Поэтому природа «движется не в вечно однородном, постоянно снова повторяющемся круге, а переживает действительную историю» (20: 666).

12.2. Линейная форма развития

Историчность природы, ставшей предметом естественной истории, стала очевидной с развитием геологии и палеонтологии. «Надо было решиться признать, что историю во времени имеет не только Земля, взятая в общем и целом, но и ее теперешняя поверхность и живущие на ней растения и животные. Признавали это сначала довольно-таки неохотно», констатировал Ф. Энгельс (ib.: 352).

Отказ от идеи случайных «капризов творца» не был окончательным, так как оставались ссылки на капризы природы. Например, геолог Ч. Лайель считал действующие на Земле силы постоянными. «Для него не существует охлаждения Земли, Земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом», – критически замечал Ф. Энгельс (ib.: 352).

Между тем Ф. Энгельс указывал на долговременную тенденцию охлаждения Земли и Солнца: «Охлаждаются сперва спутники, астероиды, метеоры, подобно тому как ведь давно уже омертвела и наша Луна. Медленней охлаждаются планеты, медленнее всего – центральное светило» (ib.: 356). В конечном счете та же судьба, которая «постигнет нашу солнечную систему, должна раньше или позже постигнуть все прочие системы нашего мирового острова, должна постигнуть системы всех прочих бесчисленных мировых островов…» (ib.: 359). Благодаря данной тенденции происходящие, казалось бы, случайные изменения имеют определенную и конкретную направленность.

Определенная тенденция может действовать в пределах больших циклов. Так, непрерывная межотраслевая эмиграция и иммиграция капитала вызывает то восходящие, то и нисходящие движения нормы прибыли (25-I: 227). В торгово-промышленном цикле по окончании кризиса экономика развивается опять по восходящей линии (11: 238). Та или иная эпоха может находится в стадии развития по восходящей линии (12: 68).

Действительно, можно говорить о линейности (прямолинейности) направленного развития. Именно так можно понимать оценку, данную Ф. Энгельсом, электоральным успехам германской социал-демократии: «Ни в одной стране никогда не было такого упорного, непрерывного, неодолимого поступательного движения партии» (39: 74). В мире в целом «поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь…» (21: 302).

Вместе с тем Ф. Энгельс предпочитал говорить не столько о линиях, сколько о ветвях развития, например, о нисходящих и восходящие ветвях развития в пределах одного и того же

[107] Там же. С. 81.

круговорота (20: 551). Обобщая данную идею, Б. М. Кедров заключал: «Каждая конечная вещь, каждый конечный процесс в природе имеют две ветви своего закономерного развития: от начала своего рождения до полного расцвета и развития (восходящая ветвь) и с момента начала своего старения до своей гибели, или смерти (нисходящая ветвь развития)»[108]. Исходя из соизмеримости качественно различных фаз круговоротов, по относительной высоте их организации восходящую ветвь (линию) круговорота предлагалось называть прогрессивной, а нисходящую ветвь (линию) круговорота – регрессивной[109].

Концепт ветвей развития ориентировал на выделение на представление о разветвленности (многолинейности) развития. Ветвятся династии, роды, племена, языки, народы, организации, движения, отрасли труда и профессии. Ветви отделяются от ствола развития, разделяются и сливаются, постепенно угасают или становятся стволовой линией развития. «Встать на точку зрения “одной-единственной” линии прогрессивного развития, на которой всякое новшество аккумулируется и становится предпосылкой других достижений, – писал А. Грамши, – будет серьезной ошибкой: существует не только много линий (путей), но происходят и отступления назад на “наиболее прогрессивном” пути»[110].

12.3. Зигзаг

Противоречивость целого, динамический баланс составляющего его противоположностей необходимо ведет к преобладанию той или другой стороны, что меняет направление развития. Например, из-за раздвоенности развития Америки, осваивавшей целину и одновременно боровшейся за первое место в промышленном производстве, в голове среднего американца брало перевес то сознание крестьянина, то рабочего. Отсюда зигзагообразный путь развития, гигантские зигзаги – «это какое-то лавирование против ветра» (39: 319). Ф. Энгельс прогнозировал, что и рабочее движение в США «пойдет отнюдь не по классической прямой линии, а крутыми зигзагами, и местами будет казаться, что оно отступает…» (36: 578).

Диалектическое развитие в природе и в истории прокладывает себе путь «сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги» (21: 301). Зигзаги замедляют движение, формируют в нем приливы и отливы, ведут к жертвам и издержкам, но неизбежны. Так, в долине Рейна дорога бесконечными зигзагами поднимается вверх (41: 160). Между Зеландскими островами пароход часами выводит свои зигзаги (41: 77). На средневековом рынке путем длительного процесса приближения зигзагами люди определяли общественно необходимые затраты на продукты своего труда (25-II: 473).

«История часто идет скачками и зигзагами», – заключал Ф. Энгельс (13: 497). Более всего зигзагоообразна мысль. Он подчиняется следующей закономерности: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет» (39: 176).

Нужно быть готовым к тому, что «дело подвигается, хотя медленно и зигзагами» (ib.: 210). Так, 1890-е гг. рабочие-текстильщики Ланкашира неистовствовали против требования о законодательном установлении 8-часового рабочего дня. Через несколько лет они стали сами настоятельно его требовать.

---

[108] *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. С. 76.
[109] *Лойфман И. Я.* Дух диалектики... С. 80.
[110] *Грамши А.* Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. Тюремные тетради. М., 1959. С. 511-512.

В. И. Ленин также полагал, что «история идет зигзагами и кружными путями» (ПСС-36: 82). Это относится и к отдельным субъектам истории. Например, нации идут «в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками» (ПСС-38: 184). На его взгляд, современная ему физика «идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей "конечной цели", а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом» (ПСС-18: 332). Поэтому представление об историческом деле «без "скачков" в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии» (ПСС-10: 26) он считал чисто школьническим,

Большевиков обвиняли в «прямолинейности» (ПСС-16: 8), в следовании твердой линии. Меньшевиков называли представителями «"мягкой, вернее, зигзаговой линии"» (или «женской» линии) (ПСС-8: 5). В. И. Ленин считал рассуждения о необходимости считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории «бесспорной жвачкой» (ПСС-16: 18). Только неопытная молодежь, как говорил он, при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную доныне гору могла бы заранее отказываться от того, чтобы «идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления» (ПСС-41: 54).

В вопросе о зигзагообразности ключевым моментом, по мнению В. И. Ленина, является принятие в конкретной ситуации решения о необходимости прямой фронтальной атаки или о целесообразности обходных путей, выжидания, зигзагов, отступлений (ПСС-16: 8). «Марксист обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается объективным положением вещей, но это, повторяем, не значит, чтобы мы не должны были считаться с определившимся уже фактически зигзагообразным поворотом», – писал В. И. Ленин (ПСС-16: 20).

Чтобы не затеряться в зигзагах истории, В. И. Ленин предлагал руководствоваться следующими принципами:

– сохранять общую перспективу, видеть красную нить, связывающую все развитие, «ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, – в жизни она никогда прямой не будет» (ПСС-36: 47);

– идя зигзагообразным путем, неуклонно идти вперед и вперед, чтобы движение поднялось в общем на высшую ступень (ПСС-15: 19);

– внимательно изучать различные и своеобразные положения, условия (ПСС-15: 187), неизбежные повороты развития во всей его конкретности (ПСС-8: 400);

– «соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с уменьем пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное…» (ПСС-41: 80).

«Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс…» – замечал В. И. Ленин (ПСС-16: 9). Фельдмаршалом компромиссов К. Маркс считал Луи Бонапарта – профессионального игрока, одаренного «чутьем к возможным компромиссам, неожиданным маневрам и coups de main [решительным ударам]» (13: 288). Он прекрасно использовал сплетения обстоятельств, оставаясь, правда, покорным рабом случая.

Бланкисты воображали, что, раз они хотят, то можно, перескочив через промежуточные станции и компромиссы, достигнуть конечную цель – уничтожения классов и частной собственности. Наоборот, коммунисты являются коммунистами потому, что они ясно видят и постоянно преследуют конечную цель «через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития» (18: 515). Необходимо «в движении сегодняшнего дня отстаивать будущность движения» (36: 498).

А.В. Луначарский противопоставлял в этом отношении прямолинейный подход Николая I и тактику рабочей партии, выдерживающий твердый курс. «Рабочая партия, напр., вовсе не

строит своей тактики по примеру Николая I, определившего направление Николаевской железной дороги, черкнув на карте прямую по линейке линию между Москвой и Петербургом. Только недобросовестные противники рабочей партии могут упрекать ее в такой упрощенной прямолинейности. – писал он. – Нет, живая действительность принимается в соображение, скалы и мели посильно обходят, попутным ветром и течением посильно пользуются, но все-таки курс держат твердо, и конечная цель и цепь ближайших требований – этапов даны неизменно, принципиально незыблемы, потому что вытекают из глубокого общего анализа современного общества. Живые, реальные принципы никогда не могут являться априорными постулатами, на девять десятых они – результат научного исследования тенденций общественного развития»[111].

12.4. Развитие по спирали

В силу повторяемости в изменяющихся условиях в круговороте накапливаются необратимые изменения, придающие круговороту определенную направленность. Сочетание цикличности и направленности образует необратимый спиралевидный процесс. Круговые циклы оказываются витками спирали, связанными между собой. Каждый виток сохраняет и закрепляет достигнутое, создает основу дальнейшего движения.

Спиралевидная форма развития фиксировалась в античном материализме в образе вихревого движения, обладающего спиралевидной структурой. К. Маркс приводил высказывание Демокрита о том, что «вихреобразное вращение есть причина происхождения всего» (40: 206). Ф. Энгельс также цитировал Левкиппа, согласно которому атомы «собираясь вместе, они образуют один вихрь, в котором они, сталкиваясь и всячески вращаясь, разделяются таким образом, что сходное присоединяется к сходному» (20: 505).

Ф. Энгельсу импонировал образ истории как спирали развития. Полемизируя с ее различными геометрическими репрезентациями, он писал: «Но я предпочитаю скорее сравнение со свободно, от руки начерченной спиралью, изгибы которой отнюдь не отличаются слишком большой точностью. Медленно начинает история свой бег от невидимой точки, вяло совершая вокруг нее свои обороты; но круги ее все растут, все быстрее и живее становится полет, наконец, она мчится, подобно пылающей комете, от звезды к звезде, часто касаясь старых своих путей, часто пересекая их, и с каждым оборотом все больше приближается к бесконечности. Кто может предвидеть конец? И в тех местах, где она как будто возвращается на свой старый путь, поднимается самоуверенная ограниченность и кричит торжествуя, что у нее, видите ли, когда-то была подобная мысль! Тогда-то мы и слышим – ничто не ново под луной! Наши герои китайского застоя, наши мандарины регресса ликуют и пытаются вычеркнуть из анналов мировой истории целых три столетия, как дерзкий экскурс в запретные области, как горячечный бред – и они не видят, что история устремляется лишь по кратчайшему пути к новому сияющему созвездию идей, которое скоро ослепит в своем солнечном величии их тупые взоры» (41: 27).

Текущий исторический момент Ф. Энгельс оценивал как возвращение далекого прошлого: «Все идеи, которые выступали на арену со времен Карла Великого, все вкусы, которые вытесняли друг друга в течение пяти столетий, пытаются еще раз навязать современности свое отмершее право. Феодализм средневековья и абсолютизм Людовика XIV, иерархия Рима и пиетизм прошлого столетия оспаривают друг у друга честь искоренения свободной мысли! Да будет мне позволено не распространяться о них; ведь против каждого, кто вздумает провозгласить один из этих девизов, тотчас засверкают тысячи мечей, все – острее моего, и мы знаем, что все эти старые идеи рассыпятся в прах от взаимного столкновения и будут стерты

[111] *Луначарский А.В.* Против идеализма Этюды полемические. М., 1924. С. 133.

твердой, как алмаз, стопой идущего вперед времени. Но этим мощным реакционным явлениям в жизни церкви и государства соответствуют менее заметные тенденции в искусстве и литературе, бессознательные попятные шаги к прошлым векам, представляющие угрозу если не для самой эпохи, то все же для ее вкусов; и странно, что сопоставление этих тенденций нигде еще не было сделано» (ib.).

Спираль может иметь различный вид. Ф. Энгельс обращал внимание на суживающуюся спираль: «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе. В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая “порочный круг”, который открыл в нем уже Фурье. Но Фурье в свое время еще не мог, конечно, видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства» (20: 285).

Анализируя накопление капитала, К. Маркс описывал расширяющуюся спираль: «Совершив круг, капитал расширяется как субъект этого круга и, таким образом, описывает ряд расширяющихся кругов, спираль» (46-II: 260). Расширяющаяся спираль шире вовлекает в свое движение ресурсы окружающей среды. «Однако ясно, – писал К. Маркс, – что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, есть крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке составных частей общественного капитала» (23: 642). Но как раз такое расширение становится предпосылкой централизации.

РАЗДЕЛ IV. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Глава 13. СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

13.1. Система мира

В соответствии с узусом времени К. Маркс и Ф. Энгельс писали о системах как доктринах (напр.: система письма, система счисления, натурфилософская система, система Д. Рикардо), как социальных институтах (напр.: система родства, денежная система, налоговая система, фабричная система, колониальная система), продуктах деятельности (напр.: система каналов, система коттеджей, система крепостей, система машин), а также о системах в природе (напр.: кровеносная система, нервная система, солнечная система).

О солнечной системе, например, говорилось, что она принадлежит к группе бесчисленных звездных систем «нашего мирового острова, ограниченного самыми крайними звездными кольцами Млечного пути» (20: 335). А подобные мировые острова бесчисленны (ib.: 359). В конечном счете, вся доступная людям для познания природа, вселенная образует систему (ib.: 392). И бесконечно много вселенных находятся за пределами нашей вселенной (ib.: 552). Но было ясно, что «мир представляет собой единую систему, т. е. связное целое» (ib.: 630).

Система понимается как совокупная, взаимная связь тел – от звезды до атома и частицы эфира (ib.: 392). «Итак, какого бы взгляда ни придерживаться относительно строения материи, не подлежит сомнению то, что она расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп с относительно различными размерами масс... Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая подобную группу», – писал Ф. Энгельс (ib.: 585). В зависимости от группы тел образуются системы разного уровня: система «Земля – Луна», планетная система, солнечная система.

Взаимная связь тел состоит во взаимном воздействии тел друг на друга (ib.: 392). Тела влияют друг на друга, притягивают или отталкивают друг друга. Всякое движение, согласно Ф. Энгельсу, состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания (ib.: 393). Поскольку в мире тесно, то каждое отдельное притяжение компенсируется соответствующим ему отталкиванием в другом месте» (ib.).

Системы существуют в динамическом равновесии (ib.: 394). «При этом надо иметь в виду, – пояснял Ф. Энгельс, – что не только наша планетная группа вращается вокруг Солнца, а наше Солнце движется внутри нашего мирового острова, но что и весь наш мировой остров движется в мировом пространстве, находясь во временном относительном равновесии с прочими мировыми островами…» (ib.: 361).

Первоначально система состоит из неопределенного множества однородных тел одной группы («туманное состояние» (ib.: 57)). Вследствие относительности равновесия возникают неоднородности: «В дальнейшем наступает дифференциация» (ib.: 558). В частности, многоклеточные организмы, «представляя собой связный комплекс многих клеток, которые, будучи у низших организмов еще однородными, становятся у высших все более и более разнообразными по своей форме, группировке и деятельности» (ib.: 78).

Дифференциация осуществляется по соотношению моментов покоя и подвижности, центра движения и его периферии. Так, земной шар содержит, как предполагалось, твердые и жидкие массы (ib.: 427). С последующей дифференциацией «планета приобретает твердую кору и скопления воды на своей поверхности» (ib.: 386). Образуется атмосфера Земли, и «вызванные атмосферными осадками отложения приобретают все больший перевес над медленно ослабевающими действиями вовне ее раскаленно-жидкого внутреннего ядра» (ib.). Аналогично, клетка органического тела не только содержит клеточное ядро внутри, но «образует и внешнюю оболочку, и тогда ее содержание оказывается более или менее жидким» (ib.: 78). Нервная система позвоночных животных дифференцирована на периферийную и центральную системы, а последняя – на головной и спинной мозг (ib.: 543).

Система необходимо включает в себя дополнительные стороны, которые полагают и отрицают друг друга[112]. Дифференциация усиливает дополнительность сторон системы. В текстильной промышленности в начале XIX века была создана целая система «взаимно дополняющих друг друга тонко разработанных механизмов» (2: 248).

Учет дифференциации элементов системы позволяет представить систему не просто как комплекс элементов, а как внутренне противоречивое образование: «…Система предстает как диалектическое противоречие, а диалектическое противоречие – как система»[113].

Системы вполне консервативны, но вместе с тем и динамичны (20: 426). Все системы когда-то завершают свой жизненный путь, распадаясь и превращаясь в сырье для других систем (ib.: 359).

Впрочем, рассеяние (диссипация) и диссимиляция (расподобление) системой своей материи и энергии происходит на протяжении всего ее существования, как в рамках восходящей, так и в рамках нисходящей ветвей развития. Соотношение диссимиляции и ассимиляции выглядит следующим образом: «…Белковое тело извлекает из окружающей среды другие подходящие вещества и ассимилирует их, тогда как более старые частицы тела разлагаются и выделяются. Другие, неживые тела тоже изменяются, разлагаются или комбинируются в ходе естественного процесса, но при этом они перестают быть тем, чем они были. Скала, подвергшаяся выветриванию, уже больше не скала; металл в результате окисления превращается в ржавчину. Но то, что в мертвых телах является причиной разрушения, у белка становится основным условием существования. Как только в белковом теле прекращается это непрерывное превращение составных частей, эта постоянная смена питания и выделения, – с этого момента само белковое тело прекращает свое существование, оно разлагается, т. е. умирает» (ib.: 83).

Таким образом, каждая система есть исторический процесс, а «вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов» (ib.: 513). Построение окончательно завершенной системы всех мировых связей, исчерпывающее изображение системы мира представляется невозможным, поскольку «фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным» (ib.: 36).

13.2. Концепция реляционных систем

Диалектика рассматривает вещи «не в их изолированности, а в их взаимной связи» (20: 580). Взаимная связь тел состоит в их взаимном воздействии (ib.: 392), обмене веществом и энергией.

Специфическое для системы взаимодействие непрерывно развивается. Устойчивое, развивающееся взаимодействие (взаимосвязь) составляет отношение[114].

«Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу», – писал Ф. Энгельс (13: 497-498). Так, в товарообмене завязывается отношение «между двумя лицами, или общинами, отношение между производителем и потребителем» (13: 498).

Усложняясь, отношение создает опосредствования, выступающие как внутренние, производные отношения в рамках данной системы. Разрешение противоречий внутри отношения достигается установлением нового отношения. «Поэтому система всегда *система отношений*»[115], – подчеркивал В. П. Фофанов.

---

[112] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 29.

[113] *Фофанов В. П.* Диалектика и системность // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1981. С. 9-10.

[114] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 30.

[115] Там же.

Полемизируя с Е. Дюрингом, Ф. Энгельс писал, что условно простейшими элементами общества являются «мужчина и женщина, которые основывают семью, эту простейшую и первую форму общественной связи в целях производства» (20: 987). Ранее, в «Немецкой идеологии» семья характеризовалась как первоначально единственное социальное отношение – отношение сотрудничества между мужем и женой, родителями и детьми (3: 27). С порождением новых общественных отношений семья становится подчинённым отношением.

Ф. Энгельс говорил об ужасной путанице в головах буржуазных экономистов, не понимающих, что «политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи» (13: 498). Соответственно, в диалектическом понимании системы акцентируется не наличие совокупности элементов, связанных некоторыми отношениями, а совокупность отношений, порождающих в процессе своего формирования и развития соответствующие внутренние элементы[116]. Хотя товарообмен первоначально возникает на внешнем, естественном основании – на основе обмена избыточными продуктами – в последующем потребности обмена стимулируют развитие производства, дифференциацию продуктов как внутреннее основание развития товарных отношений.

Итак, система мира «простирается перед нами как некоторая система связей» (20: 513). Представляется возможным говорить о том, что диалектический материализм выдвигает концепцию реляционной системы – системы отношений, возникающих из фундаментальных для данной системы взаимодействий. При этом взаимодействия состоят не только из «чистых» действий, а включают также взаимосвязанные, действующие друг на друга тела, вместе с условиями их существования.

Эксплицитно концепция реляционной системы была реализована в модели общества как системы общественных отношений. «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу», – писал К. Маркс (46-I: 214).

На это обращал внимание В. Т. Новиков в обзорном разделе «Общество как реляционная система К. Маркса». Главным в обществе для К. Маркса, как констатирует белорусский автор, является система общественных отношений. «Основу общества как реляционной системы составляют производственно-экономические отношения…»[117] – пишет он. Соответственно, основные элементы общества – это производственно-экономические и идеологические отношения, складывающиеся между определенными социальными субъектами.

Термин «реляционная система» употреблял известный филолог Ю. М. Лотман[118]. В его представлении, «художественная система строится как иерархия отношений» (ib.: 252). Эти системы отношений – генеральный принцип организации художественной структуры[119]. «Итак, мы вынуждены сделать вывод: реляционная структура – не сумма вещественных деталей, а набор отношений, который первичен в произведении искусства и составляет его основу, его реальность»[120], – заключал Ю. М. Лотман.

---

[116] Там же. С. 31.

[117] Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии / Под ред. А. И. Зеленкова. Минск, 2015. С. 29.

[118] *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 46.

[119] *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972. С. 39.

[120] *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. С. 86.

13.3. Концепт органической системы

Взаимообусловленность сторон системы позволяет ее квалифицировать как органическую систему. Прообразом концепта органической системы является метафора государства как организма.

Анализируя исключительный статус монарха, К. Маркс подчеркивал внутреннее, субстанциональное единство элементов государственного организма: «В разумном организме голова не может состоять из железа, а тело – из мяса. Члены для своего сохранения должны обладать равным достоинством, быть одной плоти и крови. Но наследственный монарх наделён особым достоинством, он из другого материала. Прозе рационалистической воли других членов государства противостоит здесь магия природы. К тому же члены могут лишь постольку взаимно сохранять друг друга, поскольку весь организм находится в текучем состоянии и каждый из членов снимается в этой текучести, стало быть, ни один из них не отличается "неподвижностью", "неизменностью", приписываемыми здесь главе государства» (1: 261).

Единство сторон органической системы удерживается в ее развитии. Выдвинувший концепт органической системы Г. В. Ф. Гегель писал: «Идея, как конкретная в себе и развивающаяся, есть, таким образом, органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов»[121].

Так, буржуазное общество содержит отношения предыдущих обществ. Обломки и элементы прежних ступеней присутствуют в существенно измененном виде, зачастую в совершенно захиревшем, карикатурном или даже шаржированном виде (46-I: 42).

В органической системе имеется особый «эфир», общее «освещение», модифицирующее все, попадающее в сферу его действия и определяющее удельный вес всего того, что в нем имеется (ib.: 43). У народов с преобладанием земледелия «сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер» (ib.: 44). Капитал также имеет землевладельческий характер, а городские отношениях имитируют организацию деревни. В буржуазном обществе наоборот: «Земледелие все более и более становится всего лишь одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала» (ib.: 43). Более развитая конкретность сохраняет исторически более простое явление как подчиненное отношение (ib.: 39).

Кроме того, органическая система содержит имевшиеся в прошлом «намеки», которые развились в ней до полного значения (ib.: 42). Например, деньги существовали раньше капитала, наемного труда, банков, раньше и т. д. Целое развилось в ту сторону, которая была выражена в деньгах (ib.: 39). Не исключена поливариантность, т. е. развитие традиционного общества в какую-либо другую сторону.

Особенность органической системы состоит в том, что каждое отношение в ней предполагает другое, и «каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка ... это имеет место в любой органической системе» (ib.: 229). В общественном организме как органической системе «все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое» (4: 134). Так, деньги – лишь одно из звеньев целой цепи других экономических отношений, а выраженное в деньгах отношение соответствует определенному способу производства, которому соответствует индивидуальный обмен. Поэтому объяснение необходимости денег следует искать в общей системе отношений (ib.: 110).

Грубость и поверхностность взглядов, по убеждению К. Маркса, заключается в том, что явления, «органически между собой связанные, ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь» (46-I: 24). Думают, что можно произвольно включать элементы

[121] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. Книга первая. СПб., 1993. С. 90.

в систему или вырывать из нее. Так, буржуазные экономисты и вульгарные социалисты рассматривают и трактуют распределение как нечто независимое от способа производства, тогда как «раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления» (19: 20).

Между тем, когда предметом грабежа является раб, то «производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы оно допускало применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.), должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства» (46-I: 35). И наоборот, «болезнь буржуазного общества» нельзя вылечить учреждением рациональной денежной системы или преобразованием банков (ib.: 74). Аналогично, невозможно иметь буржуазию без пролетариата, а буржуазное общество – без сопутствующих ему опасностей, как хотели бы буржуа-социалисты (4: 454).

В. И. Ленин как пример механицизма привел следующее рассуждение Н. К. Михайловского в отношении развития российской цивилизации: «надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства» (ПСС-1: 191). И далее иронически комментировал: «От средневековых форм “взять” принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм “взять” свободу, равенство, просвещение, культуру. <…> Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений – принадлежность земли земледельцу в средневековых формах – и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое» (ib.). В. И. Ленин подчеркивал, что «…Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства)…» (ib.: 139). Но став главой государства, он призывал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = ∑ = социализм» (ПСС-36: 550).

В органической системе существование элементов взаимообусловлено. В частности, в определённой форме общества определённые отношения промышленности и общения необходимо связаны с определённой формой государства и с определённой формой религиозного сознания (3: 140). Ручная мельница дает общество с сюзереном во главе (4: 133). Приобретая новые производительные силы, люди изменяют все свои общественные отношения: паровая мельница дает общество с промышленным капиталистом (ib.).

Системная взаимосвязь выражается в довольно жестком балансе элементов. «В крупной промышленности Петр не может произвольно определять время своего труда, так как без содействия всех остальных Петров и Павлов, из которых образуется предприятие, труд Петра – ничто, – писал К. Маркс. – Этим как нельзя лучше объясняется упорное противодействие английских фабрикантов *биллю о десятичасовом рабочем дне.* Они слишком хорошо знали, что уменьшение на два часа рабочего времени женщин и подростков должно повлечь за собой также сокращение рабочего времени мужчин. Сама природа крупной промышленности требует равного для всех рабочего времени» (ib.: 107-108).

Согласно К. Марксу, «органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы» (46-I: 229).

Например, господствующий в буржуазном обществе промышленный капитал в эпоху своего образования и возникновения застает товар, денежное обращение, торговую и процентную формы капитала. Промышленный капитал «застает их как *предпосылки,* но не как им самим установленные предпосылки, не как формы своего собственного жизненного про-

цесса» (26-III: 490). Поэтому в процессе своего возникновения промышленный капитал «должен еще подчинить себе эти формы и превратить их в свои собственные производные или особые функции» (ib.).

По отношению к капиталу, приносящему проценты, промышленный капитал применяет административную власть, ограничивая процентную ставку, – один из «методов более раннего способа производства и которую он отбрасывает как бесполезную и не соответствующую цели, как только он становится силен и завоевывает себе почву» (ib.: 491). Затем создается кредитная система, которая «первоначально является *полемической формой* против старомодных ростовщиков (золотых дел мастера в Англии, евреи, ломбардцы и т. д.)» (ib.).

Купец из передатчика товаров превращается путем организации рассеянной мануфактуры в производителя товаров. С другой стороны, производитель товаров становится купцом, самостоятельно закупая условия производства и продавая товар для всего торгового мира. Так торговля становится только слугой промышленного капитала, содействуя расширению наличного рынка и преодолению его границ. Здесь торговля – слуга: она выполняет функцию, вытекающую из его условий производства.

Подчинение предпосылок отмечалось и в живой природе. Существенный признак позвоночных – группировка тела вокруг нервной системы. «У всех прочих животных нервная система нечто побочное, здесь она основа всей организации; нервная система, развившись до известной степени, – благодаря удлинению назад головного узла червей, – завладевает всем телом и организует его сообразно своим потребностям», – писал Ф. Энгельс (20: 623).

Органическая система создает недостающие органы. Например, крепостной труд создал нравственность крепостническую, а система свободного, наемного труда – нравственность буржуазную (ПСС-1: 400). Отсюда вытекает системно-генетическое представление (в отличии от факторного анализа и функционализма) детерминации отдельных явлений: «Для материалиста и религия, и право, и мораль, и искусство представляют собою отдельные стороны единого, в основах своих, процесса общественного развития. Отчленяясь от своей производственной основы, усложняясь, закрепляя и детализируя свои особенности, политика, религия, право, этика, эстетика остаются функциями социально-связанного человека и подчиняются законам его общественной организации. Идеалист же видит не единый процесс исторического развития, выдвигающий из себя необходимые органы и функции, а пересечение, сочетание или взаимодействие неких самодовлеющих начал – религиозных, политических, юридических, эстетических и этических субстанций…»[122].

Обобщая марксово различение явлений формального и реального подчинения труда капиталу, М. В. Востриков предложил различать два этапа становления органической системы – формальный и реальный[123]. На этапе формальной органической системы все предпосылки ее существования обусловлены извне. Стороны специфического для системы противоречия формируются извне, как и неразвитое отношение между ними. Саморазвитие осуществляется только за счет внешних источников. Реальная, ставшая органическая система воспроизводит свои предпосылки в качестве результатов функционирования: «На этапе реальной органической системы преобладает внутренняя детерминация, обеспечивающая целостность и саморазвитие» (ib.). «Две стороны противоречия и специфическое отношение между ними составляют систему предпосылок, воспроизводимую в качестве результатов. Это и есть наиболее абстрактная структура органической системы, способная к саморазвитию, поскольку только регулярно воспроизводимое противоречие способно к саморазвитию. Только само отношение конституирует систему», – писал М. В. Востриков (ib.).

---

[122] *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 144.

[123] *Востриков М. В.* Проблема возникновения и становления органической системы в методологии К. Маркса: дис. … канд. философ. наук: 09.00.01. Ростов-на-Дону, 1984. URL: http://www.dslib.net/ontologia/problema-vozniknovenija-i-stanovlenija-organicheskoj-sistemy-v-metodologii-k-marksa.html

13.4. Законы движения систем

Диалектический материализм исходит из того, что система находится в развитии, движении. А движение каждой системы происходит по специфическим законам. Отмечалось, что существует законы движения «вихреобразно вращающихся раскаленных газообразных туманностей» (20: 355), «закон движения солнечной системы» (ib.).

Общесистемные законы могут быть выделены крайне условно. На мой взгляд, к ним можно отнести следующее:

Закон гомеостаза – поддержание системы в равновесии. При непрерывном движении, например, в живом организме во время нормального периода жизни всех его мельчайших частиц и более крупных органов наблюдается постоянное равновесие всего организма, живое единство движения и равновесия (ib.: 562). Постоянная тенденция к равновесию действует в условиях постоянного нарушения этого равновесия (23: 368).

Циклическая повторяемость возникновения, развития и прехождения систем, которые могут быть «снова воспроизведены материей, хотя бы спустя миллионы и миллионы лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, внутренне присущей также и случаю (ib.: 361).

Закон неравномерности развития. Применительно к развитию из вихреобразно вращающихся раскаленных газообразных туманностей бесчисленных солнц и солнечных системы нашего мирового острова Ф. Энгельс замечал: «Развитие это шло, очевидно, не повсюду с одинаковой скоростью» (ib.: 355).

Закон необходимого разнообразия. Вечный круговорот, в котором движется материя, вечно повторяющаяся последовательная смена миров в бесконечном времени, ведет к превращению систем в другие формы движения, в которых материя «может снова сосредоточиться и начать активно функционировать» (ib.: 363).

В эпикурейской философии «законом атома» считалось отклонение атома от прямого направления. К. Маркс приводил строки из поэмы Лукреция Кара, писавшего, что иначе «никаких бы ни *встреч,* ни *толчков у начал не рождалось,* И ничего никогда породить не могла бы природа» (40: 98).

Как следствие, повторяемость в развитии не является абсолютной. Сдвиг на иной путь развития произошел, в частности, в таком случае: «На острове св. Елены козы и свиньи, привезенные первыми прибывшими туда мореплавателями, сумели истребить почти без остатка всю старую растительность острова и этим подготовили почву для распространения других растений, привезенных позднейшими мореплавателями и колонистами» (20: 494).

С другой стороны, разнообразие необходимо, т. е. конечно. По эпикурейскому учению, многообразие фигур не бесконечно «Первоначала вещей... Лишь до известных границ разнородны бывают по формам», – писал Лукреций Кар (цит. по: 40: 101). И продолжал: «…Разнородность фигур у материи также предельна» (цит. по: ib.: 102).

Динамическая сбалансированность в сосуществовании систем: «…весь наш мировой остров движется в мировом пространстве, находясь во временном относительном равновесии с прочими мировыми островами, ибо даже относительное равновесие свободно парящих тел может существовать лишь при взаимно обусловленном движении…» (20: 361).

Закон соотношения роста. Так Ч. Дарвин назвал закон, согласно которому «известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, казалось бы, ни в какой связи с первыми не находятся» (ib.: 488). Например, белые кошки с голубыми глазами почти всегда оказываются глухими. В силу взаимообусловленности в системе изменения определенных форм влекут за собой изменение других форм.

Закон обратной связи. Каждое явление действует на другое, и наоборот. Например, на рынке «цены определяют производство, а с другой стороны, производство определяет цены» (46-I: 205).

Животные, как писал Ф. Энгельс, изменяют своей деятельностью окружающую среду внешнюю природу, и эти совершаемые ими изменения оказывают обратное воздействие на их виновников, вызывая в них в свою очередь определенные изменения (20: 494). Применительно к человеку отмечалась односторонность натуралистического понимания истории, не учитывающего, что человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. Соответственно, «разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» (ib.: 545). В связи с вызванными ими изменениями окружающей среды «даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности» (ib.: 546).

«Цивилизующее воздействие внешней торговли» проявлялось в том, что эпизодический обмен излишками благодаря вклиниванию народов, ведущих торговлю и добивающихся обмена (ломбардцы, норманны и др.), приводил к превращению случайного излишка производства в постоянно повторяющийся излишек. Производство приобретает тенденцию ориентироваться на обращение: «Круг потребностей расширяется; целью является удовлетворение новых потребностей, а отсюда – большая регулярность и увеличение производства» (46-I: 204). Так, в Англии XVI века «ввоз нидерландских товаров привел к тому, что те излишки шерсти, которыми Англия располагала для обмена, приобрели решающее значение» (ib.: 205). Сельское хозяйство стало определяться обращением: для увеличения производства шерсти пахотные земли были обращены в пастбища, была разрушена система мелкой аренды.

Глава 14. ПУТЬ К ИСТИНЕ

14.1. Предметная истинность

Предметная истинность человеческого мышления – это его действительность и мощь, посюсторонность, доказываемая в практике (3: 1). Предметно истинное мышление объективируется, становится предметным. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **и з м е н я е т** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)», – замечал В. И. Ленин (ПСС-29: 199). Результат действия он считал проверкой субъективного знания и критерием «**ИСТИННОСУЩЕЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ**» (ib.: 200).

Идею Платона об истинности не только знания, но и объектов актуализировал Г. В. Ф. Гегель: «Истина же в более глубоком смысле состоит, напротив, в том, что объективность тождественна с понятием. Об этом-то более глубоком смысле истины идет речь, когда говорят об *истинном* государстве или об *истинном* произведении искусства. Эти предметы *истинны,* когда они суть то, чем они *должны* быть, т. е. когда их реальность соответствует их понятию. Понимаемое подобным образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также плохим. Плохой человек есть неистинный человек, т. е. человек, который не ведет себя согласно своему понятию или своему назначению. Однако совсем без тождества и реальности ничто не может существовать. Даже плохое и неистинное *есть* лишь постольку, поскольку их реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует их понятию»[124]. В логике объективного идеализма Г. В. Ф. Гегель утверждал: «Вещи в мире обладают прочностью единственно лишь через понятие, т. е. вещи, говоря языком религиозного представления, суть то, что они суть, лишь через пребывающие в них божественные и поэтому творческие мысли» (ib.).

С точки зрения диалектического материализма истина – это и вещи, какими они существуют в действительности (1: 29), но на практическом основании. Поэтому возможны истинный законодатель (ib.: 132), истинное государство, истинный брак, истинная дружба (ib.: 163), не только истинное знание, но и истинная практика (42: 135) и истинная человеческая жизнь (ib.: 166).

Истинное существование выдерживает множество коллизий, не утрачивая своей сущности (1: 164). Но в природе распад и смерть наступают сами собой (ib.: 163). Развод, например, устанавливает факт того, что «данный брак есть умерший брак, его существование есть только видимость и обман» (ib.). Сохраняется мнимая собственность мелкого крестьянина, ее ложная видимость при обременении долгами ростовщику (22: 511).

Действительное движение, истинный процесс могут мистифицироваться объективно. Общественные формы товарного производства представляются как свойства своих носителей, самих вещей. При капиталистическом способе производства «этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие» (25-I: 394). Процессы производства и обращения капитала «постоянно переплетаются, переходят один в другой и таким образом постоянно представляют в ложном свете свои характерные отличительные признаки» (48: 247). Из капитала – из этого мистифицированного, извращенного отношения – с необходимостью возникает «соответствующее извращенное представление, транспонированное сознание, которое завершается превращениями и модификациями собственно процесса обращения» (ib.: 248).

---

[124] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М., 1975. С. 401.

Мистификация действительности может иметь характер фикции: «В Пруссии мнимый конституционализм с 1848 по 1866 г. прикрывал и затушевывал лишь медленное гниение абсолютной монархии» (18: 255). По общему признанию, в ней еще отсутствовали «подлинные государственные формы» (1: 175).

Фикционизм может быть многоуровневой фальсификацией: «Вся английская конституция и всё конституционное общественное мнение есть не что иное, как одна большая ложь, которая непрерывно поддерживается и прикрывается многократной мелкой ложью, когда её истинная сущность то здесь, то там чересчур уж открыто выступает наружу. И если даже начинают понимать, что всё это сооружение – сплошная неправда и фикция, то и тогда ещё крепко держатся за него, крепче, чем когда-либо, чтобы только не распадались пустые слова, несколько без всякого смысла поставленных рядом букв, ибо именно эти слова и суть устои мира, и без них мир и человечество должны были бы низринуться во мрак хаоса! Остаётся только с полным омерзением отвернуться от этого сплетения явной и скрытой лжи, лицемерия и самообмана» (ib.: 640).

Ф. Энгельс отмечал, что буржуазии в силу условий ее существования свойственно фальсифицировать всякий товар (6: 524). Комментируя результаты работы комитеты палаты общин парламента Великобритании по вопросу «о фальсификации пищевых продуктов» (1855-1856 гг.), К. Маркс резюмировал: «Фальсификация является правилом, доброкачественность – исключением. Вещества, которые примешиваются с целью придать негодным продуктам цвет, запах, вкус, большей частью ядовиты и все разрушительно действуют на здоровье. Торговля представляется чем-то вроде громадной лаборатории обмана, прейскурант – дьявольским каталогом несуществующих предметов, свободная конкуренция – свободой отравлять и подвергаться отравлению» (11: 399). Свобода торговли «софистицированными продуктами», «такого рода “софистика” умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеатов демонстрировать ad oculos [воочию] полную иллюзорность всего реального» (23: 260).

Больше всех надувают рабочих: «Богача не надувают: он может платить высокие цены в больших магазинах, владельцы которых дорожат своим добрым именем и больше всего повредили бы самим себе, если бы стали продавать скверные, фальсифицированные товары; кроме того, богач более разборчив в пище и потому легче обнаруживает обман своим изощрённым вкусом. Но бедняк, рабочий, у которого каждый грош на счету, который должен получить за небольшие деньги много товара, который не может слишком присматриваться к качеству, да и не умеет этого делать, так как у него не было случая развить свой вкус, именно он получает все эти фальсифицированные, часто отравленные продукты…» (2: 307).

Наблюдается, таким образом, ситуация, которую Ф. Энгельс относил к применению идеологического (априорного) метода: «Сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием» (20: 97). Но в практической ситуации фальсификации продуктов понятие предмета не произвольно, а вырабатывается в предшествующей практике и в последующем нормирует ее.

Фальсифицируется и всеобщий товар – деньги. В силу идеального существования денег фальшивомонетничество, в конечном счете, осуществляется человеком на своей собственной личности: «…Сам человек вынужден превращать себя в фальшивую монету, выманивать кредит хитростью, ложью и т. д., и эти кредитные отношения – как со стороны того, кто оказывает доверие, так и со стороны того, кто в этом доверии нуждается, – становятся предметом торговли, предметом взаимного обмана и злоупотреблений» (42: 23). Образуется целая система банкротств, фиктивных предприятий, в т. ч. на уровне государств.

14.2. Асимптотическое приближение к истине

Но рано или поздно проявляется, по словам К. Маркса, вся суровость законов торговли: «Пусть государь приказывает марке сделаться отныне двумя марками, – торговля вам всегда скажет, что эти две новые марки стоят лишь столько, сколько одна старая марка» (4: 114).

Таким образом, истинная ценность денег устанавливается, но не сразу, а постепенно – в течение более или менее определенного периода времени. Подобный процесс Ф. Энгельс характеризовал следующим образом: «Иначе: то и другое, понятие о вещи и ее действительность, движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности» (39: 354).

На том основании, что понятие не совпадает прямо и prime facie [явно] с действительностью, из сущности которой оно выведено, это понятие нельзя считать просто фикцией. Ф. Энгельс возражал К. Шмидту: «…Разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении» (ib.).

«Разве понятия, господствующие в естествознании, становятся фикциями, оттого что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью?» – спрашивал Ф. Энгельс (39: 357). По его убеждению, все наши понятия только приближенно соответствуют действительности. И в обществознании: «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западно-франкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге?» (ib.: 356).

Понятия оказываются идеализациями – представлениями «чего-либо в более совершенном виде, чем оно есть на самом деле, которому реальные прообразы могут быть указаны с большей или меньшей степенью приближения»[125]. Идеализированные объекты совпадают с действительностью только в порядке исключения, а не правила.

Так, капиталистический способ производства теоретически рассматривается при условии, что спрос и предложение покрываются. «Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть = 0, должен рассматриваться как несуществующий, – констатировал Ф. Энгельс. – Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему?» (25-I: 208). И далее пояснял: «Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, — для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать ее. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию (ib.: 208-209). Если даже ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то они всегда взаимно покрываются за более или менее продолжительный период.

---

[125] *Субботин А.* Идеализация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. II. М., 2010. С. 72.

Так же обстоит дело с общей нормой прибыли, которая в каждый данный момент существует лишь приближенно, а в действительности существует только как средняя величина для многих предприятий и для целого ряда лет. Приближенная реализация целого ряда идеализированных закономерностей ведет к тому, что «единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный» (39: 356).

Асимптотично приближение к истине и в другом аспекте. Познание осуществляется множеством людей, «которые работают над этим бесконечным познанием друг возле друга в ряде сменяющих друг друга поколений, делают практические и теоретические промахи, исходят из неудачных, односторонних, ложных предпосылок, идут ложными, кривыми, ненадежными путями и часто не находят правильного решения даже тогда, когда уткнутся в него носом» (20: 459). Поэтому приближение к истине происходит в виде бесконечного асимптотического прогресса.

В результате истина перестает представлять собой «просто счастливую случайность» (19: 192). Она становится неизбежным событием, необходимым результатом общего хода исторического развития.

14.3. Конкретность истины

Асимптотическое приближение к истине может быть понято и так, как считали младогегельянцы, что люди всегда создают ложные представления, формируя на их основе ложные отношения, ложную действительность (3: 11). Кантианцы также выступали «профессиональными жрецами неведения» (40: 49), причитавшими о своей собственной немощи и о мощи непостижимых вещей-в-себе.

Истинность представлений доказывает воспроизводство, успешное производство и потребление вещей в практической деятельности: «Проверка пудинга состоит в том, что его съедают. В тот момент, когда сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи мы употребляем ее для себя, – мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, – тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью. Если же, наоборот, мы найдем, что сделали ошибку, тогда большей частью в скором времени мы умеем находить причину этой ошибки; мы находим, что восприятие, легшее в основу нашего испытания, либо само было неполно и поверхностно, либо было связано с результатами других восприятий таким образом, который не оправдывается положением дела; это мы называем ложным умозаключением» (22: 303-304).

Если непостижимые вещи воспроизведены, то их нельзя признать непознаваемыми (ib.: 304). Ф. Энгельс также делал важное замечание о границах деятельности, устанавливающей истинность: «…Пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, – до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей (ib.).

Это эволюционно обусловленная ориентация: «Психическая жизнь как человека, так и высших животных включает в себя не только правильное распознавание причинно-следственных связей, но и поиск и стремление к правильным конкретным целям и средствам, то есть тем, которые соответствуют главной цели сохранения вида»[126].

[126] *Kautsky K.* The Materialist Conception of History. New Haven and London, 1988. P. 11.

В отношении сельских общин отмечалось: «Цель всех этих общин — сохранение, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину» (46-I: 483). К. Маркс полагал, что в целом общество «следует верному инстинкту» (46-II: 19). В противном случае «оно не *воспроизвело* бы себя, не сохранило бы себя» (ib.).

Границы достоверности устоявшихся представлений могут иметь конкретное географическое выражение. В полемике К. Маркс заявлял: «Факт существования цензуры, по мнению оратора, опровергает свободу печати; и это фактически верно, это – истина, настолько связанная с известным фактом, что топография в состоянии установить её пределы, – за определёнными шлагбаумами она перестаёт быть фактической и истинной» (1: 37-38).

Это верно для политических, правовых и религиозных истин. Но в философии, как полагал молодой К. Маркс, в силу ее универсализма в исторической перспективе может быть иначе: «Должна ли философия, чтобы не впасть в противоречие с основными положениями догмы, иметь особые принципы для каждой отдельной страны, соответственно поговорке: “что город, то норов”? <…> Её интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых; её метафизические истины не знают границ политической географии; а где начинаются “границы” – это её политическим истинам слишком хорошо известно, чтобы возможно было смешение иллюзорного горизонта частных миросозерцаний и национальных воззрений с истинным горизонтом человеческого духа» (ib.: 101).

Но это в отдаленной, асимптотически достигаемой исторической перспективе. А в действительном мире настоящего англичане – чистые скептики, тогда как немцы – пантеисты (1: 589).

Подтверждающая предметную истинность локальная практика может быть достаточно ограниченной. Так, мудрость житейского опыта – мелочно-рассудочная, делячески-изворотливая – может быть заимствована «из самой поверхностной практики» (ib.: 52). К. Маркс мечтал о другой практике: «Спрашивается: может ли Германия достигнуть практики a la hauteur des principes [на высоте принципов], т. е. революции, способной поднять Германию не только до официального уровня современных народов, но и на человеческую высоту, которая явится ближайшим будущим этих народов?» (ib.: 422).

Таким образом, практика относительна. Поэтому обоснованно заключение В. И. Ленина о том, что «критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления» (ПСС-18: 145-146).

Историко-научные примеры, подтверждающие первую часть данного положения, приводит М. Л. Лезгина: «Например, создание различных типов эффективно действующих паровых машин на основе теории теплорода в течение долгого времени рассматривалось как подтверждение правильности этой теории; развитие химии и металлургии на основе теории флогистона – как подтверждение данной теории; развитие электротехники и технической оптики на основе теории эфира – как подтверждение реального существования эфира. Иначе говоря, порой в качестве проверки знания на истинность может приниматься совпадение оценки истинности этого знания с исторически ограниченным пониманием самой практики. И все-таки именно развитие практики “взрывает” со временем эти ложные ее истолкования, выводя познание на верный путь»[127].

[127] Материалистическая диалектика. В 5-ти т. Т. 2. Субъективная диалектика / под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова; Отв. ред. В. Г. Иванов. М., 1982. С. 236.

Следует таким образом быть готовым к тому, что «то, что ныне признается истиной, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной» (20: 303).

14.4. Окольный путь к истине

В отношении результата познания молодой К. Маркс писал: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге» (1: 7-8). Говорилось об «истинной точке отправления» (4: 138) в исследовании.

Познавательное движение в истине – это «должное». Противопоставление действительного и должного присуще идеализму (40: 10). А в действительности истина достигается через заблуждения, через поиски и ошибки.

Даже истинное исследование опирается на использование допущений – контролируемой ошибки. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого, – писал В. И. Ленин. – Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление…» (ПСС-29: 233).

На абстрактном, идеализированном объекте открываются и формулируются законы. К. Маркс предупреждал, что «в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде» (25-I: 191). Он также писал: «...Я, например, при определении стоимости рабочей силы исхожу из того, что ее стоимость действительно оплачивается, что фактически не имеет места... Но это лишь необходимый в научном исследовании прием...» (19: 374).

Обширный компендий диалектики был развит Г. В. Ф. Гегелем «из совершенно ложного исходного пункта» (20: 370).

Исходным пунктом политической экономии К. Маркс считал категорию «труд вообще». Она практически истинна. Но в США безразличие к определенному виду труда является историческим продуктом, а «у русских, например, есть врожденная склонность» (12: 731). К. Маркс замечал, что «абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» (ib.). Между тем как абстракция «труд» как исходный пункт выделена не в США или в России, а в английской политической экономии. Следовательно, к истинной точке отправления пришли исторически окольным путем, как и П.-Ж. Прудон, исходивший из ложных предпосылок (4: 137–138).

По заключению К. Маркса, «историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей» (13: 43). Даже отдельные этажи здания науки, возводятся прежде, чем закладывается его фундамент.

Так, астрология и алхимия составляют собой «детство науки» (18: 30). Утопические социалисты предвосхитили множество истин, правильность которых потом доказывалась научно (ib.: 499).

Поэтому в свое время алхимия была необходима (20: 277). «Каждая онтология –например, мифологическая, религиозная, научная и т. д. – исторически закономерна и в этом смысле адекватна своему миру, – размышлял В. П. Фофанов. – Каждая онтология адекватна своей системе общественных отношений функционально, ибо является необходимым средством их воспроизводства, которое в конечном счете готовит и качественный скачок»[128]. Так, религия

[128] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 252.

является признанием человека через фантомного посредника, окольным путём (1: 389). Но именно таким путём человек добивается хоть какого-нибудь духовного содержания (ib.: 590).

Окольным путем приходят к истине и массовые социальные субъекты. Например, «разоряющийся крестьянин и городской ремесленник приходят к социал-демократии только окольным путем, через антисемитизм» (39: 89–90).

Окольным путем, через конкуренцию, производители чувствуют, «что они произвели предметы, которые или вообще не нужны или сами по себе нужны, но произведены в ненужном, избыточном количестве» (21: 189). Тогда производители вынуждены корректировать цены и объемы производства. Постоянные отклонения цен от стоимостей товаров составляют неизбежное условие, при котором и в силу которого становится действительностью определение стоимости товара общественно-необходимым рабочим временем.

Недооценка значимости ложных путей ведет к заблуждениям. Ф. Энгельс так обрисовывал положение в американском рабочем движении: «…Немцы там упрямо держатся той же сектантской позиции по отношению к рабочей массе, на которой так упорно стоит здесь Социал-демократическая федерация. Вместо того чтобы разглядеть в движении американцев элемент, который толкает его вперед и должен в конце концов привести его, пусть даже ложными и окольными путями, к тем же выводам, какие были привезены ими самими из Европы, они видят в этом движении только ложные пути, презрительно взирают с высоты своего величия на глупых слепых американцев, кичатся превосходством своей ортодоксальности, отталкивают американцев, вместо того чтобы привлекать их, и сами поэтому остаются маленькой немощной сектой. Потому-то и литераторы их погрязли в мире чистой идеологии и все отношения истолковывают извращенно и узко» (39: 233).

Глава 15. ГЕРМЕНЕВТИКА

15.1. Точка зрения (Gesichtspunkt) и позиция (Standpunkt)

Высказываясь в отношении своего партийного друга Ф. Лассаля, К. Маркс отмечал у него наличие «юридической привычки к герменевтике» (29: 120). Будучи юристом, К. Маркс также полагал нормальным существование различных точек зрения, позиций, толкований и интерпретаций.

Например, описывая противостояние в Законодательном национальном собрании Франции в 1849 г. по вопросу о толковании Конституции применительно к нападению на Римскую республику, К. Маркс фактически зафиксировал примат философии *правового активизма* («…Бонапарт и роялистское большинство Национального собрания были подлинными толкователями конституции, точно так же как поп есть подлинный толкователь библии, а судья – подлинный толкователь закона…» (7: 65)) над философией *правового оригинализма*. Поэтому представляется вполне обоснованным говорить о марксистской герменевтике.

Резюмировалось, что философы различным образом объясняли [интерпретировали] мир (3: 4). Аналогично, например, политико-экономы, «толкователи капиталистического производства» давали закону средней нормы прибыли «самые различные и самые противоречивые интерпретации» (48: 273).

Различие точек зрения ведет к аберрациям, искажениям в восприятии. Начиная свой труд «Нищета философии», К. Маркс констатировал: «К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывет за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там он слывет за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки» (4: 69).

Концепт точки зрения актуализировали младогегельянцы. В работе «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» отмечалось: «Одну из главных тайн критической критики составляет *“точка зрения”* и *суждение с точки зрения точки зрения.* Каждый человек, как и каждый духовный продукт, превращается в её глазах в точку зрения» (2: 209).

Эвристика диалектического материализма основана на признании значимых точек зрения [Gesichtspunkt; Standpunkt]. Так, в начале работы «К критике политической экономии» говорится: «Но каждый товар представляется с двух точек зрения [Gesichtspunkt]: как *потребительная стоимость* и как *меновая стоимость*» (13: 13). Далее, напоминая, что «до сих пор товар рассматривался с двоякой точки зрения [Gesichtspunkt], как потребительная стоимость и как меновая стоимость, всякий раз односторонне» (ib.: 28), К. Маркс замечает, что для владельца товар – не потребительная стоимость, а «потребительная стоимость только лишь в качестве меновой стоимости» (ib.). Соответственно, с точки зрения потенциального покупателя товар воспринимается по-другому. Поэтому К. Маркс оговаривал возможность встать на другую сторону, на иную точку зрения (ib.: 30).

Перемена локации изменяет точку зрения [Gesichtspunkt]. Местонахождение (позиция) [Standpunkt], определяющее точку зрения, может отождествляться с последней. Поэтому семантические поля лексем Gesichtspunkt и Standpunkt пересекаются настолько, что эти лексемы употребляются как синонимы и Standpunkt переводится на другие языки тоже как «точка зрения».

Буквально Gesichtspunkt есть «лицевая точка», а Standpunkt – «точка места (положения)». Хотя К. Маркс и Ф. Энгельс лексемы Gesichtspunkt и Standpunkt использовали практически как синонимы, но этимологическая специфика терминов иногда находила отражение в словоупотреблении и даже при переводе.

Таково, например, следующее рассуждение К. Маркса: «Единственно верный вывод из этого заключается в следующем: подобно тому, как при рассматривании картины необходимо оставить то место [Standpunkt], с которого на картине видны только пятна, а не краски, только беспорядочно переплетающиеся линии, а не рисунок, – подобно этому необходимо оставить и ту точку зрения [Standpunkt], с которой мир и человеческие отношения видны только с их внешней стороны. Необходимо признать эту точку зрения [Standpunkt] негодной для суждения о ценности вещей, – может ли служить мне основой для правильного суждения и различения такой взгляд на мир, который сводится к плоскому представлению о том, что всё существующее несовершенно? Эта точка зрения [Standpunkt] есть самое несовершенное из всех несовершенств, которые она только и видит вокруг себя. Мы должны поэтому оценивать бытие вещей с помощью мерила, которое даётся сущностью внутренней идеи; ссылки же на односторонний и тривиальный опыт тем менее должны вводить нас в заблуждение, что при такой точке зрения [Standpunkt], отпадает всякий опыт, всякое суждение: все кошки оказываются серыми» (1: 54).

Как можно видеть, в данном рассуждении Standpunkt является местонахождением, позицией. Аналогично, для оценки младогегельянского движения признается необходимым «взглянуть на всю эту шумиху с позиции [Standpunkt], находящейся вне Германии» (3: 16).

Обращается внимание на то, что взгляд зависит и от местонахождения, и от личности. Например, «один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах» (1: 7). Из-за иного устройства глаз «муравьи *видят* вещи, которые для нас невидимы» (20: 554). «Кого это огорчает, тому уж ничем нельзя помочь», – замечал Ф. Энгельс (ib.: 555).

В рецензии на первый том «Капитала» Ф. Энгельс использовал следующий образ для описания достоинства немецкой точки зрения: «Отношение между капиталом и трудом, – та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система, – здесь впервые исследовано научно, и притом с такой основательностью и остротой, которая была возможна лишь только для немца. Как бы ценны ни были и ни оставались сочинения Оуэна, Сен-Симона, Фурье, только немцу удалось достичь тех высот, с которых ясно и наглядно видна вся область современных социальных отношений, подобно тому как перед зрителем, стоящим на самой высокой вершине, открывается расположенный ниже горный ландшафт» (16: 240).

Объективная обусловленность отображения проявляется также в геоцентризме науки, который исторически оправдан. «*Геоцентрическая* точка зрения [Standpunkt] в астрономии ограниченна и по справедливости отвергается. Но по мере того, как мы идем в исследовании дальше, она все более и более вступает в свои права, – писал Ф. Энгельс. – Для нас возможна только геоцентрическая физика, химия, биология, метеорология и т. д., и эти науки ничего не теряют от утверждения, что они имеют силу только для Земли и поэтому лишь относительны. Если мы всерьез потребуем лишенной центра науки, то мы этим остановим движение *всякой* науки» (20: 554). Ограниченность естествознания «нашей маленькой Землей … не наносит существенного ущерба практически бесконечному многообразию явлений и познанию природы, точно так же как не вредит истории аналогичное, по еще большее ограничение ее сравнительно коротким периодом времени и небольшой частью Земли» (ib.: 552).

Соответственно, «абсолютному» социализму противопоставляется «массовый», «земной» коммунизм и социализм.

Еще юношей К. Маркс писал:

Кант и Фихте в надзвездном эфире
Ищут мир неизвестный во мгле:
Я ж стараюсь и глубже и шире
То понять, что нашел на земле (40: 486).

«Первое же положение земного социализма отвергает эмансипацию *исключительно в сфере теории* как иллюзию и требует для *действительной* свободы, кроме идеалистической

“воли”, ещё весьма осязательных, весьма материальных условий», – заявлял К. Маркс (2: 104).

Вместе с тем в рамках диалектического мышления необходим методичный учет различных, как минимум двух противоположных точек зрения. «Взаимодействие исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное; но вместе с тем оно есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения [Standpunkt]; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения [Standpunkt], прежде чем можно будет подытожить совокупный результат, – рассуждал Ф. Энгельс. – Если же мы односторонне придерживаемся одной точки зрения как абсолютной в противоположность к другой или если мы произвольно перескакиваем с одной точки зрения [Standpunkt] на другую в зависимости от того, чего в данный момент требуют наши рассуждения, то мы остаемся в плену односторонности метафизического мышления; от нас ускользает связь целого, и мы запутываемся в одном противоречии за другим» (20: 483-484).

К. Маркс активно использовал этот принцип. «До сих пор мы рассматривали это отношение только со стороны рабочего; – писал он об отношении частной собственности, – позднее мы рассмотрим его также и со стороны нерабочего» (42: 96).

В «Капитале» говорится, что «каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения [Gesichtspunkt] : со стороны качества и со стороны количества» (23: 43). А далее упоминается возможность рассматривать что-либо с точки зрения не только тех или иных лиц, но и с точки зрения товара и меновой стоимости, с точки зрения процесса труда, его результата, с точки зрения простого обращения, с точки зрения процесса эксплуатации и т. п. Кроме того, говорилось о взгляде с точки зрения (позиции) прибыли, субстанции, необходимости, идеи, религии, политической экономии и т. п. «Точка зрения [Standpunkt] старого материализма есть “гражданское” общество; точка зрения [Standpunkt] нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество (3: 4).

Точки зрения (позиции) субординированы между собой по различным признакам (высшие – низшие, более правые – более левые, более твердые – более гибкие, более общие – более частные, более абстрактные – более конкретные и т. д.). Но признается действительность каждой точки зрения («полицейский стоит именно на полицейской точке зрения [Standpunkt]» (2: 21)).

Будучи журналистом, К. Маркс подчеркивал общественную необходимость выявления совершенно разных точек зрения: «Различные элементы, образующие в своей совокупности существо народной прессы, должны, при нормальном развитии её, – сначала каждый в отдельности, – выявить свои *особенности.* Весь организм народной прессы распадается, таким образом, на целый ряд различных газет с различными, взаимно друг друга дополняющими характерными особенностями, так что если в одной, например, преобладают интересы политической науки, то в другой – интересы политической практики, если и одной преобладает интерес к *новым* мыслям, то в другой – к *новым* фактам. Только при том условии, что элементы народной прессы получают возможность беспрепятственного, самостоятельного и *одностороннего* развития и обособляются в отдельные органы, – только при этом условии может образоваться действительно *“хорошая”* народная пресса, т. е. такая народная пресса, которая гармонически соединяет в себе все *истинные* моменты *народного духа.* Тогда в каждой газете всецело будет воплощён истинный нравственный дух, как в каждом лепестке розы воплощается её аромат и её душа» (1: 168-169).

Так же признавалось, что различные отряды рабочего в разных странах, находясь в различных условиях и на различных ступенях развития, неизбежно отличаются друг от друга обра-

зом по их теоретическим взглядам. Однако предполагалось, что «общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы» (16: 363).

При относительной взаимозаменяемости лексем Gesichtspunkt и Standpunkt в диалектическом материализме намечена возможность дифференциации объективно занимаемой позиции и субъектно выраженной точки зрения.

15.2. Горизонт

Понятие горизонта фиксирует восприятие ограниченности мира с конкретной точки зрения. И. Кант определял горизонт знаний как соразмерность величины совокупности знаний со способностями и целями субъекта. Каждый класс, «сообразно специфике своих познавательных возможностей, целей и точек зрения, имеет свой особый горизонт; а каждый ум, соответственно своим индивидуальным способностям и точке зрения – свой собственный горизонт»[129].

Представление о горизонте важно для оценки относительности знания. Так, утверждалось, что «бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения» (20: 43).

К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали мещанский и буржуазный горизонты. Ограниченность Д. Рикардо буржуазным горизонтом, выражалась, в частности в том, что буржуазную форму труда он рассматривал как вечную естественную форму общественного труда и поэтому заставлял первобытного рыбака и первобытного охотника сразу обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени (13: 46).

Виды горизонтов выделялись в соответствии с конкретными сферами деятельности (дипломатический, исторический, национальный, профессиональный, социальный, юридический) и ступенями ее развития (горизонт буржуазного права, горизонт капиталистического способа производства). Наряду с частными, особенными горизонтами формировались более общие горизонты. Так, для людей различных национальностей, получивших классическое образование, знание древних языков открывало общий им, более широкий горизонт (20: 334).

С одной стороны, в определенном континууме горизонт познания стабилен. «Подобно тому как нельзя требовать от кого бы то ни было, чтобы он выскочил из своей собственной кожи, точно так же мы не можем предъявить индивиду или партии требование выскочить из своей духовной кожи, отважиться совершить сальто-мортале за границы своего умственного горизонта», – писал К. Маркс (1: 170). Даже великие мыслители «не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха» (20: 17).

С другой стороны, в силу изменения обстоятельств горизонт изменяется. Например, «какой-нибудь вооруженный двойными очками лилипут, стоя на крохотной точке posterius'a [зада] великана, с удивлением возвещает миру, какой поразительно новый горизонт открывается с этой его точки зрения, и делает смешные усилия доказать, что не в бурных порывах сердца, а в той плотной, массивной основе, на которой он стоит, найдена точка Архимеда … та точка опоры, на которой держится мир» (40: 212).

А что произошло в результате Великих географических открытий? «Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четверти одного полушария перед взором западноевропейцев теперь предстал весь земной шар, и они спешили завладеть остальными семью четвертями, – замечал Ф. Энгельс. – И вместе со старинными барьерами, ограничивавшими человека

[129] *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 349.

рамками его родины, пали также и тысячелетние рамки традиционного средневекового способа мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт» (21: 83).

Выход за пределы сложившегося горизонта мышления является исторически длительным процессом. В античности, как отмечал К. Маркс, предметно независимые небесные тела находились в таинственной дали, противостоящей человеку. «Ведь вся деятельность сознания есть лишь борьба с далью, тяготевшей как заклятие над всем древним миром…» – писал он (40: 40). В такой ситуации сознанию безразлично, как объяснять небесные тела, поскольку возможны несколько удовлетворительных объяснений. Принципом познания оказывается лишь возможность, случай.

Даже борьба с прежним горизонтом первоначально совершается в его пределах. Когда я отвергаю напудренные косы, мне всё ещё приходится иметь дело с ненапудренными косами», – иронизировал К. Маркс (1: 416). В пределах горизонта капиталистического производства находится борьба против ссудного процента (26-III: 489-490), а также полемика против буржуазных политико-экономов их первых пролетарских противников, настаивающих на упразднении капитала (ib.: 267-269).

В связи с характеристикой противников политико-экономов, К. Маркс неявно переходит к использованию представления о горизонте как уровне (слое) разработки: «…упрекающие политико-экономов в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной и той же почве, либо ниже их» (46-I: 26).

Но даже в пределах одного горизонта может вестись борьба за смыслы, переинтерпретацию сложившихся представлений и перехват идей. Так, революционный процесс во Франции был бы невозможен, если бы «плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших буржуазный смысл этих лозунгов прямо на голову, ибо этот смысл, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность» (37: 126-127). «…И, как всегда, по иронии истории, – замечал Ф. Энгельс, – это плебейское понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления этой противоположности: буржуазного равенства – перед законом и братства – в эксплуатации» (ib.: 127).

Узкий горизонт буржуазного права, как предполагалось, будет совершенно преодолен только на высшей фазе коммунистического общества (19: 20). Только тогда «“узкий горизонт буржуазного права”, заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, – этот узкий горизонт будет тогда перейден» (ПСС-34: 96-97).

Расширение горизонта в интеллектуальной деятельности возможно при помощи ряда приемов.

Например, в геометрии более широкий горизонт – развитие тригонометрии – открывается при анализе свойств треугольника в его связи с кругом (20: 580). Преодолению ограниченности содействует занятие метапозиции при помощи философии: «Философия спрашивает: что есть истина? – а не: что считается истиной? Её интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых; её метафизические истины не знают границ политической географии; а где начинаются “границы” – это её политическим истинам слишком хорошо известно, чтобы возможно было смешение иллюзорного горизонта частных миросозерцаний и национальных воззрений с истинным горизонтом человеческого духа» (1: 101).

Эвристическая ценность расширения горизонта доказывается, в конечном счете, практической эффективностью. Говоря о диалектике, прорывающий узкий горизонт формальной логики, Ф. Энгельс сравнивал диалектику с дифференциальным исчислением. «…Почти все до-

казательства высшей математики, начиная с первых доказательств дифференциального исчисления, являются, с точки зрения элементарной математики, строго говоря, неверными» (20: 138). Но математическое сообщество сдалось «не потому, что их удалось убедить, а потому, что решения получались всегда верные» (ib.: 139).

15.3. Концентрация на классических объектах

Диалектический материализм использует такой методический прием как концентрация внимания на классических объектах (примерах, формах).

Так, римское частное право оценивается как классическое выражение частного права (1: 347). Классическая форма майората усматривается у германских народов (ib.: 346). Мануфактура – классическая форма кооперации, основанной на разделении труда (23: 348). Классическим признанием «свободной человечности» являются всеобщие права человека (2: 125). Юридическое мировоззрение – классическое мировоззрение буржуазии (21: 496). Французский Code civile – классический свод законов буржуазного общества (ib.: 311). Классический образец буржуа – американец (ib.: 428). Классическое творение мелкого буржуа – немецкие имперские города, классическое творение буржуа – французское представительное государство (4: 48). Классической ясность политического развития достигнута во Франции (36: 139). Манчестер – классический тип современного промышленного города (2: 280).

Классический объект выделяется среди других сходных объектов. Например, в отношении процесса первоначального накопления капитала К. Маркс писал: «Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера» (23: 728).

Маркерами классической формы выступают:

Высшая степень развития. О классической почве английской промышленности Ф. Энгельс писал: «Ланкашир и в особенности Манчестер являются и местом зарождения английской промышленности, и её центром. Биржа Манчестера – это термометр всех колебаний промышленной жизни; в Манчестере современное производство достигло своего совершенства. В хлопчатобумажной промышленности Южного Ланкашира использование сил природы, вытеснение ручного труда машиной (главным образом в виде механического ткацкого станка и мюль-машины) и разделение труда достигли высшей степени развития и, если мы усмотрели в этих трёх моментах характерные признаки современной промышленности, то должны согласиться и с тем, что в этом отношении обработка хлопка шла с самого начала и идёт до сих пор впереди всех остальных отраслей промышленности» (2: 279). В своей классической форме процесс достигает полной зрелости (13: 497).

Полнота развития: «Но из всех стран классический пример представляет опять-таки Англия, так как она занимает первое место на мировом рынке, так как только здесь капиталистический способ производства достиг полного развития и так как, наконец, водворение тысячелетнего царства свободной торговли с 1846 г. отняло у вульгарной политической экономии ее последнюю лазейку» (23: 663).

Масштабность развития. О разведении животных и растений говорилось: «Именно в этом отношении Англия является классической страной; достижения других стран, например Германии, не могут даже в отдаленной степени сравниться по своему масштабу с тем, что в этом отношении сделано в Англии» (20: 68). В более грандиозных масштабах развитие объекта (например, кредитного дела) проявляется более классически, чем на микроуровне (46-I: 394).

Классически развитый объект воспринимается как «соответствующий своему понятию» (ib.:143).

Рассмотрение классических объектов имеет ряд преимуществ:

Широта эмпирического представления. «Но в своей завершённой *классической форме* условия существования пролетариата имеются только в Великобритании и именно в самой Англии, и к тому же только в Англии необходимый материал собран достаточно полно и подтверждён официальными расследованиями так, как это требуется для сколько-нибудь исчерпывающего изложения вопроса», – констатировал Ф. Энгельс (2: 238).

Всесторонность развития объекта. О промышленной революции Ф. Энгельс писал: «Англия – классическая страна этого переворота, тем более мощного, чем бесшумнее он совершался, и Англия поэтому является также классической страной развития его главного результата – пролетариата. Только в Англии пролетариат может быть изучен во всех своих отношениях и со всех сторон» (ib.: 243).

Удобство изучения структурации объекта. «На производстве часов, этом классическом примере гетерогенной мануфактуры, – замечал К. Маркс, – особенно удобно изучать упомянутое выше разложение ремесленной деятельности и вытекающую из него дифференциацию и специализацию рабочих инструментов (23: 356).

Возможность прогнозирования будущего менее развитых форм. Так, в отношении Англии как классической страны капиталистического способа производства К. Маркс писал: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (ib.: 9).

Более развернуто данную возможность характеризовал Ф. Энгельс, аргументируя для немецкой аудитории актуальность изучения положения рабочего класса в Англии: «И если условия существования пролетариата в Германии не получили ещё такого классического выражения, как в Англии, то всё же в основе у нас – тот же социальный строй, и рано или поздно его проявления должны достигнуть той же степени остроты, что и по ту сторону Северного моря, если только к тому времени разум нации не примет таких мер, которые заложат новый базис для всей социальной системы. Те же коренные причины, которые привели в Англии к нищете и угнетению пролетариата, существуют и в Германии, и они должны с течением времени привести к тем же результатам (2: 239-240).

Выявление латентных зародышевых явлений в менее развитых формах: «Между тем, выявление *английских* бедствий даст нам толчок к выявлению наших *немецких* бедствий, даст также и масштаб для определения их размеров и той вскрытой волнениями в Силезии и Богемии опасности, которая с этой стороны непосредственно угрожает спокойствию Германии» (ib.: 240).

В отношении некоторых классических форм указывалось, что они могут иметь уникальный характер, невоспроизводимый на последующих ступенях развития: «Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда уже не могут быть произведены, как только началось производство искусства как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств» (46-I: 47).

Соответственно сходные, более поздние формы могут выглядеть «полинявшей копией» по сравнению с классическим оригиналом (21: 476).

Оговаривается, что объект, классический в одном отношении, не является таковым в другом отношении: «Необходимо признать, что Германия в такой же мере обладает *классическим* призванием к *социальной* революции, в какой она не способна к революции *политической*» (1: 444).

15.4. Представление в чистом виде

Классический тип объекта есть тип объекта, в котором интересующие свойства проявляются в самой чистой, самой выпуклой форме (46-I: 471).

В действительном мире все смешано. Даже в Англии капитализм не представлен в чистом виде, поскольку не все промежуточные ступени устранены. «…И этого никогда не будет – мы до этого не допустим», – предупреждал Ф. Энгельс (39: 355).

Для достижения исполинских успехов в познании интересующий предмет приходится вырывать из великой всеобщей связи и рассматривать его в обособленности, отдельности (20: 20), отвлекаясь от акциденций – случайных, привходящих свойств.

В качестве образца данной установки рассматривается естествоиспытатель: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде» (23: 6). Так и механик рассматривает действие удара как происходящее в чистом виде (например, без учета превращения часть механического движения в теплоту), хотя в действительности дело происходит иначе (20: 594). В чистой механике абстрагируются от трений, которые нужно преодолеть. Аналогично, «чтобы представить в чистом виде законы политической экономии, абстрагируются от препятствий» (49: 70).

Явление свободы печати в его наиболее чистой и естественной форме К. Маркс находит в Северной Америке (1: 68). Соответственно изучение рабочего класса Англии Ф. Энгельс начинает с Манчестера, поскольку «последствия современной промышленности для рабочего класса должны были здесь развиться всего полнее и в наиболее чистом виде, и промышленный пролетариат должен был появиться здесь в своей классической форме» (2: 279-280). Аналогично происхождение государства изучается на примере возникновения государства у афинян, во-первых, потому, что у них образование государства «происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего» (21: 119), во-вторых, «потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества» (ib.), и, в-третьих, «потому, что нам достаточно известны все существенные подробности образования этого государства» (ib.).

Пример афинского государства показывает, что некоторое явление действительности может существовать в чистом виде. Так, институт майората является «следствием землевладения в его *чистом виде,* окаменевшей частной собственностью, частной собственностью в её наиболее самостоятельном и крайнем развитии» (1: 335). Институт кассиров сохранил в чистом виде свой первоначальный, самостоятельный характер в нидерландских торговых городах (25-I: 351). В Бремене в довольно чистом виде сохранилось нижнесаксонское наречие, которое «осталось полностью свободным от примеси верхненемецких форм, которая искажает гессенский и рейнский диалекты» (41: 150).

В действительности процессы все же не совершаются в чистом виде (23: 171). Купеческий капитал в наиболее чистом виде проявляется в оптовой торговле, где он в наименьшей степени переплетается с другими функциями (25-I: 317). «…В теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде, – писал К. Маркс. – В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов» (ib.: 192). Но даже в Англии, где буржуазное общество получило наиболее классическое развитие, классовое деление не выступает еще в чистом виде: «Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах)» (25-II: 457).

Рассматривать явление (или процесс) само по себе – в чистом виде – означает рассматривать его:

– нормальное течение (например, безусловное и своевременное превращение товара в деньги и продажа его по стоимости, хотя это дело случая) (21: 544; 23: 118, 169, 186);

– при неизменных обстоятельствах или условиях (24: 32, 122-123);

– без мешающих побочных обстоятельств и процессов (например, отвлечься от внешней торговли и предположить, что капиталистическое производство повсеместно) (20: 543; 23: 177, 594);

– без затемняющих обстоятельств (23: 177; 24: 593) и явлений (23: 577);

– в виде, свободном от всех фальсифицирующих и затушевывающих его примесей (25-II: 174).

Тогда явление обнаруживается с полной ясностью (20: 41). И эта ясность доказательно возрастает с развитием явления. Ф. Энгельс замечал, что исключение из анализа ряда случайных обстоятельств и введение абстракции свободной торговли в классических трудах по политической экономии позволяют сформулировать законы, которые «становятся тем вернее, тем точнее, тем больше перестают быть просто абстракциями, чем шире вводится свобода торговли» (4: 265).

Отвлечение от различных обстоятельств осуществляется прежде всего в практике. Рассматривая процесс увеличения стоимости в чистом виде, К. Маркс приравнивал постоянный капитал к нулю. «Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд кажется странным, – писал он. – Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Например, если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным Штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта» (23: 226).

Отвлечение от побочных обстоятельств ориентирует на построение конструкта (модели). Так, С. Карно «сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неискаженном виде» (20: 544).

Построение конструкта – не одномоментный процесс интуитивного усмотрения. «Прежде чем прийти к мысли выводить форму цилиндра из вращения прямоугольника вокруг одной из его сторон, – замечал Ф. Энгельс, – нужно было исследовать некоторое количество реальных прямоугольников и цилиндров, хотя бы и в очень несовершенных формах (20: 37).

Любой конструкт может достраиваться и перестраиваться. Например, поместив серный куб в атмосферу из паров серы, можно допустить, желая представить процесс в чистом виде, что на каждой из граней сперва осаждается слой толщиной в одну молекулу (ib.: 584).

Феномен может выступать в чистом, окончательно сложившемся виде в одном из своих частных проявлений, как, например, капитал – в ссудном капитале (25-I: 431). Но данное частное проявление не следует считать основной формой феномена (25-II: 159).

После того как при решении какого-нибудь сложного вопроса «был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай», от его решения восходят далее, «принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства (ПСС-6: 328). Так осуществляется восхождение от абстрактного к конкретному.

Глава 16. МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

§ 1. Два пути восхождения

В диалектической традиции метафору восхождения ввел Платон. Сравнивая окружающие вещи с тенями или отражениями божественных идей в воде, он предлагал идти ввысь, к первообразам вещей: «Значит, в этом отношении один лишь диалектический метод придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначалу с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь…»[130].

Метод восхождения от абстрактного к конкретному не предназначен для постижения сущности отдельной вещи (или сущности *всего*). Его цель заключается в системном описании целостных, саморазвивающихся объектов. Выработку такого метода Ф. Энгельс считал «результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» (13: 497).

К. Маркс был убежден в том, что от первого чувственного восприятия различных элементов, от призрака хаотического единства необходимо подниматься до живого единства, в котором элементы в живом движении отличных друг от друга функций непрерывно превращаются друг в друга (40: 278). При этом само различие элементов не предшествует данному живому движению, а, напротив, само непрестанно вытекает из него и исчезает в нем. В представлении целого следует исходить не из сосуществование разнородных частей, а из различий действительных, созданных и обусловленных внутренним строем единого.

Говоря о методе политической экономии, К. Маркс отмечал, что первоначально познание начинает с живого целого, с хаотического представления о целом. Далее целое расчленяется, анализируется, выделяются отдельные его стороны, которые детально определяются. Поэтому правильным кажется «начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок» (46-I: 36).

Особенностью отображения предмета в сфере непосредственного бытия является непосредственность всех его определений. Каждое из них кажется достоверным, и даже «противоположные определения противопоставляются друг другу как непосредственные реальности» (40: 172). Поэтому рассмотрение каждого предмета К. Маркс начинает с масштабного обзора мнений о нем.

Наряду с детализацией первичных абстракций предмета аналитически подходят к более простым, к абстрактно-общим понятиям. Данное в полном представлении конкретное испаряется путем превращения в абстрактные, простейшие определения.

Абстрактно-общие понятия неизбежны и необходимы. «*Производство вообще* – это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений», – подчеркивал К. Маркс (46-I: 21).

Понятно, что не существует производства вообще (ib.: 22). Производство всегда есть та или иная его историческая ступень или особая его отрасль (например, земледелие, животноводство, обрабатывающая промышленность и т. д.). Но есть абстрактные моменты, общие всем ступеням и отраслям производства (ib.: 24).

Вполне логично стало «модой» предварять изложение политической экономии общей частью (например, под заглавием «Производство») (ib.: 22). Это необходимость. В. И. Ленин предупреждал: «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя натыкаться на эти общие вопросы» (ПСС-15: 368).

---

[130] *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. С. 317.

Другое дело, что «выделенное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях» (46-I: 21). Так, производство в действительности есть совокупность особых отраслей производства (ib.: 22), совокупность различных эпох производства (ib.: 21). «Для того чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, – писал Ф. Энгельс, – мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи» (20: 635).

Поэтому выделяемые в рубрике «Производство» его абстрактные моменты должны быть действительно общими. Между тем отмечается, например, манера в качестве общей части «совершенно незаметно в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto подсунуть *буржуазные* отношения» (46-I: 23). Абстракция явления в понятии оказывается неполной, частичной, тогда как она должна быть абстрактно-всеобщей.

Так или иначе, завершая первый путь, начиная с живого целого «всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения» (ib.: 37). После абстрагирования и фиксации отдельных моментов начинают обратное путешествие от простейшего, например, в политэкономии – от труда к мировому рынку.

Данный, второй путь К. Маркс называет, очевидно, правильным. Исходя из абстрактных определений, посредством мышления воспроизводят конкретное как синтез многих определений. Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть «способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное» (ib.: 37–38).

Таким образом, метод восхождения включает в себя два основных этапа: восхождение от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному. В результате первоначальное хаотическое представление о целом преобразуется в «богатую совокупность многочисленных определений и отношений» (ib.: 37).

Восхождение от абстрактного к конкретному интерпретируется как познавательное движение:

– от анализа к синтезу и обратно,
– от единичного к особенному и всеобщему и обратно,
– от индукции к дедукции и обратно,
– от исторического к логическому и обратно,
– от частного к целому и обратно,
– от сложного к простому и обратно,
– от эмпирического к теоретическому и обратно.

В частности, в реконструкции гегелевской натурфилософии К. Маркс зафиксировал познавательное движение от всеобщего к особенному и единичному (40: 141-144).

Возможны также интерпретации метода как пути познавательного движения от явления к сущности и обратно, от случайного к необходимому и обратно и т. д. Практически все категории материалистической диалектики могут использоваться в качестве отдельных принципов восхождения.

Действует закон оборачивания метода. «Оборачивание метода по существу состоит в том, что вторичное как нечто производное, несамостоятельное, как результат, зависящий от некоторого исходного материала, превращается в свою противоположность и тем самым становится *исходным* самостоятельным пунктом нового процесса, своего рода “независимой переменной”, – поясняет В. С. Черняк, – а то, что ранее выступало в качестве исходного пункта познавательного процесса, было первичным в старом методе, наоборот, становится чем-то производным, вторичным, своего рода “зависимой переменной”»[131].

[131] Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978. С. 227.

Познание имеет поступательно-возвратный характер. Каждый шаг вперед дает результат, на основе которого происходит возвращение назад, проверка и уточнение предпосылок с последующей корректировкой результата. Например, пояснялось: «Какие определения следует включить в первый раздел: “О производстве вообще”, и какие в первый отдел второго раздела, трактующий о меновой стоимости вообще, – это может выясниться лишь в конце и в качестве результата всего исследования» (46-I: 275).

§ 2. Элементарная форма («клеточка»)

К. Маркс писал о том, что когда в политической экономии начинали с населения, то это было хаотическое представление о целом (46-I: 37). Ф. Энгельс сравнивал хаос с туманностью (20: 552). Общее между ними то, что это множества разнородных элементов. Так и население есть объект, который составляет множество индивидов.

Следовательно, первоначально очерчивается хаотическое множество тел. Под телом понимались «все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира» (ib.: 392). Из наиболее элементарных тел образовывались более сложные тела. Так, как предполагалось, благодаря сжатию и охлаждению вихреобразно вращающихся раскаленных газообразных туманностей развились бесчисленные солнца и солнечные системы (ib.: 355).

В материалистической традиции предполагалось, что сложные тела образуются из сцепления атомов. «Вообще всякое конкретное тело есть комплекс, а именно, по учению Эпикура, комплекс атомов», – писал К. Маркс (40: 45). Поэтому в своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» основное внимание он уделил представлениям о свойствах атомов.

Эпикуру атомами – абстрактным в-себе-бытием – представлялись личности, мудрецы, боги, хотя сами они состоят из более мелких и тонких атомов. К. Маркс объяснял тотальный атомизм Эпикура тем, что «его сознание является столь же атомистическим, как и его принцип» (ib.: 136).

В органической природе главной структурной формой, наипростейшим типом считалась клетка (20: 79). Она лежит в основе высших организаций (20: 80). «Все органические тела, за исключением самых простейших, состоят из клеток, – писал Ф. Энгельс. – Простейшие клеточные тела состоят из *одной* клетки; громадное же большинство органических существ являются многоклеточными, представляя собой связный комплекс многих клеток, которые, будучи у низших организмов еще однородными, становятся у высших все более и более разнообразными по своей форме, группировке и деятельности» (ib.: 78). В письме к К. Марксу он резюмировал: «Все есть клетка. Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается “идея”, данный завершенный организм» (29: 152).

В политической экономии буржуазного общества в качестве простейших эмпирически данных объектов К. Маркс предложил выделять не индивидов («робинзонов»). «Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это – робинзонады…» – замечал К. Маркс (46-I: 17).

Поскольку политическая экономия есть наука обогащения, то предметом ее является богатство. Буржуазное общество как высокоразвитая организация содержит в себе обломки и элементы предшествующих исторических форм (ib.: 42). Что же является элементарной формой собственно буржуазного богатства?

Если взглянуть на капиталистическое производство, то оно видится как хаотическое множество особых тел – товаров: «На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар – как его элементарное бытие» (13: 13). Товар есть элементарная форма буржуазного богатства (49: 3).

К. Маркс думал, что «первая, естественно возникшая форма богатства, это – излишек, или избыток продуктов, т. е. та часть продуктов, которая не нужна непосредственно в качестве потребительной стоимости, или же владение такими продуктами, потребительная стоимость которых находится вне круга первых необходимых потребностей» (13: 109). В последующем на материалах экономической антропологии было показано, что избыточный продукт – первобытный аналог прибавочного продукта, а первой формой богатства является жизнеобеспечивающий продукт. Элементарными формами других исторических типов богатства считаются дары, жертвы, услуги и пр.

Подобно тому, как атомисты начинали с анализа атомов, а физиологи пришли к необходимости изучать органические тела как клетки, К. Маркс предложил в политической экономии капитализма исследовать прежде всего товар (23: 43). Поэтому товар он метафорически называл экономической клеточкой буржуазного общества (ib.: 6).

В отношении товара как элементарной формы буржуазного богатства, К. Маркс указывал:
– на всеобщность товарной формы при капитализме (49: 5);
– а также на неразвитость этой формы буржуазного производства (23: 92).

Все организмы развиваются путем размножения и дифференциации органической клетки по закону клеточного деления (20: 512). Товары не могут делиться и дифференцироваться самостоятельно. Более того: «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам» (23: 94).

Действительно, важны не только тела как эмпирически элементарные объекты. Они существуют и развиваются во взаимосвязях, во взаимодействиях людей.

§ 3. Исходное, простейшее и всеобщее отношение

Анализ элементарных форм отдельных эмпирических объектов, разумеется, недостаточен. Черта метафизики видится в том, что вещи для нее «суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого» (20: 21). За отдельными вещами не видится их взаимная связь, или она признается несущественной.

Например, классикам буржуазной политической экономии не удавалось вывести из анализа товара «форму стоимости, которая именно и делает ее меновой стоимостью» (23: 91). Последняя рассматривалась «как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению и природе товара» (ib.).

Причина этого, по мнению К. Маркса, состояла в отсутствии историзма. И кроме того, как отмечал К. Маркс в отношении Д. Рикардо, в его политической экономии «*определенные экономические формы обмена …* сами по себе не играют совершенно никакой роли, а все время говорится лишь о распределении совокупного продукта» (46-I: 287).

Материализм обращал внимание на сцепление тел. По Лукрецию Кару, как писал К. Маркс, «мир образуется здесь под звуки борьбы атомов» (40: 100) и в мире идет вечная война «всех против всех» (ib.). «Образование соединений из атомов, их отталкивание и притяжение сопровождается шумом. В мастерской и кузнице мира происходит шумная, напряженная борьба», – констатировал он (ib.: 96).

Отталкивание и притяжение, борьба есть форма обмена энергией (20: 398). Достаточно распространен обмен веществ, например: «Обмен атомов в соседних молекулах – вот что такое ток» (ib.: 606). Обмен веществ между телами идет в химических процессах (ib.: 82). Из постоянного обмена веществ посредством питания и выделения вытекают «все прочие простейшие факторы жизни: раздражимость, которая заключена уже во взаимодействии между белком и его пищей; сокращаемость, обнаруживающаяся уже на очень низкой ступени при по-

глощении пищи; способность к росту, которая на самой низшей ступени включает размножение путем деления; внутреннее движение, без которого невозможно ни поглощение, ни ассимилирование пищи» (ib.: 84).

Соответственно, как подчеркивал В. И. Ленин, «у Маркса в “Капитале” сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров» (ПСС-29: 276). Последний осуществляется в отношении товаровладельцев – наиболее элементарном отношении капиталистического способа производства (47: 113).

К. Маркс констатировал, что все более или менее сознают, что отношение товаров как меновых стоимостей есть отношение лиц (13: 21). *«Действительное* отношение товаров друг к другу есть *процесс* их *обмена,* – писал он. – Это – общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивидуумы, но они вступают в него только как товаровладельцы; их взаимное существование друг для друга есть существование их товаров, и, таким образом, они выступают в сущности лишь как сознательные носители процесса обмена» (ib.: 28).

Модель товарного отношения – отношения товарообмена – дает более полное представление о целом. Буржуазная политическая экономия видела богатство в населении, а К. Маркс – в совокупности товаров. Население (товаропроизводители) и товары дополнительны по отношению друг к другу.

Необходимость учета в изображении целого объективных материальных условий деятельности субъекта К. Маркс отмечал в одной из ранних работ: «Что сказал бы естествоиспытатель, если бы ему стали доказывать, что ячейка пчелиных сотов интересует его не как сотовая ячейка, что она не представляет тайны для того, кто не изучал её, потому что пчела “чувствует себя совершенно как дома” именно на свежем воздухе и на цветке? В притонах преступников и в их языке отражается характер преступника, они составляют неотъемлемую часть его повседневного бытия, их изображение необходимо входит в изображение преступника точно так же, как изображение petite maison необходимо входит в изображение femme galante» (2: 62).

В обществе товаропроизводителей товарное отношение это и «всеобщее общественное производственное отношение» (23: 89). «Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму», – писал К. Маркс (ib.: 112). Так, капитал продается как товар, «что и происходит при отдаче капитала взаймы под проценты» (26-III: 516-517). И вообще, «буржуазия все превращает в товар» (16: 524).

Производные отношения возникают из исходного, простейшего и в то же время всеобщего отношения товарообмена. Анализ К. Маркса вскрыл «в этом простейшем явлении (в этой “клеточке” буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества» (ПСС-29: 318).

Диалектика буржуазного общества у К. Маркса, как отмечал В. И. Ленин, есть один случаев диалектики. Представлялось возможным рассмотреть другие случаи, в частности: «…В *любом* предложении можно (и должно), как в “ячейке” (“клеточке”), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики…» (ib.: 321).

Но, строго говоря, предложение является не отношением, а элементарной формой речи, которой обмениваются говорящие. В таком понимании предложение есть клеточка в том смысле, в котором К. Маркс называл клеточкой товар.

Впрочем, Ф. Энгельс называл клеточкой конкретное семейно-брачное отношение: «Единобрачие – это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий» (21: 69).

Отмечалась, неустойчивость терминов, использовавшихся для описания метода восхождения от абстрактного к конкретному. Думается, предпочтительно исходить из следующего вы-

сказывания Ф. Энгельса: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами…» (13: 497). Далее констатировалось, что «развитие в общем и целом происходит также от простейших отношений к более сложным» (ib.).

§ 4. Исходная категория и конструкция предмета

Выделение исходного (простейшего и всеобщего) отношения оставляет открытым вопрос о внутреннем единстве его сторон. Это единство отображается в наиболее общей абстракции – исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному.

Исходная категория фиксирует предмет как целое, но тождественное себе, безотносительно к его внутренним различиям. Те или иные внутренние различия фиксируются в абстракциях (категориях, понятиях), вычлененных на предварительном этапе – на этапе восхождения от конкретного к абстрактному. Отображая отдельные стороны предмета мышления, они выступают по отношению к исходной категории как категории более частные, более конкретные.

С выделением отдельных сторон, вместо исходного представления единства возникает «конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности» (46-I: 38). Она должна быть зафиксирована в следующей категории, отображающей предмет как целое, в его конкретном разнообразии (с учетом введенных частных категорий).

На следующем *шаге (этапе) восхождения* реконструированный предмет мышления дифференцируется вновь по другим значимым основаниям. Так формируется очередное гнездо категорий. Это уже другой *уровень абстрактности / конкретности* в отображении предмета – в отличие от уровня исходной категории.

На первом пути восхождения – от конкретного к абстрактному – познавательное движение происходит стихийно, избирательно и неравномерно. Связи между понятиями зачастую не фиксируются в явной форме. Содержание понятий остается неуточненным. Наряду с понятиями, фиксирующими существенные характеристики предмета, находятся понятия, которые фиксируют лишь его видимость. Предпринимаемые классификации и типологии редко непротиворечивы и полны. Абстракции не организованы в целое. Выдвигаемые понятия и теории имеют предварительный, рабочий характер.

На втором пути восхождения – от абстрактному к конкретному – познавательное движение происходит методично, систематично и равномерно. Разумеется, какие-то уровни восхождения могут пройдены независимо от предыдущих, но полученные результаты в дальнейшем придется уточнить с учетом предыдущих ступеней.

Восхождения от абстрактному к конкретному регулируется следующими принципами:

1. Полное отражение предмета в исходной категории и в других более конкретных базисных (основных) категориях, фиксирующих предмет на различных этапах восхождения.

В связи с реализацией данного принципа встает проблема выбора исходной категории.

В конструкции государства философы государственного права исходили, например, из инстинктов (честолюбия, общительности) или из индивидуального разума. Очевидно, что это было чрезмерно частной фиксацией предмета. В последующем стали рассматривать «государство как великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода» (1: 112).

Применительно к предмету политической экономии капитализма К. Маркс писал: «Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого существования, и с земледелием, этой самой первой формой производства во всех сколько-нибудь прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного <…> Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без

земельной ренты. Капитал – это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует анализировать до земельной собственности. После того как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение» (46-I: 43-44).

Поэтому в плане расчленения предмета К. Маркс фиксировал такую последовательность «Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу» (ib.: 45). Впрочем, данная последовательность предваряется более абстрактным уровнем: «1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества…» (ib.).

К. Маркс пробовал начинать с категории «материальное производство» (ib.: 17). Но, во-первых, очевидно, что это категория чрезмерно абстрактна, так как относима к предмету политической экономии вообще (а не политической экономии капитализма). Во-вторых, «производство есть непосредственно также и потребление» (ib.: 26). Поскольку производство и потребление дополнительны, то требуется более абстрактная исходная категория. В этом отношении правы «противники политико-экономов, – будь то противники из среды самой этой науки или вне ее, – упрекающие политико-экономов в варварском разрывании на части единого целого» (ib.).

2. Введение производных категорий на основе исходной категории путем различения предмета в соответствии с законом взаимного проникновения полярных противоположностей и превращения их друг в друга.

Еще один вариант выбора исходной категории: «Труд кажется совершенно простой категорией» (ib.: 40) (по сравнению с трудом мануфактурным, коммерческим, земледельческим). А далее усматривается два способа существования любого труда: «прошлый, овеществленный труд» (ib.: 247) и труд неопредмеченный – «непредметное, т. е. субъективное существование самого труда» (ib.). Во втором способе существования «труд есть живой, преобразующий огонь; он есть бренность вещей, их временность, выступающая как их формирование живым временем» (ib.: 324).

Таким образом, труд дифференцируется. В исходном тождестве вводится различие труда живого и труда опредмеченного (овеществленного). Основанием дифференциации является различие между состояниями изменения и покоя. Труд переходит из состояния беспокойства в покоящееся свойство (23: 192). «Всякое производство есть некоторое опредмечивание индивида», – писал К. Маркс, противопоставляя опредмечивание в натуральной определенности и в деньгах (в меновой стоимости) (46-I: 171). Опредмеченный труд – это труд в состоянии покоя, а живой труд – труд в состоянии изменения.

К. Маркс использовал термины «овеществленный» и «опредмеченный» (а также «объективированный») как синонимы. Если эти категории различать, что можно дифференцировать опредмеченность в вещи и в индивиде (если последнего не понимать как вещь). Впрочем, и по отношению к человеку он писал, что труд овеществляется в его живой способности к труду (ib.: 291). Да, рабочая сила тратится, но квалификация растет, навык нарабатывается. Степень искусности населения является «главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда» (26- III: 306).

Кроме того, живой труд также может быть дифференцирован на два процесса – опредмечивание и распредмечивание. «Опредмечивание и распредмечивание суть те противоположности, конкретное тождество которых и есть предметная деятельность, – подчеркивал Г.С. Батищев. – Опредмечивание – это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета. Распредмечивание – это обратный переход предметности в живой процесс, в действующую способность…»[132].

[132] *Батищев Г. С.* Опредмечивание и распредмечивание // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М., 1967. С. 154.

Но точнее говоря, распредмечивание в общем виде есть отрицание предметности, переходящее не только в действующую способность, но и в другой предмет. Ж. М. Абдильдин характеризовал распредмечивание более полно – как снятие наличной формы предмета, «вовлечение предмета снова в деятельность, в результате которой возникает новый предмет, новая вещь»[133].

Таким образом, исходя из категории труда в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей вводятся две дополнительные категории – живого и опредмеченного труда. Примером в этом отношении был Г. В. Ф. Гегель, который конструировал государственный строй: «Однако именно в том и сказывается глубина Гегеля, что он везде начинает с *противоположности* определений (в том их виде, в каком они существуют в наших государствах) и на ней делает ударение» (1: 281).

Следующая возможная дифференциации: противоположности взаимопроникают – каждая из них содержит другую в себе. Живой труд дифференцирован на распредмечивание и опредмечивание, а опредмеченный труд на овеществление и опредмечивание в человеке (рабочей силе). На следующем шаге восхождения открывается перспектива введения модели процесса труда, в которой будет снята исходная категория труда.

3. Конструирование системы категорий с учетом эмпирически значимых различий.

В. И. Ленин писал о том, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не “рассказывая”, не “уверяя”, а *доказывая*), исходя из простейших основных» (ПСС-29: 86). При этом не должно создаваться впечатления, что «перед нами априорная конструкция» (23: 21).

«Спекулятивная конструкция», например, образующая понятие «плод», затем затрудняется в переходе от него к действительным, разнообразным обыденным плодам – к груше, яблоку, миндалю и т. д. (2: 63). В конечном счете, как замечал К. Маркс, «спекулятивный разум видит в яблоке *то же,* что в груше, в груше то же, что в миндале, а именно – “плод”» (ib.). «Этот путь не приводит к особому *богатству определений,* – констатировал К. Маркс. – Минералог, вся наука которого ограничивалась бы установлением той истины, что все минералы в действительности суть “минерал вообще”, был бы минералогом лишь в *собственном воображении.* При виде каждого минерала спекулятивный минералог говорил бы: это – “минерал”, и его наука ограничивалась бы тем, что он повторял бы столько раз это слово, сколько существует действительных минералов» (ib.). Аналогично, посредством абстракций, фиксирующих всеобщие условия всякого производства, общие всем ступеням производства, «нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства» (46-I: 24).

Спекулятивный философ разрешает затруднение тем, что «общеизвестные, наблюдаемые в действительности свойства яблока, груши и т. д. выдаёт за *открытые* им определения» (2: 66). «Яблоковидное» и «грушевидное» он вводит как различия саморазличения «плода вообще». Различия, отделяющие друг от друга яблоко, грушу, миндаль, суть именно они делают отдельные плоды именно различными звеньями в жизненном процессе «плода вообще» – сущности живой, себя в себе различающей, подвижной (2: 64).

Поскольку конкретные различия возникают исторически, то введение представлений о внутренних различиях не может быть чисто дедуктивным. «Эти различия возникают исторически, существуют как эмпирическая данность, и в теоретическую конструкцию их можно ввести только путем ассимиляции эмпирического материала, – писал В.П. Фофанов. – Исследователь активно ищет эмпирический материал, *строит факты*, которые позволяют развивать, специфицировать теоретическую схему»[134]. Как подчеркивал К. Маркс «исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь» (23: 21).

---

[133] Диалектическая логика: Общие проблемы. Категории сферы непосредственного / под ред. Абдильдина Ж.М. и др. Алма-Ата, 1986. С. 92.

[134] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 84.

Поэтому восхождение от абстрактному к конкретному опосредствовано обращением к эмпирии. Так, например, выделяются конкретные товары, стихийно выделяющиеся в товарном обращении в функции всеобщих товаров (денег). Таким же образом чисто эмпирически обнаруживается особенный товар, приносящий в результате его потребления прибавочную стоимость – рабочая сила. Строго говоря, каждый шаг восхождения обусловлен введением эмпирически значимого различия.

Реализация принципов восхождения от абстрактного к конкретному позволяет построить систему категорий, отображающих сущности разного порядка. На следующем этапе восхождения осуществляется переход к эмпирической конкретизации теоретической конструкции, к описанию различных вариантов развития объекта. Критикуя недоучет Г. Ч. Кэри и Ф. Бастиа национальной специфики стран, К. Маркс призывал, «познать имманентную душу материала и таким образом признать за ним право на своеобразную жизнь» (46-I: 9). Примером такого учета может служить замечание К. Маркса в отношении национальных традиций построения сюжетных линий романов: если английские романисты знакомят читателя с высшим светом чаще всего на охоте или в деревенском замке, то французские романисты вводят читателя в высший свет на балу (2: 73).

Дальнейшая конкретизация осуществляется в практике. «Дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция», – писал Ф. Энгельс (20: 635). Общую схему реализации метода В. И. Ленин охарактеризовал так: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности (ПСС-29: 152-153).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При характеристике метода восхождения от абстрактного к конкретному обращалось внимание на то, что его целью является «теоретическое отображение общих законов жизни сложных саморазвивающихся систем»[135]. Поэтому в качестве теоретической основы разработки этого метода рассматривалась материалистическая диалектика, раскрывающая наиболее общие законы самодвижения.

Соответственно указывалось на ограниченную целесообразность использования метода восхождения:

«Метод восхождения отнюдь не абсолютное, универсальное средство получения научной истины. Пределы его применения вполне определенны. Специфика метода восхождения в том, что он ориентирован на системно-диалектическое отображение системных объектов – в отличие от более частных методов, раскрывающих те или иные отдельные стороны объективно существующих систем. Следует подчеркнуть: метод восхождения нужен не просто там, где познание имеет дело с системами как объектами познания, а там, где стоит специальная задача познания общих законов формирования, функционирования, строения, развития и прехождения сложной системы.

Там, где ставятся более частные задачи, использование этого метода неуместно. Подобно тому как система законов диалектики не воплощается в своей полноте в любом отдельном фрагменте действительности, так и метод восхождения неприменим к изучению тех ее фрагментов, где развитие не выступает достаточно цельно, в виде того или иного единства противоположностей. Частичные объекты для него недоступны.

Вместе с тем диалектические закономерности, пусть лишь в той или иной степени, лишь более или менее полно, проявляются в любом фрагменте действительности. Поэтому и различные аспекты методологии восхождения могут быть использованы и на самом деле повсеместно используются в теоретическом познании» (ib.: 75).

Думается, приведенная оценка метода восхождения от абстрактного к конкретному применима и к диалектическому материализму в целом. В линейке философских продуктов диалектический материализм не является абсолютной, универсальной философской концепцией. Он *объектно-ориентирован* на описание сложных, саморазвивающихся систем.

Наряду объектной ориентированностью можно отметить *субъектно-ориентированный* формат диалектического материализма. Комментируя восприятие читателями структуры диалектического исследования и доказательства, примененных К. Марксом в «Капитале» («гегельянщина», «абстрактность», «формализм», «схоластический язык», «тяжеловесность аргументации»), Л. А. Маньковский писал: «Диалектический метод требует от читателя известного напряжения, так как при пользовании им необходимо держать в голове длинную цепь предпосылок и следствий. <…> Поверхностный читатель ждет на каждом данном этапе исследования исчерпывающего доказательства рассматриваемых на этом этапе положений, между тем как это доказательство окончательно дается лишь рассмотрением всей совокупности сторон и их связей, что не может быть осуществлено на каком-нибудь отдельном этапе исследования»[136].

Таким образом, диалектический материализм и материалистическая диалектика ориентированы на определенную категорию читателей, которую еще необходимо выделить в качестве целевой аудитории. Опыт выделения целевой аудитории философских систем имеется.

---

[135] *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. С. 73.

[136] История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа / отв. ред. М. М. Розенталь. М., 1971. С. 341.

Механистический материализм в Англии и Франции был исключительно аристократическим учением (22: 311). «“Это не для портных и сапожников”, – говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях», – напоминал К. Маркс (32: 473).

Данное напоминание интересно тем, что по иронии судьбы, как удивлялся К. Маркс, русские аристократы, с которыми он беспрерывно боролся, в 1843–1844 гг. в Париже носили его на руках и были его «благодетелями». И наибольший сбыт работы К. Маркса находили в России. «Но все это не следует переоценивать. Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких университетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии… – замечал К. Маркс. – Это не мешает тем же русским, с поступлением на государственную службу делаться негодяями» (ib.).

Популярный в среде германской социал-демократии вульгарный материализм Е. Дюринга оценивался как философия, довольно ловко препарированная «для прекрасно известной автору публики, которая с помощью нищенской похлебки и без большого труда хочет быстро научиться говорить обо всем» (34: 17-18).

Таким образом, популярность в определенных кругах диалектического материализма не должна обнадеживать. Ф. Энгельс отзывался жестко в отношении понимания В. Либкнехтом и его товарищами по партии предисловия к «Критике политической экономии»: «Вот это настоящие люди! Эти господа так привыкли к тому, чтобы мы за них думали, что всегда и везде требуют, чтобы им все не только было подано на подносе, но и как следует разжевано; чтобы им дали в самом сжатом объеме не только квинтэссенцию, но и все детали в готовом виде. Творить чудеса нужно, ни больше, ни меньше! Да и чего, собственно, требует этот осел? Как будто уже из трех первых строчек предисловия он не мог уяснить себе, что за этим первым выпуском должны последовать не менее пятнадцати, прежде чем он сможет подойти к окончательным выводам. Ну, разумеется, решение щекотливых вопросов о деньгах и т. д. для Либкнехта – просто чепуха, потому что эти вопросы для него вовсе не существуют. Но можно ведь требовать от этой скотины, чтобы он, по крайней мере, отметил себе те пункты, которые могут оказаться в кругу его мелочных интересов. А впрочем. разве свинье разобраться в апельсинах!» (29: 377-378)[137].

[137] «Однако юмор истории и состоит в том, что люди, живущие “здесь и теперь”, как раз и желают – для себя! – решения этих проблем в праксисе, в своей жизни, и потому требуют от теоретиков точных указаний и рецептов для достижения цели, – писал А. Б. Баллаев. – И что делать теоретику, знающему о невозможности прямого ответа? В этом отношении крайне поучительны контакты Маркса с русскими радикально-революционными деятелями (Николай Францевич Даниельсон, Вера Ивановна Засулич, косвенно Н. Михайловский, ответ на статью которого в журнале “Отечественные записки” Маркс написал в 1877 г.). Их общий запрос на теоретическое решение проблемы будущего России был выполнен Марксом, но вне прямых предсказаний и точных прогнозов, вариативно и с высокой дозой условности) Ясное дело, это никого не удовлетворило, и тексты Маркса долго оставались без публикации. Но разве реальная история России в XX в. не доказала, что никакой однозначности в теоретическом осмыслении этой проблемы просто и не могло быть? (Ее, кстати, и по сей день нет.)». См.: *Баллаев А. Б.* Маркс размышляющий. М., 2015. С. 7-8.

Со своей стороны замечу, что подтвердился общий прогноз К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что России предстоит пережить свой 1789 год (со всем последующим): «Впрочем, что бы там ни было, а до конца 1878 г. Россия получит конституцию, а вместе с этим и второе издание французской революции 1789–1794 годов» (34: 231). Причем пережить пролонгированно и дважды – в виде трагедии и в виде фарса.

Мышление В. Либкнехтом и его товарищей, с негодованием описанное Ф. Энгельсом, типологически соответствует уровню одномерного мышления[138]. Точнее, это подтип одномерного короткого мышления («короткий ум», «короткомыслие»), дополнительным к которому является подтип одномерного длинного («прямолинейного») мышления[139].

Последнее манифестировано Ф. Ницше. В предисловии к своей работе «Антихрист. Проклятие христианству» он предупреждал: «Эта книга принадлежит немногим. Может быть, никто из этих немногих ещё и не существует»[140]. Своих настоящих читателей – «гиперборeев» – он характеризовал как имеющих привычку жить на горах, с опытом одиночества, с глазами для самого дальнего, интеллектуально честных до жестокости, обладающих мужеством к запретному, любящих и уважающих себя.

Ф. Ницше заявлял: «Мы были достаточно смелы, мы не щадили ни себя, ни других, но мы долго не знали, куда нам направить нашу смелость. Мы были мрачны, нас называли фаталистами. Нашим фатумом было: полнота, напряжение, накопление сил. Мы жаждали молний и действий, мы оставались вдали от счастья немощных, от “смирения”. Грозовые тучи вокруг, мрак внутри нас: мы не имели пути, формула нашего счастья: одно “Да”, одно “Нет”, одна прямая линия, одна цель» (ib.: 266). Как можно заметить, Ф. Ницше указывает на горизонт дали и прямую линию, ведущую к цели.

Исходя из психологического профиля диалектического материализма, можно осуществить психографическую сегментацию потребителей его философской продукции. Они должны обладать умом глубоким, дальновидным и широким, холистическим и систематическим, а также мышлением абстрактным, формально дисциплинированным и разумным.

Еще на один параметр – на возрастной уровень развития мышления – указывал Г. С. Батищев: «Если критичность, не признающую мир субстанциально завершенным, замкнутым в себе и провозглашающую задачу творчески переустроить мир, называть *духом молодости,* то Маркс предстанет перед нами как мыслитель и борец, который сумел остаться *молодым* всю свою жизнь, во все периоды своей деятельности и во всех своих произведениях. В этом смысле нельзя понять и самых зрелых классических сочинений Маркса, если не видеть в них творений всегда духовно молодого, революционно-критичного Маркса! Кто изображает марксизм лишенным такого духа молодости, тот подменяет его чем-то поддельным и чуждым»[141].

Систематическая диалектика может быть освоена только в молодости. И это при условии, если успешно разрешены предыдущие кризисы когнитивного развития – кризисы отрочества, подросткового возраста, юности… Таким образом, для усвоения и овладения диалектическим материализмом в полном объеме требуется ряд ментальных предпосылок, и только затем – определенная философская подготовленность. Если необходимые ментальные предпосылки отсутствуют, то они могут быть сформированы развитием врожденной психической конституции[142]. При отсутствии этих предпосылок неизбежен откат к более простым и удобным воззрениям – к идеализму[143], механицизму или кантианству, исламу или православию, как это произошло с П.-Ж. Прудоном, К. Каутским, Е. Бернштейном, Р. Гароди, да и с Г. С. Батищевым.

---

[138] *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994. С. 161-263.

[139] *Тюгашев Е. А.* Одномерное мышление: конкретизация концепции // Вопросы социальной теории. М., 2024. Т. 16. С. 355-359.

[140] *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. СПб., 2011. С. 265.

[141] *Батищев Г. С.* Философско-педагогические произведения: Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. Работы 1960-х – 1970-х годов. Бийск, 2015. С. 341.

[142] См., например: *Гачев Г.* Жизнеописание // Литературные знакомства. 2022. №№ 5, 6.

[143] *Колеров М. А.* От марксизма к идеализму и церкви (1897-1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ВВЕДЕНИЕ

Итоги деятельности советских философов по разработке исторического материализма были подведены в коллективном труде «Марксистско-ленинская теория исторического процесса»[144]. В читательском адресе издания говорится, что «в монографии раскрывается значение исторического материализма как общей теории исторического процесса, единой системы развивающегося социально-философского и общесоциологического знания»[145].

Замысел работы оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, налицо позиционирование исторического материализма как теоретического уровня исторической науки (или философии истории). С другой стороны, подчеркивается его социально-философская и философско-социологическая интерпретация[146]. Данную двойственность Ю. К. Плетников мотивировал тем, что «слово “исторический” трактуется в труде в смысле “общественный”, а исторический процесс рассматривается как процесс развития общества»[147]. Едва ли предложенное объяснение можно счесть удовлетворительным в свете общенаучного требования точности терминологии.

Кроме того обозначено размежевание социально-философского и философско-социологического знания. Ситуация предметно-дисциплинарной дивергенции разрешилась освоением других философских культур. Ведущие отечественные специалисты в области исторического материализма расширили горизонт и перешли к разработке социальной философии и философии истории[148].

В настоящее время интерес к историческому материализму сохраняется. В связи с появлением различных экспликаций исторического материализма[149] актуализируется задача аутентичного представления содержания исторического материализма на основе систематизации всего массива высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса.

По оценке Ф. Меринга, «исторический материализм составляет основную задачу всей жизни Маркса и Энгельса; на этой основе покоятся все их произведения»[150]. Ф. Энгельс разъяснял, что термин «исторический материализм» обозначает взгляд «на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих

---

[144] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983; Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: диалектика современной эпохи. М., 1987.

[145] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс… С. 22.

[146] Указанная неопределенность в предметно-дисциплинарном позиционировании исторического материализма присутствовала в марксистской литературе конца XIX века. См.: Исторический материализм: Дискуссии, размышления, философские проблемы / Пер. и сост. С. Бронштейна (Семковского). М., 2011.

[147] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс... С. 2.

[148] См., например: *Барулин В. С.* Исторический материализм: Современные тенденции развития. М., 1986; *Барулин В. С.* Социальная философия: Учеб. для вузов: В 2 ч. М., 1993.
Момджян К. Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М., 1986; Социальная философия и философия истории. Учебное пособие / под ред. К. Х. Момджяна. М., 2019.
Семенов Ю. И. Курс лекций по социальной философии. М., 2003; *Семенов Ю. И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М., 2013.

[149] Non-Marxian Historical Materialism: Reconstructions and Comparisons / Ed. by K. Brzechczyn. Leiden / Boston, 2022.

[150] *Меринг Ф.* Исторический материализм // Меринг Ф. На страже марксизма. М., 2011. С. 20.

классов между собой» (22: 306). Данный взгляд первоначально обозначался как материалистическое понимание (восприятие, концепция, теория) истории и противопоставлялся, с одной стороны, идеалистическому пониманию истории (3: 37), а с другой стороны – натуралистическому пониманию истории (20: 545).

По свидетельству Ф. Энгельса, материалистическое понимание истории открыл К. Маркс, а позже, вторично и независимо от него – американский антрополог Л. Г. Морган: «Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» (21: 25).

Интересно замечание К. Каутского: «Энгельс слишком низко оценивает здесь свое собственное участие в выработке теории исторического материализма. Он пришел к нему одновременно и независимо от Маркса. Маркс лишь первый ясно формулировал его»[151].

По оценке Ф. Энгельса, французские и английские историки первой половины XIX века вполне приблизились к этому открытию. Возможно, что американец Дж. Кеннан, путешествовавший в 1865–1866 гг. по Сибири, «открыл по-своему исторический материализм исключительно благодаря своей проницательности и здравому уму, не имея еще никакого представления о Марксе и Энгельсе или даже о своем соотечественнике Моргане»[152].

В. И. Ленин видел в историческом материализме «одно из применений и развитий гениальных идей – зерен, в зародыше имеющихся у Гегеля» (ПСС-29: 172), и в зачатке – у Л. Фейербаха (ПСС-29: 58). Действительно, как подчеркивал Ф. Энгельс, значение диалектической философии Г. В. Ф. Гегеля состояло в формировании такого представления: «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное “государство”, это – вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах» (21: 275-276).

В. И. Ленин видел в историческом материализме «поразительно цельную и стройную научную теорию» (ПСС-23: 44). Правда, говоря об этой «теории», Ф. Энгельс, определял только одно ее основное положение: «…Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали» (37: 394).

Разумеется, можно выделить еще ряд таких положений. Например, указание на то, что материалистическое понимание истории «объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики» (3: 37). В целом исторический материализм если и является теорией, то на уровне «взгляда», конкретизированного в ряде идей, обладающих определенной эвристикой[153].

Например, К. Маркс так излагал суть своего учения: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребле-

---

[151] *Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества. М. – Л., 1931. С. 2.

[152] *Меринг Ф.* Исторический материализм. С. 74.

[153] О восприятии исторического материализма как комплекса отдельных идей см.: *Гринин Л. Е.* Исторический материализм: есть ли будущее у концепции? // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 4.

ния. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» (27: 402). Таким образом, общество характеризовалось прежде всего материалистически и в аспекте развития. Поэтому в пятом разделе учебного пособия излагается диалектико-материалистическое понимание общества.

Материалистическое понимание истории предлагалось использовать как руководство к изучению истории: «Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» (37: 371). Исходя из этого, во шестом разделе учебного пособия представлены интерпретации всемирно-исторического процесса, вытекающие из материалистического понимания истории.

Тематизация содержания исторического материализма определялась на основе критериев: а) относимости конкретного вопроса к предметно-дисциплинарной области исторического материализма; б) достаточности корпуса высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса по данному вопросу; в) комплексированию значимых положений в тематические блоки. На основе реализации данных критериев в учебное пособие не включены обычные для советских курсов исторического материализма темы по характеристике исторического материализма как науки, по описанию отдельных сфер общественной жизни и отдельных форм общественного сознания, о социальной революции, капитализме, социализме и коммунизме[154]. Включен ряд тем, актуализированных неомарксизмом (отчуждение, ирония истории, общество спектакля и др.). Уточнены некоторые термины («общественная формация», «общественные классы»).

[154] В качестве одной из тенденций развития исторического материализма отмечалось следующее: «Более четкое конституирование теории научного коммунизма, развитие комплекса социологических дисциплин, более обобщенный анализ специфических областей общественной жизни, например политических, социальных, юридических и других отношений и явлений в обществе, привели к тому, что из исторического материализма “ушли” многие темы, касающиеся специфических моментов развития современного общества» (*Барулин В. С.* Исторический материализм: Современные тенденции развития. С. 267).

РАЗДЕЛ V. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА

Глава 17. ОБЩЕСТВО

17.1. Социальная форма движения материи

В многоуровневой иерархии форм движения материи – низших и высших, простых и сложных, главных и подчиненных, основных и побочных форм движения – в качестве одного из уровней выделяют социальную форму движения материи[155].

Человеческое общество – это эмпирический выделяемый объект, который на теоретическом уровне познания может концептуализироваться и структурироваться по-разному. Движение общества К. Маркс и Ф. Энгельс описывали как общественное (социальное) движение. Его частными и конкретными формами являются практические и духовные движения, движение производства, экономическое движение (движение промышленного рынка и т. п.) и политическое движение (движение государственной власти, движение оппозиции, различные партийные движения), движения различных общественных классов (крестьянское движение, мелкобуржуазное движение, движение буржуа, рабочее движение), историческое движение и его региональные формы (европейское движение, английское движение, германское движение, ирландское движение, польское движение и др.), национальное движение, революционное движение и контрреволюционное движение, прогрессивное движение и реакционное движение, теоретическое движение и т. п. Все формы социального движения переходят друг в друга, обусловливают взаимно друг друга, являются то причиной, то следствием.

Как и в природе, социальные движения осуществляются вследствие постоянной борьбы противоположностей, переходящих друг в друга и в более высокие или низкие формы движения. Особенно наглядно движение путем противоположностей выступает в критические моменты истории: «В подобные моменты у народа есть выбор только между двумя полюсами дилеммы: “или – или”…» (20: 527). Так, либеральный немецкий филистер в 1849 г. внезапно и неожиданно очутился перед вопросом: «либо возвращение к старой реакции в еще более свирепой форме, либо продолжение революции до республики, – может быть, даже до единой и неделимой республики с социализмом на заднем плане» (ib.). Французская буржуазия выбрала в 1851 г. не социально-демократическую республику, а эксплуатацию Франции шайкой прохвостов, чтобы под ее охраной продолжать эксплуатировать рабочих (ib.).

Социальная форма движения состоит из отдельных движений конкретных общественных тел – общественных организмов (люди, общины, племена, народы и государства, различные организации) и общественных вещей (предметы потребления, средства производства и средства насилия, знаковые системы). Общественные тела, находящиеся во взаимной связи между собой, составляют субстрат (материал) социального движения, то есть комплекс получивших специфическую организацию низших и более простых форм движения материи. Через свой природный субстрат общество включено в окружающую ее природную среду.

В социальной форме движения материи за известным движением следует другое движение, одна форма движения развивается из другой. Частные формы социального движения развиваются по своим собственным законам и по определенным законам переходят друг в друга, в иные формы движения материи. Динамика низшей и более простой формы социального определяет условия существования и темп развития более высокой формы, но последняя, переходя в низшую форму движения, положительно или отрицательно влияет на ее динамику:

---

[155] По Ш. Фурье, «теория социального движения должна определять порядок и последовательность различных социальных механизмов, которые могут сложиться на всех планетах и охватывать прошлое, настоящее и будущее» (*Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия. М., 2017. С. 58-59).

«Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле слова, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом главенствует движение производства, но которое отдельных частностях и внутри этой общей зависимости следует опять-таки своим собственным законам, присущим природе этого нового фактора. Это движение имеет свои собственные фазы и, в свою очередь, оказывает обратное действие на движение производства» (37: 415).

Аналогично на денежном рынке: «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает – при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах – свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой. Когда же вдобавок к этому торговля деньгами в своем дальнейшем развитии расширяется до торговли ценными бумагами – причем эти ценные бумаги состоят не только из государственных бумаг, но к ним присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий, и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, и которое в общем и целом господствует над нею, – тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее. Торговцы деньгами являются собственниками железных дорог, шахт, металлургических заводов и т. д. Эти средства производства приобретают двоякий характер: их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами» (ib.: 415-416).

Торговля товарами и торговля деньгами – это новая самостоятельная сила. В общем и целом, она «должна следовать за движением производства, но она, в свою очередь показывает обратное воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей или, вернее, однажды полученной ею и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности» (ib.: 416-417).

Новая самостоятельная сила в рамках собственной динамики модифицирует базовые формы движения, составляющие условия ее существования. Так, государственная власть может: 1) содействовать экономическому развитию, 2) ставить развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях; 3) уничтожать экономические ресурсы территории местности или нации (ib.: 417). В последнем случае государство как более высокая форма социального движения подрывает условия собственного существования, погибает или находит в окружающей среде новое основание для своего развития.

17.2. Производство материальной жизни людей

Первая предпосылка истории человеческого общества – это существование людей (3: 19). Жизнедеятельность людей протекает в определенных материальных условиях, в том числе созданных их собственной деятельностью. Люди производят необходимые им средства к жизни, а потребляя эти средства – люди производят свою материальную жизнь. Таким образом, производство материальной жизни людей включает в качестве предпосылки и обособившегося внутреннего момента производство средств к жизни. Производство материальной жизни людей «должно выполняться ежедневно и ежечасно – уже для одного того, чтобы люди могли жить» (ib.: 26).

Для производства своей жизни люди применяют тем или иным способом производительные силы: 1) свои жизненные силы; 2) естественные производительные силы (земля и ее ресурсы); 3) производительные силы, созданные трудом (машины и другие средства производства, железные дороги, телеграф, водопровод, газовое освещение, паровое отопление, наука и изобретения); 4) общественные производительные силы (разделение и кооперация труда). Способ производства это – и определенный способ жизнедеятельности индивидов. Что представляют собой индивиды, зависит от того, что и как они производят, от материальных условий их существования.

Удовлетворение потребности в физическом существовании актуализирует новые потребности, прежде всего, потребность в продолжении рода. Этой потребность удовлетворяется в конкретной форме общения – в семье: «...Люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми, семья» (ib.: 27).

Семья – это первичная форма общения, простейшая и первая форма общественной связи в целях производства (20: 98). В рамках семьи производство жизни «появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели» (ib.: 28). Совместная деятельность («вместе-действие») есть производительная сила, обеспечивающая производство чужой жизни посредством рождения.

Вся общественная структура постоянно возникает из жизненного процесса индивидов, действующих в «определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях» (ib.: 24). В семье развивается разделение труда, возникающее «благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям» (ib.: 30). Разделение труда определяет отношения собственности – соответственно фактическому владению и пользованию индивидами материалами орудиями и продуктами труда (3: 20). Обладание орудием труда обеспечивается особым навыком к труду (46-I: 488). Первоначально собственником делает «искусство сделать орудие действительно своим собственным, овладеть им как средством труда» (46-I: 490). Поэтому в доме, например, господствует женщина (21: 52). Отношения власти закрепляются материнским (или отцовским) правом и отражаются в мифологии.

Производство материальной жизни людей осуществляется в рамках «определенного общественного организма» (46-I: 22). Исходный пункт анализа материального производства: «Индивиды, производящие в обществе, – а следовательно общественно-определенное производство индивидов…» (ib.: 17), – или «производство общественных индивидов» (ib.: 21).

В обществе развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении. Различные поколения индивидов связаны между собой, так как «позднейшие поколения наследуют накопленные предшествовавшими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения» (3: 440). Новое поколение в соответствии с изменившимися потребностями видоизменяет унаследованные обстоятельства, но последние «предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер» (3: 37). История есть последовательная смена поколений, использующих результаты деятельности предшествующих поколений. Каждое поколение «продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» (ib.: 44-45).

Рост населения увеличивает производительные силы. С расширением производства модифицируются формы общения. Происходит расширение семьи (ib.: 20) и ее развитие из простой семьи в сложную семью (ib.: 35). Затем идет деление большой семьи на отдельные, противостоящие друг другу семьи (ib.: 31). С появлением земледелия и скотоводства семья развивается в новые формы общения – род и племя. А позднее из столкновения и слияния родов возникает община в ее различных исторических формах и государство (46-I: 18). Всеобъемлющей формой общения является гражданское общество: «Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства» (3: 35).

Таким образом, развитие производительных сил обусловливает усложнение форм общения, которые в совокупности напоминают матрешечную структуру. Низшие и более простые формы общения включены в более высокие и сложные формы общения в качестве внутренних моментов. Даже такие формы общения как страховые и другие компании воспроизводят общинную форму в структуре гражданского общества (ib.: 64).

17.3. Общественная жизнь

Материальная жизнь людей есть внутренний, относительно обособившийся момент жизни как одной из форм движения материи. Человек есть животное, «если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное» (23: 338). Поэтому человек живет общественной жизнью. Поскольку индивид есть общественное существо, то «всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни» (42: 119).

Общественная жизнь включает различные формы и отрасли, области и сферы – материальную и действительную, практическую и духовную, индивидуальную и социальную, внутреннюю и внешнюю, эгоистическую и родовую, семейную и государственную, частную и публичную, народную и национальную (английскую, русскую, французскую и др.), гражданскую и политическую, хозяйственную и экономическую, промышленную и торговую, деловую и биржевую, обыденную и повседневную, нравственную и безнравственную, небесную и земную, праведную, мирскую и домашнюю, дворцовую и монастырскую, биржевую, партийную и парламентскую, уличную и бродяжническую, литературную, патриархальную, средневековую, буржуазную жизнь и современную жизнь.

Во всем многообразии общественной жизни «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (13: 7). Например, «политическая жизнь объявляет себя простым средством, целью которого является жизнь гражданского общества» (1: 402). Но эта закономерность детерминации реализуется лишь в конечном счете, возможно даже спустя десятки лет: «В моменты особенно повышенного чувства своей силы политическая жизнь стремится подавить свои предпосылки – гражданское общество и его элементы – и конституироваться в виде действительной, свободной от противоречий, родовой жизни человека. Но этого она может достигнуть, лишь вступив в насильственное противоречие со своими собственными жизненными условиями, лишь объявив революцию непрерывной, а потому политическая драма с такой же необходимостью заканчивается восстановлением религии, частной собственности, всех элементов гражданского общества, с какой война заканчивается миром» (ib.: 394).

В своей жизнедеятельности человек включает в свой жизненный процесс тела органической и неорганической природы. Она служит, «во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности» (42: 92). В качестве момента жизненного процесса человека тела природы также приобретают общественную жизнь.

Средства труда живут, пока они служат в процессе труда: «…Период жизни средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда» (23: 215). Изнашиваясь, средства труда функционируют с убывающей жизненной силой. В первый период жизни машины ремонтные работы исправляют недостатки конструкции – «болезни детства». С выходом за предел среднего возраста, «чем больше изношен и старчески ослаб материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до конца периода средней продолжительности ее жизни; совершенно

так же старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится делать больше расходов на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил» (24: 196). Средства труда могут сохранять форму после своей смерти: «Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали» (23: 214).

С человеком дело обстоит так же, как со средством труда. Средства производства потребляют его «как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости» (ib.: 320). Из-за изнашивания и смерти рабочие силы исчезают с рынка. Поэтому объем потребляемых жизненных средств должен быть рассчитан на производство заместителей, т. е. детей рабочих (ib.: 182).

Рабочая сила – одна из жизненных сил человека. Как и лошадь, человек может расходовать в течение суток лишь определенное количество жизненной силы. В продолжение другой части суток для восстановления, обновления и освежения жизненной силы человек как ее носитель должен отдыхать, спать, а также «удовлетворять другие физические потребности – питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д.» (ib.: 243). Конкретный объем и количество физических, а также интеллектуальных и социальных потребностей определяется общим состоянием культуры (ib.: 244). Человеку необходимо время «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья…» (ib.: 274). Вполне естественно и разумно, чтобы люди наслаждались жизнью (2: 350).

Все общественные формы в качестве опосредствований общественного жизненного строя проживают собственные жизни. В правовой жизни общества судебный процесс есть форма жизни закона, проявление его внутренней жизни (1: 158). Товарная форма – одна из форм общественной жизни (23: 274). Жизнь капитала протекает в его кругообороте и обороте. Жизнь промышленности составляет цикл, включающий «последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя» (ib.: 464). Констатировалось, что в 1789 г. началась жизненная история французской революции и не закончилась еще 1830 г. (2: 138). Недолгой оказалась во Франции жизнь 2-й республики (1848–1852) (8: 185).

Для жизни необходимы жизненные силы и жизненная энергия, жизненные условия и жизненные средства. Жизненная деятельность определяется жизненными потребностями и жизненными интересами, жизненными стремлениями и жизненными принципами, жизненным положением и жизненной практикой, жизнепониманием. Жизнедеятельность характеризуется определенным жизненным укладом и жизненным строем, жизненными отношениями.

Критериями оценки отдельных проявлений общественной жизни являются полнота жизни (1: 36), ее развитие (ib.: 56) и утверждение (ib.: 59), ее свободное движение (ib.: 63), чувство собственной силы (ib.: 88) и жизненная свежесть (ib.: 93), жизнеспособность (ib.: 212). Особое значение придается количеству жизненной силы и уровню жизнеспособности.

Например, утверждалось, «что жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ…» (19: 402), а свойственный земледельческой общине дуализм общей собственности и частного землепользования может служить для нее как «источником большой жизненной силы» (ib.), так и «источником разложения» (ib.) и «гибели» (ib.: 419).

Так, отмечалась жизнеспособность и сила религии в США (1: 387). Радовали «неистощимая» (19: 301) и «неукротимая» (ib.: 303) жизненная сила немецких рабочих на выборах в рейхстаг, «неиссякаемая жизненная сила польского народа» (22: 290). С надеждой указыва-

лось на большую жизнеспособность и силу революционного социализма (21: 267). В отношении одного дела отмечалось: «Если оно не жизнеспособно, то его не нужно и незачем поддерживать» (32: 336).

Жизнь «находится всегда в становлении, и ничто в ней никогда не закончено» (1: 166). Застой в ней – преходящий момент. Застою тред-юнионов Ф. Энгельс противопоставлял «живую жизнь» и «живое свободное движение вновь пробуждающегося английского пролетариата» (22: 69).

Но каждой конкретно-исторической форме общественной жизни свойственны не только пробуждение к жизни и расцвет, но и загнивание, разложение и распад с неизбежной гибелью. После революции 1830 г. французской буржуазии, достигшей всей полноты власти, осталось только изживать себя: «…Правящая буржуазия Франции окончательно одряхлела, полностью “пришла в негодность”» (20: 192).

Общественный организм страдает от болезней, протекающих в хронической и острой формах (2: 354). Ф. Энгельс констатировал, что «социальная болезнь, которой страдает Англия, так же имеет свое течение, как и болезни живого организма; она развивается согласно известным законам и имеет свои кризисы, из которых последний и самый сильный решает судьбу больного» (ib.: 355-356). Он радовался обострению течения болезни, будучи убежденным в том, что «английская нация не может погибнуть в этом последнем кризисе, а должна, наоборот, выйти из него обновленной и возрожденной…» (ib.: 356).

История «уносит в могилу устаревшую форму жизни» (1: 418). Точнее, отмирает изжившее себя. Так, в поражениях французской революции 1848 г. погибала не революция, а «погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений» (7: 7).

Соответственно формам общественной жизни выделяются формы общественной смерти: «Подобно тому как в природе распад и смерть наступают сами собой там, где какое-нибудь существование совершенно перестало соответствовать своему назначению; подобно тому как мировая история решает вопрос, не отклонилось ли какое-нибудь государство от идеи государства настолько, что оно не заслуживает дальнейшего сохранения, – точно так же и государство решает, при каких условиях существующий брак перестал быть браком» (1: 163). Развод устанавливает нравственную смерть – смерть брака.

Смерть – источник жизни. Во времена Великой французской революции разложение освобождало новый дух «от старых форм, которые были уже недостойны и неспособны охватить его» (ib.: 88). И далее наблюдается комплекс оживления: «При Директории стремительно вырывается наружу и бьет ключом настоящая жизнь буржуазного общества. Буря и натиск по части создания торговых и промышленных предприятий, страсть к обогащению, сутолока новой буржуазной жизни, где на первых порах наслаждение этой жизнью принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и опьяняющий характер; действительное просвещение французской земли, феодальная структура которой была разбита молотом революции и которую многочисленные новые собственники, в первых порывах лихорадочной деятельности, подвергли теперь всесторонней обработке; первые движения освободившейся промышленности, – таковы некоторые из проявлений жизни только что народившегося буржуазного общества» (2: 136-137).

«Предоставим мертвым хоронить и оплакивать своих мертвецов. Но завидна участь – быть первыми среди тех, кто со свежими силами вступает в новую жизнь. Пусть это будет и нашим уделом», – призывал К. Маркс (1: 372). Упразднение государственной церкви или имущественного избирательного ценза означает предоставление религии и частной собственности

самим себе – «именно этому провозглашению их политической смерти соответствует колоссальное развитие жизни этих элементов, которая отныне беспрепятственно подчиняется своим собственным законам и развертывается во всю ширь» (ib.: 130).

Далее, «частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению» (ib.: 39). «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность», – писал К. Маркс (ib.).

В результате «место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, – насильственно, если оно противится этой необходимости» (21: 275). Комментируя «каннибализм» контрреволюции в Вене 1848 г., К. Маркс писал, что «существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство – революционный терроризм» (5: 494). Позже он пришел к выводу, что познание обществом естественного закона своего развития «может сократить и смягчить муки родов» (23: 10).

Оценивая опыт первых коммунистических субботников как слабых ростков нового, В. И. Ленин советовал: «Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни <…> Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и “ухаживать” за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно “коммунистические субботники” сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные» (ПСС-39: 20).

17.4. Общественный (социальный) организм

Исторический материализм рассматривает общество как многосложный общественный организм. Представление об организме предполагает, во-первых, что общество есть целое (1: 112); во-вторых, это целое является органическим, дифференцированным на различные органы, выполняющие особые функции; в-третьих, организм находится в постоянном процессе превращения (23: 11), развития из зародыша в зрелое целое, дряхления и разложения. Диалектический метод обязывает «смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии» (ПСС-1: 192).

Характеризуя принадлежность гражданина к государству, К. Маркс писал: «Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь один нерв? Государство должно видеть и в нарушителе лесных правил человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священно, и, наконец, самое главное – гражданина государства. Государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника» (1: 133).

Общественный организм является многоуровневым. В его структуре наименьшими и простейшими общественными организмами выступают патриархальная семья (21: 61) и семейная община (9: 135). Крупные общественные организмы – мастерская (45: 350), монастырь (21: 153), городская община (46-1: 470), армия (21: 360), правительство (7: 79).

В зависимости от специфики сферы жизни входящие в ее состав общественные организмы определяются как производственные, экономические, политические и т. п. Качественная структура общественно-производственного организма, являющего свои разрозненные члены в системе разделения труда, отличается стихийной случайностью (23: 118). Экономический организм функционирует через периодические кризисы, останавливающие в нем обращение (7: 250). Единый политический организм, как Германия в первой половине XIX века, может включать в себя множество государств (13: 238).

В качестве единого организма характеризуется мировое хозяйство. Описывая роль Англии как демиурга буржуазного космоса и зависимость от нее экономик континентальных стран, К. Маркс констатировал, что хотя кризисы порождают революции прежде всего на континенте, но причина находится в Англии. Объяснял он это тем, что «в конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше» (7: 467).

Общественный организм действует как единый общественный субъект. Для обеспечения единства действий, будь то в оркестре (23: 342) или в армии (47: 293), из движения всего организма (в отличие от движения его самостоятельных органов) выделяются функции управления, надзора и согласования.

Организация трудовой деятельности, как, например, в мануфактуре, превращает ее в механизм, совокупную машину, состоящую из отдельных рабочих (47: 511). Напротив, на фабрике, развившейся в систему машин, рабочие рассеяны по множеству точек в качестве живой принадлежности, сознательных придатков, подчиненных бессознательной, но единообразно действующей системе машин как живому могущественному организму (46-II: 204). В первом случае «комбинированный совокупный рабочий, или общественный рабочий организм, является активно действующим субъектом, а механический автомат – объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе» (23: 430).

В управлении государством существует такое же разделение труда и такая же его централизация, как на фабрике. В буржуазной Франции середины XIX века исполнительная власть, опутывающая, контролирующая, направляющая, держащая под своим надзором и опекой даже самые ничтожные проявления жизни гражданского общества, кажется К. Марксу организмом-паразитом, укорененным в «беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформенности действительного общественного организма» (8: 157), препятствующим гражданскому обществу формировать свои собственные самостоятельные органы, стремящимся калечить и парализовать их, если не удавалось их ампутировать (ib.: 157-158). Такое государство утрачивает свою функциональность, превращается в шайку воров, также как «буржуазия с каждым днем все больше теряет характер класса, в течение определенного времени безусловно необходимого для общественного организма, отбрасывает свои специфические социальные функции и превращается в настоящую шайку мошенников…» (45: 115).

По убеждению К. Маркса, любое общество «нуждается в обширном, сложном организме административных и судебных учреждений» (7: 537). Постоянное состояние социальной войны они удерживают в форме войны «скрытой, косвенной, чтобы она не выродилась в открытое насилие, в преступление» (2: 538). Только в коммунистическом обществе этот организм будет упрощен, так как «в этом обществе управлению придется ведать не только отдельными сторонами общественной жизни, но и всей общественной жизнью во всех ее отдельных проявлениях, во всех направлениях» (7: 537).

Глава 18. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

18.1. Общественное отношение – «клеточка» общественного организма

Метафора общественного организма ориентирует на представление его как совокупности клеток. Клетка является основной структурной единицей организма. По закону клеточного деления из размножения и дифференциации одной клетки возникают и вырастают все многоклеточные организмы (20: 512). Что же выступает клеточкой, элементарной единицей общественного организма?

Очевидно, что это не вещь и не человек, а их взаимоотношение. Индивиды необходимо вступают во взаимоотношения друг с другом – в отношениях между полами, в обмене, в разделении труда (3: 440). Эти отношения имеют объективную природу, независимы от отдельных лиц и определяют их действия, как, например, физиологически унаследованный способ дыхания (1: 192).

В историческом материализме утвердилось мнение, что общественное отношение – клеточка общественного организма. Многоклеточный общественный организм состоит из общественных отношений, обеспечивающих его материальное и духовное воспроизводство: «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» (6: 442).

Общество представляется как совокупность общественных отношений – материальных отношений и отношений идеологических (надстроечных). При этом утверждалось, что, например, «политические отношения между людьми являются, естественно, также и социальными, общественными отношениями, как и все отношения, в которых люди находятся друг с другом» (4: 301).

Первичным общественным отношением является семья (3: 27). Клеточкой цивилизованного общества, по которой можно изучать природу развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий, выступает единобрачие (21: 69). Экономическую клеточку буржуазного общества К. Маркс видел в «товарной форме продукта труда, или форме стоимости товара» (23: 6).

Следует учитывать, что товарная форма (или форма стоимости) продукта есть частичное выражение товарного (стоимостного) отношения. Поэтому определения товара, стоимости, денег, капитала, собственности и других подобных моментов общественной жизни как отношений следует воспринимать не буквально, а как акцентированные. К. Маркс оговаривался, что товарная форма – лишь «определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами» (ib.: 82).

Ф. Энгельс пояснял: «Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только потому, что в этой вещи, в этом продукте, завязывается отношение между двумя лицами, или общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже более не соединены в одном и том же лице. Здесь мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, которое проходит через всю политическую экономию и порождает в головах буржуазных экономистов ужасную путаницу: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи» (13: 498).

Соответственно В. И. Ленин клеточку буржуазного общества видел в отношении товарообмена: «У Маркса в “Капитале” сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост

и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца» (ПСС-29: 318).

Таким образом, общественное отношение – это не любая общественная форма. Оно есть отношение индивидов, опосредствованное вещами, знаками и другими объектами.

18.2. Структура общественного отношения

В общественном отношении, как и в любом другом отношении, есть две противоположные стороны, которые относятся друг к другу, находятся во взаимодействии (13: 498). С точки зрения естествознания «взаимодействие – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом…» (20: 546). Аналогично, при рассмотрении истории человечества «перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает» (ib.: 20).

В природе все тела – от звезды до частицы эфира – состоят во взаимной связи, «воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга есть именно движение» (ib.: 392). Телами, воздействующими в обществе друг на друга, являются, прежде всего, люди: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей» (27: 402). Взаимодействия остальных тел подчинены взаимодействию людей. Эти тела вовлекаются во взаимодействие людей, формируются и используются в нем.

Структура общественного отношения раскрывается на примере анализа простейшего экономического отношения буржуазного общества.

Простейшее отношение капитализма, которое фиксирует Маркс, есть товарное, непосредственно меновое отношение: «Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода – все равно какому именно» (23: 57). Но это отношение есть не просто отношение товаров, а отношение товаровладельцев посредством товаров: «Товаровладельцы вступили в процесс обращения просто как хранители товаров. В самом этом процессе они выступают друг против друга в противоположной форме покупателей и продавцов, один, скажем, как персонифицированная голова сахара, другой – как персонифицированное золото. Как только голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем» (13: 78). Именно это «отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением» (23: 69-70).

В начале человеческой культуры в обмен продуктами как самостоятельные единицы вступают не отдельные индивидуумы, а семьи, общины, роды (ib.: 364).

Заслуга К. Маркса состояла в том, что он за отношением двух вещей увидел экономическое отношение людей. «...Там, где буржуазные экономисты видели отношения вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношения между людьми», – писал В. И. Ленин (ПСС-23: 45). За актом обмена товаров стоит взаимодействие двух товаровладельцев, действительных субъектов (носителей) товарного отношения. Товар и обмен товаров являются лишь моментами целостного товарного отношения.

Товар выступает как средство обмена: «В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца» (23: 98). Акт обмена товарами есть живое взаимодействие субъектов, передающих другу товары и собственность на них. В третьей главе I тома «Капитала» Маркс подчеркивает: «До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми – отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного» (ib.: 119). Действия присвоения и отчуждения частной собственности на товар являются моментами процесса взаимодействия.

Аналогична структура стоимостного отношения, которая описывается так: «Поскольку предметом рассмотрения является чистая форма, экономическая сторона отношения... постольку здесь перед нами вырисовываются только три формально различных момента: субъекты отношения, обменивающиеся предметы их обмена, меновые стоимости, эквиваленты... наконец, самый акт обмена... Эквиваленты представляют собой опредмечивание одного субъекта для других» (46-1: 188). В отношении присутствуют две стоимости, различие между которыми покоится на внешнем различии обмениваемых потребительных стоимостей.

В общем виде общественное отношение – это взаимодействие субъектов, осуществляемое на основе и посредством объективных условий, которые есть не что иное, как предшествующая опредмеченная деятельность того же вида. Например, в товарообмене «индивиды противостоят друг другу только как собственники меновых стоимостей, как такие индивиды, которые дали себе предметное бытие друг для друга посредством своего продукта, товара. Без этого объективного опосредствования они, с точки зрения происходящего внутри обращения социального обмена веществ, не имеют друг к другу никакого отношения» (ib.: 448). Поэтому общественное отношение есть устойчивое социальное взаимодействие, опосредствованное собственной историей, то есть предыдущими циклами взаимодействий.

В товарном отношении мотив для установления общественного отношения образует природное различие индивидов и их товаров: «…индивид А удовлетворяет потребность индивида В при помощи товара а лишь постольку и лишь потому, что индивид В удовлетворяет потребность индивида А при помощи товара В, и vice versa» (ib.: 190). В сознании индивидов это представлено так: «…1) каждый достигает своей цели лишь постольку, поскольку он служит средством для другого; 2) каждый становится средством для другого (бытием для другого) только будучи для себя самоцелью (бытием для себя); 3) взаимозависимость, состоящая в том, что каждый является одновременно и средством, и целью и притом достигает своей цели лишь постольку, поскольку становится средством, и становится средством лишь постольку, поскольку полагает себя в качестве самоцели, что каждый, таким образом, делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а этот другой делает себя бытием для него, будучи бытием для себя…» (46-II: 190). Взаимозависимость и взаимообусловленность действий субъектов обмена выступает как общественный интерес, существующий, «за спиной рефлектированных в самих себя отдельных интересов» (ib.: 452).

Любое общественное отношение включает в себя двух субъектов, взаимодействующих между собой и условия этого взаимодействия, которые определяют интерес – объективно обусловленную направленность деятельности. Например, в капиталистическом производстве «развивается отношение, в котором владелец товаров становится капиталистом, олицетворенным капиталом, а рабочий – простым олицетворением труда для капитала» (49: 48). Капиталист функционирует как олицетворенный капитал, выполняя с сознанием и волей его функции (45: 46). Рабочий заинтересован в продаже и реализации своей рабочей силы.

Интерес осознается в виде цели, на основе которой в сознании субъектов формируются отображение ситуации и вырабатывается программа действий по реализации цели. Взаимное поведение субъектов снимается в результирующей, модифицирующей объективные условия (см. рис. 1).

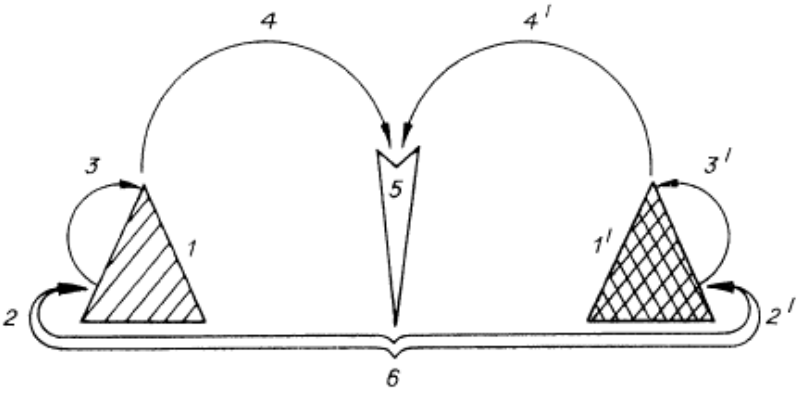

Рис. 1. Абстрактная модель общественного отношения[156].

Цифрами обозначены: 1 и 1' – субъекты – носители данной системы деятельности; 2 и 2' – объективный интерес каждого из субъектов, осознаваемый как цель его деятельности; 3 и 3' – отображение действительности, т. е. данной системы деятельности, которое формируется у субъекта на основе его цели; 4 и 4' – программа деятельности и сам процесс действий по ее реализации; 5 – результирующая, реальный процесс взаимодействия субъектов, представляющий собой снятие их разнонаправленных деятельностей; 6 – опредмеченная деятельность, исходное условие и конечный результат каждого цикла деятельности (взаимодействия) субъектов.

Необходимость воспроизводства субъектами отношения объективных условий своего существования превращает их в агентов, персонификации этих условий: «Приносящий проценты капитал персонифицируется в денежном капиталисте, промышленный капитал – в промышленном капиталисте, приносящий ренту капитал – в лендлорде как собственнике земли, наконец, труд – в наемном рабочем» (26-III: 541). Эти личности являются всего лишь представителями своей собственности.

В общественном отношении взаимодействие асимметрично: в нем всегда имеется ведущая, более активная сторона. Ведущей же является та сторона, которой присуще преобладание активности в системно более важном аспекте. Соотношение активности в количественном, так и в качественном аспектах имеет исторический характер, т. е. изменяется с развитием взаимодействия.

18.3. Параллелограмм сил

В общественном отношении направленность деятельности каждого из субъектов снимается целостным взаимодействием, своеобразным «параллелограммом сил». Каждый субъект стремится к своей цели, но в результате получается нечто третье, чего никто не хотел. Результирующая возникает из снятия двух разнонаправленных деятельностей. Результирующая опредмечивается. Сливаясь с предшествующей опредмеченной деятельностью и снимая ее, она становится непосредственным условием и предпосылкой следующего цикла взаимодействия субъектов. Хотя цель и программа любого из взаимодействующих субъектов, как правило, не реализуется полностью, они тем не менее существенно влияют на характер реально складывающегося общественного отношения.

Характеризуя данный эффект, Ф. Энгельс констатирует, что в истории люди стремятся к определенным целям, но желаемое совершается лишь в редких случаях: «…По большей же

[156] *Фофанов В. П.* Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1989. С. 255.

части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления» (21: 306).

Данный эффект Ф. Энгельс иллюстрировал следующим примером: «Англия прекратила, наконец, свои донкихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз и получило больше, чем искало: оно было истреблено в междоусобной борьбе, и на трон была возведена династия Тюдоров, которая могуществом своей власти превзошла и всех своих предшественников и всех своих преемников» (21: 416).

У множества сталкивающихся стремлений есть общий итог. Конечный результат получается от столкновений множества отдельных воль, которые формируются на основе определенных жизненных обстоятельств. Ф. Энгельс обращается к образу параллелограмма сил: «Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие» (37: 395). И далее поясняет: «Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел» (ib.: 396). В стихии массовых действий отдельные воли «достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую» (ib.), но при этом «каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» (ib.).

Например, в условиях товарного обмена завязывается борьба «между меновой стоимостью, которую требует продавец, и меновой стоимостью, которую предлагает покупатель» (4: 79). В итоге меновой стоимостью товара оказывается равнодействующая противоречащих друг другу оценок. Правильность определения стоимости определялась «лишь путей длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей» (25-II: 473). Поскольку субъекты товарного производства устойчиво воспроизводятся, следовательно, основную массу товаров удается обменять и затраты труда в целом возмещаются. В условиях простого товарного производства «цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь» (ib.: 474).

Подобно тому как стоимость товаров – динамический центр, имеющий тенденцию к понижению с ростом производительности труда, равнодействующая стремлений устанавливается в исторической динамике. Так, буржуазные революции должны заходить значительно дальше того, что реально можно достичь: «За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться. После ряда колебаний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития» (22: 309). Этот центр тяжести – компромисс между бывшими крупными феодалами и поднимающейся буржуазией, как, например, «славная революция» 1689 г. в Англии.

В борьбе партий наблюдается феномен «прогрессивной борьбы», когда центр тяжести постоянно сдвигается влево (36: 125). Во Франции периода 3-й Республики правительства сдвигались влево и рабочим делались все новые уступки. Ф. Энгельс рекомендовал ждать, пока у кормила правления встанет самая крайняя из либеральных партий, скомпрометирует себя на практике, показав свое бессилие, и только тогда рабочей партии имеет смысл становиться оппозицией (ib.).

18.4. Генезис системы общественных отношений

Каждое общественное отношение, непрерывно усложняясь, создает свои внутренние опосредствования, которые затем приобретают относительную самостоятельность и выступают как новые, производные отношения в рамках системы отношений. В истории развитие происходит от простейших отношений к более сложным (13: 497).

Ф. Энгельс следующим образом описал методологический опыт К. Маркса по теоретической реконструкции развития экономических отношений капитализма: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем <...> При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения <…> Противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.» (ib.: 497–498).

В системе капиталистических отношений простейшим отношением является отношение товаровладельцев: «Наиболее элементарным отношением, в которое индивиды вступают друг к другу, является отношение товаровладельцев» (47: 113). Товарное отношение оценивается как господствующее (23: 69–70) и всеобщее (ib.: 89) отношение в обществе товаропроизводителей. Следовательно, любое экономическое отношение капитализма должно быть зафиксировано: 1) как товарное (стоимостное) отношение товаровладельцев; 2) как особенное, специфическое товарное отношение; 3) как внутренний, подчиненный момент господствующих товарных отношений.

В товарообмене выделяется всеобщий товар – деньги, которые выступают опосредствованием, приобретающим относительную самостоятельность. Следующее отношение, выделяемое К. Марксом, есть отношение между продавцом и покупателем: «Денежное отношение – купля и продажа...» (48: 10). Деньги рассматриваются как особенный, денежный товар, полезность которого состоит в свойстве обмениваться на все товары. Если в товарном отношении товар функционирует как средство обмена, то в денежном отношении деньги функционируют как средство купли. Денежное отношение развивается как модификация и опосредствование всеобщего товарного отношения. Образование денежного отношения происходит благодаря формированию специфической, формальной потребительной стоимости.

На базе денежного отношения, кроме мимолетных ролей покупателя и продавца, появляются фигуры купца и собирателя сокровищ, в разных формах реализующих специфическую потребительную стоимость денег. К. Маркс не задерживается на упомянутых побочных фигурах и переходит к следующему отношению – кредиту.

Различия в продолжительности циклов производства товаров и необходимость поддержания непрерывности производства приводят к тому, что «покупатель превращает деньги обратно в товар прежде, чем он превратил товар в деньги...» (23: 148). При этом «продавец становится кредитором, покупатель должником...» (ib.: 146). Кредитное отношение рассматривается как модификация и опосредствование денежного отношения: «...отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения...» (ib.: 147). Деньги специфицируются из покупательного средства в средство платежа. К. Маркс также указывал на конституирование альтернативного кредиту отношения – купли и продажи вперед, т. е. авансирования (ib.: 148).

Капиталистическое отношение, субъектами которого являются капиталист и наемный рабочий, К. Маркс определяет и как товарное и как денежное отношение: «Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один – покупатель, а другой – продавец» (ib.: 178). Это купля и продажа необычного товара, обладающего способностью создавать стоимость и прибавочную стоимость. Поскольку передача потребительной стоимости рабочей силы покупателю происходит в процессе ее потребления, то капиталистическое отношение является кредитом: «...везде рабочий кредитует капиталиста…» (ib.: 185).

Противоположность экономического положения капиталиста и наемного рабочего порождает противоположность целей их экономической деятельности. Цель наемного труда – только заработная плата. Целью капиталиста является возрастание стоимости: «Движение капитала не знает границ. Как сознательный носитель этого движения владелец денег становится капиталистом. Возрастание стоимости есть его субъективная цель...» (ib.: 165).

Капиталистическое отношение, по мнению К. Маркса, следует рассматривать как «последнюю ступень развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства» (46-II: 215).

Во II и III томах «Капитала» выделяются особенные капиталистические отношения, возникающих путем дифференциации основных экономических функций капиталиста – купли и продажи товаров, надзора за рабочими, управления производством, учета движения стоимостей. Конституирование отдельных капиталистических отношений происходит либо передачей функций особым отрядам рабочего класса, либо путем функциональной специализации капитала.

Выполняя функции капиталиста, бухгалтеры, маклеры, продавцы, клерки, менеджеры, нормировщики и др. противостоят в отношении эксплуатации остальным отрядам рабочего класса. Капиталистическое отношение рефлексируется в себя, переносится во внутрь класса наемных рабочих, существует в нем самом.

Функциональная специализация капитала возникает на основе обособления производительного, товарного и денежного капитала. Обособление капиталов в какой-либо из этих форм ведет к разделению капиталистического труда: «Поскольку такая функция капитала, находящегося в сфере обращения, вообще обособляется как особая функция особенного капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, поскольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим капиталом» (25-I: 293). Так появляются экономические фигуры промышленного, торгового, банковского, ссудного капиталистов и земельного собственника.

Указанные классы капиталистов взаимодействуют не просто как продавцы и покупатели, но и как капиталисты «в квадрате». Каждый из них вступает в капиталистическое отношение не только к наемным рабочим, но в специфические капиталистические отношения друг к другу. Торговый капиталист эксплуатирует промышленного капиталиста через разницу в ценах. Банковский капиталист через разницу в ставках ссудного процента присваивает часть прибыли торгового и промышленного капиталистов. В свою очередь «земельная собственность есть средство перехватить часть произведенной промышленным капиталом прибавочной стоимости» (26-III: 494).

Так создается механизм тотальной эксплуатации, перераспределяющий извлеченную промышленным капиталом прибавочную стоимость между различными классами капиталистов. Биржа является учреждением, в котором буржуа эксплуатируют друг друга (39: 13).

Советские обществоведы продолжили разработки в области теоретической реконструкции генезиса отдельных систем общественных отношений (правовых, нравственных, философских и др.). Например, Ю. И. Семенов предложил соответствующие модели для систем экономических отношений жизнеобеспечивающей экономики, престижной экономики, моральной (крестьянской) экономики и др.[157] Аналогичные конструкции разрабатывались для систем военной экономики[158], командной экономики[159].

---

[157] *Семенов Ю. И.* Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М., 2019.

[158] *Косвен М. О.* Преступление и наказание в первобытном обществе. М. – Л., 1925.

[159] *Петрищев В. А.* Плановые нормы развития социалистического производства. М., 1983.

Глава 19. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

19.1. Общественная практика

Важнейшим положением исторического материализма является утверждение о том, что «общественная жизнь является по существу практической» (3: 3). Это утверждение антитетично, то есть построено в качестве альтернативы и противопоставления интерпретации общественной жизни как по существу духовной (теоретической или чувственной).

Например, по Г. В. Ф. Гегелю, дух (и дух народа), действуя по существу дела, создает из себя народ, который «существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах»[160]. Далее пояснялось: «Народы суть то, чем оказываются их действия. Каждый англичанин скажет: мы – те, которые плавают по океану и в руках которых находится всемирная торговля, которым принадлежит Ост-Индия с ее богатствами, у которых есть парламент и суд присяжных и т. д.» (ib.).

Важно и следующее рассуждение Г. В. Ф. Гегеля: «Человек с его потребностями практически относится к внешней природе и, удовлетворяя при ее посредстве свои потребности и истощая ее, он играет при этом роль посредника. А именно предметы, существующие в природе, могучи и оказывают разнообразное сопротивление. Чтобы справиться с предметами, человек вставляет между ними другие предметы, существующие в природе; следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает орудия для достижения этой цели. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие следует ставить выше, чем предмет, существующий в природе» (ib.: 269).

С точки зрения исторического материализма существенно, что изобретения – результат не мгновенного озарения и объективации духа. По оценке Ф. Энгельса, «прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным» (20: 487). Он также писал о пути долгого, часто жестокого опыта, позволяющего человеку постепенно осознавать последствия своей деятельности (ib.: 498).

Человеческое общество является частью природы и движения материи, протекающего в форме человеческой деятельности. Поэтому человеческая деятельность является прежде всего объективным материальным процессом, в котором в качестве внутреннего момента присутствует сознание. Данный базовый уровень человеческой деятельности понимается как практическая деятельность (или практика).

Практика характеризуется как деятельность предметная (т. е. связанная с предметами) и как деятельность чувственная (т. е. связанная с органами чувств человека). Цель практической деятельности состоит в изменении предметов и самого человека как предмета.

Как поясняет Ф. Энгельс, животное производит изменения во внешней природе «просто в силу своего присутствия» (ib.: 495), тогда как человек «вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям…» (ib.). Человек переносит полезные растения и животных из одной страны в другую, «при помощи разных искусственных приемов разведения и выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что становятся неузнаваемыми» (ib.: 494).

Это относится и к развитию психики животных: «Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды» (ib.: 487).

---

[160] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 121.

В практической деятельности осуществляется развитие природы и людей. В частности, благодаря овладению прямохождением, рука смогла «усваивать себе все новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению» (ib.: 489).

Практика включает в себя сознание, но последнее служит здесь лишь функциональным средством материального изменения действительности. Практическое сознание формируется в практической деятельности методом проб и ошибок. Именно в практике человек доказывает «истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» (3: 1). Практическое мышление в конце концов хотя и медленно, но эффективно приспосабливается к окружающим условиям. На ранних этапах развития общества темп изменений незначителен и кристаллизующийся в самой практике опыт вполне успевает обеспечить ее соответствующими средствами.

Поскольку материально-вещественный субстрат, включая человеческую телесность, выступает основой всех сфер человеческой жизни, то практика преобладает над мышлением и в политической практике, и в медицинской практике, и в судебной практике.

Примат чувственно-предметной деятельности в правовой жизни Г. В. Ф. Гегель описывал следующим образом: «Дети утверждают право на основании того, что что-то первыми увидели, первыми захотели; взрослые бывают раздосадованы тем, что их опередили, хотя они уже ничего не могут поделать. Кроме непосредственного захвата сущая вещь объявляется моим владением посредством знака, например, в результате обработки. На то, что обозначено как мое, другой не должен посягать. Но обозначение тоже случайно: огороженная земля, вокруг которой проведена лишь граница, лишь бороздка, обозначена и одновременно не обозначена как моя. У знака безграничная широта: вбитый на острове кол означает, что я настаиваю на своем вступлении во владение островом…»[161].

В духовной деятельности изменение предметов подчинено познанию действительности. Внутридуховная практика представлена в виде эксперимента (научного, утопического, художественного и др.), в виде обрядов и ритуалов в магии, мифологии и религии.

19.2. Производство, потребление, распределение, обмен

Конечным результатом общественного процесса производства выступает общество. Например, в первобытности и античности община – конечная цель производства (25-II: 399). Как общество производит человека, «так и он производит общество» (42: 117). Целью общества является воспроизводство материальных условий и индивидов – «как порознь, так и в их общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий» (46-II: 334).

В процессе воспроизводства своей жизни индивидуумы производят и воспроизводят как материальные условия существования человеческой жизни, так и определенные общественные отношения, в которые они вступают (25-II: 385). Сообразно своим производительным силам, при которых люди производят сукно, холст и лен, они производят общественные отношения (27: 408). Особыми видами производства являются «религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д.» (42: 117).

Общественные отношения получают отвлеченные, идеальные выражения: «…Люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и идеи и категории…» (27: 408). Поэтому производство общественной жизни включает материальное и духовное производство. Люди производят свои представления и идеи. Духовное производство первоначально «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» (3: 24). Продукты

[161] *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М., 1970. С. 317.

духовного производства также являются продуктами историческими и преходящими (27: 408). Особенностью духовного производства является то, что зачастую «производимый продукт неотделим от акта производства, как это имеет место у всех деятелей исполнительского искусства: чтецов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д.» (48: 60).

Общественное воспроизводство распадается на фазы производства, распределения, обмена и потребления. В первом приближении в производстве создаются предметы, соответствующие потребностям; в распределении устанавливается доля индивидуумов в произведенном; обмен доставляет предметы потребления; и «в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее…» (12: 715).

Вместе с тем между различными моментами воспроизводства общественной жизни имеется взаимопроникновение.

Так, производство есть двоякое потребление – субъективное и объективное. В производстве потребляются средства производства, а индивидуумы расходуют свои способности, «точно так же, как естественный акт создания потомства представляет собой расходование жизненных сил» (ib.: 716). В потреблении же человек производит свое собственное тело. Потребление завершает производство, так как только в потреблении продукт становится действительно продуктом: «Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом» (ib.: 717). Понятно также, что «потребление полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель» (ib.: 718).

В свою очередь производство придает потребности конкретную определенность, создавая потребителя, его способности. «Предмет искусства – нечто подобное происходит со всяким другим продуктом, писал К. Маркс, – создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой» (ib.). Способность к потреблению, являющаяся условием потребления, «представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы» (46-II: 221).

Распределение есть не только распределение продуктов, но распределение индивидуумов, в частности, по различным отраслям производства, а также распределение между ними средств производства. Способ распределения не произволен и зависит от количества продуктов, подлежащих распределению (37: 370), и возникает из исторически определенных форм процесса производства и тех «отношений, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни…» (25-II: 456).

Обмен заключен в производстве в виде обмена деятельностей вследствие разделения труда. Интенсивность обмена, его масштаб и формы определяются организацией производства (12: 725).

Поскольку распределить, обменять и потребить можно только то, что произведено, то в процессе воспроизводства общественной жизни в целом производство господствует над собой и над другими моментами: «Определенное производство обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» (ib.: 726).

Способ распределения является наиболее консервативным моментом общественного воспроизводства, тормозящим становление каждого нового способа производства или новой формы обмена: «Новый способ распределения завоевывается после долгой борьбы» (20: 152). Вместе с тем способ распределения может перерастать породивший его способ производства и обмена и вступает с ним в столкновение.

19.3. Процесс труда

В общем виде под трудом «подразумевается всякого рода нужная или целесообразная в какой-нибудь период деятельность, управление, судопроизводство, военные упражнения» (ib.: 651). Но реальный труд есть «целесообразная деятельность, направленная на создание какой-либо потребительной стоимости, на присвоение какого-либо природного вещества способом, соответствующим определенным потребностям» (47: 54). Его продуктом является «вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы» (23: 188).

Как и всякий процесс, процесс труда начинается с определенных предпосылок и завершается некоторым результатом. Основными моментами процесса труда являются субъект труда и его живой труд, предмет труда и средства труда, которые применяются в рамках определенного способа труда. Таковы всеобщие моменты «человеческого труда вообще, как только он перестает носить чисто животный характер» (45: 77).

Субъект труда – это люди как носители рабочей силы, или способности к труду. Рабочая сила есть совокупность физических и духовных сил человека, которые он приводит в движение, изменяя внешнюю природу.

Труд превращает предметы природы в предметы человеческих потребностей. Первоначально предмет труда есть предмет природы, которые выделен мысленно и который остается лишь вырвать из стихии природы («дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли» (23: 189)) и включить в социальное движение материи. Сырой материал – вторичный предмет труда, уже измененный трудом («добытая руда, находящаяся в процессе промывки» (ib.: 190)). Сырой материал составляет субстанцию (субстрат) продукта или участвует в его образовании как вспомогательный материал (ib.: 192).

Средство труда – это вещь, которая служит человеку проводником его воздействий на предмет труда. При непосредственном овладении предметом (собирании готовых жизненных средств, например плодов) «средствами труда служат только органы тела рабочего» (ib.: 190). На первых ступенях человеческой истории наряду с огнем, обработанным камнем, деревом, костями важную роль как средство труда играют прирученные животные (ib.: 191). Совокупность механических средств труда составляют «костную и мускульную систему производства», а используемые для хранения и передачи трубы, бочки, корзины, сосуды – «сосудистую систему производства» (ib.). В более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия его протекания (земля, рабочие здания, каналы, дороги и т. д.) (ib.).

Средство труда и предмет труда выступают как средства производства (ib.: 192). Живой труд человека охватывает эти вещи, ассимилирует их (ib.: 194). В живом труде «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (ib.: 189).

В конце процесса труда получается его результат – множество предвиденных и непредвиденных, непосредственных изменений и отдаленных последствий, которое повлек за собой живой труд. Продукт труда – часть совокупного результата труда, которая представлялась идеально, как его цель. Побочный продукт труда – часть вызванных трудом изменений, которые не были его целью. Эти изменения могут иметь характер непредвиденных последствий: «Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливать на равнину тем более бешеные потоки» (20: 496).

Труд – это форма социального движения, включающего, как и всякое движение, моменты изменения и покоя. Живой труд есть момент изменения в трудовой деятельности. В продукте

живой труд овеществлен, опредмечен, «выступает в форме покоящегося свойства» (23: 192). «Единственную противоположность овеществленному труду образует неовеществленный, живой труд. Первый является трудом, существующим в пространстве, второй – во времени, первый является прошлым трудом, второй – настоящим, первый воплощен в потребительной стоимости, второй совершает процесс в качестве человеческой деятельности и только еще находится в процессе своего овеществления, первый представляет собой стоимость, второй стоимость создает», – разъяснял К. Маркс (47: 32).

Система трудовой деятельности – единство производительных сил, состоящее из живой и опредмеченной компонент. Ведущей стороной этого противоречия является живой труд. Опредмеченный, накопленный труд, представленный в рабочей силе и средствах производства, объективирует в себе новый уровень развития живого труда и составляет объективные условия для его дальнейшего протекания. Живой труд совершенствует, развивает средства производства и рабочую силу, а более совершенные производительные силы выступают как предпосылка развития живого труда.

В конечном счете преобразование природы является средством саморазвития человека. К. Маркс писал: «Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» (23: 188–189). Конечным продуктом труда становится выявление творческих дарований человека, развитие всех человеческих сил (46-I: 476).

Коренные перевороты в трудовой деятельности как системе производительных сил выступают в виде технологических революций (47: 461). Вся история производительных сил может быть охарактеризована, по мнению Ф. Энгельса, как история промежутка времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту (добывание огня трением) до открытия превращения теплоты в механическое движение (изобретение паровой машины). При этом «добывание огня трением превосходит паровую машину по своему всемирно-историческому освободительному действию» (20: 116-117).

Ассимилируя вещество природы, труд обеспечивает воспроизводство и развитие природного субстрата общественной жизни. Труд есть основной вид деятельности человека. Все производные виды деятельности существуют в рамках того спектра возможностей, той материально-технической базы, которые созданы трудом. Так, военная деятельность требует «весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности – известных орудий, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным; далее, что эти орудия должны быть произведены и что уже вследствие этого производитель более совершенных орудий насилия, vulgo [попросту говоря] оружия, побеждает производителя менее совершенных орудий; одним словом, что победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще...» (ib.: 170).

Значение труда и в том, что он является одним из генетически первичных видов деятельности, поэтому структура труда выступает основой для структурирования производных видов деятельности. Трудовая деятельность есть исходный процесс, в качестве модификаций и опосредствований которого формируются и функционируют другие виды деятельности. Поэтому ее можно рассматривать и как некоторый «эталон», пригодный для характеристики других видов деятельности.

19.4. Разделение труда

Совокупная рабочая сила осуществляет трудовую деятельность как совместно (в рамках кооперации труда), так и специализированно (в рамках разделения труда). Отношения между субъектами труда, связанных кооперацией и разделением труда, образуют систему трудовых отношений (42: 90). В советских учебных изданиях по историческому материализму 1920–1930-х гг. выделение трудовых (или технических) отношений представлялось очевидным, но дискуссионным из-за возможного отождествления их с производственными или экономическими (классовыми) отношениями.

В трудовых отношениях взаимодействуют субъекты труда, располагающие функционально специализированными средствами производства. Так, в мануфактуре рабочие инструменты дифференцируются и специализируются, принимают формы, особенные для каждого применения. Например, в Бирмингеме изготовлялось до 500 разновидностей молотков, причем «зачастую несколько разных молотков служат для отдельных операций одного и того же процесса» (23: 353). Благодаря специализации каждый такой инструмент «действует в полную свою меру лишь в руках специфического частичного работника» (ib.).

В первобытной истории половозрастное разделение труда дополняется хозяйственно-культурной специализацией, обусловленной дифференциацией природных условий, разнообразием естественных продуктов. Общины различаются по способу производства, образу жизни и производимым продуктам, так находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы (ib.: 364).

Особое искусство могло вести к обособлению отдельных мастеров, работавших за счет и на пользу всего коллектива (21: 160).

С выделением пастушеских племен из остальной массы варваров состоялось первое крупное общественное разделение труда (ib.). Второе крупное разделение труда усматривается в отделении ремесла от земледелия (21: 163). Отделение промышленного и торгового труда от труда земледельческого ведет к отделению города от деревни и к противоположности их интересов (3: 20). Но даже в эпоху феодализма разделение труда было незначительно: «В каждой стране существовала противоположность между городом и деревней; сословная структура имела, правда, резко выраженный характер, но, помимо разделения на князей, дворянство, духовенство и крестьян в деревне и на мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и плебеев-поденщиков в городах, не было сколько-нибудь значительного, разделения труда» (ib.: 23).

Общественное разделение труда достигло высокой степени в Древнем Египте, где «воровство являлось видом особого ремесла с официально признанным лицом во главе» (15: 434). Кроме того, согласно закону, древнеегипетские врачи специализировались на отдельных частях тела (ib.).

Действительным разделение труда становится с появлением разделения материального и духовного труда в среде господствующего класса (3: 46). Внутри этого класса одна его часть выступает в качестве мыслителей этого класса, в то время как другая, более активная часть класса относится к этим мыслям пассивно и с готовностью воспринимает их (ib.). Мысли господствующего класса, располагающего средствами духовного производства, являются господствующими мыслями эпохи.

Разделение труда происходит и среди интеллектуалов. Уже в естествознании XIX века сложилось разделение труда, при котором «каждый исследователь более или менее ограничивался своей специальной отраслью знания и лишь немногие сохраняли способность к обозрению целого» (20: 352).

Государство также появляется вследствие разделения труда (37: 417). Для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам учреждаются особые органы.

Например, в Персии и Индии государство выполняло функцию совокупного предпринимателя в деле орошения речных долин (28: 184).

Разделение властей есть «прозаическое деловое разделение труда, примененное к государственному механизму в целях упрощения и контроля» (5: 203). Во Франции времен абсолютной монархии централизованная государственная власть с ее органами – постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, – уже была построена по принципу систематического и иерархического разделения труда (17: 612). В период революционной диктатуры разделение властей временно отменяется и «законодательный орган временно захватывает исполнительную власть или исполнительный орган захватывает власть законодательную» (5: 204-205).

Каждая новая отрасль разделения труда опосредствует материальное производство и влияет на его развитие. Так, с появлением в системе общественного разделения труда профессиональных юристов, «открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и торговли все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области» (37: 417–418).

В общественной жизни часты жалобы на чрезмерное разрастание тех или иных отраслей труда. К. Маркс отмечал, что «отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере» (23: 85). Но для понимания этого необходимо вполне развитое товарное производство.

Глава 20. ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ

20.1. Понятие общественного класса

Неизбежным следствием развития производительных сил является разделение населения на общественные классы. Одни классы заняты непосредственным трудом, а другие ведают управлением трудом, государственными дела, правосудием, наукой, искусством и т. д. Таким образом, в основе классового деления лежит разделение труда (20: 187).

К классам населения применимо следующее определение: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (ПСС-39: 15). Понятно, что данное присвоение может быть как эквивалентным, так и неэквивалентным.

В качестве отдельных классов могут рассматриваться как крупные классы, так и их составляющие (градации), которые также именуются фракциями и слоями. Общество Древнего Рима представлено классами патрициев, всадников, плебеев, рабов, а также люмпен-пролетариев. Европейское средневековье представлено классами феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных (4: 425), а также классами священников, купцов, офицеров и гражданских чиновников, внецеховых поденщиков.

Вследствие участия в общественном разделении труда общественные классы в период своего восходящего развития выполняют необходимые социальные функции и благодаря этому становятся господствующими (21: 502). По словам Ф. Энгельса, в связи с этим «Маркс признает историческую неизбежность, следовательно, и обусловленность существования античных рабовладельцев, средневековых феодалов и т. д. в ограниченные определенными рамками исторические периоды, в течение которых они являлись рычагами развития человечества» (ib.: 507).

Неизбежным и необходимым элементом общества была земельная аристократия (19: 296).

Отдельным классом является бюрократия. «Нынешний государственный строй Германии есть не что иное, – писал Ф. Энгельс в 1847 году как компромисс между дворянством и мелкими буржуа, в результате которого управление передается третьему классу – бюрократии» (4: 47). Бюрократия управляет мелкими буржуа и крестьянами: «Эти классы распылены в небольших городах или деревнях, интересы их не выходят за самые узкие местные рамки и поэтому им неизбежно свойственен ограниченный кругозор, соответствующий их ограниченным условиям жизни. Они не могут управлять большим государством, у них не может быть ни достаточного кругозора, ни достаточных знаний для того, чтобы согласовать друг с другом различные, взаимно сталкивающиеся интересы. … Таким образом, мелкие буржуа и крестьяне не могут обойтись без могущественной и многочисленной бюрократии. Они вынуждены допускать опеку над собой, чтобы избежать крайнего хаоса и разорения от сотен и тысяч процессов» (ib.: 56–57).

Экономическая функция класса капиталистов усматривалась в создании системы паровых фабрик и паровых путей сообщения (19: 297). Капиталистический класс создал в XIX веке гигантские фабрики, огромный торговый флот и все растущую железнодорожную сеть. «Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, – писал Ф. Энгельс, – он был при тех условиях необходимым классом» (ib.).

Оценивая деятельность коммерсанта, Ф. Энгельс писал: «Я ничего так страстно не жажду, как избавиться от этой собачьей коммерции, которая совершенно деморализует меня, отнимает все время. Пока я занимаюсь ею, я ни на что не способен; особенно плохо дело пошло с тех пор, как я сделался хозяином, из-за большей ответственности. Если бы не необходимость увеличения доходов, я, право, предпочел бы снова стать конторщиком» (31: 248).

Исторически-социальная функция капитала состоит также в том, что он вынуждает значительную часть общества к труду сверх ее непосредственной нуждаемости: «Тем самым создается всеобщее трудолюбие общества вообще, выходящее за пределы того времени, которое требуется для удовлетворения непосредственных физических потребностей самих работников» (47: 251).

К. Маркс также пояснял, что «историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, – когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; – следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека» (46-1: 280).

Отмирая, общественный класс передает свою социальную функцию другим классам. На акционерных предприятиях «социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять» (19: 298).

Социальная функция рабочего класса заключается состоит в развитии современной промышленности, в превращении разрушительных сил природы в неисчерпаемые производительные силы человека и создании материальных предпосылок всеобщего изобилия (10: 123). Создав производительные силы современной промышленности, он выполнил первое условие освобождения труда.

Общественные классы могут выполнять свои социальные функции коллективно, организованно (ассоциировано), что позволяло говорить о различных исторических формах социализма (4: 448–457). Это наиболее очевидно применительно к господствующим классам. В античности «граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности» (3: 21). На общности, выраженной в иерархической структуре землевладения, основывается феодализм: «Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства» (ib.: 23). Аналогичные иерархические организованные ассоциации возникали и у других классов. В городах средневековья цеховая иерархия закрепляла «корпоративную собственность, феодальную организацию ремесла» (ib.), основывающуюся не объединении против дворянства, а также на потребности в регулировании общего рынка. С развитием капитализма рабочие объединяются в коалиции с целью прекратить конкуренцию собой и общими силами противостоять капиталистам (4: 183), сообща защищать своей заработную плату и обеспечить

себя средствами на случай возможных столкновений (ib.: 432). Эти формы ассоциации в рамках общественного класса могут быть также описаны как совместная частная собственность на средства производства или рабочую силу (чужую или свою собственную).

Каждый класс в своем развитии проходит различные исторические фазы. Эти фазы дифференцируются по разным критериям. Например, буржуазия в первой фазе складывается в класс в условиях господства феодализма, а во второй фазе ниспровергает феодализм и создает буржуазное общество (ib.: 183). Пролетариат в буржуазном обществе первоначально развивается как *класс в себе*, не осознавая объективно обусловленной общности интересов. В борьбе пролетариат сплачивается и конституируется как *класс для себя* (ib.).

В историческом материализме принято считать, что классы не существовали в первобытности, т. е. в первичной общественной формации («…невозможно расслоение племени и рода на различные классы» (21: 159)). Наряду с этим в настоящее время показано, что организация первобытных обществ характеризуется наличием половозрастных классов, различающихся отношением к средствам производства и т. п., что закреплено обычным правом.

Упразднение классов представлялось уже возможным, так как достигнута ступень развития, когда «присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, – а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, – не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития» (20: 293).

20.2. Типы общественных классов

Общественные классы подразделяются на основные классы, переходные классы и промежуточные классы.

Основные классы – общественные классы, взаимодействие которых конституирует определенный способ производства. Классовые отношения между ними являются антагонистическими отношениями эксплуатации, господства и подчинения. Во всех общественных укладах господствующим классом является класс, владеющий условиями труда, а подчиненным классом является тот класс, который в качестве рабочей силы сам находится во владении собственников или распоряжается только своей рабочей силой (47: 144).

Господствующие классы – исторически активные классы (21: 72). Становление класса в качестве господствующего класса в известной мере вынужденно. Мелкий буржуа обеспечивал себе некоторое влияние на власть благодаря своей пассивности, неподатливости и инертности. Для буржуа этого недостаточно: «Он должен сделать свой класс господствующим, а свой интерес решающим – в законодательстве, управлении, юстиции, налоговом обложении и внешней политике. Чтобы не погибнуть, буржуазия должна беспрепятственно развиваться, ежедневно увеличивать свои капиталы, ежедневно уменьшать издержки производства своих товаров, ежедневно расширять свои торговые связи, свои рынки, ежедневно улучшать свои пути сообщения. К этому ее побуждает конкуренция на мировом рынке. А чтобы иметь возможность свободно и полно развиваться, она как раз и нуждается в политическом господстве, в подчинении всех других интересов своим интересам» (4: 60).

В то же время класс никогда не господствует в целом. Так, крупная буржуазия «раскалывается на правящую и оппозиционную партии, которые обычно представлены на одной стороне банками, а на другой – фабрикантами» (7: 115). Последние соединяются для совместной борьбы со средней и мелкой буржуазией.

Промежуточные классы – классы, занимающие промежуточное положение между основными классами и не принадлежащие ни к одному из них. Промежуточные классы постоянно формируются из членов основных классов и могут существовать в обществах разной формационной принадлежности.

Так, мелкая буржуазия – промежуточный класс, стоящего между буржуазией и пролетариатом. Он состоит «частью из остатков прежнего, полусредневекового бюргерства, частью из рабочих, несколько поднявшихся над общим уровнем» (16: 67). Ее главное занятие – розничная торговля.

Класс мелких ремесленников и торговцев в Германии занимал промежуточное положение между классом более крупных капиталистов (торговцев и промышленников) и классом пролетариата (классом промышленных рабочих). Стремясь к положению класса капиталистов, при малейшем неблагоприятном повороте судьбы его представители оказывались в рядах пролетариата (8: 10). Неустойчивость положения, обусловленная в том числе зависимостью от заказов дворянства и чиновничества, ведет к эмоциональным колебаниям – от страха к надежде, к чрезвычайной шаткости взглядов, попеременному переходу от состояния смирения и лакейства к приступам неистового демократизма (ib.: 10-11).

К промежуточному классу при капитализме относится также многочисленный класс промышленных и торговых управляющих, выполняющих антагонистический труд по отношению к пролетариату (25-I: 428).

В рамках вертикальной социальной мобильности возможен переход из подчиненного класса в господствующий класс. В средние века «католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние» (25-II: 150), что было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян.

По общему правилу, как полагал К. Маркс, «чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство» (ib.). Так, в буржуазном обществе человеку без средств, но обладающему энергией, солидностью, способностями и знанием дела (оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно) предоставляют кредит как потенциальному капиталисту, что сильно способствует «появлению новых счастливчиков, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества» (ib.).

Основные классы одной формации могут возникать из одного из промежуточных классов предшествующей формации. В частности, буржуазия и пролетариат вылупляются из феодального бюргерства (20: 108).

Влияние промежуточных классов в определенные исторические периоды в отдельных странах может быть весьма значительным. Так, организованный в рамках «Общества 10 декабря» люмпен-пролетариат («отбросы из деморализованных элементов всех классов» (16: 419) – бродяги, жулики, уличные мальчишки, карманные воры, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие) стал основной опорой «царственного люмпен-пролетария» (7: 168) Шарля-Луи Наполеона Бонапарта: «Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, – таков подлинный Бонапарт, Бонапарт sans phrase» (8: 176).

Впрочем, бонапартизм также характеризовался как форма военного господства еще одного промежуточного класса – мелких крестьян, из которых преимущественно рекрутировалась армия (16: 72).

Многие промежуточные классы (чиновничество, люмпен-пролетариат и др.) настолько устойчивы, что сохраняются в ряде общественных формаций, переходя из одной формации в другую.

Переходные классы – общественные классы, характерные для предыдущей общественной формации и сохранившиеся в более высокой общественной формации (например, крестьяне, мелкая буржуазия и земельные собственники в системе буржуазной общественной формации).

В условиях более высокой общественной формации переходные классы трансформируются. «…Старые феодалы опустились до положения фабрикантов скота, шерсти, зерна, свекловицы, водки и т. д., до положения людей, которые, подобно всем другим торговцам, торгуют этими продуктами промышленности! Как бы ни цеплялись они за свои старые предрассудки, фактически они превращаются в буржуа, производящих как можно больше с возможно меньшими затратами, покупающих там, где можно дешевле купить, и продающих там, где можно дороже продать» (6: 258).

По другим признакам в историческом материализме классы подразделяются на высшие, средние и низшие классы, богатые и бедные классы, образованные (например, «класс ученых», включающий учителей (7: 87)) и необразованные классы, естественные и искусственные. Так, в отношении социальной базы правления Наполеона III говорилось: «Наряду с этим происходит прямой подкуп некоторой части как буржуазии, так и рабочих; первых – путем колоссальных кредитных мошенничеств, при помощи которых деньги мелких капиталистов перекочевывают в карманы крупных; вторых – путем колоссальных государственных строительных работ, которые рядом с естественным, самостоятельным пролетариатом концентрируют в больших городах пролетариат искусственный, связанный с империей, зависимый от правительства» (16: 72).

20.3. Классовая борьба

В историческом материализме акцентируется такой вид взаимодействий классов как классовая борьба. Отмечается, что история всех существовавших обществ была историей борьбы классов, которые «находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (4: 424).

Великий закон движения истории усматривался в том, что «всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов» (21: 259). Этот закон по значению сравнивался с законом превращения энергии в естествознании.

Борьба классов осуществляется в различных, скрытых и явных формах. Раб подвергает дурному обращению и порче орудия труда, что вынуждало предоставлять им наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда (23: 208). В царской России в предреформенный период «между крестьянами и помещиками шла партизанская война» (19: 429). В Англии стачки вели к изобретению и применению новых машин – оружия капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих (4: 179).

Классовая борьба ведется на различных уровнях организации – от индивидуального до национального и международного уровней. В качестве действительного результата борьбы рабочих оценивается «не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение» (ib.: 432).

Классовая борьба ведется не только между основными, но и между промежуточными общественными классами. Так, в 1848 г. в Париже «организованный люмпен-пролетариат выступил против неорганизованного занятого трудом пролетариата» (5: 137). А «французские рабочие во время каждой революции писали на домах: “Mort aux voleurs!” – “Смерть ворам!” – и многих из них расстреливали…» (16: 419). Мелкий буржуа противопоставлял «дворянству и бюрократии свою пассивность и неподатливость» (4: 60).

Устойчивость классовой борьбы обусловлена тем, что в соответствии с законом взаимного проникновения полярных противоположностей и превращения их друг в друга классы порождают друг друга. Например, с течением времени латифундии порождают мелкое производство, а последнее «неизбежно снова порождает латифундии» (39: 86). В Соединенных Штатах Америки классы «в беспрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу» (8: 127).

В соответствии с законом взаимного проникновения полярных противоположностей классовая борьба ведет к взаимному отрицанию классов, что находит проявление во взаимополагании и взаимном отождествлении противоположностей.

Мелкая буржуазия, будучи типичным классом средневековой Германии, придала мелкобуржуазность немецкому дворянству, промышленникам, банкирам и судовладельцам. «Даже рабочие классы в Германии насквозь мелкобуржуазны», – замечал Ф. Энгельс (4: 54). Буржуазной ступенью мышления (применительно к американским рабочим) он считал требования высокой заработной платы и короткого рабочего дня (36: 415). Обуржуазилось прусское дворянство: «Вместо верности, любви и веры оно стало торговать преимущественно свекловицей, водкой и шерстью. Главным местом турнира для него стал рынок шерсти» (6: 111).

Слой обуржуазившихся рабочих, пользующихся «крохами от прибылей» получил название рабочей аристократии (21: 464; ПСС-39: 248) (и бюрократии (ПСС-39: 228)). С середины XIX века наряду с английской аристократией все более и более обуржуазивался английский пролетариат, становясь «буржуазным пролетариатом» (29: 293). Ф. Энгельс иронизировал, что «эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией» (ib.).

Примером обуржуазивания может служить спекуляция хлопком в 1861 году в Ливерпуле: «Зубные врачи, хирурги, адвокаты, кухарки, вдовы, рабочие, конторские служащие и лорды, актеры и духовенство, солдаты и портные, газетные сотрудники и содержатели меблированных комнат, мужчины и женщины – все спекулировали на хлопке» (15: 367).

В более широком плане утверждалось, что «с самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного» (4: 96). Благодаря режиму антагонизма развивались производительные силы: «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней» (ib.).

По-видимому, не случаен тот факт, что до 90% стачек вызваны фабрикантами как средство сокращения производства: «Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, и капиталисты все до одного закроют свои фабрики» (22: 335–336).

20.4. Классовые компромиссы и союзы

Выделяются различные типы взаимодействий между классами – различные виды положительных и отрицательных взаимодействий, нейтральное взаимодействие. Ф. Энгельс напоминал, что даже в природе нельзя видеть только борьбу: «Взаимодействие мертвых тел природы включает гармонию и коллизию; взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу» (20: 622)[162]. Возможны и нейтральные взаимодействия: отсюда установка К. Каутского на нейтрализацию крестьянства в пролетарской революции[163].

---

[162] Полемически замечалось: «Диалектический подход показал бы, что борьба классов есть, тем самым, и их сотрудничество» (См.: *Марголин Ю. Б.* Диамат. Критика советской идеологии. Тель-Авив, 1971. С. 23).

[163] *Каутский К.* Аграрный вопрос. М., 2012. С. 315.

В результате классовой борьбы (если она не дошла до общей гибели борющихся классов) устанавливается классовый компромисс. Британский философ Д. Локк был «сыном классового компромисса 1688 года» (37: 419). В прусской бюрократической монархии установился компромисс между дворянством и мелкой буржуазией, в результате которого управление передано классу бюрократии: «В формировании этого класса обе высокие договаривающиеся стороны принимают участие соответственно положению, занимаемому ими по отношению друг к другу: дворянство, представляющее более важную отрасль производства, оставляет за собой более высокие посты, мелкая буржуазия довольствуется низшими и лишь в исключительных случаях поставляет кандидатов на высшие административные должности» (4: 47). Распыленность и раздробленность различных отрядов рабочего класса Германии середины XIX века ведет тому, что «каждая отдельная часть рабочих становится вспомогательным войском для нанимающего ее класса» (ib.: 52). Если разные классы работодателей конфликтуют, такая же борьба происходит между нанимаемыми ими группами рабочих. Соответственно, не только пролетариат в лице профсоюзов, но и «сторонник пролетарской революции может заключать компромиссы или соглашения с капиталистами» (ПСС-40: 289).

Основой компромиссов является участие классов в разделении труда и выполнении необходимых социальных функций. Так, в средневековье практиковалось добровольное вступление в подневольное состояние. «Когда в Пруссии, после военных поражений 1806 и 1807 гг., была отменена крепостная зависимость, а вместе с ней и обязанность всемилостивейших господ заботиться о своих подданных в случае нужды, болезни и старости, то крестьяне подавали петиции королю с просьбой оставить их в подневольном состоянии, иначе кто же будет заботиться о них в случае нужды?» – констатировал Ф. Энгельс (20: 100-101)

В средневековье феодалам противостоял союз королевской власти и бюргерства. Этот союз нередко «нарушался в результате конфликтов, – ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, – и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника» (21: 411–412).

Ф. Энгельс полагал, что законом исторического развития европейских стран является то, что буржуазии «не удается – по крайней мере на продолжительное время – овладеть политической властью так же безраздельно, как ею владела феодальная аристократия в течение средних веков» (ib.: 315-316). Более того, он признавал, что ему «становится все более ясным, что буржуазия не способна властвовать сама непосредственно…» (31: 174). Но, возможно, этот закон действителен для всех стран и периодов истории.

В буржуазном обществе часть власти сохраняют феодальные касты. Представители английского среднего класса, будучи совершенно необразованными выскочками, «волей-неволей должны были предоставлять аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные деловой изворотливостью» (22: 312). «Да и что бы стал делать британский буржуа, – писал Ф. Энгельс – без своей аристократии, которая и манерам его обучала – манерам, достойным учителя, – и моды для него изобретала, и доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые внешние рынки?» (ib.). Французские революционеры «вынуждены были даже в обычном управлении предоставлять второстепенные, но связанные с непосредственной практической деятельностью посты, прежним реакционерам...» (38: 163).

В Англии буржуазию и пролетариат в XIX веке связывало совместное стремление к промышленной монополии на мировом рынке. Это определяло политическую пассивность английских рабочих: «Плетясь в хвосте за буржуазией в деле экономического использования этой монополии, но все же всегда участвуя в ее прибылях, они, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте “великой либеральной партии”, которая, со своей стороны, бросает им кое-какие мелкие подачки – признала за ними право на тред-юнионы и стачки, отказалась от борьбы за неограниченный рабочий день и предоставила право голоса категории

лучше оплачиваемых рабочих» (36: 51-52). С окончательным перемещением промышленности в другие регионы мира высшие классы могут долго оставаться банкирами и ростовщиками мира (как это было ранее с венецианцами и голландцами), но последнее звено, связывающее английский рабочий класс с английской буржуазией может быть разбито (19: 273).

Взаимозависимость и относительная слабость общественных классов вынуждает вступать их в классовые союзы. В буржуазных революциях боевой армией буржуазии являются крестьяне (22: 308). На ступени мануфактурного капитализма буржуазия для достижения своих политических целей приводит в движение весь пролетариат, который борется «не со своими врагами, а с врагами своих врагов – с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа» (4: 432). В Германии буржуазия под своим знаменем объединила большую часть землевладельцев, предпринимателей, мелких буржуа, крестьян, рабочих (ib.: 55). Луи Бонапарт возглавил классовый союз, который включал люмпен-пролетариев, крестьян, чиновников, армию, духовенство.

Классовые союзы могут иметь частичный характер, то есть заключаться с одной из фракций класса. Английскую аристократию поддерживали держатели ценных бумаг, банкиры, лица, имеющие гарантированный доход, значительная часть судовладельцев, и «именно этот раскол буржуазии и спасал аристократию от окончательной гибели» (ib.: 191). Английские рабочие поддержали фритредеров в их борьбе за отмену хлебных законов. А землевладельцы в отместку фабрикантам поддержали рабочих в принятии билля о десятичасовом рабочем дне (ib.: 410).

В Великобритании политическое влияние рабочих реализовывалось через участие в демонстрациях: «Эмансипация католиков, билль о реформе, отмена хлебных законов, билль о 10-часовом рабочем дне, война с Россией, отклонение пальмерстоновского билля о заговорах – все это было результатом бурных внепарламентских демонстраций, в которых рабочий класс, то искусственно подстрекаемый, то действуя по собственному побуждению, выступал либо в качестве persona dramatis [действующего лица], либо в качестве хора и играл, смотря по обстоятельствам, то главную роль, то роль шумной толпы» (14: 465).

Участие в классовых союзах политически развивает пролетариат (4: 433), но влечет за собой участие в решении исторических задач других классов. «…Немецкий мещанин … никогда ни одной революции не сделал, – писал Ф. Энгельс. – Революцию 1848 г. сделали за него к его ужасу – рабочие» (21: 210). Но ужас оказался настолько велик, что буржуазия, которая была антифеодальной, сама восстановила феодализм (8: 45).

В будущей пролетарской революции, как предполагалось, рабочий класс не будет самодостаточен: «Для того чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и притом в большом количестве. Их у нас нет…» (38: 163). Неизбежным представлялось сотрудничество рабочих с акционерами и верхушкой управленческого аппарата[164]. Ситуация, когда рабочее правительство может стать «всего лишь управляющим буржуазного государства, правда, при этом весьма радикально соблюдая интересы рабочих и действуя в их интересах»[165], оценивалась как историческая трагедия. Но допускалось, что «организованный капитализм» в большей мере может обеспечить повышение благосостояния наемных работников (ib.: 251).

---

[164] *Реннер К.* Пути осуществления: Размышления о политической демократии, экономической демократии и о социализме, в особенности о задачах кооперативов и профсоюзов // Австромарксизм. История и современное толкование. М., 1984. С. 258.

[165] *Адлер М.* Политическая или социальная демократия // Австромарксизм. История и современное толкование. М., 1984. С. 249-250.

Глава 21. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ [166]

21.1. Формационный подход

Термин «формация» используется в различных науках – от алгебры, геологии и почвоведения до анатомии, ботаники и лингвистики. В общем виде под формацией понимается структура, возникшая на определенной стадии развития.

В геологии формация – сочетание горных пород, связанных общностью условий образования (например: осадочная формация, магматическая формация и т. п.)[167]. Растительная формация – сообщество растений, связанных общностью ландшафта (луговая формация) либо в котором доминирует один из видов (формация сосны обыкновенной). В естествознании формация – это классификационная единица. Поэтому формаций – сотни и тысячи в зависимости от их состава и локализации (например: куонамская битуминозная карбонатно-сланцевая формация).

Г. В. Ф. Гегель иронизировал над поверхностным пониманием последовательности различных формаций как простого ряда событий в истории геологического организма, различающихся только по времени: «Сперва идут, говорят нам, первичные гранитные породы, самые низшие пласты, возникшие друг за другом во времени, затем идет возрожденный, растворенный гранит, снова осевший. Более высокие напластования, например, флецовые породы, осели позже, в трещины излилась жидкая масса и т. д.»[168]. При таком способе объяснения вертикальная рядоположенность превращается в последовательность: «Весь этот способ объяснения есть не что иное, как; как если бы, видя перед собой дом с тремя этажами и с крышей, я стал бы глубокомысленно рассуждать и пришел бы к заключению: “Итак, сначала был построен первый этаж и уже потом только второй” и т. д. Почему известняк появился позже? Потому что я вижу, что известняк лежит над песчаником. Это поверхностная точка зрения» (ib.). Г. В. Ф. Гегель полагал, что необходимо познать всеобщий закон этой последовательности формаций, не прибегая к форме истории, а исходя из содержания и свойств этих образований

По аналогии с концепцией геологических формаций К. Маркс ввел представление об общественных формациях: «Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи» (19: 413). Из выражения «напластования различных периодов», явно обозначающего следующие друг за другом субформации, можно видеть, что в понятие общественной формации вкладывался (как и в геологии) стратиграфический и генетический смысл.

Таким образом, К. Маркс представлял общественный организм в стратиграфическом разрезе – как совокупность напластований, образовавшихся в различные исторические эпохи. Прошлая эпоха не исчезает бесследно, а снята («“снята”, т. е. “одновременно преодолена и сохранена”, преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию» (20: 142)) в структуре общества, сохраняется как один из его структурных уровней. Структура определяется развитием, она есть снятый генезис.

В соответствии с законом последовательности напластования при нормальном развитии каждый подстилающий пласт древнее покрывающего. Верхний пласт составляет поверхность

---

[166] Реже использовались термины «историческая формация», «общественно-экономическая формация», «экономическая общественная формация», «экономическая формация».

[167] В «Истории Ирландии» Ф. Энгельс дает детальную характеристику геологических формаций острова (16: 522-528).

[168] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. С. 372.

буржуазного общества. Эта формация только формируется и обновляется: «Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли» (9: 230).

В связи с этим важным является различие между поверхностью общественной жизни и ее недрами, нижележащими пластами. В частности, о руководящей роли немецкой буржуазии в революции 1848 года говорилось, что «…то был пласт старого государства, который сам не пробил себе дороги, по силой землетрясения был выброшен на поверхность нового государства…» (6: 116).

Революции 1848 года оценивались как мелкие эпизоды, незначительные трещины в твердой коре европейского общества. «Но они вскрыли под ней бездну, – писал К. Маркс. – Под поверхностью, казавшейся твердой, они обнаружили колышущийся океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на куски целые материки из твердых скал» (12: 3). В 1857 году во Франции, на его взгляд, социальная поверхность уже колышется и вздымается под действием подземного огня (ib.: 245).

Ассоциируя поверхность общества с политическими формами, сокровенные недра социальной жизни, ее глубокую основу К. Маркс видел в производстве (23: 186) или в динамике форм собственности (ib.: 434-435). Это действительно верно применительно к одному из пластов общества. Но под тонкой пленкой буржуазной цивилизации скрыты пласты предыдущих формаций, которые обнаруживаются, например, как варварство. Так, во время подавления французской революции в июне 1848 года буржуа расстреливали рабочих как диких зверей (5: 132). Война велась на уничтожение: «Буржуа убивали всех без исключения, кто попадался им под руку» (5: 133). Внутреннее варварство проявлялось и в эксцессах французских крестьян: «…Ничего иного и нельзя было ожидать от этого варварского племени. Их нисколько не интересует правительство и т. д.; прежде всего они стремятся разрушить дом сборщика податей и нотариуса, изнасиловать его жену, а его самого избить до смерти, если он попадет им в руки» (27: 351). А без всяких покровов, в обнаженном виде варварство, скрытое буржуазной цивилизацией, выступает в колониях (9: 229).

Следовательно, ни одна общественная формация не погибает окончательно и не исчезает совсем. Формации сохраняются в виде определенных пластов общественного организма и обеспечивают его функционирование.

21.2. Типы общественных формаций

Укрупненно К. Маркс выделял две общественные формации – первичную (архаическую) и вторичную (19: 404). Первичная общественная формация основана на общей (общинной) собственности, а вторичная – на частной собственности (19: 404, 419).

При этом первичная общественная формация включает ряд фаз. «…Подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях, – писал К. Маркс о первобытных общинах – есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.…» (ib.: 403). На его взгляд, существует ряд общественных формаций, основу которых составляет общинная собственность (46-II: 394).

Один из типов архаической общественной формации представлен кровнородственной общиной (19: 414), а новейший тип этой же формации представлен в историческом движении Азии, Западной Европы, Ост-Индии и России земледельческой общиной. По сравнению с более древними типами архаической общественной формации земледельческая (сельская) община есть последнее слово (этап, период) этой формации (ib.: 303-318).

Вторичная общественная формация охватывает ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве (ib.: 419). К. Маркс пишет, что азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства – прогрессивные эпохи экономической общественной формации (13: 7). Он также пишет о различных экономических общественных формациях (47: 281) и о

буржуазной общественной формации (13: 8). Последней предшествовал целый ряд более старых формаций общественного производства (16: 307). Различные общественные формации отличались «только формой выжимания прибавочного труда» (ib.: 274).

Следовательно, в рамках вторичной общественной формации предполагалось существование ряда субформаций, основывающихся на различных способах производства. Эти формации имеют различную локализацию (Азия, Античность). Феодальное развитие начинается в Европе: «Если для античности исходным пунктом служил город и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила деревня. Эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно» (3: 22). Как мы видим, античный и феодальный способы производства могут выступать не как последовательно сменяющие друг друга эпохи, а в качестве альтернативных вариантов общественного прогресса, относительная успешность которых обусловлена местными условиями.

Кроме «прогрессивных эпох экономической общественной формации» выделяются и другие способы производства, например, патриархальный строй, кастовый строй и цеховой строй (4: 153) (цеховой способ производства (45: 77)), а также способ производства кочевников. Самостоятельное значение имел традиционный способ производства (46-I: 484), способ производства мелких собственников (23: 771; 48: 30). Свободное мелкое крестьянство и мелкая буржуазия представляли собой нормальное состояние общества Норвегии в течение многих столетий вследствие ее изолированности и особенных природных условий (37: 352). Но эти способы производства отличались застойным характером.

Множественность способов производства в составе вторичной общественной формации позволяла говорить об «общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства» (26-1: 419). Следовательно, допускается сочетание в одной общественной формации нескольких способов производства, подобно сочетанию горных пород в геологической формации или видов растений в растительной формации. Например, капитализм сочетается с рабством (и не только в античности): «Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля – необходимое условие крупной машинной промышленности. До установления торговли неграми колонии давали Старому свету очень мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лицо мира» (27: 408).

Необходимость сочетания капитализма с другими способами производства обусловлена и тем, что капитализм характеризуется суженным воспроизводством работников наемного труда. Поэтому ряды пролетариата пополняются за счет избытка населения, формируемого иными способами производства материальной жизни людей: «…капиталистическое производство не может обойтись без рабочих сил из других социальных формаций»[169]. По заключению Р. Люксембург, буржуазная формация «для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» (ib.: 257). При необходимости, такая среда регенерируется на периферии мирового капиталистического хозяйства.

Таким образом, достаточно однозначно можно говорить о том, что исторический материализм выделяет первичную и вторичную общественные формации, а также предполагает возникновение следующих общественных формаций. В каждой из этих общественных формаций возможно выделение неопределенного количества субформаций, различающихся как исторически, так и географически.

---

[169] *Люксембург Р.* Накопление капитала. М. – Л., 1931. С. 255.

В отношении, например, коммунизма указывалось, что «коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» (42: 127). Но и само коммунистическое действие «будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс» (ib.: 136).

21.3. Базисно-надстроечная структура

Базисно-надстроечная структура – это такая детерминация частных структур в системе, в которой имеется определяющая сторона, сама непосредственно зависящая от определяемой стороны. Собственной системной основой для каждой частной структуры выступает предшествующая структура данной системы. Новая надстроечная структура возникает на основе исходной, генетически первичной базисной структуры.

Обособление отдельных внутренних опосредствований исходной структуры ведет к появлению надстроечной структуры, которое по-прежнему выступает как посредствующее звено базисного процесса, но выполняет эту роль уже иначе, хотя это не осознается сразу. Так, политическая жизнь в моменты своего еще юношеского энтузиазма «объявляет себя простым *средством,* целью которого является жизнь гражданского общества» (1: 402).

Надстройка имеет собственные опосредствования, относительно самостоятельна и модифицирует движение базиса. Иногда надстройка функционально подчиняет себе базис и начинает играть ведущую роль. Так, кора головного мозга, возникая на основе предшествующих структур, в значительной мере подчиняет их себе, делает их средством своего собственного движения, снимает их в себе.

Базисно-надстроечная модель общества восходит к Г. В. Ф. Гегелю, который писал: «Если первым базисом государства является семья, то вторым следует считать сословия»[170]. Фиксируется определенная двойственность базиса государства – семья и сословия. Это констатировал и К. Маркс: «Семья и гражданское общество являются как бы темной природной основой, из которой возгорается светоч государства. В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства…» (1: 223). При этом гражданское общество и семья «предпосылаются государству как особые сферы»[171].

В структуре общества существуют два типа детерминации: во-первых, «вертикальная» детерминация – в частности, между базисом и государством, – и, во-вторых, «горизонтальная» детерминация – в частности, между семьей и сословиями (гражданским обществом). Впрочем, «горизонтальная» детерминация есть снятая «вертикальная» детерминация: «гражданское общество … имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной быт» (3: 35).

Семья – это естественный базис, а гражданское общество – искусственный базис государства (1: 226). По отношению к гражданскому обществу («миру потребностей, труда, частных интересов, частного права» (ib.: 405)) семья также есть естественный базис. Семья, разросшаяся в племя и комбинацию племен, выступает как естественно сложившийся коллектив (природная общность). Такого рода стадность есть первая предпосылка земельной собственности, присвоения людьми объективных условий их жизни (46-1: 462-463). Но по отношению к семье естественным базисом является земля (ib.: 463).

Следовательно, различение в обществе естественного и искусственного базисов проводится по генетическому основанию: «Люди начинают трудиться на определенной основе – сперва на естественно возникшей, затем создается историческая предпосылка труда. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается или к ней относятся как к временной

---

[170] *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 241.
[171] Там же. С. 222.

предпосылке, ставшей слишком узкой для того, чтобы на ней могла развиваться прогрессивная человеческая масса» (ib.: 486-487). Первичная структура является естественной, а вторичная – искусственной структурой. Поэтому «политическая революция» относится «к гражданскому обществу, как к основе своего существования, как к последней, не подлежащей дальнейшему обоснованию, предпосылке, и потому как к своему естественному базису» (1: 405).

Гражданское общество, будучи надстройкой, функционально подчинило себе семью и стало играть ведущую роль: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил» (3: 35).

Возникая из семьи, гражданское общество формирует иной собственный базис – первоначально внешнее основание – развитые производительные силы. Это еще одна линия «вертикальной» детерминации. Производительные силы – это внутренний «материальный» (49: 47) («технический» (23: 383), «технологический» (48: 7)) базис каждой особой общественной организации.

Развитые производительные силы становятся базисом более высокой общественной формы, которая далее создает свой собственный материальный базис. Например, когда крупная промышленность стала производить машины с помощью машин, «она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги» (ib.: 396).

Говоря о смене общественных формаций, К. Маркс указывает на развитие производительных сил и на новые производственные отношения, с изменением которых более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке, включающей юридические и политические учреждения (13: 7). Вся эта надстройка возвышается над способом производства материальной жизни людей. Структура общественной формации включает, следовательно, базис в виде определенного способа производства и надстройку.

Ф. Энгельс подчеркивал, что «производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления…» (19: 350-351). В. И. Ленин акцентировал внимание на то, что марксизм взял за исходный пункт «способ добывания средств к жизни» (ПСС-1: 429). Но способ производства – это базисная структура, которая состоит из технического базиса (производительных сил)[172] и экономического базиса (отношений собственности). Технический базис является основой экономического базиса.

Экономическая жизнь общества также организована в рамках базисно-надстроечных связей. В частности, «собственный капитал торговцев и банкиров есть только базис, на котором возводится огромная надстройка и который не находится ни в каком отношении (чем он больше, тем в меньшей мере) к чужим капиталам, которые они вводят в оборот и с которыми ведут свое дело» (48: 345).

Базисно-надстроечная детерминация присуща и самой надстройке. Признано, что сила – базис права (3: 322). Господствующие индивиды конституируют свою силу в виде государства и выражают государственную волю в форме закона (ib.).

Способ производства материальной жизни людей наряду со способом производства жизненных средств включает способ производства непосредственной жизни людей. Так, Ф. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода» (21: 25-26). Последнее организовано

[172] «Техника, производительные силы, образуют базис общества» (*Гортер Г. Исторический материализм*: Популярное изложение для рабочих. М., 2021. С. 38.).

в форме семьи (племени и др.) и также выступает базисом не только гражданского общества и государства, но и иной надстройки (3: 35).

Общественные порядки обусловливаются «обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семьи» (21: 26). Чем меньше развит труд, тем сильнее зависит общественный строй от родовых связей (ib.).

Соответственно двум составляющим системы материального производства и надстроечные отношения разделяются на две подсистемы. Надстройка над способом производства материальных благ включает в себя политические и правовые отношения, а надстройка над способом производства человека – эстетические и нравственные отношения. Правовые отношения опосредствуют и закрепляют политические отношения. А эстетические отношения обеспечивают влияние нравственных отношений на производство человека.

На основании изложенного, базисно-надстроечная структура общественной формации может быть представлена следующей схемой (см. схема 1).

Схема 1. Базисно-надстроечная модель социума

Базисно-надстроечная детерминация присутствует и в духовной жизни. Обыденное представление о том, что продукт сам по себе считается товаром, «образует базис для фетишизма политико-экономов» (45: 40). Отрыв от эмпирического базиса порождает иллюзии философии, придает ей характер идеологического, спекулятивного выражения действительности (3: 271).

Все виды общественных отношений содержат в качестве внутреннего момента опосредствующие их виды общественного сознания (политические отношения – политическое сознание и т. д.). Надстройка также состоит из религиозных, философских и иных воззрений (20: 26), укорененных в определенных видах общественных отношений (философия – в политике[173] и т. д.). Но часть форм общественного сознания и мировоззрений функционируют в составе способа производства материальной жизни. Например, при капитализме наука становится непосредственной производительной силой (46-II: 215).

[173] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. С. 71.

21.4. Общественный уклад

Смена общественных формаций не упраздняет полностью предшествующий строй, а снимает его, сохраняя в качестве внутреннего основания развития. Для описания этого процесса применимо следующее наблюдение Гегеля: «…Движение вперед не следует принимать за процесс, протекающий от чего-то иного к чему-то иному. …Всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»[174].

Благодаря снятию удается сохранить все лучшее из достигнутого и обеспечить общественный прогресс. Так, буржуазное общество К. Маркс оценивал как наиболее развитую и наиболее многостороннюю историческую организацию, понимание которой дает возможность «проникнуть в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собою еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д.» (12: 731).

Кроме обломков прошлого каждое общество содержит зародыши будущих формаций. К. Маркс напоминает: «Так же как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды. В недрах ремесла развиваются зачатки мануфактуры, а местами, в отдельных сферах и для выполнения отдельных процессов уже имеет место применение машин» (47: 460). Так, «семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество» (45: 249). В недрах феодализма развилось могущество бюргерства (19: 208). «А социализм – писал В. И. Ленин, – теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, практически, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма» (ПСС-34: 193).

Общественный уклад (уклад общественной жизни) – общественные отношения разной формационной природы, сосуществующие в конкретных обществах. Всякая общественная формация, возникшая как объективно необходимый этап поступательного развития, имеет предпосылкой своего возникновения некоторую исходную систему, которая не исчезает сразу. Элементы исходной системы частично превращаются во вновь возникшую систему общественных отношений, частично продолжают существовать наряду с ней и во взаимодействии с ней.

В конкретных обществах как правило существуют, взаимодействуют, образуя некоторое более сложное целое, общественные уклады разной формационной природы. В царской России «представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой…» (36: 263). В Советской России существовало пять взаимно переплетающихся укладов: 1) патриархальное крестьянское хозяйство, в значительной степени натуральное и зачастую находящееся в кочевом или полукочевом состоянии; 2) мелкое товарное производство; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм (ПСС-43: 158). Среди этих укладов преобладала «мелкобуржуазная стихия» (ПСС-36: 296).

Господствующий уклад модифицирует остальные уклады. Преобладание земледелия и земельной собственности в античном и феодальном обществе ведет к тому, что принципы организации земледелия переносятся в городские отношения, и «даже капитал – поскольку он не есть чисто денежный капитал, – в средние века, в виде традиционных орудий ремесла и т. д., имеет тот же землевладельческий характер» (46-1: 44). А в буржуазном обществе

[174] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 3. С. 307.

наоборот: «Земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала» (ib.).

С позиций доминирующего уклада остальные могут оцениваться отрицательно и отрицаться. Положение в Германии первой половины XIX века Ф. Энгельс описывал следующим образом: «Здесь еще сохранилось от прежних феодальных и послефеодальных отношений множество общественных элементов, которые, так сказать, затемняют общественную среду (medium) и лишают социальный строй Германии того простого, ясного, классического характера, которым отличается стадия развития Англии. Здесь, в Германии, в атмосфере, все более модернизирующейся с каждым днем, среди вполне современных капиталистов и рабочих живьем разгуливают изумительнейшие допотопные ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, захолустное юнкерство, телесные наказания, регирунгсраты, ландраты, цеховщина, конфликты из-за сферы компетенции, право административных взысканий и т. д.» (16: 67). Отношения предшествующих формаций могут встречаться «в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде» (12: 732), или, наоборот, получить дополнительное развитие – как плантационное рабство в Новое время. Констатировалось, что рабство – как аномалия – возможно в отдельных пунктах буржуазной системы (48: 99).

Понятно, что «допотопные» ископаемые могут использоваться в качестве «полезных» ископаемых. По убеждению В. И. Ленина, новое социалистическое содержание, «может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, – не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма» (41: 89). Обязанность коммунистов В. И. Ленин видел в том, чтобы «всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой» (ib.).

Формационная природа общественного уклада определяет его сложную структуру, которая включает материальный и духовный уклад, особые уклады техники, экономики и культуры (ПСС-3: 623). Выделяют также правовой уклад, нравственный уклад, семейно-бытовой уклад, уклад школьной жизни и др. Особый уклад общественного хозяйства есть «фундамент особого уклада всей общественной жизни человека» (ПСС-4: 37).

Когда такой уклад общественной жизни фиксируется в его исторической конкретности, он выступает как соответствующая культура. Тогда общество выступает в виде сложного иерархического единства различных культур (патриархальной, феодальной, мелкобуржуазной и др.). Судьба реального общества определяется логикой развития, определяемой ансамблем культур, в составе которого развивается каждый такой культурный слой, механизмами их взаимодействия, способом иерархической взаимосвязи и т. д.

Глава 22. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

22.1. Закон соответствия

Общественная формация есть многосложный организм, в котором, говоря словами французского анатома и палеонтолога Ж. Л. Кювье (1769–1832), «ни одна из частей не может измениться, чтоб не изменились при этом и другие, и, следовательно, каждая из них, взятая отдельно, указывает и определяет все другие»[175]. Поэтому организм может быть восстановлен по одной своей части.

Закон корреляции Ж. Л. Кювье имел эвристическое значение для исторического материализма. К. Маркс полагал, что «такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» (23: 191). Ф. Энгельс также писал: «В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденной около Парижа сумчатой кости скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, – с такой же достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи» (21: 37).

Существенно, что при этом органы общественного организма не оценивались как равнозначные. Когда говорилось, что «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» (4: 133), то в более общем виде указывалось на зависимость одних органов от других: «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения» (ib.). С изменением экономического базиса «более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» (13: 7). В результате люди «создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям» (4: 133).

Таким образом, фиксируется многоэтапный процесс последовательной модификации общественных структур, запускающийся изменениями в производительных силах. В результате соответствие общественных структур выглядит следующим образом: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» (17: 402).

Производительные силы, функционирующие в структуре системы трудовой деятельности, опосредствуют взаимодействие общественного организма с внешней средой. В эволюционной биологии отмечается закономерность, согласно которой в организме первоначально изменяются внешние органы, адаптирующиеся к изменениям в окружающей среде, и лишь затем к изменениям внешних органов адаптируются функционально и морфологически координированные с ними внутренние органы[176]. Соответственно общественные организмы адаптируются к изменениям во внешней среде путем развития производительных сил. При этом существенны изменения не только в природной, но и в исторической среде общественных организмов. Например, крестовые походы и географические открытия стимулировали развитие в Европе науки и техники (20: 501).

---

[175] *Кювье Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. М. – Л., 1937. С. 130.

[176] *Северцов А. Н.* Морфологические закономерности эволюции. М. – Л., 1939. С. 425.

Разумеется, не всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. В определенном диапазоне происходит функциональная адаптация общественных форм к изменениям производительных сил. В конечном счете «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора…» (13: 7). Когда функциональные резервы надстроечных структур оказываются исчерпанными, то появляется необходимость в морфологической перестройке внутренних органов общественного организма.

Так, первоначально в рамках привилегий, предоставляемых абсолютными монархиями, и цехового строя «накоплялись капиталы, развивалась морская торговля, были основаны колонии…» (27: 403). Но чтобы когда-то «не лишиться плодов цивилизации – приобретенных производительных сил… надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены» (4: 144).

22.2. Историческое отрицание

Как отмечал Ф. Энгельс, «в истории прогресс выступает в виде отрицания существующих порядков» (20: 527). В истории встречается «плохое», «бесплодное» отрицание (20: 640). Менее культурные народы уничтожали производительные силы завоеванных стран, не умея их использовать.

Из-за безразличия завоевателей к ирригационным и осушительным работам пустынными и бесплодными оказались некогда прекрасно возделанные территории Пальмиры, Йемена, Египта, Персии и Индостана (9: 132). Христиане в мавританской Испании дали заглохнуть большей части «оросительных сооружений, которым мавры обязаны были своим высокоразвитым хлебопашеством и садоводством» (20: 188). Англичане в Индии запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь «благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников» (ib.: 185).

Впрочем, следует «ближе присмотреться к столь опороченному отрицанию, чтобы убедиться, что оно по существу своему насквозь положительно» (1: 482). Например: «Если для античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня.* Эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия» (3: 22).

При длительном завоевании «менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому хозяйственному положению завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык» (20: 188). Если побежденный народ большой, то в итоге он «выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях больше, чем победитель» (37: 417). Налицо прогресс, который «в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других» (21: 68-69).

Например, все народы начинают с общей собственности на землю. Затем общая собственность после ряда промежуточных стадий превращается в частную собственность. На более высокой ступени развития земледелия возникает необходимость «подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность»

(20: 142). И это даст возможность полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Обобщая, Ф. Энгельс писал, что почти у всех народов *общая* собственность «в ходе общественного развития отменяется, *отрицается,* вытесняется другими формами – частной собственностью, феодальной собственностью и т. д.» (20: 640). Задача следующей социальной революции – «подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития» (ib.).

Это истинное отрицание – «естественное, историческое и диалектическое» (ib.), при котором на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени (ib.: 641). Такое отрицание – проявление действия закона отрицания отрицания – есть движущее начало исторического развития.

Индивидуальная частная собственность, основанная на собственном труде, отрицается капиталистической частной собственностью. Следующее отрицание отрицания, как прогнозировал К. Маркс, «восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» (23: 773).

В истории философии первоначальный, стихийный материализм, неспособный выяснить отношение мышления к материи, подвергся отрицанию со стороны идеализма, предложившего учение о бессмертной душе (20: 142). В дальнейшем идеализм подвергся отрицанию со стороны современного материализма, который не просто восстановил старый материализм, а присоединил к основам последнего «все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания» (ib.).

Необходимой признается задача как возвращения к материализму греческих философов, так и задача критики господствовавшего более двух тысячелетий идеализма с целью вышелушивания из идеалистической формы добытых результатов (ib.: 153). Признавалось, что старая натурфилософия, в которой много нелепостей и фантастики, содержала плодотворные зачатки, много осмысленного и разумного (ib.: 11).

Позитивное значение отрицания заключается в расширении базиса исторического развития. Так, спиритуализм, учивший о противоположности между душой и телом, посредством христианства стал общераспространенным (ib.: 640).

22.3. Историческая преемственность

Обломки и элементы отживших форм сохраняются как строительный материал более высокой общественной формы (12: 731). Так, французская буржуазия использовала централизованную государственную власть, существовавшую со времен абсолютной монархии, как оружие в борьбе за освобождение от феодализма (17: 612). Это оружие применялось и в демократической республике, «где слиты воедино способы подавления, применявшиеся при всех отошедших в прошлое режимах (которая берет орудия подавления из арсеналов всех отошедших в прошлое режимов) и где эти способы применяются беспощадно…» (17: 615). В итоге общий уровень организации общественного организма повышается: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства» (12: 731).

Поколения наследуют друг от друга и производительные силы и формы общения (3: 440). По наследству передается способ труда вместе с организацией труда и орудием труда (46-1: 488). Специальная сноровка, накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну, «сообщает индийцу, как и пауку, его виртуозность» (23: 352). Аналогично, так как разные поколения наемных рабочих работают совместно, «то приобретенные приемы технического искусства закрепляются, накопляются и быстро передаются от одного поколения к другому» (23: 351).

В соответствии с изменившимися потребностями видоизменяется социальный строй (3: 42). Общественные формы заменяются (ib.: 347) или развиваются (25-II: 456). Развитие происходит медленно: «…Различные ступени и интересы никогда не преодолеваются целиком, а лишь подчиняются побеждающим интересам, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ними» (3: 72-73). Поэтому прежние формы общения хотя и вытесняются, но еще долго по традиции продолжают обладать властью.

И в битвах «позднейшей эпохи можно опираться на авторитет теоретиков прошлого» (32: 73). Например, К. Маркс открыто объявил себя учеником Г. В. Ф. Гегеля и поставил задачу вскрыть рациональное зерно его диалектики (23: 21-22), освободить истинные законы диалектики от мистической формы (32: 456). Оценивая его и свою деятельность Ф. Энгельс также писал: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории» (20: 10).

В. И. Ленин подчеркивал, что «учение Маркса … есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» (ПСС-23: 43). В качестве исторического преемника предшествующих форм мысли «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» (ПСС-26: 50-51). Принципиальная точка зрения в оценке марксизма состоит в следующем: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры» (ПСС-41: 337).

Относительная самостоятельность, самообусловленность и историческая преемственность наблюдаются в развитии других областей идеологии. Например, религия сохраняет унаследованный по традиции запас представлений. В него вносятся изменения, определяемые классовыми отношениями людей (21: 315-316). Как оговаривал Ф. Энгельс в отношении философии (и других областей идеологии), «экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом…» (37: 420).

Теоретический социализм есть последовательное развитие принципов Французского Просвещения: «Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в экономических фактах» (20: 16). Ф. Энгельс призывал не отрекаться от наследия патриархов утопического социализма, «как современные химики не могут отречься от своих родоначальников – алхимиков» (18: 298).

Отмечалось, что «права и законы “передаются по наследству”» (3: 323), хотя и номинально. Например, в Англии пришлось «сохранять значительную часть форм старого феодального права, вкладывая в них буржуазное содержание, и даже прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование» (21: 311). Компромисс между крупными землевладельцами и капиталистам обусловил преемственную связь между дореволюционными и послереволюционными учреждениями, преемственность судебных прецедентов и почтительное сохранение феодальных правовых форм (22: 311-312). В результате английское право стало вы-

ражать буржуазные отношения «на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению…» (ib.: 312). Но в этом было и определенное историческое преимущество, так как «английское право является единственным, в течение веков сохранившим в неискаженном виде и перенесшим в Америку и в колонии лучшую часть тех древнегерманских свобод – личную свободу, местное самоуправление и гарантию от всякого вмешательства, кроме судебного, – которые на континенте совершенно исчезли в период абсолютных монархий и до сих пор нигде еще не восстановлены в полном объеме» (ib.).

В Германии за основу взято римское право. В общегерманском праве оно было низведено судебной практикой до уровня полуфеодального и мелкобуржуазного общества. В прусском же праве – переработано в свод законов, который соответствовал данному уровню развития общества (21: 311).

На основе римского права создан «такой классический свод законов буржуазного общества, как французский Code civile» (ib.: 311). Хотя революция порвала с традициями прошлого и уничтожила последние следы феодализма, все же в Code civile французские юристы настолько мастерски приспособили старое римское право к капиталистическим условиям, что «этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, не исключая и Англии, служит образцом при реформах в области права собственности» (22: 312).

Сохраняются и интегрируются в более высокую общественную форму не только производительные силы, но и экономические структуры: «Всеобщий же закон, который здесь действует, состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] – как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия – создается в рамках предшествующей формы» (47: 460).

Государство Ф. Энгельс считал единственной готовой организацией, которой пролетариат может воспользоваться после своей победы: «Но разрушить его в такой момент – значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный пролетариат может осуществить только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской Коммуны» (19: 359-360).

В целом предполагалось, что пролетариату необходимо переделать традиционный рабочий механизм государства (17: 597). Унаследованный государственный аппарат потребуется значительно изменить, чтобы «отсечь худшие стороны этого зла» (22: 201). В отличие от буржуазных республиканцев, в оппозиции резко критиковавших эту машину, но с приходом к власти принимавших ее без изменения, «победивший пролетариат должен заново переделать старый бюрократический, административно-централизованный государственный аппарат, прежде чем сможет использовать его для своих целей» (36: 70).

Полагая, что с переходом к социализму необходимо разбивать преимущественно «угнетательский» аппарат (армия, полиция, чиновничество), В. И. Ленин указывал, что в буржуазном государстве есть учетно-регистрационной аппарат (банки, синдикаты, потребительные общества, союзы служащих), который разбивать нельзя и не надо (ПСС-34: 307). В частности, «крупные банки есть тот “государственный аппарат”, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее» (ib.). Предполагалось, что единый государственный банк станет скелетом социалистического общества.

22.4. Неравномерность развития сфер общественной жизни

Самостоятельность сфер общественной жизни проявляется в относительной независимости их развития друг от друга. Недостаточный уровень развития одних сфер может сопровождаться гипертрофированным развитием других сфер. А достигнутый в последнем случае уровень развития может быть настолько высок, что оказывается либо непревзойденным в последующей истории, либо вполне достаточным ресурсом на многие столетия.

Так, переход от родового строя к цивилизации был обусловлен и сопровождался, по мнению Ф. Энгельса, нравственным регрессом: «Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются воспреемниками нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» (21: 99). Самые низменные побуждения и страсти людей стали движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня, и она развила их в ущерб всем остальным человеческим задаткам. Это стало «упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества» (ib.).

А экономический регресс даже может вести к нравственному прогрессу. Разрушение германцами античной цивилизации создало предпосылки для величайшего нравственного прогресса – формирования индивидуальной половой любви (ib.: 72).

В эпоху Возрождения «в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть» (20: 346).

В Германии конца XVIII века «все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть…» (2: 562). И на этом фоне наблюдался расцвет литературной жизни: «Эта позорная в политическом и социальном отношении эпоха была в то же время великой эпохой немецкой литературы. Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гете и Шиллер, философы Кант и Фихте, и не более двадцати лет спустя – последний великий немецкий метафизик Гегель. Каждое из выдающихся произведений этой эпохи проникнуто духом вызова, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества» (ib.). Убогая действительность, существовавшая в Германии с XVI века, определила преимущественный интерес к вещам не от мира сего: «Отвлечение от убогой действительности – основа позднейшего превосходства немцев в теории, от Лейбница до Гегеля» (18: 573).

Неравномерно протекают и революционные преобразования в различных сферах общественной жизни. В Германии 1848 год произвел полный переворот только в области философии: «…Нация решительно отвернулась от затерявшейся в песках берлинского старогегельянства классической немецкой философии» (20: 368).

Опора на запас собственного материала, переданного предшественниками, объясняет то, что «страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум» (37: 419-420).

Аналогично экономически отсталая мелкобуржуазная Норвегия во второй половине XIX века «пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России» (ib.: 351). Этот подъем Ф. Энгельс объяснял оживлением застойной экономики Норвегии (ib.).

Таким образом, мера относительного прогресса различных сфер общественной жизни оказывается непредсказуемой. Ф. Энгельс упоминал открытый Ч. Дарвином закон соотношения роста. По данному закону «известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, казалось бы, ни в какой связи с первыми не находятся» (20: 488). Например, белые кошки с голубыми глазами почти всегда

оказываются глухими. По заключению Ф. Энгельса, «изменения определенных форм влекут за собой изменение формы других частей тела, хотя мы и не в состоянии объяснить эту связь» (ib.).

В общем виде феномен неравномерности развития сфер общественной жизни применительно к искусству описал К. Маркс: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, например, эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это имеет место в пределах искусства в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства ко всему общественному развитию» (12: 735). И К. Маркс еще раз подчеркивал, что греческое искусство и эпос «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом» (ib.: 736).

Объективным фактом является враждебность капиталистического производства «известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии» (26-I: 280). Поэтому иллюзией было бы полагать, что если «в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос?» (ib.).

Значительно опередило свое время римское право. «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений», – писал Ф. Энгельс (21: 412). Когда бюргерская собственность стала превращаться в чистую частную собственность, то это «развитие должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в готовом виде все то, к чему бюргерство позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно» (ib.). Таким образом, систематизированное на закате античности римское право полностью предвосхитило буржуазную собственность и ушло далеко вперед даже по сравнению с феодальными гражданскими правоотношениями (ib.).

Правда, эта высокая оценка относится только к римскому частному праву, тогда как римское государственное право было самым гнусным из существовавших (19: 312).

Глава 23. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

23.1. Общественное сознание как отражение общественного бытия

Специфика социальной формы движения материи состоит том, что в ней движение материи опосредствовано сознанием. Отражение как всеобщее свойство материи, присущее каждой форме ее движения в специфической модификации, в обществе достигает стадии сознательного отражения.

Общественное сознание – это сознание, формирующееся и функционирующее в обществе как средство его существования и развития. Общественный характер сознания иллюстрируется на примере языкового сознания. «В отношении отдельного человека, например, ясно, что он даже к языку как к *своему собственному* языку относится только как естественный член какого-нибудь человеческого коллектива. Язык как продукт отдельного человека – бессмыслица... – писал К. Маркс. – Сам язык в такой же мере является продуктом определенного коллектива, как, с другой стороны, он сам есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие» (46-1: 479).

Общественное бытие – это реальный процесс материальной жизни людей. И, как замечал В. И. Ленин, «общественное сознание отражает общественное бытие – вот в чем состоит учение Маркса» (ПСС-18: 843). Противоположный взгляд опровергается всей предшествующей историей, «в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали» (20: 639). И только в отдаленном будущем «люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя, вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли» (ib.).

Несостоятельным признается идеалистическое обыкновение исходить из субъективно определенного (или из якобы извечно истинного) понятия («свобода», «честь», «справедливость», «равенство» и т. п.) и измерять этим понятием вещи, по которому они должны равняться. Ф. Энгельс напоминал К. Каутскому, что абстракции К. Маркса отражают в форме мысли то общее содержание, которое заключается в вещах и отношениях (36: 180). Все идеи извлечены из конкретного опыта, «они – отражения действительности, верные или искаженные» (20: 169).

Сознательное отражение человеком действительности есть сложный конструктивный процесс. «Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука=„логическая идея“) и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы, – писал В. И. Ленин. – Тут действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека, =мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить= = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее „непосредственной цельности", он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.» (ПСС-29: 163-164).

Способ отображения действительности определяется характером и содержанием практики. Так, кочевой образ жизни, как замечал К. Каутский, формирует широкий и подвижный ум номада[177]. В качестве организационной схемы поведения он определяет специализированную духовную деятельность. Так, о методике разработки учения об электричестве говорилось, что «мы имеем перед собой хаотическую груду старых, ненадежных экспериментов, не

[177] *Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества. С. 2.

получивших ни окончательного подтверждения, ни окончательного опровержения, какое-то неуверенное блуждание во мраке, не связанные друг с другом исследования и опыты многих отдельных ученых, атакующих неизвестную область вразброд, подобно орде кочевых наездников» (20: 334).

Объектами отражения в религиозном сознании первоначально были «силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения» (ib.: 328). Ф. Энгельс полагал, «что единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего враждебные друг другу силы природы, есть лишь отражение единого восточного деспота, который по видимости или действительно объединяет людей с враждебными, сталкивающимися интересами» (27: 56).

По оценке К. Маркса, часы и водяная мельница стали модельными объектами для разработок в области теоретической механики. На основе анализа часов «развилась вся теория производства равномерного движения» (30: 263). На примере мельницы впервые было разработано учение об измерении величины двигательной силы, о лучших способах ее применения, создано учение о трении, проведены исследования о математических формах зубчатой передачи, зубьев и т. д. (ib.).

Наука не сваливается с неба, подчеркивал Ф. Энгельс. Древнеегипетскую астрономию создала «необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле» (23: 522). Чистая математика, как и все другие науки, возникла из практических потребностей – «из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики» (20: 39). Представления о линиях, поверхностях, углах, многоугольниках, кубах, шарах и т. д. взяты отнюдь не из свободного воображения ума, а отвлечены от грубой действительности. «Так, напр., геометрия не существовала бы, если бы человек не изобрел шеста для измерения длины и ширины полей, вместо того, чтобы определять ее на глаз, – писал П. Лафарг. – Палка первобытных народов, – для измерения пашни при ежегодном переделе ее между семьями рода или деревни, – имеет для них такое значение, что она приобретает у них мистическое значение: крестьяне русского “мира” – общины называли ее “святой палкой” и хранили в церкви; египтяне изображали локоть, – меру передела пашни, – иероглифическим знаком, означающим в тоже время истину и справедливость; все, что измерено им, было справедливо и точно»[178]. Практическая потребность продвигала науку вперед больше, чем десяток университетов, в частности, «вся гидростатика (Торричелли и т. д.) была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках» (39: 174).

Действительно, на основе теоретического отображения действительности осуществлялась ее регуляция. Так, Дж. Кардано давал практические советы об устройстве часов (30: 263). Изучение неравномерности действия двигательной силы на мельницах, приводившихся в движение ударом и тягой при помощи коромысел, привело «к теории и практическому применению махового колеса, которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности» (23: 388). Исходя из того, что только земля является источником богатства, физиократы предлагали перенести налоги исключительно на земельную ренту. И Французская революция приняла эту налоговую теорию (26-I:38).

Несомненно, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (ПСС-29: 194). Машины, локомотивы, железные дороги, электрический телеграф, сельфакторы – «все это продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой… Все это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания» (46-II: 203).

---

[178] *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса: Исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и Бога. М., 2007. С. 318.

Историческая дифференцированность общественного бытия дифференцирует состояние и уровень развития сознания в конкретных обществах. Развитие мозга, подчиненных ему чувств, проясняющегося сознания, способностей к абстракции и к умозаключению является у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, и иногда прерывается местными и временными движениями назад (20: 490). Это оказывает обратное воздействие на труд народа и его язык.

23.2. Объективные мыслительные формы

Формы мышления Г. В. Ф. Гегель рассматривал как объективно обусловленные прежде всего ландшафтом. Характеризуя ислам как религию арабов, Г. В. Ф. Гегель пишет, что «здесь дух совершенно прост, и здесь распространена склонность к бесформенному»[179]. Объясняет он это тем, что в пустынях «нет ничего такого, что могло бы быть формируемо» (ib.). В противоположность однообразным ландшафтам Востока вся Греция расчленена, изрезана заливами, раздроблена на мелкие части обилием гор и рек. Отсутствие географического однообразия и массивности, а также индивидуализация разнородных природных субстанций определяют способ представления, присущий греческому духу. В основе его «лежат предметы, существующие в природе, но не в их массе, а в их обособленности» (ib.: 263). Предметность мышления определяет эйдетический характер познания: «Ведь греки лишь всматриваются в предметы, существующие в природе, и составляют себе догадки о них, задаваясь в глубине души вопросом об их значении» (ib.).

Размышления К. Маркса над формами человеческой жизни на примере форм товара, его меновой стоимости и его денежной формы привели к заключению о том, что в общественных отношениях имеются «общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы» (23: 86). Так, деньги – это форма, в которой товары «идеально выступают по отношению друг к другу как меновые стоимости» (13: 50). Цена – это «мысленно представляемое золото» (23: 106), то количество денег, в которое «товар идеально превращается» (12: 58).

В сознании товаровладельцев меновые стоимости товаров превращаются в денежные названия, в объявления о том, сколько они стоят. «Хранителю товаров приходится поэтому одолжить им свой язык или навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены, – писал К. Маркс. – Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото» (23: 106-106).

Форма денег – идеальная, мысленная форма, приобретаемая товаром (или его заместителем – знаком, символом), выполняющим в обмене функцию всеобщего эквивалента. В качестве монеты «деньги приобретают местный и политический характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры» (13: 90).

В денежном обращении из-за изнашивания происходит идеализация монеты: «От трения со всякого рода руками, сумками, карманами, кошельками, мешочками, шкатулками и сундуками монета стирается, оставляет один золотой атом тут, другой там и таким образом, шлифуясь в скитаниях по миру, все больше и больше теряет в своем внутреннем содержании» (ib.: 91). Монета становится лишь тенью, призрачным золотом, но продолжает выполнять функцию денег. «В то время как другие существа вследствие соприкосновения с внешним миром теряют свой идеализм, монета вследствие практики идеализируется, превращается в чисто призрачное бытие своего золотого или серебряного тела» (ib.: 92).

В качестве примера естественного возникновения знака (символа) стоимости К. Маркс приводит одну из версий появления копеек в России. «В те времена, когда деньгами там служили шкуры и меха, противоречие между этим неустойчивым и неудобным материалом и его

[179] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 374.

функцией в качестве средства обращения породило обычай заменять его маленькими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки, подлежавшие оплате шкурами и мехами, – пишет он. – Впоследствии эти кусочки кожи превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700 г., когда Петр Великий приказал обменять их на мелкие медные монеты, выпущенные государством» (ib.: 99-100).

Аналогичный процесс идеализации происходит со средствами труда. На взгляд В. А. Колеватова, возникновение модели как объективной мыслительной формы могло быть таким: «Можно предположить, что в силу случайных обстоятельств (ошибка в выборе материала и т. п.) иногда производились предметы, совпадающие с предполагаемым продуктом по форме, но непригодные для удовлетворения той или иной потребности… Естественно, что эти предметы не потреблялись и поэтому иногда сохранялись дольше, чем стандартный продукт труда. Рано или поздно было замечено, что такие предметы, не обладая необходимыми для потребления свойствами, в то же время способны служить образцом для воспроизводства “нормальных” продуктов труда. Это “открытие” позволило затем перейти к намеренному изготовлению предметов, заведомо непригодных для потребления, но сохраняющих информацию о форме продукта. По-видимому, именно так появились различные мерки, шаблоны, литейные формы и многое другое»[180].

Шаблон нормирует процесс труда, обеспечивая соответствие продукта определенным требованиям. Поскольку шаблон замещает предмет в коммуникационных процессах, то он выступает как знак. От шаблона (и иного воспроизведения формы в другом материале) «путь ведет к рисунку, а от него к иероглифам и далее к абстрактным символам» (ib.: 98). Таким способом орудия труда используются для мнемонических целей, а затем для создания изображений, моделирующих наиболее значимые для производства объекты (ib.: 167).

Знак есть способ существования общественного сознания в составе опредмеченной деятельности. Первичной знаковой системой были орудия труда. Вещь, в которой воплощен труд (например, топор или яблоко) объективно задает определенный набор разных способов ее использования, которые общественно выработаны в процессе коллективного труда и закреплены за вещью. Так, топор хранит в себе «общественно выработанный способ действия, те трудовые операции, которые материально оформлены, как бы кристаллизованы в нем»[181].

Поскольку такие вещи являются носителями некоторой программы деятельности, опосредствованы идеальным, то они наряду с первичной основной функцией выполняют и вторичную, знаковую функцию. Знаковые функции способно выполнять также человеческое тело (телодвижения, жесты, мимика, танцы). Идеальное оказывается способом «модуляции» процесса деятельности.

Косвенным образом средство труда обобщенно отражает объективные свойства предметов труда. При обработке осуществляется практический анализ и обобщение объективных свойств предметов по признаку, объективированному в орудии. Поэтому именно орудие становится «носителем первой настоящей сознательной и разумной абстракции, первого настоящего сознательного и разумного обобщения» (ib.: 226).

К. Р. Мегрелидзе выделял ряд последствий внешней объективации разума в вещах:

– материальная фиксация мысли: «В этом объективном своем бытии мысль не принадлежит более к миру психических феноменов и не участвует в “потоке сознания” в качестве составной части этого потока, как нечто мимолетное и преходящее. Идеи и мысли человека

[180] *Колеватов В. А.* Социальная память и познание. М., 1984. С. 97.
[181] *Леонтьев А. Н.* Эволюция психики. М.; Воронеж, 1999. С. 227.

в акте их осуществления выносятся из зыбкого, внутри-субъективного психического существования в мир ставшего, уже происшедшего и объективно закрепленного существования и приобретают прочность внешнего материального бытия»[182];

– обеспечение практической проверки: «Мысль становится доступной самой себе через свое осуществление, через объективное бытие мысли. В процессе сознательного осуществления идей, т. е. практического использования идейных достижений, люди, проверяя степень истинности своих понятий, приходят к новым идеям, открывают новые проблемы, а следовательно, еще более углубляют и расширяют свои знания о действительности» (ib.: 481);

– общественная апробация мысли: «Она делается достоянием многих, а потому подвергается всесторонней проверке на деле, на опыте многих тысяч, получает соответствующие коррективы, совершенствуется и рождает новые проблемы» (ib.: 139);

– развитие сознания путем обмена мыслями: «Молния мысли сверкает только там, где она встречается с другой. Мысль же другого доступна нам лишь через ее внешнее проявление, будь то в споре, технической конструкции, рисунке или в архитектурном произведении» (ib.: 140);

– сохранение и накопление идей: «Сознание человека, как субъективно феноменальный процесс, ограничено в каждом моменте своего существования, как индивидуальное сознание. Сфера и объем охвата того, что психологи называют памятью, крайне невелики, а ее точность далеко не безупречна**.** Если бы существование мыслей было ограничено только внутрипсихической областью и исчерпывалось бы одним только субъективным опытом, сознание человека было бы столь же бедно, как и сознание животного» (ib.: 141);

– передача интеллектуальных достижений от поколения к поколению: «Мысли и намерения субъекта, запечатлеваясь и оседая в продуктах деятельности, приобретают в них объективно-историческое существование, против которого поток времени хотя и действует разрушительно, но все же гораздо более медленными темпами. Камень, принявший в руках человека определенную форму, назначение и смысл, металл, отлитый и обработанный для определенных целей, рисунки или письмена, нанесенные на поверхности материала, и т. д. – переживут не одно поколение людей, неся в будущие века, сквозь тысячелетия, свидетельства человеческого образа жизни и образа мыслей» (ib.: 137).

Таким образом, мышление представлено не только в форме актуального субъективного процесса, но и виде общественно значимых объективно существующих образований. В наиболее общем виде объективные мыслительные формы – опредмеченная духовная деятельность, специализированная и неспециализированная.

23.3. Идеология

В общественно-политическом дискурсе XIX века под идеологами понимали мыслителей-доктринеров, которые предлагали свои идеи – не всегда соответствовавшие действительности – как теоретическую основу практической деятельности. Соответственно, идеологии – это «системы мыслей, чувств, образов, норм…»[183].

К. Маркс и Ф. Энгельс к идеологам относили духовенство, политиков, чиновников, ученых, учителей, врачей, писателей, журналистов, ораторов и др., составляющих в совокупности «идеологическое сообщество»[184]. В качестве идеологических областей позиционировались политика, право, религия, философия, наука, литература, пресса и др.

В качестве примера идеолога приводился древнеримский философ Сенека. «Этот стоик, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона,

[182] *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления. М., 2007. С. 140.
[183] *Бухарин Н. И.* Теория исторического материализма. М. – Л., 1928. С. 366.
[184] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. С. 154.

причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, имениями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи», – писал Ф. Энгельс (19: 311). Образ жизни приверженцев таких школ вызывал недоверие к их учениям (ib.: 313).

Идеологам, принадлежащим к особым областям разделения труда, «кажется, что они разрабатывают независимую область» (37: 419). Развитие идеологических областей характеризуется сохранением известного запаса представлений, унаследованных от предшественников (21: 315). Эти представления воспринимаются как априорно данные (37: 418), как самостоятельные сущности, обладающие независимым развитием и подчиняющиеся только своим собственным законам (21: 313). Вместе с тем они систематизируются, перерабатываются, внутренние противоречия последовательно искореняются (ib.: 312).

Плоды мыслительного процесса выводятся из своего собственного мышления или из мышления предшественников, в том числе его преодолением («даже “преодоление” меркантилистов физиократами и А. Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не как отражение в области мышления изменившихся экономических фактов» (39: 84). На этом основании Ф. Энгельс характеризовал идеологический процесс как деятельность мыслителя с ложным сознанием, не отдающего себе отчета в своих истинных движущих силах и источниках (ib.: 83). Тем не менее, идеологии признавались относительно истинными, несмотря на противоречия в фактах и идеологических конструкциях: «В английской конституции еще больше противоречий, она сплошь противоречит самой себе, а ведь она все же существует, стало быть истинна!» (22: 342).

Поскольку идеологии, как, например, религия, возникают «из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей» (21: 313) и у каждого народа развиваются весьма своеобразно, то они насыщены бессмыслицей: «История наук есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей» (37: 419). В общественно-политическом развитии приходится учитывать чувства масс и чтобы вызвать бурное движение, необходимо представлять им собственные интересы в приемлемой идеологической одежде (21: 314).

«Идеологии – сгустки общественной психологии»[185], – писал Н. И. Бухарин. Идеолог обобщает практический опыт общественного класса, теоретически выражает то понимание наличной ситуации, которое формируется у класса в его общественной жизни. Так, во Франции XVIII века чувствовалась необходимость «в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование» (2: 142). Поэтому сочинение Д. Локка о происхождении человеческого разума во Франции «встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость» (ib.).

Идеолог капиталиста – экономист (23: 585).

Вульгарная политическая экономия «педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире» (ib.). В другом месте К. Маркс пишет, что вульгарная политическая «доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства» (25-II: 383). Вульгарный экономист переводит на теоретический язык причудливые представления капиталистов и «своими конструкциями пытается обосновать правильность этих представлений» (26-II: 288).

Но и вся буржуазная политическая экономия – «наука обогащения» (1: 544) – находится во власти представлений капиталиста (23: 418). Доктрина «прибыли от отчуждения» взята из воззрений купеческого капитала (25-I: 252-253). Классическая политическая экономия некритически заимствовала из обыденного сознания категорию «цена труда» (23: 547). Призывы А.

[185] *Бухарин Н. И.* Теория исторического материализма. С. 240.

Смита к бережливости и сокращению непроизводительных расходов на государство, церковь, здравоохранение, литературу и искусство К. Маркс характеризовал как «язык еще революционной буржуазии, которая еще не подчинила себе все общество, государство и т. д.» (26-I: 296). Но если А. Смит, великий идеолог передовой буржуазии (ПСС-2: 520-521), все же есть экономист мануфактурного периода и рассматривает все «главным образом с точки зрения среднего буржуа, то Рикардо – экономист крупной промышленности и рассматривает вещи с точки зрения крупного буржуа» (45: 494). Для него капиталистический способ производства – естественная и абсолютная форма общественного производства, а развитие потребления во всех формах – условие свободного развития производства.

В. И. Ленин писал, что «“идеолог” только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые “материальные элементы” движения стихийно наталкиваются» (ПСС-5: 363).

Идеология – это специализированное самосознание класса. Назначение идеологии состоит в том, чтобы четко сформулировать цели, которые объективно задаются классу его местом в системе общественных отношений, а также разработать программу деятельности по их реализации. Так, меркантилисты требовали обеспечить положительное сальдо торгового баланса государства, а классическая буржуазная политическая экономия стала системой свободы торговли (1: 545).

Как отмечал Ф. Энгельс, цели существовавших до сих пор ассоциаций были «завуалированы и скрыты идеологическими аксессуарами» (21: 405). Но это были не просто аксессуары, а необходимые и важнейшие идеологические цели: «Античный полис, средневековый город или цех, феодальный союз дворян-землевладельцев – все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтили и которые у патрицианского родового союза и у цеха возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества в не меньшей степени, чем у античного полиса» (ib.).

Такого рода идеологии А. Грамши предлагал характеризовать не как надуманные произвольные измышления определенных индивидов, а как идеологии «исторически органичные, то есть необходимые определенному базису»[186]. Органичные идеологии «исторически необходимы, они имеют действенность, “психологическую” действенность, они “организуют” людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т. д.» (ib.). Поддержка массой класса той или иной идеологии или нежелание поддержать ее – вот критерий надуманности или органичности идеологии. «Произвольные построения более или менее скоро оказываются вытесненными из исторического соревнования, даже если иной раз им удается благодаря благоприятному стечению непосредственных обстоятельств некоторое время пользоваться кое-какой популярностью; построения же, органически соответствующие требованиям сложного исторического периода, всегда в конечном счете берут верх и удерживают превосходство, даже если им приходится проходить через многие промежуточные фазы, когда их утверждение происходит лишь в более или менее странных и причудливых комбинациях», – заключал А. Грамши (ib.: 74).

Будучи молодым журналистом, К. Маркс призывал: «…Возьмем мир таким, каков он есть, не будем идеологами…» (1: 171). Но позже Ф. Энгельс признал, что это невозможно, так как «фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно – историческими условиями, субъективно – физическими и духовными особенностями его автора» (20: 35-36).

[186] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. С. 75.

В идеологии нуждаются все классы, в том числе рабочий класс. По оценке В. И. Ленина «массовому (стихийному) движению недостает “идеологов”, настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию» (ПСС-5: 364). Пролетарской идеологией, на его взгляд, способен выступить марксизм (ПСС-6: 269).

В настоящее время под идеологией понимается «система (совокупность) взглядов и идей, в которых: – осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу; – выражаются основные интересы различных социальных групп (обществ, движений и т. д.)»[187].

23.4. Сравнение феодального и буржуазного мировоззрений

Западноевропейский мир в средние века был объединен христианством (католицизмом) в борьбе против общего внешнего врага – сарацин (21: 495). Мировоззрение европейского мира было по преимуществу теологическим. Это теологическое единство опиралось на церковь, организованную на феодальных началах. Церковь освящала светский государственный строй и, владея в каждой стране третьей частью всех земель, была реальной связью между ними. Поскольку духовенство было единственным образованным классом, то «церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления» (ib.). Католическое мировоззрение было скроено по мерке феодализма.

В Средневековье различные ереси срывали ореол святости с существующих общественных отношений (7: 361) и классовая борьба велась «под религиозной оболочкой, в форме борьбы за восстановление первоначального христианства» (22: 468).

Мировоззрение буржуазии первоначально теологично: «Все реформационные движения и связанная с ними борьба, происходившая с XIII до XVII столетия под религиозной вывеской, были по своему теоретическому содержанию лишь многократными попытками бюргерства, городских плебеев и поднимавшегося вместе с ними на восстания крестьянства приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и жизненному укладу новых классов» (21: 496).

По образному выражению К. Маркса, «деньги – бог среди товаров» (46-I: 166). Банк – храм финансовой аристократии (7: 21). К. Маркс указывал на фетишизацию денег: «Культ денег порождает свой аскетизм, свою самоотверженность, свое самопожертвование – бережливость и скупость, презрение мирских, временных и преходящих наслаждений, погоню за вечным сокровищем. Отсюда связь английского пуританизма, а также голландского протестантизма с деланием денег» (46-I: 178)[188].

Это один вариантов обмирщения религии, интеграции религии и массовой практики. Первая буржуазная революция началась в мозгу монаха. Еще Лютер «превратил попов в мирян, превратив мирян в попов» (1: 422), «освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека» (1: 422-423).

Следующий вариант: «Сохраните папу, но сделайте каждого человека папой» (46-I: 66). Еще один вариант отмечен в ремарке: «Так как школьные учителя могут по поводу ничтожной оплаты их труда утешаться святостью того дела, которому они служат (что возможно только

---

[187] *Логинов А. В.* Идеология // Социальная философия: Словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М., 2020. С. 212.

[188] Данная тема получила развитие в работах немецких социологов: *Вебер М.* Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2017; *Зомбарт В.* Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004.

в Германии)…» (3: 169). И в целом: «Прусский же деспотизм противопоставляет мне чиновника, как некое высшее, священное существо. Качество чиновника как бы срастается с ним, как благодать священства с католическим священником. Прусский чиновник всегда является для прусского мирянина, т. е. не-чиновника, священнослужителем» (6: 239).

Но классическим мировоззрением буржуазии стало юридическое мировоззрение – фактически «теологическое мировоззрение, которому придали светский характер» (ib.). «Нотариус – это светский духовник, – утверждал К. Маркс. – Он – пуританин по профессии, а "честность", говорит Шекспир, "не пуританка". Он в то же время сводник для всевозможных целей, заправила гражданских интриг и козней» (2: 77).

Право человека заместило божественное право, а государство – церковь, а «равенство перед законом стало основным боевым кличем буржуазии» (6: 239). Она потребовала дешевого правительства, подобно тому как средневековые бюргеры требовали дешевой церкви – упразднения сословия священников и устранения монахов (прелатов, римской курии и т. п.), восстановления простого строя раннехристианской церкви (7: 361-362).

Поскольку товарообмен, система авансирования и кредита основываются на сложных договорных отношениях и на общепризнанных правилах, установленных государством, постольку создалось представление о базисной роли права. Всеобщность правовой формы породила юридическое мировоззрение, выражающееся: 1) в восприятии мира как управляемого законами, нарушение которых влечет за собой возмездие; 2) в интерпретации общества как правового союза, основанного на общественном договоре; 3) в правовом детерминизме – трактовке права как определяющей сферы общественного развития (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнение мировоззрений

Признаки	Средние века	Новое время	Новейшее время
Мировоззрение	Теологическое (католическое)	Юридическое	Историческое
Ведущий класс	Крупные землевладельцы (в т.ч. церковь)	Буржуазия	Пролетариат
Господствующая организация	Папская церковь	Государство	?
Основная форма права	Божественное право	Права человека	?
Интеллигенция	Духовенство	Юристы	?
Догматизм	Религиозная догма	Юридическая догма	?
Идеал	Равенство народов перед Богом («Нет ни эллина…»)	Юридическое равенство	Общественное равенство

Полемизируя с этим мировоззрением, выраженном в требовании соблюдения законности, К. Маркс в речи на процессе против Рейнского окружного комитета демократов говорил: «Но общество основывается не на законе. Это – фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивидуума. Вот этот Code Napoleon, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX веке, находит в этом Кодексе только свое юридическое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится просто в пачку бумаги. Вы не можете сделать старые законы основой нового об-

щественного развития, точно так же, как и эти старые законы не могли создать старых общественных отношений. Из этих старых отношений они возникли, вместе с ними они должны и погибнуть» (6: 259).

Практическое опровержение почвы законности осуществлялось в буржуазных революциях: «Политический строй, существующий в настоящее время повсюду в Европе, является результатом революций. Почва законности, историческое право, законность повсюду тысячекратно нарушались или вовсе отбрасывались» (36: 205). Парадоксальным образом провозглашалось право на революцию в прошлом, но требование священности новой законности упраздняло право на революцию в будущие времена. По убеждению Ф. Энгельса, никогда не надо отказываться от чрезвычайного права на вооруженное сопротивление при известных обстоятельствах (36: 207).

Как буржуазия долго придерживалась по традиции теологического мировоззрения, так и пролетариат искал оружие против буржуазии в юридическом мировоззрении. В частности, выдвигались требования права на труд, права на полный трудовой доход, права на существование. Требование юридического равенства было обобщено в требовании общественного равенства. Тем самым была оставлена чисто «правовая почва» и стали приниматься во внимание конкретные исторические условия реализации притязаний.

Глава 24. ОТЧУЖДЕНИЕ

24.1. Естественное отчуждение

Отчужденность есть естественное состояние относительной обособленности, отдельности и самостоятельности существования и развития множества особей. В ассимиляции организмы усваивают и присваивают одни элементы среды, отчуждая другие в процессе диссимиляции. Деление и размножение организмов, с одной стороны, ведет к взаимному отчуждению, но с другой стороны – к освоению видом ойкумены. Животные в пространственном поведении различают и маркируют территории знакомые и незнакомые, свои и чужие. Аналогично распознаются в коммуникации знакомые и незнакомые особи, принадлежащие к своим и чужим видам и сообществам.

Теоретики общественного договора предполагали, что общество возникает с целью снятия естественного отчуждения между людьми путем искусственного отчуждения (точнее, самоотчуждения частичного или полного). Например, Ж.-Ж. Руссо писал: «Эти условия договора, правильно понятые, сводятся в сущности к одному условию, а именно, к полному отчуждению каждого члена со всеми своими правами в пользу всей общины»[189]. Последняя как целое подчиняет себе индивидов.

Народы, в частности, германцы, селились так, чтобы «со стороны врага, т. е. всякого чужого народа, их защищали обширные необитаемые леса» (19: 450). В исторической действительности естественно возникшее отчуждение индивидов, общин и племен снималось в различных обменах, в ритуалах сепарации и интеграции, в ассоциациях и союзах, в войнах и порабощении.

Взаимное присвоение через посредство взаимного отчуждения происходит по общей воле в общинах при дележе пищи и оказании услуг в рамках естественного половозрастного разделения труда и в обмене между общинами. В этих узких рамках производители «знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации» (21: 175).

Различия между общинами являются естественно выросшими различиями, так как общины «находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы» (23: 105). Как следствие, они различаются «по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» (ib.). Обмен товарами с чужими общинами устанавливает связь между различными отраслями производства.

К. Маркс приводит ряд примеров ритуала интеграции – присвоения чужого. Так, эскимосы западного берега Баффинова залива используют язык как орган присвоения: они лижут вещь, предложенную для обмена (ib.). Земельный собственник заключает почетный брачный союз с землей (42: 82).

Мужчин из побежденного племени могли принимать как братьев в племя победителей, а женщин «брали в жены или иным способом также принимали вместе с их уцелевшими детьми в состав своего племени» (21: 58). Введение рабства оценивается в целом положительно: «Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставлялись теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали» (20: 186–187).

Продолжительные военные походы «перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы» (19: 496). Разрывая кровнородственную связь, «земледельческая община оказывается более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими» (23: 403).

---

[189] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938. С. 13.

Но основной формой естественного отчуждения является отчуждение человека от природы, которая «первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила» (3: 29). «Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят *все* культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения», – писал Ф. Энгельс (20: 639).

Опредмечивание труда создает продукт, который получает существование, относительно независимое от индивида. Продукт труда оказывается под властью стихийных сил природы и живет собственной жизнью. Выкорчевывание лесов сопровождается опустыниванием, посадки картофеля распространяют вместе с ним золотуху: «каждая вещь сама оказывается иной, чем она сама» (42: 136). Труд имеет «в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» (20: 495-496).

Только познание сил природы создает предпосылки для их присвоения. Впервые господство над определенной силой природы человеку доставило добывание огня трением (ib.: 117). Изобретением орудий и приручением животных люди также заставили служить себе некоторые силы природы. Благодарная память о первых больших победах человека над природой продолжала жить в добывании священного огня путем трения, в совершении религиозных жертвоприношений с помощью каменных ножей (ib.: 430).

Ирокезы, весьма далекие от власти над природой, в известных границах были господами своего производства: «Если не считать неурожаев на их небольших огородах, истощения запасов рыбы в их озерах и реках и резкого уменьшения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при своем способе добывания средств к жизни» (21: 112). Это преимущество с наступлением эпохи цивилизации было утрачено.

Решающую роль в истории хозяйства имела необходимость обуздать, общественно контролировать и использовать какую-либо силу природы, в частности, посредством сооружений крупного масштаба (например, регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии, Индии, Персии и т. д.) (23: 552).

24.2. Самоотчуждение

Наряду с естественным отчуждением в процессе труда возникают новые формы отчуждения. Они выступают как самоотчуждение.

Наиболее наглядно оно чувствуется в больших городах. Ф. Энгельс писал о жителях Лондона: «…Они пробегают один мимо другого, как будто между ними нет ничего общего, как будто им и дела нет друг до друга, и только в одном установилось безмолвное соглашение, что идущий по тротуару должен держаться правой стороны, чтобы встречные толпы не задерживались; и при этом никому и в голову не приходит удостоить остальных хотя бы взглядом. Это жестокое равнодушие, эта бесчувственная обособленность каждого человека, преследующего исключительно свои частные интересы, тем более отвратительны и оскорбительны, что все эти люди скопляются на небольшом пространстве. И хотя мы и знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, все же нигде эти черты не выступают так обнаженно и нагло, так самоуверенно, как именно здесь, в сутолоке большого города. Раздробление человечества на монады, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, этот мир атомов достигает здесь своего апогея» (2: 264).

Аналогичное распадение общества на однородные, не связанные между собой атомы усматривалось в сельской жизни: «Изолированность сельских общин породила отсутствие дорог в Индии, а отсутствие дорог увековечивало изолированность общин. При таком порядке

вещей община существовала на данном низком жизненном уровне, почти не вступая в сношения с другими общинами, не проявляя никаких стремлений к социальному прогрессу и не делая никаких необходимых для этого усилий» (9: 227). К. Маркс полагал, что неподвижная, растительная жизнь сельских общин «вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане даже убийство религиозным ритуалом» (ib.: 136). Он напоминал, «что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой» (ib.).

Продукт труда изначально «противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя» (42: 83). Опредмеченный труд становится противостоящей человеку самостоятельной силой: «…жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая» (ib.: 89). Возникает ситуация, когда «наш собственный продукт встал на дыбы против нас, он кажется нашей собственностью, а на деле его собственностью являемся мы» (ib.: 34).

Внешний, объективированный труд ограничивает и определяет человека, подчиняет его себе. Так, необходимость поддержания огня сковывает человека. Закабаление предметом выражается в том, что крепостной есть придаток земли, и владелец майората принадлежит земле, которая его наследует (ib.: 81). Земля есть неорганическое тело своего хозяина: «Земельный участок индивидуализируется вместе со своим хозяином, имеет его титул, баронский или графский, его привилегии, его юрисдикцию, его политическое положение и т. д. <…> Феодальная земельная собственность дает имя своему владельцу, как королевство дает имя своему королю» (ib.).

С появлением обмена продукт труда оказывается под властью стихийных сил общественной жизни. «Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним, – писал Ф. Энгельс. – Они уже больше не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения» (21: 113). Возникшие из обмена деньги оказались новой общественной силой, имеющей всеобщее влияние и вынуждающей все общество силу склониться перед собой (ib.).

Источником отчуждения является также разделение труда: «И не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа порабощен своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист порабощен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; “образованные классы” вообще порабощены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности – даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание» (20: 303-304).

Это необходимый этап истории, когда человек извлекает из себя свои родовые силы – что возможно лишь в совокупной деятельности человечества, – и в объективации относится к ним как к предметам (42: 159). Разделение труда опустошает по сравнению с первоначальной полнотой индивида, но вместе с тем вырабатывает универсальность развития потенций индивида – противопоставлением их в качестве независимых от него общественных сил и отношений (46-1: 105). Этому содействует перемена труда как всеобщий закон общественного про-

изводства: частичный рабочий заменяется «всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (23: 499).

Вследствие разделения труда и обмена люди становятся представителями вещей: «Наша взаимная ценность есть для нас стоимость имеющихся у каждого из нас предметов. Следовательно, сам человек у нас представляет для другого человека нечто лишенное ценности» (42: 35).

Впрочем, для К. Маркса несомненно, что «эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения» (46-1: 105). Благодаря мировому обмену индивиды освобождаются от местных и национальных рамок, для них становится возможным пользование результатами материального и духовного производства всего земного шара (3: 36).

Но все это имеет и обратное значение. Возникает стремление пробудить в другом человеке какую-нибудь новую потребность: «…Расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений» (42: 129). Каждый новый продукт становится чуждой сущностной силой, господствующей над другим человеком, ставящей его в новую зависимость. С ростом массы продуктов «растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек» (ib.: 128).

Разделение труда отправляет предмет в стихию обмена. Хотя отдельные акты обмена исходят «от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее совокупная целостность этого процесса выступает как некоторая объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но она не заключена в их сознании и в целом им не подчинена» (46-1: 141). Эта общественная связь индивидов между собой действует как самостоятельная, не зависящая от них и чуждая им общественная сила.

Разделение труда умножает производительную силу индивидов. Но эта социальная сила возникает стихийно и представляется индивидам «не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение» (3: 33). Эта сила принимает формы власти общины, судьбы, государства.

Благодаря образованию мирового рынка эта таинственная сила постепенно приняла более постижимую форму (22: 346). Большую роль в ее постижении и преодолении играют всеобщая статистика, прейскуранты, вексельные курсы, почтовая и телеграфная связь между лицами, ведущими торговлю и т. д. (46-1: 104). Посредством этого каждое лицо старается приспособиться к деятельности всех остальных.

24.3. Всемогущий контроль

Всемогущий контроль – метафорическое обозначение убежденности в том, что человечество способно подчинить и контролировать стихийно действующие природные и общественные силы. По мнению Ф. Энгельса, общественные силы «противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью» (20: 328-329). Но в историческом процессе всесторонняя зависимость, как ожидается, «превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними» (3: 36).

Ф. Энгельс призывал понять природу и характер этих сил. Электричество разрушительно в грозовой молнии и укрощено в телеграфном аппарате и дуговой лампе; огонь может быть не только пожаром, но и действовать на службе человека (20: 291). «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними, – писал он. – Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей» (20: 290).

Для этого необходимо познание общественных сил, познание законов общественных действий и умение правильно применять их (19: 227). Тогда объективные, чуждые силы, господствовавшие над историей, смогут оказаться под контролем людей.

Примером установления контроля над чуждыми общественными силами является традиционная внешняя политика России. В отношении нее К. Маркс писал: «Вторгаться, используя обманным путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой, – эта политика была продиктована Ивану Калите специфическим характером как господствующей, так и порабощенной расы. Его политика стала также политикой Ивана III. Такова же политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, местопребывание и характер используемой враждебной силы»[190]. В результате «Россия неуклонно и последовательно достигала своих целей во всех существенных вопросах» (9: 22).

Для подчинения общественных сил господству общества кроме познания необходимо еще общественное действие, а именно – коллективный контроль над общественными отношениями (46-1: 141). С установлением планомерной, сознательной организацией прекратится борьба за отдельное существование. Планомерное регулированием будет осуществляться «сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности» (ib.). Тем самым человек из звериных условий существования перейдет в условия действительно человеческие и окончательно выделится из царства животных (19: 227).

Поэтому отчужденность и самостоятельность общественной связи по отношению к индивидам означает, что «люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий» (46-I: 105). В частности, объединение людей в общество навязано природой и историей. Люди должны стать господами своего собственного объединения в общество: оно станет их собственным свободным делом (19: 227).

Люди удаляются от животных тем дальше, чем больше они делают историю сознательно, и тем «меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели» (20: 358). Лишь сознательная планомерная организация «может поднять людей над прочими животными в общественном отношении» (ib.: 359). Контролируя приводимые в движение общественные причины и получая в преобладающей и все возрастающей мере желаемые следствия, люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю: «Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (19: 228).

Сроки данного скачка оцениваются как весьма продолжительные и гораздо превышающие те тысячелетия, в течение которых люди научились в известной мере учитывать заранее отдаленные естественные последствия трудовой деятельности (20: 496). Учитывать косвенные и отдаленные общественные последствия гораздо труднее, и это требует долгого, часто жестокого опыта, сопоставления и анализа исторического материала (ib.: 497).

---

[190] *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века / https://scepsis.net/library/id_884.html.

24.4. Снятие самоотчуждения

Согласно К. Марксу, «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение» (42: 136). Для уничтожения частной собственности потребуется действительное коммунистическое действие, и оно «будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс» (42: 113).

Поскольку ближайшим источником самоотчуждения является частная собственность (в т. ч. в форме капитала), на первых порах коммунизм выступает как всеобщая частная собственность, ее обобщение и завершение. Это определяется тем, что «первое уничтожение монополии всегда равносильно приданию ей всеобщего характера, расширению рамок ее существования» (42: 83).

Категория рабочего распространится на всех людей (ib.: 114). Для такого коммунизма «общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» (ib.: 115).

Первое положительное снятие частной собственности есть грубый коммунизм. Он исходит из представления о некоем минимуме, аскетизме и уравнительности. Ему присуще зависть и нивелирование, абстрактное насильственное отрицание личности человека и его таланта, мира культуры и цивилизации, возврат «к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека» (ib.).

Вторая форма коммунизма характеризуется К. Марксом как коммунизм еще политического характера – в формах коммунизма демократического или коммунизма деспотического.

Третья форма коммунизма возникает со снятием государства. Но это коммунизм еще «незавершенный и все еще находящийся под влиянием частной собственности» (ib.: 116). Положительная сущность частной собственности еще не уяснена.

В четвертой форме коммунизм выступает как положительное снятие частной собственности – «как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человечному» (ib.).

В понимании К. Маркса «все движение истории есть … действительный акт порождения этого коммунизма – роды его эмпирического бытия» (ib.), находящее отражение в постижении его становления. При этом снятие отчуждения происходит в сферах религии, семьи, государства и т. д. У различных народов это движение начинается в сфере сознания или в сфере действительной жизни – это зависит от того, где преимущественно протекает подлинная признанная жизнь данного народа (ib.: 117).

Коммунистический идеал К. Маркс видел так: «Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства двояким образом утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем производстве опредмечивал бы мою индивидуальность, ее своеобразие, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому находящаяся вне всяких сомнений сила. 2) В твоем пользовании моим продуктом или твоем потреблении его я бы непосредственно испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность, следовательно, опредмечена человеческая сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя посредником между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоем мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твое жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно утверждал бы и осуществлял бы мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность» (ib.: 35-36).

Момент индивидуализации К. Маркс считал очень важным в общественной жизни. «Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей, – писал он. – Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни» (ib.: 151).

РАЗДЕЛ VI. ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Глава 25. ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

25.1. Естественно возникшие и исторические общественные формы

В историческом материализме общественное движение понимается как естественно-исторический процесс – процесс закономерный (23: 10) и поступательно проходящий определенные фазы развития (ib.: 20). В данном процессе общественные явления дифференцируются на естественно возникшие и исторически созданные.

Естественно возникают средства к жизни (воздух, обилие рыбы в водоемах), а также некоторые орудия производства (пашня и вода (3: 65), плодородие почвы, действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь (23: 251)) и человеческое тело с его органами («естественные производственные инструменты» (ib.: 385)), в совокупности составляющие естественные производительные силы. Естественно вырастает физиологическое разделение труда в семье (вследствие половых и возрастных различий) (ib.: 64), а также система общественного разделения труда (ib.: 83). Из кооперации и разделения труда возникают естественные производительные силы общественного труда (ib.: 398). Естественно складываются коллективы – род (ib.: 64), племя (46-I: 481), община (25-II: 449), город (3: 60), государство (23: 97).

Выделяются естественно возникшие формы собственности. В условиях естественного по происхождению разделения труда в семье между полами «каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари» (21: 159). При разводе муж забирал орудия и оружие, а за женой оставалась ее домашняя утварь (ib.: 58-59).

Первая, естественно возникшая форма богатства – избыток, или излишек жизненных средств (13: 109). Примером естественного возникновения знака стоимости являются маленькие кусочки штемпелеванной кожи, заменившие шкуры и меха, служившие деньгами (ib.: 99). Естественно сложившимся капиталом был сословный капитал, который «заключался в жилище, ремесленных инструментах и естественно сложившейся, наследственной клиентуре…» (3: 52). Он был неотделим от владельца и переходил по наследству от отца к сыну.

Столь же естественно возникают политические формы. Первобытности присуща «естественно выросшая демократия» (21: 168). Первобытная демократия столь же естественно превратилась в первобытную аристократию (20: 166) и в военную демократию.

Все общественные формы сложились в той или иной степени естественным путем, и в то же время они являются результатами стихийного и бессознательного исторического процесса. Люди, не имеющие сознания своей родовой общности, действуют как рассеянные атомы, «несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом» (1: 561). В результате «касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует образование в животном и растительном мире видов и разновидностей» (23: 352). Так стихийно возникшие общественные формы успевают приобрести «прочность естественных форм общественной жизни» (23: 85).

Естественные условия и формы общества ограничены и ограничивают общественное развитие, определяют его. Поэтому земля господствует над крестьянином – придатком к земле (36: 145). Естественно возникшие ограничения и различия (например, расовые) могут быть устранены историческим развитием (3: 426). Это происходит, в частности, благодаря опосредствованию трудом (23: 49) или искусственной организацией (в случае коммунизма перуанцев) (25-II: 449). В целом естественно выросшие условия и предпосылки производства «превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступают как естественная предпосылка производства, то для другого периода они были его историческим результатом» (46-I: 33). Сперва люди начинают трудиться на естественно возникшей основе, а затем создаются исторические предпосылки труда (ib.: 486-487).

25.2. Природная основа исторического процесса

Стремление увидеть в природе формы и структуры, присущие человеческому обществу, основоположники исторического материализма воспринимали с иронией: «“Человек” мог бы увидеть в природе еще многое другое, например ожесточенную конкуренцию среди растений и животных; он мог бы, например, увидеть, как в растительном царстве, в его “лесу высоких и гордых дубов”, эти высокие и гордые капиталисты отнимают средства к жизни у мелкого кустарника, который мог бы воскликнуть: terra, aqua, aere et igni interdicti sumus [нам запрещен доступ к земле, воде, воздуху и огню]; он мог бы увидеть паразитические растения, этих идеологов растительной жизни, далее – открытую войну между “лесными птицами” и “безмерным множеством крохотных животных”, между травой его “лугов” и “резвым стадом жеребят”. Он мог бы увидеть в “несчетном множестве миров” настоящую небесно-феодальную монархию с ее оброчными и бобылями, из которых некоторые, как, например, луна, влачат весьма жалкое существование, aere et aqua interdicti [ибо им запрещен доступ к воздуху и воде]; он увидел бы ленную систему, в которой даже безродные бродяги, кометы, имеют сословное расчленение и в которой, например, астероидные обломки свидетельствуют о временных неприятных приключениях, между тем как метеориты, эти падшие ангелы, стыдливо пробираются через “бесконечное пространство”, пока не найдут себе где-нибудь скромное пристанище. А еще дальше он натолкнулся бы на реакционные неподвижные звезды» (3: 474-475).

И все же, как и в формационном процессе (48: 117), предпосылки более высокой формы развития возникают в недрах предыдущей. Более высокая форма движения первоначально подчиняет свои предпосылки формально, а затем формирует собственный базис, обеспечивающей реальное подчинение основ своего развития. Так, наемный труд возник задолго до первых капиталистов, но «существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения» (21: 282) и лишь с концентрацией средств производства в руках капиталистов «стал правилом и основной формой всего производства» (20: 182). А меновая стоимость, игравшая в обществах с господством земельной собственности побочную роль (по сравнению с потребительной стоимостью), в форме капитала стала базисом буржуазного общества (41-1: 199). Главной форме движения материи всегда сопутствовали побочные формы движения (20: 563), которые при определенных условиях могли стать главенствующими.

Общество имеет социальные зачатки в природе – государства насекомых, производящие животные с органами-орудиями (пчелы, бобры) (ib.). По оценке Ф. Энгельса, «это является чем-то лишь побочным и не оказывающим воздействия на положение в целом» (20: 624).

Впрочем, многие животные живут сообществами. Обезьяноподобные предки человека были общественными животными (ib.: 488). Одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны был общественный инстинкт (34: 138). Человеческое общество возникло из стада лазящих по деревьям обезьян (20: 491). Превращение в человека могло совершиться при условии образования крупных и долговечных групп, характеризующихся взаимной терпимостью взрослых самцов, отсутствием ревности (21: 40). Но «перенесение, без соответствующих оговорок, законов жизни животных обществ на человеческое общество» (20: 622) представлялось некорректным.

У высших позвоночных животных известны, по меньшей мере, «две формы семьи: многоженство и сожительство отдельными парами» (21: 39). Некоторые институты первобытного общества унаследованы из животного мира: «Где существует общность, – будь то общность земли, или жен, или чего бы то ни было, – там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира» (35: 376).

Первые формы труда – даже у человека – животнообразны, инстинктивны (23: 189). Человек всё же – в отличие от паука или пчелы – представляет результат труда идеально и осуществляет сознательную цель (ib.).

Но существование у животных способности к планомерным, преднамеренным действиям не отрицается: «Напротив, планомерный образ действий существует в зародыше уже везде, где протоплазма, живой белок существует и реагирует, т. е. совершает определенные, хотя бы самые простые движения как следствие определенных раздражений извне» (20: 488). Ф. Энгельс считал твердо установленным, что законы движения материи «на определенной ступени – то тут, то там – с необходимостью порождают в органических существах мыслящий дух» (20: 510). Планомерные действия бессознательно совершаются даже насекомоядными растениями (ib.: 488). А у животных развивается способность к сознательным, планомерным действиям, вплоть до хитрости (ib.).

Размышляя о различии между рассудком и разумом, Ф. Энгельс писал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование… анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), синтез (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, эксперимент (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях)» (ib.: 537). Высшие животные и человека различаются по степени развития соответствующего метода[191]. И только диалектическое мышление возможно «для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки)» (ib.: 538).

Люди произошли от породы обезьян, которая «далеко превосходила все остальные смышленостью и приспособляемостью» (ib.: 491)[192]. Таким образом, без предыстории человеческого духа, его развития от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов, «существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» (ib.: 495).

25.3. Существенные отличия человека от других животных

Ряд отличительных черт человека существует и в мире животных, но выражен незначительно. Но количественные изменения переходят в качественные изменения и то, что «существует как зачаток у одного животного вида, может стать отличительным признаком другого вида животных»[193].

Так, наиболее характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян, – это труд (20: 491). И животные производят, но это производство имеет ряд отличий от трудовой деятельности человека:

– создание и употребление средств труда свойственны животным только в зародышевой форме (23: 190-191);

– «животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш» (42: 93);

– животное «производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее» (ib.);

– животное «производит односторонне, тогда как человек производит универсально» (ib.);

---

[191] О результатах исследований зоопсихологов см.: *Резникова Ж. И.* Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии. М., 2005.

[192] Биологические основы поведения человека раскрываются в книге: *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2009.

[193] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. В 5 томах. М., 1956. Т. 1. С. 609.

– «продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту» (ib.: 93-94);

– «животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку» (ib.: 94);

– производственное воздействие животных на окружающую природу равно практически нулю, тогда как человек «переместил различные виды растений и животных, изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара» (20: 357).

Деятельность человека отличается от жизнедеятельности животного тем, что она является свободной сознательной жизнедеятельностью (42: 93). Как и люди, животные обладают свободой движения и волей (47: 208), но во всем существенном они несвободны (20: 116). И каждый шаг человека вперед на пути культуры был шагом к свободе (ib.).

«…Все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли», тогда как «человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям…» (ib.: 495). Животные являются пассивными объектами своей истории, которая происходит без их ведома и желания (ib.: 358). Например, они ведут «хищническое хозяйство» и «в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост» (ib.: 491). Необходимость приспособляться к новым, необычным для них родам пищи влечет постепенное изменение видов.

В отличие от всех остальных животных человека характеризует безграничность потребностей и способность к их расширению. С другой стороны, он способен до невероятной степени сокращать свои потребности и ограничиваться минимумом условий своей жизни (45: 122).

Человек научился есть все съедобное и жить во всяком климате (20: 493). Это создало новые потребности и отрасли труда (ib.). Благодаря труду люди все в большей мере «делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели» (ib.: 358).

Но даже у самых развитых народов современности «существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами» и «продолжают преобладать непредвиденные последствия», а «неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно» (ib.). Отсутствие сознательной, планомерной организации общественного производства не позволяет поднять людей над прочими животными в общественном отношении (ib.: 359).

25.4. Естественные состояния в предыстории человечества

Каждая общественная форма имеет свою предысторию. Например, предысторию капитала образует первоначальное накопление капитала – исторический процесс отделения непосредственных производителей от средств производства (23: 727).

Предполагается, что предыстория человеческого общества завершится буржуазной общественной формацией (13: 8). Пока анархия общественного производства не заменена его планомерной, сознательной организацией, человек остается в звериных условиях существования (39: 227).

О зверином состоянии общественной жизни в условиях отсутствия общей власти (дикости, войны всех против всех) говорил еще Т. Гоббс. «В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как ни за кем не обеспечены плоды его труда, и потому нет земледелия, нет судоходства, нет морской торговли, нет удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей,

требующих большой силы, нет знания темной поверхности, нет исчисления времени, нет ремесла, нет литературы, нет общества, а что хуже всего – это вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна»[194], – утверждал он.

Животный характер носит начало общественной жизни (стадное, «баранье», племенное (3: 30)). Люди относятся к природе по-животному и подчиняются ее власти как скот (ib.: 29). Будучи сначала зверем, человек нуждался для развития «в варварских, почти зверских средствах» (20: 186).

Феодализм, приравнивающий касту и сословие к виду людей – животное царство: «Средние века – это животный период в истории человечества, человеческая зоология» (1: 313). Возникающее из разделения труда противоположность между городом и деревней «одного превращает в ограниченное городское животное, а другого – в ограниченное деревенское животное…» (3: 59). «…При феодализме одна порода питается за счет другой, плоть до той, которая сама приросла к земле подобно полипу и которая обладает только множеством рук, чтобы срывать плоды земли для высших пород…» – писал К. Маркс (1: 126).

Апеллируя к обычным правам, высшие породы требуют «животной формы права», превратившейся в звериную маску (ib.). Обыватели тоже хотят только жить и размножаться (1: 373). Деспотизм несовместим с человечностью и ему необходимо присуще скотство, поддерживающее скотские отношения (ib.: 377). Сосланные на каторгу доводятся там до отвратительного скотства и озверения (ib.: 638-639). Находящийся в одиночном заключении в течение нескольких месяцев доводится до скотоподобного состояния безумия (ib.: 639).

Либерализм сделал вражду всеобщей, превратив человечество в стадо хищных зверей, пожирающих в конкуренции друг друга (ib.: 550) («Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития» (19: 217)).

Буржуазное развитие «не вышло еще за пределы экономических форм животного царства» (31: 393). Буржуазия обращается с рабочими как с неразумными животными. Действительно, «хороший рабочий», «верно» соблюдающий интересы буржуа, «неизбежно превращается в бессмысленное животное» (2: 352) из-за отупляющего действия однообразного, продолжительного труда. В своих человеческих функциях рабочий чувствует себя только лишь животным, а «свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще располагаясь у себя в жилище, украшая себя и т. д.» (42: 90).

Такие рабочие «плывут по течению, не интересуются тем, что происходит на свете, помогают буржуазии еще крепче заковывать рабочих в цепи; в духовном отношении они так же мертвы, как это было в доиндустриальный период; другие становятся игрушкой судьбы, теряют внутреннюю устойчивость, так же как уже потеряли внешнюю, живут сегодняшним днем, пьют водку и бегают за женщинами; в обоих случаях – это животные» (2: 348). Ф. Энгельс убежден, что рабочие «остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся животными, когда безропотно подставляют шею под ярмо и пытаются только сделать более сносной свою подъяремную жизнь, не думая о том, чтобы от этого ярма избавиться» (ib.).

Наряду с животным состоянием возможна регрессия в растительное состояние.

Наиболее простой была растительная жизнь индийских сельских общин, пассивная и неподвижная, лишенная достоинства форма существования (9: 136). В Англии тихую, лишенную умственных интересов растительную жизнь вели йомены (2: 247), а позже ткачи-надомники. Они жили своим ткацким станком и садиком, «честно и спокойно, в мире и почете, и

[194] *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017. С. 134-135.

материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле – работы, которая сама уже была для них отдыхом, – и кроме того они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела» (ib.: 244). Это было «растительное и уютное существование» (ib.), замкнутое и обособленное, без резких колебаний в условиях жизни. Правда, «в духовном отношении они были мертвы» (ib.: 245).

Когда общество возьмет во владение средства производства и анархия общественного производства будет заменена планомерной и сознательной организацией, прекратится борьба за отдельное существование и человек окончательно выделится из царства животных и из звериных условий существования перейдет в условия действительно человеческие (20: 294). Благодаря труду человек способен выбраться из чисто животного состояния, и «его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим» (ib.: 510). Люди будут господами своего собственного объединения в общество: оно станет их собственным свободным делом, тогда ранее противостояло как навязанное природой и историей (ib.: 294-295). Законы природы будут применяться с полным знанием дела «и только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» (ib.: 295).

Глава 26. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

26.1. Континентально-океаническая дихотомия

В вводном разделе «Географическая основа всемирной истории» к своему курсу лекций «Философия истории» Г. Ф. В. Гегель дифференцировал ландшафты по соотношению суши и воды: 1) безводные плоскогорья (степи, равнины); 2) низменности с большими реками; 3) прилегающие к морю прибрежные страны[195]. Эти различения существенны, так издержки транспортировки по воде в десятки раз ниже, чем издержки перевозок по суше. Вода объединяет, а море позволяет стране включиться в мировую связь, развить торговлю и промышленность. Австрия. Согласно историческим традициям «морское величие всегда сочеталось со свободой» (12: 97). Море – это стихия свободы, тогда как земля ограничивает и разделяет.

В историческом материализме считается, что следует учитывать географическую основу экономического развития (39: 104). А всякая историография должна исходить из геологических, орогидрографических, климатических условий (3: 19).

Континентально-океаническая дихотомия[196] стала значимой для человека с момента овладения огнем. Обработка огнем делает пригодной к употреблению рыбу. С этой пищей «люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности» (21: 29).

Уже в древности и средневековье стали различаться морские и континентальные народы. Мореходные нации – это греки, финикийцы, карфагеняне (45: 475). Во главе всех морских народов до сих пор находится германское племя (19: 146). Славяне предпочитали удаленные от моря территории, оставляя морское побережье другим народам[197]. Перенеся столицу из традиционного континентального ядра национального развития в Петербург, Петр I бросил вызов антиморским инстинктам великой русской расы (ib.).

В России – как в континентальной стране – преобладало сельскохозяйственное производство (9: 34). Балканы, с огромной протяженностью их береговой линии, были по преимуществу регионом транзитной торговли и обладали потенциалом для развития собственной промышленности. Южные славяне были заинтересованы в расширении рынка, в ввозе западноевропейских товаров на восточные рынки. Поэтому у южных славян и греков было больше общих интересов с Западной Европой, чем с Россией. Предсказывалось, что со строительством трансъевропейских железнодорожные линий «влияние западной цивилизации и западной торговли на юго-востоке Европы станет постоянным» (ib.: 35).

Отмечалось, что «буржуазная цивилизация распространялась вдоль морских берегов и по течению больших рек» (4: 472). Отдаленные от моря страны горные местности, особенно неплодородные и труднопроходимые, «оставались убежищем варварства и феодализма» (ib.).

Впрочем, говоря о конфликте «между горной областью и равниной» (15: 350) в штате Мэриленд (США), К. Маркс указывал, что «низменности, с их огромными болотами рисовых полей и широко раскинувшимися хлопковыми плантациями, и представляют подлинную зону рабства» (ib.: 349). Горная область – в большей своей части свободная страна, так как «по своим физическим свойствам почва здесь может успешно обрабатываться лишь свободными парцелльными крестьянами» (ib.). В период гражданской войны в США горные области были центрами сопротивления партии рабовладельцев (ib.: 351).

---

[195] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 134.

[196] См.: *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.

[197] *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века.

В Европе ядром сплошного варварства стала континентальная Австро-Венгрия (4: 472-473). Только строительство железных дорог подорвало провинциальное варварство: «Участие в общих делах всего государства, в событиях внешнего мира становится необходимостью» (ib.: 476).

Отсталость германской промышленности Ф. Энгельс объяснял, в частности, неблагоприятным географическим положением страны, ее отдаленностью от Атлантического океана, который «превратился в большую дорогу для мировой торговли» (8: 9). Промышленные районы Германии использовались для вывоза и ввоза преимущественно голландскими и бельгийскими гаванями (ib.: 8). Он также упрекал П.-Ж. Прудона за недооценку морской торговли: «Эта сухопутная крыса знает только home trade и воображает, подобно самому плоскому английскому тори, что с ее помощью можно достигнуть процветания крупной промышленности!» (44: 173).

Действительно, до первой всемирной торгово-промышленной выставки в Лондоне, проходившей в мае – октябре 1851 года, жизнь в Англии характеризовалась островной замкнутостью (22: 302). После проведения выставки Англия постепенно интернационализировалась в пище, манерах, идеях. В частности, «распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах…» (ib.).

В ближайшей исторической перспективе прогнозировалось смещение центра деловой жизни из Атлантического океана в Тихий океан: «Средоточием мировых сношений в средние века была Италия, в новейшее время Англия, теперь же таким центром становится южная половина североамериканского полуострова. Промышленность и торговля старой Европы должны употребить огромные усилия, если не хотят прийти в такой же упадок, в каком находятся промышленность и торговля Италии с XVI столетия, если они не хотят, чтобы Англия и Франция превратились в то, чем являются в настоящее время Венеция, Генуя и Голландия... Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки оба побережья Тихого океана скоро будут так же густо населены, так же открыты для торговли, так же развиты в промышленном отношении, как теперь побережье от Бостона до Нового Орлеана. И тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, – роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море» (7: 233).

В следующем международном обзоре Ф. Энгельс подчеркивал, что даже грандиозный калифорнийский рынок незначителен по сравнению с ростом торговли в Чили и Перу, в Западной Мексике, на Сандвичевых островах, а также торговли Калифорнии с Азией и Австралией, Новой Зеландией. Благодаря Калифорнии Тихий океан «становится самым важным океаном в мире» (ib.: 462). Вскоре он с удовольствием отмечал, что «наши предсказания о доминирующей роли Тихого океана осуществляются еще быстрее, чем мы могли этого ожидать» (27: 307).

Единственное спасение европейских цивилизованных стран от провинциализации и зависимости виделось в социальной революции и создании новых производительных сил, способных обеспечить превосходство европейской промышленности и уравновесить невыгоды ее географического положения.

26.2. Великие материки: особый путь

Комментируя исследования американского этнографа Л. Г. Моргана[198], Ф. Энгельс соглашается с его характеристикой различий в природных богатствах Старого света и Нового света. По оценке Л. Г. Моргана, восточное полушарие имело всех годных для приручения животных (за исключением ламы) и большую часть хлебных злаков, тогда как в западном полушарии имелся только маис. Различия в природных условиях обоих великих материков настолько велико, что население каждого полушария развивалось своим особым путем (21: 30).

Наиболее развитые племена восточного полушария приручили животных, что доставляло постоянную мясную и молочную пищу[199]. Регулярное потребление этой пищи укрепляло и оздоровляло (ib.: 18). Домашние животные дополняли своей силой мускульную силу человека (ib.).

Тесные контакты с различными домашними животными усложнили биом человека Старого света различными патогенами[200]. В результате «после того как европейцы прибыли в Америку, туземцы стали мало-помалу гибнуть от дуновения европейской деятельности»[201].

Л. Г. Морган также отмечал, что существование в Старом свете континентальной связи позволяло всем племенам участвовать в прогрессе каждого племени за счет распространения изобретений или открытий. Определенные племена становились ведущими, но это первенство неоднократно сменялось. Разрушение связей между племенами задерживало прогресс[202].

Об этом факторе исторического прогресса также писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Только от распространенности сношений зависит, теряются – или нет – для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения. Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново; достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала. На первых ступенях исторического развития приходилось изобретать ежедневно заново, и в каждой местности – независимо от других. Как мало были гарантированы от полной гибели развитые производительные силы, даже при сравнительно обширной торговле, показывает пример финикиян, большинство изобретений которых было утрачено надолго в результате вытеснения этой нации из торговли, завоевания Александром и последовавшего отсюда упадка. Другой пример – судьба средневековой живописи на стекле. Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер и базируются на крупной промышленности, когда все нация втягиваются в конкурентную борьбу, только тогда обеспечивается сохранение созданных производительных сил» (3: 54).

Итальянский марксист А. Лабриола, в частности, писал: «Возьмем, для примера, Италию XVI века: она явно клонилась к упадку, но в то время, как звезда ее закатывается, она передает остальной Европе весь свой интеллектуальный арсенал. Этот последний не только становится достоянием цивилизации, продолжающей следовать по своему пути, но весь мировой рынок укрепляется, как на фундаменте, на тех географических открытиях и изобретениях в области мореходного искусства, которые были сделаны итальянскими купцами, путешественниками

---

[198] *Морган Л. Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.
[199] Там же. С. 16-17.
[200] *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М., 2010.
[201] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 128.
[202] *Морган Л. Г.* Древнее общество… С. 26.

и моряками. Из Италии же перешли в другие страны не только методы военного дела и утонченные приемы политического коварства, но даже и искусство чеканить деньги, превратившееся в детально разработанную коммерческую дисциплину; а затем, один за другим, туда перекочевали и зачатки знаний, на которых основала вся современная техника и, прежде всего, методическое орошение полей и общие законы гидравлики. Итак, не подлежит сомнению, что в истории существует известная непрерывность в эмпирическом и ограниченном смысле передачи и последовательного роста средств цивилизации»[203].

Сходным образом К. Каутский объяснял отсталость аборигенов Австралии: «Австралия геологической катастрофой прежних времен вскоре же после появления там палеолитического человека была отрезана от остального мира. Всякое влияние извне приостановилось и человеческая жизнь стала застывать»[204]. Совсем другое в Афроевразии: «В тысячу раз большие выгоды положения местности, изрезанные берега, многочисленные лежащие неподалеку (вдоль берега) острова, судоходные реки и в особенности постоянные переходы из Азии в Европу и из Европы в Азию и Африку, богатый обмен знаний, открытий, изобретений, непрерывная торговля и сообщение – сделали нас тем, чем мы есть на самом деле» (ib.).

В связи с этим интересно и наблюдение И. Г. Гердера о том Америка расколота на мелкие и мельчайшие части реками, озерами, и горами. Небольшие племена были слишком разъединены, «так что, в отличие от Азии, на ее территории не могла утвердиться и распространиться вширь ни культура, общая для всей части света, ни древнее слово традиции отцов»[205].

26.3. Восток – Запад, Север – Юг

Согласно Г. В. Ф. Гегелю, всемирная история начинается в Азии, направляется с Востока на Запад и завершается на Севере – в германском мире[206]. Основоположники исторического материализма также применяли регионально конкретизируемое позиционирование по сторонам света. В отношении Германии, например, писалось: «Юг имел совершенно иные торговые связи и рынки сбыта, чем север; между востоком и западом почти вовсе не существовало обмена» (7: 347).

В отличие от Г. В. Ф. Гегеля в соответствии с данными археологии констатировалось историческое движение человечества с Юга на Север: «Людям раннего палеолита сопутствуют животные преимущественно южного происхождения, тогда как в эпоху позднего палеолита наряду с человеком появляются животные северного происхождения…» (19: 443). Допускалось, что движение вытеснявших друг друга старых и новых рас и в Европе и в Северной Америке имело возвратно-поступательный характер, а также сопровождалось продвижением на Восток, вплоть до Индии и Австралии (ib.).

В обращении к П. Лафаргу Ф. Энгельс фиксировал естественный антагонизм между югом и севером: «Вы, южане, все приносите в жертву форме, северяне слишком пренебрегают ею, придерживаясь лишь существа дела. Вы любите театральный эффект, они, быть может, излишне пренебрегают им» (38: 20-21). В частности, в отношении реакции испанцев на смену политических декораций в виде принятия Кадисской конституции 1812 года К. Маркс писал, что «у этих страстных южан от разочарования до ненависти всего лишь один шаг» (10: 471).

Отмечалось, что «у жителей южных стран меньше потребностей и больше воображения, чем у северян» (9: 222). Северяне обладают природной холодностью (2: 437). Не случайно «на

---

[203] *Лабриола А.* Исторический материализм: Очерки материалистического понимания истории. М., 2010. С. 142.
[204] *Каутский К.* Еврейство и раса. Статьи по вопросам национальности. М., 2012. С. 52.
[205] *Гердер И.* Г. Идеи к философии истории человечества. М.; СПб., 2013. С. 32.
[206] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 147.

севере существует обычай обносить гостей перед скудной трапезой отборными спиртными напитками» (1: 93).

Возвратно-поступательным также было в первобытности и древности миграционное движение населения по оси Запад – Восток (19: 444-446). Ф. Энгельс также указывал на несколько изданий нашествий с Востока в европейском средневековье: «Турецкое нашествие XV и XVI столетий представляло собой второе издание арабского нашествия VIII века. Победа Карла Мартелла неоднократно повторялась под стенами Вены и на венгерской равнине. Как тогда при Пуатье, как позже при Вальштатте во время нашествия монголов, так и теперь опасность опять угрожала всему европейскому развитию» (6: 180).

Ключом к пониманию Востока Ф. Энгельс считал отсутствие частной собственности на землю, обусловленного необходимостью искусственного орошения, что было «делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства» (28: 221). Допускалось, что на Востоке не земля, а вода и система орошения были предметом классового присвоения[207]. Если на Западе, как во Фландрии и в Италии, необходимость экономного и совместного использования воды заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, то «на Востоке, – где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, – повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства» (9:132).

Типичное азиатское государство состоит «из множества сельских общин, каждая из которых имеет свою совершенно самостоятельную организацию и представляет собой особый замкнутый мирок» (ib.: 228). Изоляция отдельных общин друг от друга является основой дополняющего ее восточного деспотизма (18: 544).

Еще одна особенность Востока усматривалась в обрядности, в системе обстоятельнейших предписаний и религиозных запретов, при которой люди разных религий «не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом» (9: 313). Это отделение человека от человека в противоположность терпимости Греции и Рима. Христианство смогло стать мировой религией, тогда как «ислам, сохранив свою специфически восточную обрядность, сам ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной и вновь заселенной арабскими бедуинами» (ib.).

Кроме того, в восточных государствах наблюдается «неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племен, захватывающих в свои руки политическую надстройку» (15: 529). Но это все «бесплодные движения, происходящие на политической поверхности» (9: 228), но вызывавшие «дикие, слепые и необузданные силы разрушения» (ib.: 136), без каких-либо зачатков плодотворной деятельности. Только Англия, подорвав ввозом тканей домашнюю промышленность, смогла вызвать в Индостане «единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией» (ib.: 135).

Ключевым в столкновении цивилизаций признается восточный вопрос. К. Маркс писал о «постоянном горячем споре между Востоком и Западом» (ib.: 239), состоящем в решении вопроса о принадлежности Константинополем – «Рима Востока» (ib.). Со времен византийской цивилизации и при господстве турок в нем переплелись западная цивилизация и восточное варварство.

Константинополь был и оставался серьезной преградой для европейского прогресса, поскольку дух старой Византийской империи при поддержке России, цивилизация и религия которой имеют византийское происхождение, мог возродиться, стать более агрессивной силой и оказывать тогда еще более деморализующее влияние, чем при греческих императорах (ib.: 239-240). «Борьба между Западной Европой и Россией за обладание Константинополем

[207] *Оранский С. А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1929. Т. 1. С. 172-173.

заключает в себе вопрос о том, падет ли византинизм перед западной цивилизацией или же антагонизм между ними снова оживет в более ужасных и насильственных формах, чем когда-либо раньше. Константинополь, это – золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг света, не пройдя через этот мост; а через этот мост нельзя пройти без борьбы с Россией», – писал К. Маркс (ib.: 240). Только революция на Западе сможет уничтожить на берегах Невы последний оплот старого порядка и одолеть «демоническое влияние восточного Рима» (ib.).

По мнению А. Грамши, «Восток и Запад – произвольные, условные, то есть исторически сложившиеся конструкции, поскольку вне реальной истории любой пункт земли одновременно является и Востоком и Западом»[208]. Очевидна применимость данного замечания к оппозиции Севера и Юга. Наряду с этим А. Грамши подчеркивал, что «совместившийся в понятии Востока и Запада исторический и географический смысл указывает в конечном итоге на определенные отношения между различными типами цивилизации» (ib.).

26.4. Географические гомологии в истории

Основоположники марксизма любили проводить исторические параллели (13: 297-300). Одной из разновидностей параллелизма является гомология.

О гомологии Ф. Энгельс писал, иллюстрируя переход количества в качество на примере гомологических рядов соединений углерода (20: 388), а также в связи со сравнением гомологичных органов организмов, обитающих в сходных физико-географических условиях (20: 353). Сходство в географическом положении стран определяет и наличие общих черт в историческом развитии общественных организмов. Это сходство может достигать степени структурного подобия, при котором отдельные элементы географической структуры выполняют сходные исторические функции.

Например, по наблюдению Ф. Энгельса, Финикия по отношению к Палестине играла ту же роль, что Голландия и Бельгия – отделенные от Германии болотами и Арденнами – играли по отношению к Германии (45: 124). По-видимому, к этому наблюдению относимо следующее замечание Г. В. Ф. Гегеля: «Та деятельность, к которой призывает море, совершенно своеобразна; поэтому прибрежные страны в большинстве случаев всегда отделяются от стран, не прилегающих к морю, хотя они и связаны с ними при посредстве реки. Таким образом, Голландия отделилась от Германии, Португалия от Испании»[209]. О том же писал и Ф. Энгельс: «Португалия – иберийская Голландия – завоевала себе право на самостоятельное существование благодаря мореплаванию…» (18: 571).

Для Англии функциональным эквивалентом Ирландии на Востоке стал Шлезвиг-Гольштейн как источник ввоза скота и масла (45: 123). Существенно и сходство разворачивающихся процессов – развитие скотоводства за счет гибели земледелия, начинающаяся эмиграция. В перспективе та же участь, по прогнозу Ф. Энгельса, могла ожидать другие местности Северо-Германской низменности (9: 117).

К. Маркс отмечал географическое сходство Индии и Италии: «Индостан – это Италия азиатских масштабов. Гималайские горы соответствуют Альпам, равнины Бенгалии – равнинам Ломбардии, Деканский хребет – Апеннинам, а остров Цейлон – острову Сицилии» (9: 117). Со сходством географического положения связывалась общность исторических судеб: «То же богатство и разнообразие даров земли и та же раздробленность в политическом устройстве.

---

[208] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. С. 175.
Об архетипах сторон света см.: *Подосинов А. В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

[209] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 136.

И подобно тому как в Италии время от времени меч завоевателя лишь насильственно объединял различные национальные массы, точно так же мы видим Индостан – в те периоды, когда он не находится под гнетом мусульман, или моголов, или британцев – разделенным на столько же независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов или даже деревень» (ib.). В религиозном отношении Индостан и Италия – это «мир сладострастия и мир печали» (ib.).

На них также похожа Испания, ограниченная с севера Пиренеями. Ее географический облик обусловил отсутствие единообразия в общественной жизни страны, независимость провинций и коммун. Эти черты исторически закрепились благодаря тому, что «различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства…» (10: 432). Все это создало материал, не поддающийся централизации. Абсолютная монархия в Испании не допускала возникновения общих интересов, обусловленных внутринациональным разделением труда и многообразием внутреннего обмена. Поэтому абсолютную монархию в Испании К. Маркс характеризовал как восточный деспотизм, азиатскую форму правления: «Испания, подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе. Деспотизм принимал различный характер в различных провинциях, где общее законодательство произвольно толковалось вице-королем и губернаторами; но при всем своем деспотизме правительство не мешало провинциям сохранять свои различные законы и обычаи, различные монетные системы, военные знамена разнообразных цветов и свою особую систему налогового обложения» (ib.).

Кичившаяся своим положением независимой великой державы Австро-Венгрия сравнивалась с самой древней и самой прочной империей в мире, архиреакционной и архиконсервативной твердыней, огороженной Китайской стеной (7: 234). Отдаленные от моря страны верхнего Дуная объединились в интересах обороны с откатом буржуазной революции в Германии и образованием в Западной Европе крупных монархий: «Здесь, в центре Европы, варвары всех языков и народностей соединились под скипетром Габсбургского дома. Ядром этого сплошного варварства стала Венгрия. Дунай, Альпы, скалистые горные преграды Богемии – вот основы существования австрийского варварства и австрийской монархии» (4: 272). После 1815 года К. Меттерних создал настоящую китайскую стену: «Таможенные пошлины не пропускали материальной немецкой продукции, цензура – духовной; невероятнейшие паспортные ограничения сводили личные сношения до крайнего минимума. Внутри страна была застрахована от всякого, даже самого слабого, политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии. Таким образом, Австрия оставалась совершенно чуждой всему буржуазно-либеральному движению Германии» (21: 432).

Глава 27. ИНТЕРНАЦИОНАЛ

27.1. Национальный вопрос

Естественный для каждого народа этноцентризм формирует следующую естественную установку исследователя: «Общественная жизнь нам прежде всего дана, как жизнь какого-либо одного народа. Изучение законов развития человечества поэтому происходить так, как будто бы все человечество состоит из одного и того же общества и все развитие совершалось в пределах одного и того же народа» [210]. Данная естественная установка справедливо оценивалась как разновидность робинзонады: «Рассматривать историю человечества только как продукт внутреннего развития общества – это все равно, как рассматривать психологию индивидуума только как продукт развития этого же индивидуума. Это та же робинзонада, где роль Робинзона играет целый народ» (ib.).

Вместе с тем, с учетом принципов метода восхождения от абстрактного к конкретному это можно рассматривать как разумную абстракцию (идеализацию). «Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и жизненные средства или наоборот, – оговаривал К. Маркс в «Капитале». – Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» (23: 594). Завершая первый том «Капитала», К. Маркс счел уже необходимым рассматривать колониальную систему, но не как побочное обстоятельство, а как механизм первоначального накопления капитала.

Поэтому в целом справедливо следующее утверждение Х. Житловского: «В теорию Маркса первоначально не входил анализ национальных явлений. Подобно большинству социологических теорий, она устанавливала законы общественного развития при том молчаливом предположении, что развитие это происходит в пределах одного народа. Отсюда следует, что когда мы в теории встречаемся с какими-либо национальными явлениями, то мы и их должны рассматривать, как продукт тех же законов общественная развития, и понимать их, как нечто такое, что имеет прежде всего место в пределах одного и того же общества, одного и того же народа»[211].

Наряду с этим в конкретно-эмпирическом анализе учитывалась этническая специфика общественных явлений. Об этом говорят названия таких ранних работ основоположников марксизма как «К еврейскому вопросу», «Положение Англии», «Немецкая идеология».

Постигая движущие силы истории, исторический материализм обращает внимание на побуждения, которые «приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы» (21: 308). Значение успешного разрешения национального вопроса виделось в том, что «без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей» (22: 382). «До тех пор пока отсутствует национальная независимость, – писал Ф. Энгельс, – большой народ исторически не в состоянии даже обсуждать сколько-нибудь серьезно какие-либо внутренние вопросы» (35: 220).

В историческом материализме всемирно-исторический процесс представляется как стихия взаимодействий крупных и мелких рас, племен, народов и народностей, наций и национальностей, а также их обломков, осколков и остатков. В раннем европейском средневековье из

---

[210] *Житловский Х.* О книге Отто Бауэра // Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. P. VII.

[211] Там же. P. XXIX - XXX.

смешения народов постепенно развивались новые национальности (21: 409). С разграничением на языковые группы и образованием на их основе государств национальности начали развиваться в нации (ib.: 410). Не только человеческое общество в целом, но и отдельные общества и практически каждый человек имеют сложный национальный состав и могут быть представлены как «интернационал».

Такое представление основывается на том, что первая, устанавливаемая чисто эмпирическим путем, предпосылка человеческой истории – существование живых человеческих индивидов с присущими им физическими свойствами, с телесной организацией и обусловленной этой организацией отношением людей к остальной природе (3: 19). Соответственно, естественным исходным пунктом в анализе общества признавалась «природная определенность; субъективно и объективно; племена, расы и т. д.» (12: 736). Раса рассматривается в качестве значимого экономического фактора (39: 174).

В первом приближении регионы мира выглядят как сопряжения различных народов. Индию образует «вражда между различными расами, племенами, кастами, религиями и государствами» (12: 240). Европейская Турция населена «конгломератом различных рас и национальностей» (9: 6). К югу от Карпат беспорядочно разбросаны и перемешаны друг с другом разноплеменные народы (5: 353). Австро-Венгрия – «пестрый конгломерат народов» (22: 49), а в 1848 году – просто «хаос народов» (6: 179). В Восточной Европе в целом «приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия, набегая один за другим, оставили на берегу… груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полнейшем беспорядке перемешаны тюрки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен» (16: 162).

Отдельные народы также являются результатом смешения. Австрийцы – это смешение трех главных европейских рас: «немецкие элементы, привитые на кельтскую основу, с сильной примесью славянских элементов» (39: 107). Национальность англичан представляет собой «смешение немецких и французских элементов» (1: 600). Хотя немцы в Польше старались не смешиваться с местным населением и в городах со смешанным населением существовало различное право для немцев, для поляков и для евреев, все же польские немцы «сочетали в себе дурные особенности обеих наций, не усвоив хороших» (5: 338). Французы тоже являются результатом синтеза. С раннего средневековья провансальская (южнофранцузская) нация была не более родственна северофранцузской, чем польская – русской, пока наконец «железный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции французами» (5: 178).

Некоторые нации – швейцарцы и бельгийцы – всего лишь смешанные псевдонации (44: 61).

Австрийская нация – искусственная (11: 207). Подлинную австрийскую нацию составляют офицеры и чиновники, которые из поколения в поколение служат императору и образуют особую породу людей: «Они не принадлежат ни к одной из многочисленных национальностей, которые соединены под крылами двуглавого орла. Их постоянно перемещали и перемещают из одного конца империи в другой – из Польши в Италию, из немецких областей в Трансильванию; они с одинаковым презрением относятся к венгру, поляку, немцу, румыну, итальянцу, хорвату и т. д. – ко всякому лицу… обнаруживающему особый национальный характер» (8: 31)[212].

В связи с этим возникает *национальный вопрос* – вопрос о действительности существования нации, ее жизнеспособности и возможности самоорганизации.

[212] Позже было предложено различать этносы, принадлежащие магистральным и локальным культурам. См.: *Головнёв А. В.* Антропология движения (древности северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

Поскольку границы нации относительны, а ее структура многоуровневая, то один национальный вопрос неразрешим без другого: «Польский вопрос – это германский вопрос. Без независимой Польши не может быть независимой и единой Германии…» (15: 596).

Вследствие иммиграции, заимствования культуры и других факторов может происходить распад нации. В отношении Англии замечается: «Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам…» (2: 356).

По оценке Ф. Энгельса, практически в каждой стране Европы под управлением одного правительства находятся несколько различных национальностей, естественные границы которых – границы языка. Эти национальности вошли в состав более мощных наций, оказавшихся более жизнеспособными. И есть немалая польза в том, что «различные нации, сформировавшиеся политически, в большинстве случаев имеют в своем составе кое-какие инородные элементы, которые создают связующее звено с их соседями и вносят разнообразие в слишком монотонную однородность национального характера» (16: 161).

Сравнительная ассимиляционная способность наций определяется двумя факторами – расовыми особенностями и уровнем цивилизационного развития. Например, в Нью-Йорке китайцы далеко превосходят голландцев, ирландцев, итальянцев, евреев и венгров «своей способностью жить, питаясь всякой дрянью» (38: 274).

Ввиду огромной гибкости ирландской расы после многовековой борьбы с англичанами «во втором, а часто и в первом поколении, чужеземцы превращались в больших ирландцев, чем сами ирландцы, а последние – чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами» (16: 523). Завоевывавшие Индию арабы, турки, татары, моголы быстро ассимилировались с коренным населением: «Согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов» (9: 225). Так, в большинстве бывших римских провинций побежденное население ассимилировало германцев (21: 409).

Германизация, мадьяризация и итальянизирование славян определялись более высоким уровнем цивилизации. В частности, о территориях славян Ф. Энгельс писал: «Немецкая промышленность, немецкая торговля и немецкая культура сами собой ввели в стране немецкий язык» (6: 297). Но немцы также ассимилируются: «Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в городах остались и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет русифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там славянские скулы» (ib.). Ославянилась часть немецкого и мадьярского дворянства в Венгрии (6: 171). Сохранившие немецкий язык венгерские немцы «стали по духу, характеру и обычаям настоящими мадьярами» (ib.: 181).

Исторически недееспособные нации – это народы, которые либо не имели ни своей истории, ни энергии, необходимой для того, чтобы ее создать, либо не сохранили национальную историческую традицию. По мнению Ф. Энгельса, к ним относятся румыны из Валахии и Трансильвании, чехи, моравы, словаки, иллирийские словенцы, далматинцы, хорваты, шокцы и другие австрийские славяне. По его оценке, все это «народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность» (ib.: 294).

Даже те народы, которые когда-то имели собственную государственность и совершали исторические деяния (например, моравы в составе Великой Моравии) к настоящему времени утратили историческую дееспособность и превратились в умирающие нации, поглощаемые

более сильными соседями. Одним из признаком нежизнеспособности является, например, то, что «восемь миллионов славян в продолжение восьми веков вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр» (ib.: 297). Только в Сербии южные славяне имеют просвещенное и сильное национальное ядро: «У сербов есть своя собственная история и своя собственная литература. Своей теперешней внутренней самостоятельностью они обязаны одиннадцатилетней отважной борьбе с противником, значительно превосходящим их численностью. За последние двадцать лет они добились быстрого роста культуры и средств цивилизации» (9: 34). Поэтому христиане Болгарии, Фракии, Македонии и Боснии видят в Сербии центр объединения в борьбе за независимость и национальное существование.

Первые условия национального существования – значительная численность и сплошная территория (8: 184). Жизнеспособные нации – это прежде всего крупные и многочисленные, сплоченные, сильные и энергичные, территориально нераздробленные на части нации (в Европе – французская, английская, немецкая, испанская, итальянская, русская, венгерская и польская нации). А малочисленные нации – фактически обломки национальностей, насчитывающие 1–3 млн. чел. (австрийцы, голландцы, датчане, хорваты, чехи, словаки каринтийцы, далматинцы) – бессильны (44: 61). Утрачивая жизнеспособность, они «вынуждены следовать за более сильной, покорившей их нацией» (8: 83-84). А самостоятельные народы идут же своим собственным путем (37: 242)

Указывалось на несомненную жизнеспособность больших и четко определенных исторических наций Европы (Италия, Польша, Германия, Венгрия. Франция, Испания, Англия, Скандинавия), «которые не были разделены и не находились под иностранным господством» (16: 160). И высказывалось сомнение в «праве на самостоятельное национальное существование многочисленных мелких остатков тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации, оказавшейся в силу большей жизнеспособности в состоянии преодолеть большие трудности» (16: 161).

Впрочем, утратившие жизнеспособность, умирающие и разлагающиеся национальности (австрийские и германские славяне, валлийцы в Англии, баски в Испании, нижнебретонцы во Франции, испанские и французские креолы Северной Америки), могут доказать свою былую жизнеспособность. Так, славяне могут проявить революционную инициативу (6: 299). Еще одна возможность состоит в восстановлении известной самостоятельности в союзе с другими нациями (8: 56). Войдя в большое государство «маленькие, хилые и бессильные национальности» способны «принять участие в историческом развитии, которому они, предоставленные сами себе, остались бы совершенно чужды!» (6: 298).

Соответственно, под вопросом была жизнеспособность «маленьких промежуточных государств» (6: 299). Для сохранения жизнеспособности, особенно в форме национального государства, кроме значительной численности и сплошной территории требуются иные необходимые условия. Например, жизнеспособная Польша должна обладать территорией 1772 года, владеть «не только бассейнами, но и устьями своих больших рек и большой прибрежной полосой, по крайней мере, на Балтийском море» (5: 353).

27.2. Национальный характер

Английский национальный характер существенно отличен и от немецкого, и от французского характера (1: 602). Каждый народ отличается определенным национальным характером, который предуказывает путь, по которому должно шествовать национальное государство (41: 257).

Так, характер *австрийцев* «очень напоминает французский – более живой и сангвинический, чем у менее смешавшихся с другими расами немцев, а также более инициативный благодаря импульсивности» (39: 107). Поэтому следует ожидать, что «пока Париж будет осторожничать, Вена может подать сигнал грядущей революции» (ib.). Но венцы такие сангвиники, что их «нужно не подгонять, а, скорее, сдерживать, чтобы плоды многолетних трудов не пропали в один день» (ib.: 140).

Потомок кельтов *ирландец* – дитя природы, беспечное и жизнерадостное (1: 522), действующее «с чисто кельтским энтузиазмом и с характерной ирландской наивностью» (16: 505). Его характер южный, легкомысленный и беззаботный, веселый, но нрав грубый (2: 237). Ирландцев отличает безграничная сердечность, а «ирландское мышление не знает чувства меры» (32: 351). Обладает страстным, живым темпераментом (2: 356). Чувства и страсти берут верх над разумом. «Чувственный, легко возбудимый характер ирландцев не даёт развиться рассудительности и мешает равномерной, настойчивой деятельности, – писал Ф. Энгельс. – Такие люди совсем не пригодны для промышленного труда в том виде, в каком он применяется в наши дни» (1: 494).

Особенности ирландского характера соответствуют погоде в Ирландии: «Характер погоды, как и жителей, в Ирландии более резко очерчен, переход от одной крайности к другой происходит более стремительно и непосредственно; небо напоминает лицо ирландской женщины: туча и солнечный луч появляются на нем так же внезапно и так же неожиданно, но для серой английской скуки нет места» (16: 496). При страстном, живом темпераменте, легкомыслии и возбудимости горячий ирландец великодушен до самоотверженности (2: 356).

Древненорманнский национальный характер – характер жестокий, грубый, проявляющейся в «крайней замкнутости, при которой избыток мыслей и чувств выражается не в словах, а только в делах, именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и в неистовой воинственности, перемежающейся со слезливой сентиментальностью» (5: 404).

Современные *скандинавы* отличаются самодовольством и наивностью (37: 21).

Норвегия – оплот индивидуализма: «Через каждые две-три английские мили можно видеть на скалах клочки рыхлого грунта такой величины, что их плодами могла бы, может быть, прокормиться одна семья; и действительно, на каждом из этих участков живет по семье, отрезанной от всего мира. Люди здесь, то есть в сельской местности, красивы, сильны, смелы, ограничены и – фанатически религиозны» (ib.: 373).

Ф. Энгельс согласен с тем, что *шведы* – чувствительные и сердечные люди, хотя чувства уходят глубоко внутрь души, не проявляясь во вне, а *датчане* – веселый и жизнерадостный народ, со слабым и мягким характером, с мягким выговором южан (5: 421). Впрочем, Ф. Энгельсу датчане не симпатичны «нравственным убожеством, цеховой и сословной узостью» (27: 19). Датчане – «народ адвокатов: чтобы отстоять свою точку зрения, они *лгут прямо и сознательно…»* (31: 5).

Фризы «считают себя расой, стоящей выше датчан и в физическом, и в моральном отношении, и это соответствует действительности» (31: 4). Натура северных фризов умозрительная, и они «поставили *внутренний* горизонт на место внешнего…» (ib.: 14).

Фламандцы «всю свою жизнь прозябают в самом мелочном мещанском утилитаризме, в самой мелкотравчатой, ужасающей погоне за барышом» (5: 404).

Германцы – высокоодаренная ветвь арийской группы (21: 154). Но поскольку в Германии первоначальное население не тронулось с места, то немцы кретинообразны (ib.: 485).

Гордость германской расы составляет широкая кость (5: 519). Общей наследственной чертой германской расы является физическая и духовная неуклюжесть (21: 485). Немецкий народ мечтательный и сонливый (3: 11), христианско-спиритуалистический (1: 600), склонный к сентиментам и экзальтации (ib.: 73), слабохарактерный и с недостатком выдержки (35: 300). Главным украшением немецкого национального характера исконни является энтузиазм «бессмысленный, пустой, беспредметный» (5: 344), «беспочвенный и бесцельный» (ib.: 350).

Истые немцы основательны (2: 583) и солидны (27: 19). Основательность у них «страшно тяжеловесная» – это «основательное глубокомыслие или глубокомысленная основательность» (22: 294). Умеют высказываться только обстоятельно (1: 32). Они неповоротливы по натуре (37: 272), тяжелы на подъем (19: 177), идут по прямому и ясному пути (37: 255), но запаздывают (16: 416). Отличаются от природы «всеподданнейшей и благоговейнейшей преданностью» (1: 74). «В каждом немце сидит бюрократ» (38: 41), и «где соберутся два или три немца, им необходим регламент, в противном случае в ход будут пущены стулья» (5: 10-11). Но вообще-то немцы призваны быть «мещанами мировой истории» (5: 337).

Обладают простым здравым смыслом (11: 481), но пристрастны к абстрактным принципам (1: 540). При этом «люди в Германии никогда не видят дальше собственного носа» (36: 32). «Немцы забывчивы и легко прощают» (6: 230). Поскольку принцип почти всегда укрощает притязания интересов, то немцы – нация, далекая от практических интересов (11: 481). Если принцип не может быть немедленно проведен в жизнь, то он «откладывается на отдаленное будущее, а в настоящее время предоставляется безобидной разработке его “мыслителями”» (5: 22). Немцам свойственен идеализм (ib.), они способны к обобщениям (32: 134) и склонны к теории (37: 255). «Немцы – нация философская, – писал Ф. Энгельс, – они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их собственной философии (1: 540).

А вот такая южнонемецкая группа как *швабы* отличается фантазией (34: 190).

Рейнцы же по натуре – сангвиники, с всегда веселым характером, открытой и простодушной безмятежностью. Уроженец Рейна – счастливчик среди немцев, так как ему «мир всегда представляется прекраснее и жизнь радостнее, чем остальным» (41: 257). Ф. Энгельс пишет: «Несомненно, ни один рейнский житель не пропускал когда-либо представлявшегося ему случая к житейскому наслаждению, иначе его приняли бы за величайшего дуралея. Этот веселый нрав сохраняет ему еще надолго молодость, в то время как северный германец уже давно перешел в филистерскую полосу степенности и прозы. Житель Рейна всю свою жизнь забавляется веселыми, резвыми шалостями, юношескими шутками или, как говорят мудрые, солидные люди, сумасбродными глупостями и безрассудствами...» (ib.: 259-260).

Итальянцы XV и XVI веков – первая в истории нация капиталистов (20: 215). Характеру итальянцев отвечает мелодраматизм (31: 188). Воспринимаются как поверхностные (6: 330).

Испанцам свойственно ребяческое тщеславие (10: 439).

Французы по темпераменту сангвиники (39: 107), легко возбудимые (11: 439) и страстные (11: 447), в своих мнениях и поступках больше поддающиеся влиянию успеха, чем какая-либо другая цивилизованная нация (8: 237). Темперамент французов и их общество особенно предрасполагают к наслаждению (3: 418). У них «весьма тонкий нюх» (28: 197) и «быстрая сообразительность» (11: 481). Соответственно своим особенностям французы, как замечал К. Маркс, цивилизовали английский материализм: «Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию» (2: 144).

Положение Парижа как мирового города, в котором лично общались представители всех наций, содействовало закреплению у французов «универсального характера» (3: 412) и свойственной им «покровительственной манеры» (27: 92) общения. Его население «сочетает

в себе, как никакой другой народ, страсть к наслаждениям со страстью к историческому действию…» (5: 500). «Противоположность между французским характером и характером, свойственным нам, немцам, никогда не выступала передо мной в такой острой и разительной форме, – писал К. Маркс, – как в одном фурьеристском сочинении, которое начинается следующими словами: “Человек целиком проявляется в своих страстях”» (27: 381-382).

Французы очень любят единообразие (38: 20). При этом не любят предпринимательскую деятельность. Так, каждый парижанин «настаивает на своем праве на лень» (39: 375). Они желают жить как рантье. А для этого акционерная форма предприятия стала просто находкой (34: 44). Французы очень любят единообразие (38: 20).

По оценке Ф. Энгельса, французы – «антично-материалистический» и поэтому – «политический народ» (1: 600), обладающий пафосом «политического самопожертвования» (5: 404): «Ни одно усовершенствование, ни одна доктрина не могут приобрести во Франции национального значения, если они не облечены в какую-либо политическую форму» (1: 526).

Имеющие более сильную примесь немецкой крови *бургундцы*, крупнее и светлее, чем французы. «Наивные, добродушные, в высшей степени доверчивые, одаренные большим природным умом в пределах привычного жизненного круга, полные наивно-комических представлений обо всем, что выходит за рамки этого круга, забавно-неловкие в непривычных условиях, всегда неистощимо веселые, – таковы почти все эти добрые люди», – писал Ф. Энгельс (5: 515-516).

Настоящие *нормандцы* заботятся о немедленной выгоде (39: 411).

Специфика *английского* национального характера определяется образованием английской нации из германских и романских элементов, которые затем «развивались рядом и образовали, в конце концов, национальность, которая носит в себе непримиренными обе односторонности» (1: 600). Ф. Энгельс заключал: «Характер английской национальности – это неразрешенное противоречие, соединение самых резких контрастов. Англичане – самый религиозный народ в мире и в то же время самый иррелигиозный; они больше беспокоятся о потустороннем мире, чем какая-либо другая нация, и, однако, живут при этом так, как будто для них нет ничего другого, кроме земного существования; их надежда на небо нисколько не мешает им верить так же крепко в “ад незарабатывания денег”. Отсюда вечное внутреннее беспокойство англичан – чувство неспособности разрешить противоречие, которое само по себе толкает их к деятельности. Чувство противоречия является источником энергии, но энергии, которая устремляется только во внешний мир, и это чувство противоречия было источником колонизации, мореплавания, промышленности и вообще огромной практической деятельности англичан» (ib.: 601).

Неспособность разрешить противоречие толкает англичан к скептицизму и эмпиризму: не стоит беспокоиться о вещах, которые выше нашего разумения (ib.: 601-602). Отсюда: «философия – чисто английская, скептическая» (ib.: 596). Англичане – чисто эмпирическая нация (ib.: 585). Англичанин сосредоточен «на ближайшем, на осязаемой действительности, на внешней стороне практической деятельности» (ib.: 504). Поэтому англичанин не верит в абсолютное и во всеобщие интересы.

Из-за полной разобщенности «деятельность Англии была работой независимых, стоящих рядом друг с другом индивидов, движением несвязанных атомов, редко действовавших как целое, да и то лишь по мотивам индивидуального интереса» (ib.: 602). Островитянина Джона Буля отличает индивидуальное своеобразие, которое «нашло последнее прибежище в причудах и капризах частной жизни» (15: 475). «Из всех народов англичане и их отпрыски наиболее самостоятельные», – отмечал Ф. Энгельс (37: 289). Островитянам свойственно тупое упрямство, которой «иной раз и раздражает, но оно в то же время порука тому, что раз начатое дело будет доведено до конца» (37: 289).

Англичане – люди практического склада (38: 59). Английскому характеру присущи независимость (1: 618), «энергия, решительная деловитость наряду с самой спокойной рассудительностью» (ib.: 619), драчливость (11: 612), способность к самовосхвалению (особенно, когда дело идет о храбрости) (12: 338) и «спокойная уверенность величавого английского материализма» (5: 404), примат «непосредственной практики, материальных интересов (1: 498) и «торговый дух» (ib.: 601), сдерживаемые почтением к закону, еще свойственному англичанам (ib.: 503).

Рассматривая рабочий класс как хранителя лучших черт английского национального характера, Ф. Энгельс отмечал, что он «движется – как все в Англии – медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощупью робкие, порой бесплодные попытки» (22: 319). Но можно быть уверенным в том, что «в Англии каждый шаг вперед, раз он завоеван, никогда, как правило, не пропадет» (ib.). Поэтому англичане – медлительный народ (16: 406). Как замечал К. Маркс, «тяжеловесный "англосакс" просыпается слишком поздно» (34: 249). По другому поводу Ф. Энгельс писал: «…Дело здесь двигается вперед, хотя и своеобразным окольным путем, который так любят англичане» (38: 289).

Американцы – нация, обладающая творческим духом (44: 360). В Америке все должно быть новым, рациональным, практичным. Каждый новый проект усовершенствований тотчас же испытывают «с точки зрения его практической пользы и, если только он признан хорошим, его немедленно, почти на следующий же день, проводят в жизнь…» (21: 484).

США обладают энергичнейшим – «энергия уже благодаря скрещиванию рас» (3: 72) – в мире населением (19: 272). В сравнении с ним «и англичане сонные флегматики» (2: 514). В общественном отношении США – оплот индивидуализма (37: 373). Янки как людям, живущим у берегов Тихого и Атлантического океанов, присущ также универсализм, при котором одинаково близки как Франция так и Китай (46-I: 10).

Поэтому национальный характер американца – выскочка (50: 390). Самоопределение американской нации: «Go ahead nation [устремляющаяся вперед нация] – проталкиваться и не допускать, чтобы кто-либо шел или стоял впереди тебя» (ib.: 388). Ф. Энгельс делился своим опытом путешественника: «Американцы говорят, что они самая передовая нация, и это верно в том смысле, что для американца нестерпима даже сама мысль о том, чтобы кто-нибудь шел по улице впереди него: он непременно должен оттолкнуть и обогнать, причем грубо, и это даже в Бостоне, здешних Афинах; женщины и мужчины одинаково расталкивают, даже когда мы, бедные добродушные европейцы, не видим ни малейшего повода ни для спешки, ни для грубости» (ib.: 475). Он также признавал, что «подобно всем англосаксам, они проявляют долготерпение, когда дело касается неприятностей, в которых они повинны сами, но если уж они что-нибудь делают, то делают это основательно» (ib.: 475-476).

Турки не имеют для капиталистического производства «ни темперамента, ни склонности» (26-III: 467). «Строгая дисциплина, непрерывная активность и постоянное внимание … крайне ненавистны ленивому, созерцательному фаталисту – турку» (11: 491)

Индийцы обладают природной медлительностью, покорностью, уравновешиваемой спокойным благородством и храбростью (9: 229).

Евреи одарены предприимчивостью (8: 35). Они разумнее и смышленее других, «предопределены и выдрессированы вековым гнетом для карьеризма, к ним следует относиться с большей настороженностью» (38: 198). Не могут отказаться от закулисной игры (32: 142).

Поляков отличает «беспредметная драчливость» (27: 241), они и «никогда не совершали в истории ничего иного, кроме смелых драчливых глупостей» (ib.: 240-241).

Черта *негритянского племени* – никакого чувства стыда, чувства «стыда показаться смешным» (35: 90)

Русские – неповоротливы и подражатели во всем, «выполнят все, что им прикажут, или все, что их заставят сделать, но они не сделают ничего, если им придется действовать на свою

ответственность» (11: 587). Русские лишены всякой инициативы, но в рамках своего традиционного образа жизни пригодны решительно на все – это население «выносливое, храброе, послушное, способное преодолевать любые тяготы и лишения» (36: 363). Вместе с тем, как писал К. Маркс в отношении членов Комитета Русской секции Интернационала, русский остается русским: «Шестеро русских ссорятся между собой так, словно от этого зависит господство над миром» (33: 13). Личные интриги и споры неизбежны у русских (32: 404).

О *болгарах* говорилось, что они славились как сильные и грозные в средние века, а «в настоящее время известны в Турции только своим благодушием и мягкосердечием» (6: 182). Наряду с этим: «Болгары сами охарактеризовали себя в своих народных песнях, собранных недавно одним французом и опубликованных в Париже. Большое место в этих песнях занимают пожары. Горит дом, сгорает молодая женщина, потому что ее муж предпочитает спасти вместо нее свою черную кобылу. В другой песне молодая женщина спасает свои украшения и из-за этого оставляет в огне своего ребенка. Если в виде исключения совершается какой-нибудь благородный, смелый поступок, то он всякий раз совершается турком. У какого народа в мире встретите Вы еще такое свинство?» (35: 232-233).

Таким образом, по наблюдениям К. Маркса и Ф. Энгельса, особенности характера нации определяются ее расово-антропологическим субстратом, географическими условиями, хозяйственным бытом и историческими обстоятельствами. Разнообразие факторов определяет своеобразие общественного развития каждой нации: «Разве мы не составили себе давным-давно понятие о нациях, разве мы не указали каждой из них соответствующее место, разве мы не отвели область теории немцам, политики – французам, а гражданского общества – англичанам?!» (1: 601-602).

27.3. Национальные образы мира

Ф. Энгельс в очерке «Ландшафты» прослеживает обусловленность мировосприятия характером национального ландшафта.

Ландшафты Эллады охвачены рамками гармонии. Поэтому Эллада – страна пантеизма (41: 74). «И все же каждое ее дерево, каждый источник, каждая гора слишком рельефно выступают на передний план, ее небо чересчур сине, ее солнце чересчур ослепительно, ее море чересчур великолепно… каждая отдельная часть природы в своей прекрасной завершенности претендует на собственного бога, каждая река требует своих нимф, каждая роща – своих дриад; так создавалась религия эллинов» (ib.). Местообитания других народов не стали основой подобной веры.

В Рейнской долине, где голубые горы, сливаются с горизонтом, зелень полей и виноградников облита золотом солнца, синева неба отражается в реке «небо во всем своем сиянии склоняется к земле и глядится в нее, дух погружается в материю, слово становится плотью и живет среди нас – это воплощенное христианство» (ib.).

В северогерманской степи представлено иудейское мировоззрение: «…Там нет ничего, кроме – духа природы; высохших стеблей и жалкого вереска, который в сознании своей слабости не осмеливается подняться с земли; то тут, то там можно встретить некогда стойкое, а теперь разбитое молнией дерево; и чем безоблачнее небо, тем резче обособляется оно в своем самодовольном великолепии от бедной, проклятой земли, лежащей перед ним в рубище и пепле, тем более гневно глядит его солнечное око на голый, бесплодный песок…» (ib.: 74-75). Пустынная северогерманская степь, наводящая страх даже в ясный полдень, запечатлена в жутких образах сказок братьев Гримм (ib.: 75).

Бранденбургскую марку, центром которой являлся Берлин, называли песочницей Германской империи. Ф. Энгельс же называл ее бранденбургской Сахарой (37: 358).

Для Г. Гейне эта песочница была «большой детской». Вспоминая его слова, Ф. Энгельс указывал на роль социокультурного ландшафта в детерминации национального менталитета:

«Германия – прескверная страна для людей со слабой волей. Узость и мелочность гражданских и политических отношений, провинциализм даже крупных городов, мелкие, но назойливые притеснения, которые приходится претерпевать в борьбе с полицией и бюрократией, – все это обессиливает, вместо того чтобы побуждать к отпору, и, таким образом, в этой "большой детской" многие сами в конце концов впадают в детство. Узость жизненных условий порождает узость кругозора, так что человеку, живущему в Германии, требуется много ума и энергии уже для того только, чтобы быть в состоянии видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную "объективность", которая не видит дальше собственного носа и именно по этому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она и разделялась тысячами таких субъектов» (35: 216). «Жизнь в германской обстановке оказывает на всякого, даже самого лучшего человека, угнетающее действие, суживает его кругозор, – я знаю это по личному опыту; надо по крайней мере время от времени вырываться за пределы страны», – заключал спустя много лет Ф. Энгельс (36: 763).

Серые монотонные голландские ландшафты по своему религиозному характеру выглядят как по существу кальвинистские, а плотины создают впечатление туго затянутой кальвинистской ортодоксии (ib.: 76). Все пребывает в «духовной смерти», только «ветряные мельницы, единственные движущиеся предметы в этом ландшафте, напоминают об избранниках предопределения, которые одни лишь движимы дыханием божественной благодати…» (ib.: 76-77).

Входя в Северное море, как писал Ф. Энгельс, растворяешься «в гордом сознании свободного, бесконечного духа» (ib.: 78). А глубины спекулятивной философии Гегеля, вспоминает он, «точно бездонное море, от которого не может оторваться устремленный в пучину взор» (ib.). Когда зелень моря сливается с зеркальной синевой неба и золотом солнца в единый чудесный цвет, тогда исчезают все мелочные заботы: «Мы живем, действуем и существуем в боге! На море мы начинаем сознавать это...» (ib.).

Ландшафты Англии также структурируют мировосприятие. В отличие от Эллады «здесь нет ослепительных красот, нет колоссальных массивов скал, это страна мягких, волнистых холмов…» (ib.: 79). При приезде «приходится сначала несколько обуздать принесенную с собой с континента жизненную энергию, понизить барометр жизнерадостности примерно с 760 до 750 миллиметров, пока понемногу не освоишься» (36: 331). Полутуман, полусолнечный свет, очертания гор тают в отдалении. Удивительная неопределенность присуща как английскому климату, так и английскому праву (38: 122). «Изумляешься многообразию сочетаний, созданных из простых элементов; из нескольких холмов, поля, деревьев, пасущегося скота природа создает тысячи прелестных ландшафтов», – восхищался Ф. Энгельс (41: 79).

27.4. Национальные отношения

Чисто эмпирически констатировалось, что «ни один народ не развивался в одиночку»[213]. Этот факт объяснялся довольно просто: «Весь общественный прогресс фактически имел место в истории лишь там, где народы сталкивались друг с другом воинственно или для мирных сношений. Подобно тому, как человек-Робинзон, попадая с самого рождения в изолированное от других положение, не в состоянии развить из себя все те человеческие черты, который приобретаются в процессе сожительства и сотрудничества с другими людьми (Каспар Гаузер), так и народ-Робинзон, отрезываясь от сношений с другими народами, теряет все свои прогрессивные начала, застывая в раз навсегда принятых шаблонах»[214].

[213] *Kautsky K.* The Materialist Conception of History. P. 141.
[214] *Житловский Х.* О книге Отто Бауэра. P. VIII.

В общем виде данная закономерность всемирно исторического процесса формулировалась следующим образом: «Каждый развивающийся отдельный социальный организм рефлектирует в свое иное, причем этим иным является другой отдельный социальный организм. Без такой внешней рефлексии развитие невозможно. Рефлексия имеет зеркальный характер; в результате возникает специфическое взаимодействие отдельных социальных организмов, которые развиваются как особые культуры. Межкультурные взаимодействия – не случайный, факультативный компонент исторического процесса, а его внутренний, необходимый механизм. Через эту форму внешней рефлексии социальная система обретает свое иное вовне себя и опосредованно через него ускоряет собственное развитие. Рефлексия отдельных социальных организмов имеет практический характер и связана прежде всего с материальным производством (первого и второго рода)»[215].

Отношения между народами (и нациями) возникают на основе разделения труда. Так образуются народы охотничьи, земледельческие, пастушеские, торговые, промышленные и др. Общепризнанно, что «взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение» (3: 19-20). По отношению друг другу народы выступают как варварские и цивилизованные, отсталые и передовые.

Прирост населения создает потребность в новых средствах производства (ib.: 21). Борьба за условия труда ведет к войнам, порабощению и эксплуатации. Нации делятся на господствующие и угнетенные, свободные и порабощенные, эксплуатирующие и эксплуатируемые. Изменения в соотношении сил стимулируют национально-освободительные движения. Нации становятся революционными и контрреволюционными, прогрессивными и консервативными, реакционными и антикоммунистическими. Все это, а также особенности национального характера, разделяет и соединяет нации.

Например, немцы нигде не получают признания и нигде не встречают симпатии, тогда как французы даже там, куда они приходили как враги, умели снискать себе признание и симпатии (5: 84). Немецкие наемники часто использовались европейскими монархиями для продления существования абсолютной власти. Многие народы ненавидят немецкий народ из-за «его ослепления, его рабского духа, его готовности играть роль ландскнехтов и “благодушных” палачей» (ib.: 161).

Непростые взаимоотношения между северогерманскими народами в целом. «Лучше самый плохонький немец, чем самый лучший датчанин! – резюмировал итоги своего изучения скандинавских народов Ф. Энгельс. – Такой степени нравственного убожества, цеховой и сословной узости больше нигде не существует. Датчанин считает Германию страной, куда ездят, чтобы “завести любовниц и промотать с ними свое состояние”. Он называет немца “немец-ветрогон” и считает себя истинным представителем германского духа» (27: 70-71). И далее Ф. Энгельс продолжал: «Швед же опять-таки презирает датчанина как “онемеченного” и выродившегося, болтливого и изнеженного. Норвежец смотрит на офранцуженного шведа и его дворянство сверху вниз и радуется, что у него в Норвегии еще господствует тот же самый дурацкий крестьянский хозяйственный уклад, как во времена благородного Кнуда. Зато его, в свою очередь, третирует en canaille исландец, который говорит еще на том же самом языке, на каком изъяснялись грязные викинги 900 года, пьет рыбий жир, живет в землянке и погибает, если не ощущает запаха гнилой рыбы» (ib.: 71).

У поляков ненависть к русским сильнее, чем ненависть к немцам (6: 303). Славяне настолько раздираемы внутренними распрями, что маловероятно объединение южных славян Австрии с турецкими славянами (сербами, босняками, албанцами и болгарами): «…Эти люди,

---

[215] *Фофанов В. П.* Категория «отдельное» и статус гуманитарных наук // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 238-239.

которые в продолжение многих веков видят друг в друге мошенников и бандитов, при всем своем национальном родстве гораздо сильнее ненавидят друг друга, чем славяне и мадьяры» (6: 296).

Китайцы с незапамятных времен относились с антипатией ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря, ассоциируя их с пиратами-авантюристами (12: 158). Антипатия на русских не распространялась, поскольку они не вели морской торговли с Китаем (ib.: 157).

Нации притягиваются и отталкиваются.

Осколки национальностей стремятся к воссоединению либо друг с другом, либо каждая с основной массой своей национальности как со своим естественным центром. Так, австрийские поляки тяготеют к русской Польше, русины – к объединившимся с Россией малороссийским областям, а сербы – к турецкой Сербии (11: 202-204). В середине XIX века Россия выступала как центр притяжения (центр единства и массы) «для всех славян, как ядро, вокруг которого возрожденные славянские народности могут выкристаллизоваться в сильный и единый народ, призванный создать великую славянскую империю от Эльбы до Китая и от Адриатического моря до Ледовитого океана» (ib.: 206).

Но не все народности тянутся друг к другу или к основному массиву своей нации. Естественным результатом сложного и медленного исторического развития, через которое прошла Европа в течение последнего тысячелетия, является то, что почти каждой большой нации пришлось расстаться с некоторыми периферийными частями своего организма, которые, оторвавшись от ее национальной жизни, большей частью приобщились к национальной жизни какого-нибудь другого народа и уже не хотят воссоединяться со своим основным стволом. Немцы в Швейцарии и Эльзасе не желают присоединения к Германии, точно так же, как и французы в Бельгии и Швейцарии не хотят политического присоединения к Франции (16: 161). Разделяет народы и религия: «…Серб, болгарин, боснийский “райя”, крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке» (9: 9).

Отдельные нации – нации-лидеры – становятся носительницами исторического развития и становятся во его главе (6: 183). В эпоху средневековья провансальская нация, существовавшая в форме дворянской республики, стояла во главе европейского развития: «Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам» (5: 378). В Австрии немцы и мадьяры тысячу лет назад взяли историческую инициативу в свои руки, а южных славян – на буксир (6: 184). Россия играла прогрессивную и цивилизаторскую роль по отношению к Востоку. По сравнению со шляхетски-сонной Польшей «преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с императора и князя Демидова и кончая самым последним боярином четырнадцатого класса, у которого только и есть, что его благородное происхождение, занимается промышленным производством, барышничает, надувает, берет взятки и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки» (27: 241).

С точки зрения интересов цивилизации положительно оценивался захват Соединенными Штатами Техаса и Калифорнии у ленивой Мексики: «И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с пей сделать? И что плохого, если энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обращения, в короткое время сконцентрируют в наиболее подходящих местах тихоокеанского побережья густое население и обширную торговлю, создадут большие города, откроют пароходное сообщение, проведут железную дорогу от Нью-Йорка до Сан-Франциско,

впервые действительно откроют Тихий океан для цивилизации и третий раз в истории дадут новое направление мировой торговле? Конечно, “независимость” некоторого числа калифорнийских и техасских испанцев может при этом пострадать; “справедливость” и другие моральные принципы, может быть, кое-где будут нарушены; но какое значение имеет это по сравнению с такими всемирно-историческими фактами» (6: 292-293).

Обломки народов, покоренных нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития, зачастую становятся фанатическими носителями исторической контрреволюции: «Таковы в Шотландии гэлы, опора Стюартов с 1640 до 1745 года. Таковы во Франции бретонцы, опора Бурбонов с 1792 до 1800 года. Таковы в Испании баски, опора дон Карлоса» (ib.: 183). Так и Габсбургская династия, власть которой установилась путем объединения немцев и мадьяр в борьбе против южных славян, при помощи объединения последних стремилась продлить свое существование в борьбе против немцев и мадьяр, которые все же оказывались предоставлять независимость покоренным славянам (ib.: 184).

Реакционные союзы (например, русско-прусско-австрийский Священный союз наций) могут скрепляться объектом совместного порабощения: «Линия раздела, которую эти три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности» (5: 351).

Соучастие в таком союзе может сдерживать развитие больших и цивилизованных народов. В отношении Пруссии Ф. Энгельс писал: «Таким образом, покуда мы помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии – мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма» (ib.: 353). Свобода Германия возможна лишь в той же мере, в какой она предоставит свободу соседним народам (5: 161). В общем виде данный исторический закон формулировался так: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации» (4: 372).

Самой свободной (наименее несвободной) нацией Ф. Энгельс считал англичан. По его оценке, «если поставить вопрос, какой народ больше всего сделал, то никто не станет отрицать, что этим народом являются англичане» (1: 619).

Глава 28. ХАРАКТЕР ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

28.1. Бессознательная логика национальной истории

Ф. Энгельс полагал, что существует внутренняя логика национальной истории, которая берет верх над побочными моментами и препятствиями (37: 238). Эта логика является бессознательной, а «форма всякого бессознательного развития есть отрицание отрицания, движение путем борьбы противоположностей» (ib.: 98).

Во Франции это означает борьбу республиканизма с бонапартизмом (ib.) и с периодическими приступами бонапартистской лихорадки (ib.: 234). По заключению Ф. Энгельса, «отрицательная сторона парижского революционного характера – шовинистический бонапартизм – столь же неотъемлемая его часть, сколь и сторона положительная» (ib.: 238). Как следствие, после каждого крупного революционного порыва можно ожидать рецидив бонапартизма, когда парижане, почувствовав себя обманутыми, бросаются к какому-нибудь спасителю-чудотворцу. Обмануться в очередной раз им несложно: «Ибо парижане, именно в силу того, что они парижане, знают все от рождения и по праву своего рождения, и учиться, подобно простым смертным, им нечего» (ib.: 329).

Каждое бонапартистское увлечение «более постыдно, чем предыдущее» (ib.: 140). Возможно, это обусловлено той особенностью Франции, что «как только ходу событий в этой стране придается определенное направление, они без сопротивления следуют ему до тех пор, пока на этом пути не будут достигнуты крайние пределы» (8: 237). По прогнозу Ф. Энгельса, «следует ожидать, что, попав однажды на наклонную плоскость, Франция будет катиться вниз, пока не достигнет дна» (ib.).

Во Франции всеобщее избирательное право, завоеванное в 1848 г., было упразднено в 1850 г. Такие взлеты и падения, как полагал Ф. Энгельс, вполне соответствуют французскому характеру. «…Они – весьма частое явление в истории Франции. В Англии подобное было бы невозможно, – констатировал далее Ф. Энгельс. – Там раз уже установленное всеобщее избирательное право было бы завоевано навсегда. Ни одно правительство не посмело бы посягнуть на него. Достаточно представить, что какому-нибудь министру взбрело бы в голову сделать попытку всерьез восстановить хлебные законы. Он был бы опрокинут гомерическим хохотом всей нации» (44: 18).

Полагая, что самостоятельные народы идут своим собственным путем, Ф. Энгельс заключал, что из всех народов наиболее самостоятельные англичане (и их отпрыски) (37: 289). Борьба противоположностей в английской нации происходила в форме столкновения германских и романских элементов. Проявлением германского элемента стал торговый дух англичан. Романский элемент – это «государственная церковь, папизм светских владык и совершенно католическая манера сводить религию к обрядности» (1: 601).

Неразрешенность базового противоречия между германскими и романскими элементами порождает в общественной жизни бесконечные компромиссы и положение, полное противоречий (22: 342). Как практичный народ англичане движутся вперед лишь шаг за шагом (37: 319). Англо-саксонская раса развивается «совершенно своеобразным, медленным, зигзагообразным путем <…> это какое-то лавирование против ветра, – но, тем не менее, все же происходит движение вперед» (39: 319).

Впрочем, «британская публика бывает время от времени подвержена приступам морального рвения и что через каждые шесть или семь лет ее добродетель становится неистовой и обуреваемой желанием сразиться с пороком» (9: 232). Английская публика бурно негодует «против морали то фабричных магнатов, то шахтовладельцев, то мелких торговцев фальсифицированными наркотическими средствами, то владельцев железных дорог, заменивших собой вышедших из моды разбойников с большой дороги, – словом, против морали капиталистов» (ib.: 317).

В США зигзаги развития гигантские (39: 319). Это обусловлено раздвоенностью Америки, которая, «с одной стороны, занята еще первоначальной задачей: освоением огромной девственной целины, а с другой – вынуждена уже участвовать в борьбе и за первое место в промышленном производстве» (ib.). Отсюда подъемы и спады в зависимости от того, что берет перевес в среднем американце – возделывающий целину крестьянин или промышленный рабочий.

Своеобразная логика развития присуща Испании. Внешне она проявляется в значительной продолжительности революционных циклов. К. Маркс отмечал: «Испания никогда не придерживалась новейшей французской моды, столь широко распространившейся в 1848 г., проделывать революцию от начала до конца в трехдневный срок. Ее усилия в этой сфере более сложны и более длительны. Три года – вот, по-видимому, кратчайший срок, которым она ограничивается, хотя ее революционные циклы иногда растягиваются и на девять лет» (10: 425). По-видимому, это объясняется исторически сложившейся автономностью регионов Испании и отсутствием у нее центра, подобного Парижу.

28.2. Сознательное следование образцам

Локальные общественные организмы делятся, воспроизводя свою структуру. Так, афинская семья стала «образцом, по которому устраивали свой домашний быт не только остальные ионяне, но постепенно и все греки материка и колоний» (21: 67). Индийские общины, покоившиеся на общинном владении землей и сложном разделении труда, при основании каждой новой общины служили «готовым планом и схемой» (23: 369).

В средневековой Германии по образцу территориальной сельской общины-марки строились все позднейшие городские устройства и городские ремесленные цехи: «…По образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средневековья, основанных не на общности землевладения, особенно же уставы вольных цехов. Предоставленное цеху исключительное право занятия определенным ремеслом рассматривалось совершенно так же, как марковое право» (19: 336). Каждый член ремесленной корпорации имел равное право в пользовании всеми доходами и привилегиями цеха (например, «кормления от пряжи»). В горной промышленности каждый пай гарантировал равное участие (как надел общинника), был делим вместе со связанными с ним правами и обязанностями (25-II: 476).

И то же самое в организации заморской торговли: «Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, – каждая “нация” в своем собственном Fondaco [гостином дворе], состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, – составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д.» (ib.). Также вели дело остальные европейские купцы. «Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника», – писал Ф. Энгельс (ib.).

Если в общине-марке пользование правами пропорционально доле надела, а участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая, то в крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала. Таким образом, равная норма прибыли как один из конечных результатов капиталистического развития, «оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма» (25-II: 477).

Впоследствии общинную форму воспроизводили страховые и другие компании (3: 64).

Ф. Энгельс также указывал на архетипическое подобие буржуазных революций: «Английская революция семнадцатого века представляет собой в точности прообраз французской революции 1789 года. В “Долгом парламенте” легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции juste-milieu [золотой середины] резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона; Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют просвитериане, индепенденты и левеллеры; политический результат обеих революций был довольно жалкий, и вся эта параллель, которую можно было бы провести еще гораздо более точно, показывает между прочим также, что революция религиозная и революция иррелигиозная, поскольку они остаются политическими, обе сводятся, в конце концов, к одному и тому же» (1: 602). На основании опыта английской революции Ф. Энгельс прогнозировал, что французская революция придет в конце концов к тем же результатам, что и английская политическая революция (создание двух национальных партий), а также английская социальная и немецкая философская революции.

Некоторое время спустя Ф. Энгельс расширил исторический контекст сопоставления буржуазных революций: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года – только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» (6: 114). В частности, если «в 1648 году буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви» (ib.), то «в 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви» (ib.).

Все эти революции имели европейский масштаб и «выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции» (ib.). В отличие от них восстания 1848 года в Германии имели провинциальный масштаб и представляли собой анахронизм (ib.).

Когда с 1851 года Луи Бонапарт начал период революций сверху, за ним последовал О. Бисмарк: «Его подражатель Бисмарк усвоил ту же политику для Пруссии; в 1866 г. он произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии, а также и по отношению к прусской палате, вступившей в конфликт с правительством. Но Европа была слишком мала для двух Бонапартов, и вот, по иронии истории, Бисмарк сверг Бонапарта, а Вильгельм, король Пруссии, создал не только малогерманскую империю, но и Французскую республику» (22: 536-537). Это парадоксально: «Германская империя создана революцией, конечно революцией особого рода, но, тем не менее, все же революцией <…> Революция остается революцией, совершается ли она прусской короной или бродячим паяльщиком» (21: 210).

Ф. Энгельс когда-то полагал, что Пруссия сама может стать образцом для подражания: «Другим государствам путь, по которому они должны шествовать, предуказан уже их определенным национальным характером; мы свободны от такого принуждения; мы можем сделать с собой, что хотим; Пруссия может, оставив в стороне всякие другие соображения, следовать только внушениям разума, может, как никакое другое государство, учиться на опыте своих соседей, может, а в этом никто ей не подражает, стать образцовым государством для Европы, быть на высоте своего времени, воплощать в своих установлениях законченное государственное сознание своего века. Это – наше призвание, для этого Пруссия создана. Неужели мы растратим эту будущность из-за пары пустых фраз отжившего направления? Неужели мы не должны прислушиваться к самой истории, указывающей нам призвание воплотить в жизнь цвет всей теории?» (41: 257). В дальнейшем Пруссия не для Европы, но для ряда стран Востока действительно стала образцом для подражания.

США дали пример того, как можно обойтись без бюрократии и организовать самоуправление. Во время первой Французской республики с 1792 по 1798 год «каждый французский департамент, каждая община пользовались полным самоуправлением по американскому образцу» (22: 239), а затем это показывали Австралия, Канада и другие английские колонии.

Как образцовое государство рассматривалась конституционная Бельгия. Ф. Энгельс допускал, что таким официальным образцовым государством станет Швейцария: «Я уже и теперь знаю немало суровых республиканцев, только и мечтающих о том, чтобы перенести с того берега Рейна швейцарский политический строй с большими и малыми федеральными, национальными советами, советами кантонов и т. д., т. е. превратить Германию в Швейцарию большого формата» (6: 91).

Отдельные страны рассматривались как образцовые реализации капиталистического способа производства. В XVII столетии образцовой капиталистической страной была Голландия (23: 761). До середины XIX века классической страной этого способа производства была Англия (ib.: 6), но затем она стала приближаться к упадку и к тому, чтобы разделить судьбу Голландии (37: 273).

На Яве голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах. Это стало образчиком распространявшегося как зараза государственного социализма (36: 96). Так, чудовищный европейский деспотизм в Индостане британская Ост-Индская компания взрастила в подражание голландской системе управления колониями (9: 131).

Сербия хотя и тяготела по-славянофильски к России, в качестве образца развития выбрала Австро-Венгрию: «Молодые люди отправляются учиться в австрийские университеты; бюрократическая система, кодекс, судопроизводство, школы – все было скопировано с австрийских образцов. Это было естественно» (21: 320).

Значение изучения образцовых в том или ином отношении стран К. Маркс видел в том, что более развитая страна «показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (23: 9). Так, система групп городов, существовавшая в Шотландии еще со времени унии с Англией (1707 г.), стала примером для подражания при объединении избирательных округов во время планировавшейся в 1852 году парламентской реформы в Великобритании (8: 229). Но видение будущего не реализовалось, например, в случае Киева, который в XI веке «подражал во всем Константинополю, и его называли *вторым Константинополем;* в этом названии нашли свое выражение вековые стремления России» (9: 328).

Впрочем, отмечалось, что классические общественные формы в образцовых странах являются производными по сравнению с первичными, более простыми формами: «Завершенность и систематическая разработка этих систем из одного верховного центра доказывают их более позднее происхождение» (46-I: 479). Формы общины в Перу и в Уэльсе занесены и введены племенами-завоевателями, стоявшими на более низкой ступени развития и знавшими у себя на родине общую собственность и общинное производство в их древней форме. Аналогично, введенный в Англии феодализм «был по форме более законченным, чем феодализм во Франции, сложившийся там естественным путем» (ib.).

28.3. Восходящее и нисходящее развитие

Бесконечно продолжающееся в мире движение локализовано в круговоротах, в которых или идет вечное повторение одного и того же или же круговороты имеют нисходящие и восходящие ветви развития (20: 551). В связи с довольно достоверными предсказаниями будущего конца Земли логично предполагать, что «и у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь» (21: 276). Ф. Энгельс был уверен в том, что «мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии» (ib.).

Французский утопист Ш. Фурье утверждал, что «каждый исторический фазис имеет не только свою восходящую, но и нисходящую линию» (ib.: 197). В конце XVIII столетия капиталистический способ производства находился еще в начале восходящей линии своего развития: «Пар и новые рабочие машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали всю основу буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Со все возрастающей быстротой совершалось разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, влачила теперь шаткое существование изменчивая масса ремесленников и мелких торговцев, эта наиболее текучая часть населения…» (ib.: 197-198).

Первым признаком того, что способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, условия его существования в значительной мере исчезли и он наполовину изжил себя, являются апелляции к справедливости в распределении (20: 153). Но восходящее движение может продолжаться и дальше. В 1858 году К. Маркс отмечал, что на большем пространстве Земли буржуазное общество проделывает еще восходящее движение, и поэтому близящаяся в Европе социалистическая революция может быть «неизбежно подавлена в этом маленьком уголке» (23: 496).

Восходящую и нисходящую линию имеют отдельные социальные процессы, например, революция. В первой французской революции каждая из приходивших к власти партий опиралась на более передовую: «Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии» (8: 141). В революции 1848 года происходило обратное: «Каждая партия лягает напирающую на нее сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии» (ib.).

28.4. Приливы и отливы в исторических движениях

Частным колебательным процессом являются приливы и отливы в общественной жизни. Например, это постоянные приливы и отливы капиталов и рабочей силы в различных отраслях производства и странах под влиянием уровня цен, заработной платы, нормы прибыли и нормы ссудного процента. Чередующиеся периоды приливов и отливов, зависевшие от колебаний торгового баланса, имело обращение серебра между Востоком и Западом (7: 68).

Неоднократные переселения народов также представлялись в этой метафоре. О Восточной Европе писалось, что это регион, «где приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия, набегая один за другим, оставили на берегу эти груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полнейшем беспорядке перемешаны тюрки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен» (16: 162).

Периоды приливов и отливов в революционном процессе могут быть краткими. Революционную лихорадку во Франции с осени 1848 года и в первой половине 1849 года К. Маркс характеризовал как беспрерывный ряд лихорадочных встрясок: «Сначала борьба за президентство; затем борьба президента с Конституантой; борьба из-за клубов; процесс в Бурже, в котором – по сравнению с мелкими фигурами президента, объединенных роялистов, "добропорядочных" республиканцев, демократической Горы и социалистических доктринеров пролетариата – его подлинные революционеры предстали такими первобытными титанами, каких только всемирный потоп мог оставить на поверхности общества или какие только могут предшествовать общественному потопу; предвыборная агитация; казнь убийц Бреа; беспрерывные процессы по делам печати; насильственные полицейские вмешательства правительства в банкеты; дерзкие провокации роялистов; портреты Луи Блана и Коссидьера у позорного столба; непрерывная борьба между Учредительным собранием и учрежденной республикой, всякий раз возвращавшая революцию к ее исходному пункту, всякий раз превращавшая победителя в побежденного, побежденного – в победителя, в одно мгновение менявшая положение партий и классов, их разрывы и соединения; быстрый ход европейской контрреволюции; славная борьба венгров; немецкие восстания; римская экспедиция; позорное поражение французской армии у ворот Рима – в этом вихре движения, в этом мучительном и беспокойном ходе истории, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований…» (7: 60). Таким, поступательно-возвратные процессы не исключены и в быстротекущих революционных событиях.

Характеризуя состояние рабочего движения в Европе, Ф. Энгельс констатировал: «У меня же здесь перед глазами европейское движение, идущее в общем и целом гигантскими шагами вперед; в центре его – германское движение, растущее равномерно с непреодолимой естественной силой…» (38: 213). Такой характер движения внушал оптимизм.

В США же, как соглашался Ф. Энгельс в письме к Ф. А. Зорге, рабочее движение, «развивающееся в виде приливов и отливов, постоянно приносит разочарования и поэтому легко может вызвать пессимизм» (ib.). Ф. Энгельс также писал: «Я охотно верю, что в вашем движении снова наступил отлив. У вас все сопровождается то сильными приливами, то сильными отливами. Но каждый прилив закрепляет все новые успехи, и, таким образом, в итоге движение все же идет вперед» (ib.: 156). А в письме к Г. Шлютеру успокаивал последнего: «В такой стране неизбежны постоянно возобновляющиеся приливы, за которыми следуют столь же неизбежные отливы. Только приливы становятся все более мощными, а отливы все менее парализующими, так что в целом дело все-таки движется вперед» (ib.: 274). Прогнозировался также успех (но нескорый) рабочего движения в США: «Когда созреет момент, тогда дело у вас пойдет вперед с огромной быстротой и силой, но до этого может пройти еще немало времени. Чудес нигде не бывает» (ib.: 156).

Глава 29. ИРОНИЯ ИСТОРИИ

29.1. Ирония истории как механизм исторического развития

Ирония истории – механизм исторического развития, проявляющийся в оборачивании противоположностей, в переходе их в иное. Это иное исходит из предыдущего и упраздняет его. Комментируя начало продажи индульгенций католической церковью, Г. В. Ф. Гегель писал: «Правда, целью является и построение собора св. Петра, величественнейшего создания христианского мира в центре престольного города религии. Но подобно тому как величайшее произведение искусства, Афина и ее храм в афинском Акрополе, воздвигается на деньги союзников Афин и лишает Афины их союзников и их могущества, так и построение этого собора св. Петра и "Страшный суд" Микельанджело в папской капелле становятся страшным судом над этой величественной постройкой и ее низвержением»[216].

Процессы чреваты собственной противоположностью. Так, пожиравший Европу милитаризм «таит в себе зародыш собственной гибели» (20: 175). С введением всеобщей воинской повинности «войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу диалектики своего собственного развития» (ib.).

И по законам диалектического движения любое «другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития» (ib.: 178). Например, в буржуазных революциях боевой армией буржуазии являются крестьяне (22: 308). Парадоксально, но «именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы» (ib.). Ускоренное развитие посредством протекционизма национальной промышленности и буржуазии формирует также пролетариат. «Нельзя создавать одних, не создавая других, – пояснял Ф. Энгельс. – Наемный рабочий всюду следует по стопам фабриканта; он подобен "мрачной заботе" Горация, которая сидит позади всадника и от которой тот не может избавиться, куда бы он ни поехал. Нельзя уйти от своей судьбы, – другими словами, нельзя уйти от неизбежных последствий своих собственных действий» (21: 388).

Действие закона отрицания отрицания ведет к тому, что в антагонистическом процессе, содержащем в себе противоречие, происходит «превращение известной крайности в свою противоположность» (20: 144). В германской общине, характеризующейся наличием свободно отчуждаемой земельной собственности (аллода), неумолимо происходила концентрация земельной собственности в немногих руках. Первоначальное равенство земельных владений превратилось в противоположность. В результате на основе аллода возник новый строй, который – «такова обычная ирония истории» (19: 497) – в конце концов разлагает прежнее государство и уничтожает аллод.

Неисчерпаемую иронию мировой истории Ф. Энгельс видел в том, что с торжеством капитализма исчезает форма брака-купли (21: 81-82). Ирония истории сказалась также в том, что в буржуазной среде только в исключительных случаях бывают «действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они … являются правилом» (ib.: 84).

Парадоксально, на его взгляд, и завоевание Китая, способное вызвать массовую эмиграцию китайских кули в Европу, а, следовательно – усиление коллизий вплоть до кризиса: «Опять мы имеем великолепный пример иронии истории: капиталистическому производству остается завоевать только Китай, но, наконец завоевав его, оно само делает невозможным свое существование у себя на родине» (39: 252).

«Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление

[216] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 134.

о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели, – писал Ф. Энгельс. – "Ирония истории" неумолимо вносит здесь свои поправки» (22: 21–22). Так он прокомментировал демонстрацию К. Каутским того, что «"гуманизм" XV и XVI веков, первая форма буржуазного просвещения, в своем дальнейшем развитии перешел в католическое иезуитство» (ib.: 21).

Деятели Французского просвещения XVIII века апеллировали к разуму и «требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму» (19: 192). Но этот разум в действительности был «лишь идеализированным рассудком среднего бюргера» (ib.). Вместо общественного договора Ж.-Ж. Руссо французская революция привела к террору, от него – к подкупности Директории, наполеоновскому деспотизму и бесконечной веренице завоевательных войн. «Одним словом, установленные "победой разума" общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей», – заключал Ф. Энгельс (ib.: 193). В конце концов «"не имеющий отечества" дворянско-буржуазный интернационал просвещения … пал к ногам северной Семирамиды, также не имевшей отечества Софии-Августы Ангальт-Цербстской, названной в России Екатериной II, и именно из этого интернационала сама Екатерина набирала нужны ей элементы для своего иезуитского ордена русской дипломатии» (22: 21).

Интересной, практически сбывшейся версией превращения исторического движения в свою противоположность является прогноз Ф. Энгельса в отношении падения самодержавия в России: «В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, – в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер. Ибо реакционные правительства Европы прекрасно понимают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя и т. д., может наступить такой момент, когда они охотно швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда сам этот главный оплот перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние остатки самоуверенности и спокойствия; им тогда придется рассчитывать лишь на свои собственные силы и они скоро почувствуют, насколько это меняет положение. Возможно, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, – какая ирония всемирной истории!» (ib.: 51). Такой объективно реакционной была иностранная интервенция в Советскую Россию.

29.2. Несовпадение целей и результатов деятельности

В простейшей форме ирония истории проявляется в несовпадении целей и результатов деятельности: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем, непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели» (36: 263).

Г. В. Плеханов полагал, что это весьма заслуженно. «История – вообще до крайности ироническая старуха. Однако надо быть справедливым и к ней. Ее ирония страшно зла, но она никогда не бывает совсем незаслуженной, – писал он. – Если мы видим, что история иронизирует над тем или другим крупным и благородным историческим деятелем, то мы можем суверенностью сказать, что во взглядах или действиях этого крупного и благородного деятеля были свои слабые стороны, которые и дали впоследствии возможность воспользоваться его взглядами или действиями, или, что то же, последствиями этих действий, выводами, вытекающими из этих взглядов, для борьбы против некогда одушевлявших его благородных стремлений»[217].

[217] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. В 5 томах. М., 1958. Т. 5. С. 552.

По наблюдениям Ф. Энгельса, в истории лишь в редких случаях желаемое совершается, так как цели недостижимы из-за недостатка средств либо вообще нереализуемы, либо они противоречат друг другу, полученные результаты или их последствия не всегда желательны (21: 306). Это та ирония истории, по словам К. Маркса, «когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность» (25-II: 151).

Примером проявления слабых сторон в поведении исторического деятеля является поведение Наполеона, который пренебрег советом поляков остановиться на Двине и Днепре, «пошел на Москву и тем самым привел русских в Париж» (22: 30). В Крымской войне из-за надменного пустоголового царя Николая I «то, что составляет силу России при обороне, – огромная протяженность ее редконаселенной, бездорожной и бедной ресурсами территории, – обернулось против самой же России»: «Южно-русские степи, которые должны были стать могилой вторгшегося неприятеля, стали могилой русских армий, которые Николай со свойственной ему жестокой и тупой беспощадностью гнал одну за другой в Крым вплоть до середины зимы» (ib.: 39). Ирония истории сказалась и в том, что в наступлении на Севастополь в 1854 году командующий английскими войсками лорд Реглан разработал на таком научном уровне всю кампанию и так искусно ее провел, что «десять тысяч человек, то есть чуть ли не один из семи, умерли раньше, чем увидели неприятеля» (10: 509). «Поистине, нет ничего более едкого, чем эта “ирония истории”», – заключал Ф. Энгельс (ib.). В конечном счете, по его оценке, «союзники сделали все, что могли, на протяжении этой войны, чтобы подготовить себе неслыханное поражение» (ib.: 515), поскольку «история никогда не обходится без иронии» (ib.).

Поясняя видение К. Марксом хода истории, Ф. Энгельс указывал еще на одну форму проявления иронии истории – появление непредвиденных последствий: «…Участники исторических событий либо желали непосредственно чего-то другого, чем то, что было достигнуто, либо это достигнутое влекло за собой опять-таки совершенно другие, непредвиденные последствия» (39: 352). Например, результатом погони каждого отдельного капиталиста за большей прибылью является общая одинаковая норма прибыли (ib.).

Еще одним проявлением иронии истории является практическая деятельность, прямо противоположная ранее высказанным намерениям: «Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы» (22: 197-198). Так, Парижская коммуна своим декретом предписала организацию крупной промышленности на основе рабочих ассоциаций, что прямо противоположно учению Прудона (ib.: 198). Коммуна призывала объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, что противоречило намерениям бланкистов о строжайшей диктаторской централизации всей власти в руках нового революционного правительства (большинство Коммуны состояло именно из этих бланкистов) (ib.: 198-199). В результате прудонизм и бланкизм практически опровергли себя и утратили влияние среди французских рабочих. Произнося либеральные фразы, О. Бисмарк, прибегал к абсолютистским действиям: «Удивительна ирония истории, проявляющаяся в отношении Бисмарка!» (31: 191).

Бывает и так, что при отстаивании одних позиций с прошествием времени переходят на противоположные позиции. Ирония истории сделала так, что редактор иностранного отдела в газете «National» Ж. Бастид, став в мае 1848 года министром иностранных дел Франции, в каждой из своих депеш опровергал каждую из своих статей (7: 38). Неомальтузианцы, ранее проповедовавшие необходимость ограничить рост населения, в 1883 году стали жаловаться на нехватку населения для поглощения избытка произведенных жизненных припасов. «Но

какова ирония всемирной истории! <…> О, мудрый Эдип, разреши мне эту загадку!»[218] – восклицал Ф. Энгельс.

«Вот она, ирония истории!» – писал Ф. Энгельс (39: 270) о республиканской Франции, которая празднуя столетнюю годовщину своей великой революции, готова преклонить колени перед популярным военным деятелем Ж. Буланже, которого стремились использовать монархисты.

Можно также ожидать, что бывшие союзники окажутся противниками. В отношении произведенных в сентябре 1889 года изменений в составе Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии Северной Америки Ф. Энгельс писал: «Немезида шествует медленно, но верно, и ирония истории заключается в том, что те же самые люди, которые, выступая против большинства партии, в особенности на Западе, опирались на нью-йоркцев, теперь свергнуты именно нью-йоркцами» (37: 231).

Текущая деятельность должна быть по целям адекватна достигнутому уровню развития. Так, например, «существует закон развития партий, заключающийся в том, что когда партия достигает определенной степени силы, то оказываются нецелесообразными те самые выступления, без которых она не могла обойтись в дни своей юности» (38: 467). Осуждая внутрипартийные репрессии германских социал-демократов Ф. Энгельс напоминал о том, что «в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же суровой, как в маленькой секте...» (ib.).

29.3. «Душеприказчики» революции

Казалось бы, необходимость делать противоположное своим первоначальным намерениям является ужасной. О вожде крестьянской войны Т. Мюнцере Ф. Энгельс писал: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно» (7: 422–423).

Но ситуацию чрезмерно опережающего развития следует принимать как историческую реальность, в которую будут внесены коррективы. По мнению Гегеля, преследуя частные, непосредственно вытекающие из индивидуальных условий их существования цели, люди в то же

[218] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 1-е изд. М., 1935. Т. XXVII. С. 280–281.

время реализуют всеобщие принципы мирового духа: «Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»[219].

Втянутость в процесс порождает обусловленность своей противоположностью и заботу о ее сохранении. Так, во Франции в середине августа 1849 года с уходом республиканского Национального собрания на двухмесячный перерыв роялисты оставили в качестве стражей республики комиссию из сливок легитимистской и орлеанистской партий. «Ирония была глубже, чем они ожидали, – писал К. Маркс. – Приговоренные историей способствовать падению монархии, которую они любили, они были предназначены ею к охранению республики, которую ненавидели» (7: 73).

Формулой «Реакция выполняет программу революции» (13: 432) К. Маркс характеризовал судьбу «душеприказчиков» революции. Даже при победе контрреволюции общество не возвращается к прежнему состоянию и вынужденно продвигаться вперед. Так, наполеонизм выступил в роли душеприказчика революции 1789 года. Правда, «программа революции в руках реакции превращается в сатиру на соответствующие революционные стремления и становится, таким образом, самым смертоносным оружием в руках непримиримого врага» (ib.).

Ф. Энгельс также отмечал, что Луи Бонапарту, К. Б. Кавуру и О. Бисмарку – душеприказчикам революции 1848 года – удалось осуществить ее действительные задачи: восстановление угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы и обеспечение независимости Италии, Германии, Венгрии (35: 219-220). «…Это произошло, как говорил Карл Маркс, потому, что те самые люди, которые подавили революцию 1848 г., были вопреки своей воле ее душеприказчиками», – писал Ф. Энгельс (22: 381). И добавлял: «Могильщики революции1848 г. стали ее душеприказчиками» (22: 537). И почти полвека спустя император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I настаивал на проведении в 1894 году избирательной реформы: «Но какая ирония истории: император, созданный в декабре 1848 г. специально для того, чтобы убить революцию, призван снова начать ее сорок шесть лет спустя!» (39: 270).

Констатируя, что «история, то есть мировая история, становится все более иронической» (31: 198), Ф. Энгельс приводил в пример О. Бисмарка, который, управляя внутри страны по видимости феодальными и абсолютистскими методами, вовне усердно проводил политику буржуазии, вступая на путь, «по которому можно двигаться только при помощи либеральных, даже революционных средств, и при этом заставляет своих собственных заскорузлых юнкеров каждый день вступать в противоречие со своими собственными принципами» (ib.). В дальнейшем Бисмарк был вынужден «вопреки своим прежним взглядам, ввести свободу промышленности, свободу передвижения из одного немецкого государства в другое и прочие буржуазные реформы, – правда, в бюрократически изуродованном виде…» (19: 290). Необходимость этого Ф. Энгельс объяснял тем, что в составе новообразованной Германской империи Пруссия подчинила себе Малую Германию, но в империи прусское юнкерство стало исчезающим меньшинством и обузой (ib.).

[219] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 79.

29.4. Комизм и трагизм иронии истории

Ирония – это разновидность комического. Объектом иронии является преимущественно невежество.

О лидере английских фритредеров Р. Кобдене говорилось, что он «не принадлежит к числу счастливых пророков» (8: 533). После путешествия по континенту он объявил, «что все находится в наилучшем порядке, что времена насилия отошли в прошлое, что народы целиком и полностью поглощены торговой и промышленной деятельностью и отныне избрали для себя спокойный, чисто деловой путь развития, без политических бурь, взрывов и потрясений» (ib.). Но вслед за этим «разразилась революция 1848 г., сыграв в некотором роде роль иронического эха к кротким предсказаниям г-на Кобдена. Он говорил о мире там, где никакого мира не было» (ib.). И более того, Ф. Энгельс предполагал, что пацифисту Р. Кобдену «по известной, особенно сверкающей сейчас иронии всемирной истории» в ближайшем будущем придется вести «жестокую войну, возможно, со всем континентом» (ib.: 226).

Отмечалась определенная непрозорливость в отношении судьбы русского царизма. Если в революцию 1848–1849 годов «царя провозгласили главой европейской реакции» (19: 305), то в 1880-е годы «он – содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» (ib.).

Близорукость исторического видения проявляется и в том, что борьба буржуазных партий выгодна пролетариату: «Ведь в том-то и заключается действующая в нашу пользу ирония истории, что различные элементы этой феодальной и буржуазной массы к нашей выгоде борются между собой, грызутся и пожирают друг друга… Все эти разношерстные прохвосты должны сначала расправиться друг с другом, совершенно обессилить и скомпрометировать друг друга и тем самым подготовить почву для нас, поочередно доказав свою неспособность» (36: 32–33).

Противоборствующие партии вынуждены обращать за поддержкой к рабочей партии и вступать с ней в соглашения, благодаря чему дело подвигается вперед, а это главное. И они не могут действовать иначе: «Великолепная ирония мировой истории: каждая из двух старых партий вынуждена апеллировать к рабочим, делать им уступки, чтобы остаться у власти или пробиться к ней, и каждая при этом чувствует, что именно этим оказывает помощь своему собственному преемнику… Что значат крохи нашего остроумия по сравнению с потрясающим юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии!» (38: 338). Таким образом, ирония история обращается на пользу пролетариату.

Комментируя колоссальные успехи буржуазии, надеющейся на решительные победы, Ф. Энгельс в 1848 году писал: «Она собирается перекроить весь мир по своей мерке, и на значительной части земного шара ей это удастся. Мы не друзья буржуазии, это известно. Но на сей раз мы ей охотно предоставляем торжествовать. Мы можем отнестись со спокойной улыбкой к высокомерному взгляду, который она, в особенности в Германии, бросает свысока на кажущуюся столь незначительной кучку демократов и коммунистов. Мы ничего не имеем против того, чтобы она повсюду осуществила свои намерения. Более того. Мы не можем даже удержаться от иронической усмешки при виде той страшной серьезности, того патетического воодушевления, с которыми буржуа почти всюду добиваются достижения своих целей. Эти господа действительно думают, что они работают для самих себя. Они достаточно ограничены, чтобы считать, что с их победой мир приобретет свой окончательный облик. А между тем яснее ясного, что они повсюду только прокладывают путь для нас – демократов и коммунистов, что они завоюют лишь самое большее несколько лет полного тревог блаженства, чтобы вскоре после этого быть свергнутыми в свою очередь. Повсюду за спиной буржуа стоит пролетариат, то разделяя их стремления и отчасти их иллюзии, как в Италии и Швейцарии, то держась молчаливо и осторожно, но исподволь подготавливая свержение буржуа, как во

Франции и Германии, то, наконец, как в Англии и Америке, – в состоянии открытого восстания против господствующей буржуазии. Но мы можем сделать еще больше. Мы можем все это прямо сказать буржуа, можем раскрыть свои карты. Пусть буржуа знают заранее, что они работают лишь нам на пользу. И все же они несмотря на это не смогут прекратить свою борьбу против абсолютной монархии, дворянства и попов. Они должны либо победить, либо уже сейчас погибнуть. И очень скоро в Германии им придется обратиться за помощью именно к нам. Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. Вы должны убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальщину, вы должны осуществить централизацию, вы должны превратить все более или менее неимущие классы в настоящих пролетариев – наших новобранцев. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать для нас основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения. В награду за это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, наслаждаться блеском созданного вами величия. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте, что “Палач стоит у порога”» (4: 469-470).

Ф. Энгельс гордился: «Мы достигли того, что все наши противники, что бы они ни делали, вопреки самим себе работают на нас» (21: 267). И далее продолжал: «Вот к чему мы пришли. Все события обращаются в нашу пользу. Меры, наиболее тщательно рассчитанные на то, чтобы помешать успехам пролетариата, только ускоряют его победоносное шествие. Сам враг действует, вынужден действовать нам на пользу» (ib.: 268). А также заключал: «Мы дожили теперь в Германии до такого положения, что можем просто сложить руки и заставить наших врагов работать на нас» (36: 108). Например, «бравый Бисмарк работает на нас, как полдюжины верблюдов» (ib.: 32).

Эффект комического вызывает алогизм, непоследовательность. К. Маркс описывал подобную непоследовательность как «нормальную» для революции 1848 года во Франции: «Период, с которым мы имеем дело, заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: перед нами конституционалисты, открыто организующие заговоры против конституции, революционеры, открыто признающие себя сторонниками конституционных действий, Национальное собрание, желающее быть всесильным и неизменно ведущее себя по-парламентски; Гора, видящая свое призвание в терпении и возмещающая свои поражения в настоящем предсказаниями побед в будущем; роялисты в роли patres conscripti республики, вынужденные обстоятельствами удерживать за границей враждующие между собой королевские династии, приверженцами которых они являются, а во Франции поддерживать республику, которую они ненавидят; исполнительная власть, видящая силу в своей слабости и свой престиж во внушаемом ею презрении; республика, представляющая собой не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий – Реставрации и Июльской монархии – под ярлыком империи; союзы, в основе которых лежит разъединение; борьба, основной закон которой – не доводить борьбы до конца; разнузданная бессодержательная агитация – во имя спокойствия; торжественнейшая проповедь спокойствия – во имя революции; страсти, лишенные истины; истины, лишенные страсти; герои без подвигов; история без событий; развитие, единственной движущей силой которого является, по-видимому, календарь и которое утомляет монотонным повторением одних и тех же состояний напряженности и разрядки; противоположности, периодически доходящие до высшей точки как будто только для того, чтобы притупиться и сойти на нет, не будучи в состоянии разрешиться; претенциозно выставляемые напоказ усилия и мещанский страх перед надвигающимся светопреставлением в то время, как спасители мира предаются самым мелочным интригам и придворному комедиантству, напоминая своей беспечностью скорее времена Фронды, чем страшный суд; официальный совокупный гений

всей Франции, посрамленный лукавой тупостью одного человека; всеобщая воля нации, ищущая себе – всякий раз, как она проявляется во всеобщем голосовании, – достойного выражения в лице закоренелых врагов интересов масс, пока она, наконец, не находит его в своеволии одного флибустьера» (8: 142).

Оценивая результаты революций 1848 года, Ф. Энгельс резюмирует: «…комические результаты движения во всех странах; ведь ничего серьезного и важного не получилось – одна лишь колоссальная ирония истории и концентрация русских военных сил» (28: 490). Впрочем последнее – немаловажный геополитический фактор, а кроме того Ф. Энгельс упоминает крушение старых монархических партий (ib.) и истощение сил пролетариата (ib.: 489).

Ирония истории может быть трагичной. Рассказывая о дебатах по польскому вопросу во Франкфуртском собрании в 1848 году, Ф. Энгельс писал: «Г-н Йордан в своей речи говорил о трагической иронии мировой истории. Гражданин Руге являет этому убедительный пример. Он, как и вся более или менее идеологическая левая, видит, как его самые дорогие, излюбленные мечты, величайшие усилия его мысли разбиваются об интересы класса, представителем которого он является. Его филантропически-космополитический проект разбивается о скаредные торгашеские души, и он вынужден, сам того не сознавая и не желая, в более или менее идеологически искаженном виде представлять интересы этих самых торгашеских душ. Идеолог полагает, а купец располагает. Трагическая ирония мировой истории!» (5: 385).

Трагична ирония истории для рабочей партии, если она будет решать буржуазно-демократические задачи. Когда к бреши «бросаются коммунисты и призывают буржуазию выполнять то, что составляет ее прямой долг» (21: 208), то «в противовес старому, феодальному обществу буржуазия и пролетариат образуют новое общество, выступают совместно. Призыв, естественно, остается безуспешным и ирония истории такова, что эта же самая буржуазия теперь судит, с одной стороны, революционного пролетарского коммуниста, а с другой – контрреволюционное правительство» (ib.: 208-209). Плоды революции, в которой пролетариат выполняет работу буржуазии, достаются, в конечном счете, классу капиталистов (22: 381-382).

Таков исход событий в случае поражения пролетариата, не достигшего «еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство» (22: 381). Но он и не лучше при его преждевременной победе: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже… И самое лучшее, что можно сделать, – это уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет» (28: 490–491).

Выступление против военно-бюрократического государства в Германии Ф. Энгельс считал политическим безумием. Даже демонстрация могла быть воспринята как мятеж. «Лучшей демонстрацией немецких социалистов является само их существование и их неторопливое, равномерное, неодолимое движение вперед. Мы еще далеки от того, чтобы выдержать открытую борьбу…» – предупреждал он в 1891 году (38: 15). Лучший признак прогресса, как писал Ф. Энгельс, обращаясь к П. Лафаргу, это когда «вы вызываете страх не как мятежная сила случайного действия, а как сила постоянная, организованная, политическая» (ib.: 298).

Отзываясь о первомайских демонстрациях в том же году, Ф. Энгельс писал: «Опасность в странах с революционным прошлым заключается в том, что каждая новая область, захваченная социализмом, желает совершить революцию в 24 часа. Нет никакой необходимости подталкивать людей вперед, напротив, их следует сдерживать. В особенности валлонцы не признают ничего, кроме мятежа, в котором они почти всегда бывают разбиты. Посмотрите на борьбу бельгийских шахтеров: никакой или почти никакой организации, не признающее никаких преград нетерпение, а следовательно, и верное поражение» (38: 87-88). Правда, вероятными и вынужденными он считал революционные шаги против буржуазного государства «в защиту законов, установленных самой буржуазией» (20: 644).

«Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами», – констатировал Ф. Энгельс (22: 546). Для пролетариата он полагал более выгодным использование легальных средств борьбы. Если партии порядка в отчаянии будут сами нарушать законность, проводить еще более свирепые законопроекты, превращать «весь уголовный кодекс в каучук» (ib.: 547), то они продемонстрируют свое бессилие. И прежде всего потому, что все современные государства – продукт ряда договоров: «во-первых, договора между государями и, во-вторых, договора между государями и народом» (ib.). Установление диктатуры нарушает договор, что освобождает других участников от обязательств по его соблюдению и поддержанию, следовательно, государственной целостности.

Ирония истории – это оптимистическая трагедия, так как она создает предпосылки для дальнейшего движения. Важнейший результат европейской революции 1848 года, по оценке Ф. Энгельса, это «всеобщая, самая решительная, самая кровожадная и самая насильственная контрреволюция, которая, впрочем, сама является лишь фазой европейской революции, и поэтому ее неизбежным плодом явится новый, всеобщий и победоносный революционный ответный удар» (6: 217). В поражениях революции 1848 года «погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений» (7: 7). В итоге революция «порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию» (ib.).

Поэтому битвы революций 1848 года были не напрасны. Обеспечение национального единства и независимости Италии, Германии, Венгрии стало необходимым условием установления господства буржуазии, бурного развития крупной промышленности и образования многочисленного, сконцентрированного, сильного пролетариата. Тем самым готовилась почва для социалистической революции (22: 381-382).

Глава 30. ПРЕДВАРЯЯ «ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ» [220]

30.1. Мистерия общественных форм

Характеризуя буржуазное общество, К. Маркс пишет о мистическом туманном покрывале, наброшенном на строй общественного жизненного процесса (23: 90). Точнее, последний сам порождает своего рода испарения, туманные образования в качестве необходимого продукта (3: 25).

В буржуазном обществе товар – это «вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений» (23: 80-81). Чудеса и привидения окутывают туманом продукты труда, порождая мистицизм товарного мира (ib.: 86). Этот феномен К. Маркс называет фетишизмом товара.

Товарная форма есть вещная оболочка, скрывающая свойство непосредственной обмениваемости, призрачную предметность (ib.: 46) затраченного труда и загадочную эквивалентную форму меновой стоимости (ib.: 67). После обмена стоимость приобретает золотое облачение – свою денежную маску (ib.: 126). Товаровладельцы в экономических масках покупателя и продавца (ib.: 159) выглядят лишь как представители товаров.

При капиталистическом способе производства, как убежден К. Маркс, «этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие» (25-II: 394). В своем жизненном кругообороте стоимость, постоянно меняя денежную форму на товарную форму и обратно, превращается в автоматически действующего субъекта и самовозрастает: «Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег» (23: 165). Политэкономы завершают мистификацию капиталистического способа производства в формуле «капитал – процент, земля – земельная рента, труд – заработная плата»: «…Получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital и madame la Terre как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш» (25-II: 398).

К. Маркс думал, что другие общественно-производственные организмы более прозрачны, менее загадочны и в них отсутствует прозаически реальная мистификация, при которой проявления скрывают истинное отношение и создают видимость отношения прямо противоположного (23: 550). Наряду с этим он указывал, что даже «семейная связь с ее естественно развившимся разделением труда накладывала на продукт труда свою своеобразную общественную печать» (13: 20). Да и любой продукт труда является непростой и нетривиальной вещью, таящей человеческий замысел и свои социальные функции.

В мрачном европейском средневековье люди выступают по отношению друг к другу в характерных масках и облекаются в соответствующие костюмы (23: 87-88). Образуются своеобразные соотносительные определения: «Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они – подданные потому, что он король» (ib.: 67). Пэром или королем от рождения человек является лишь в силу общего признания: «Лишь признание делает рождение этого человека рождением короля; следовательно, королем делает человека не рождение, а признание его таковым» (2: 342).

К. Маркс также напоминал: «Характерно, что вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались mysteries (mysteres) [тайнами], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный. Только крупная промышленность разорвала за-

[220] La Société du spectacle» (1967) – произведение Ги Дебора, в котором популяризуется концепция товарного фетишизма К. Маркса. См.: *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 1999.

весу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению к другой и даже для посвященного в каждую отрасль» (23: 497).

Мистическое туманное покрывало наброшено и на деятельность чиновничества: «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру – ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне» (1: 272).

Отсюда стремление французских просветителей, занимавшихся составлением «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», «снимать покров таинственности с тех загадочных форм, которые имели человеческие отношения и возникновение которых еще не умели объяснить» (23: 101). Буржуазии удалось лишить «священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом» (4: 427). Она также «сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров» (ib.).

К. Маркс видел задачу коммунистов в разоблачении старого мира (1: 378). Предстоящая реформа состояла, по его убеждению, в том, «чтобы дать миру уяснить себе свое собственное сознание, чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий» (ib.: 381). Ставя в пример фейербаховскую критику религии, К. Маркс заключал: «Таким образом, наш девиз должен гласить: реформа сознания не посредством догм, а посредством анализа мистического, самому себе неясного сознания, выступает ли оно в религиозной или же в политической форме» (ib.). Поэтому основные работы основоположников исторического материализма написаны в жанре критики.

Самую глубокую тайну общественного строя и государства, скрытую под идеологическими наслоениями, К. Маркс видел в отношении собственников условий производства к непосредственным производителям – в отношении, форма которого «естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего» (25-II: 354). Предполагалось, что в условиях планомерной организации общественной жизни общественные отношения людей будут прозрачно ясными (23: 89). Но новой мистификацией стал фетишизм плана. Таким образом, наряду с «расколдовыванием» и рационализацией общественной жизни продолжилось ее «заколдовывание».

30.2. Карнавализация в истории

Существовали моменты (например, в Древнем Риме), когда философия обращала свой взор на внешний мир, выступала как действующее лицо и завязывала интриги с миром: «Это карнавал философии; тогда она принимает собачий облик, как киник, рядится в одежду жреца, как александриец, или в душистое весеннее одеяние, как эпикуреец. Для нее существенно теперь то, что она надевает на себя характерные маски» (40: 109). Как говорилось о философах в «Немецкой идеологии», «народ считал их публичными скоморохами, а римские капиталисты, проконсулы и т. д. нанимали их в качестве придворных шутов для того, чтобы они, поругавшись за столом с рабами из-за нескольких костей и корок хлеба и получив особое кислое вино, забавляли вельможу и его гостей занятными словами – “атараксия”, “афазия”, “гедоне”» (3: 128). Философы стали шутами, но результаты вульгарно-философского просвещения легли в основу первоначального христианства (19: 308–309).

Короли нищих, использовавшиеся в качестве связных во время крестьянской войны в Германии, носили оригинальные костюмы. У одного «на шапке было более восьми священных эмблем (“четырнадцать святых заступников”, св. Оттилия, пречистая дева и т. д.)» (7: 383). «Другой попрошайничал во имя св. Валентина, торговал пряностями и цитварным семенем,

носил длинный кафтан цвета железа, красный берет с триентским младенцем, шпагу на боку, несколько ножей и кинжал за поясом; некоторые выставляли напоказ искусственно растравляемые раны и носили подобные же причудливые костюмы», – писал Ф. Энгельс (ib.).

Лютеранская реформация в Германии выродилась, но кальвинистская реформация «послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии… и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившего в Англии» (21: 315).

К. Маркс давал следующее объяснение практике идеологического маскарада: «И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793–1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени – освобождение от оков и установление современного буржуазного общества <…> Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина – все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе Колларах, Бенжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созиданием богатства и мирной конкурентной борьбой, оно уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, – для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак.

В 1848–1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого republicain en gants jaunes [республиканца в лайковых перчатках], переодетого в костюм ста-

рого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы» (8: 119–121).

Во французской революции 1848 года «с механизма старой монархии были сорваны роялистские ярлычки и на их место приклеены республиканские» (7: 39). Роялисты превратились в республиканцев, а республика стала «лишь новым бальным нарядом для старого буржуазного общества» (ib.: 19). Глава правительства Л. Э. Кавеньяк надел «строгую маску древнереспубликанской скромности» (ib.: 39).

Театрализация становилась национальной традицией. Характеризуя деятельность Центральной хунты в Испании в 1808 году, К. Маркс писал: «Как напыщенные герои Кальдерона, которые, принимая условные титулы за настоящее величие, докладывают о себе утомительным перечислением своих титулов, так и Хунта прежде всего занялась присвоением себе почестей и отличий, соответствующих ее выдающемуся положению. Ее президент получил титул “высочества”, прочие члены – “превосходительства”, а всей Хунте в целом был присвоен титул “величества”. Ее члены нарядились в маскарадный мундир, похожий на генеральский, украсили грудь значком, изображающим Старый и Новый свет, и назначили себе годовое содержание в 120000 реалов. В полном согласии с духом старой испанской традиции они считали, что величественно и достойно вступить на историческую сцену Европы вожди восставшей Испании могут, только задрапировавшись в театральные костюмы» (10: 445).

Собственным призраком служил генерал Б. Эспартеро, лидер партии прогрессистов, регент Испании (1841–1843) и глава правительства (1854–1856). Утратив популярность в период регентства, он снова стал «спасителем страны и “мечом революции”» (10: 376) и с триумфом 29 июля 1854 г. вступил в Мадрид. Данный феномен К. Маркс объяснял следующим образом: «Длительные периоды жестокой реакции имеют изумительное свойство восстанавливать престиж павших вождей, потерпевших неудачу в революции. Чем большим воображением одарен народ, – а где оно больше, чем на юге Европы, – тем сильнее его стремление противопоставить лицу, воплощающему деспотизм, лицо, воплощающее революцию. Так как он не может создать сразу такое лицо из ничего, народ воскрешает отживших героев своих прошлых движений» (ib.). Но этот Эспартеро «не был реальным лицом; это был призрак, имя, воспоминание» (ib.).

К. Маркс полагал, что революция будущего должна покончить со всяким суеверным почитанием старины. Она не нуждается в воспоминаниях о прошлом и в самообмане: «Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы» (8: 122).

30.3. Трагедия и комедия в истории

История испокон существующего старого порядка была трагической (1: 418). А ход истории таков, что «последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия» (ib.).

Разыгрываемые деспотизмом комедии довольно опасны, так как «государство – слишком серьезная вещь, чтобы можно было превратить его в какую-то арлекинаду» (ib.: 372). Так, настоящая военная комедия – война Германского союза с Данией за Шлезвиг-Гольштейн (5: 32). Но «сцена этого театра освещается горящими деревнями Шлезвига, а хор составляют датские “мародеры”, а также добровольцы, которые взывают о мести» (ib.: 33). Аналогично оценивалась Крымская война: «Крымская война была единственной в своем роде колоссальной комедией ошибок, в которой перед каждой новой сценой спрашиваешь себя: кто же на этот раз будет обманут? Но эта комедия стоила несметных затрат и более миллиона человеческих жизней» (21: 427).

Во все время господства в республиканской Франции Учредительного собрания, «пока оно разыгрывало на авансцене лицедейство для почтеннейшей публики, в глубине сцены происходило непрерывное жертвоприношение – бесконечные приговоры военно-полевых судов, выносимые пленным июньским инсургентам, или ссылка их без суда» (7: 35). Комедия революции 1848 года в Германии «имела трагический конец из-за кровожадности контрреволюции» (ib.: 207).

Ф. Энгельсу казалось, что «историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз – в виде жалкого фарса» (27: 341). Это его беспокоило в связи с перспективой повторения после состоявшегося 2 декабря 1851 г. во Франции бонапартистского государственного переворота всех исторических событий, последовавших с переворотом 9 ноября 1799 г. (18 брюмера по республиканскому календарю), в результате которого была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта: «Как далеко мировой дух, видимо, очень раздосадованный на человечество, заведет этот фарс, придется ли нам в течение одного года пережить Консульство, Империю, Реставрацию и т. д., необходимо ли, чтобы наполеоновскую династию поколотили на улицах Парижа, прежде чем она станет невозможной во Франции, – этого и сам черт не знает» (ib.). Действительно, впоследствии псевдо-Бонапарт каждые два года разыгрывал пародию на один из номеров старой наполеоновской программы – русский поход, итальянская кампания, мелодраматические угрозы по адресу Англии (13: 472–473).

Обобщая мысль Ф. Энгельса, К. Маркс писал, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются первый раз в виде трагедии, а второй раз в виде фарса: «…Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг. племянник вместо дяди» (8: 119). Таким образом, констатировалось воспроизводство исторической структуры со всеми сценическими положениями и ролями. Правда, это воспроизводство – движение от трагедии к фарсу как простому драматическому жанру – представляло регрессивный метаморфоз (32: 242).

Если история в определенном своем фазисе оказывается комедией, то преуспевает тот, кто входит в роль, как например, будущий император Наполеон III: «Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости» (8: 168). В различных акциях он и французская буржуазия играли «чистейшую комедию, правда, с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета» (ib.). Так, во время его избирательной кампании «прирученный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла». В Булони он напялил на лондонских лакеев французские мундиры: они представляли армию. И уже не вызывало сомнений то, что «авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить» (ib.).

После победы он «принял всерьез свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном, – лишь тогда он становится жертвой своего собственного мировоззрения, превращается в серьезного шута, теперь уже не всемирную историю считающего комедией, а свою комедию – всемирной историей» (ib.: 168-169). Великие державы Европы облегчили паяцу его роль и обеспечили усердную клаку в партере и на галерке, но все военные авантюры совершались за счет Франции, без расширения ее границ и в том месте, которое «Европа всякий раз соблаговолит указать ему для выполнения его роли» (13: 471).

Во внутренней политике Наполеон III использовал такой комедийный трюк как вывод «на сцену старых, уже отыгравших свои роли personae dramatis [действующих лиц] в качестве блистающих новизной героев» (15: 383). Министры, главы ведущих газет и другие деятели

выстраиваются в карусель, меняя свои поприща. «Они – лишь различные маски» (ib.: 384), представляющие отдельные черты облика императора.

Поскольку всякое дело имеет свою комическую сторону, то не избежал этого и 2-й конгресс Интернационала, проходивший в 1867 г. в Лозанне. Но в целом буржуазная пресса видела в нем «грозящую неотвратимую трагедию», тогда как состоявшийся несколькими днями позже в Женеве учредительный съезд Лиги мира и свободы был воспринят «как фарс и комедийное зрелище» (16: 466).

30.4. История как многоактная драма

По оценке К. Маркса, история французов – «меткая эпиграмма, настоящее художественное драматическое произведение» (28: 24). Оно разыгрывается как театральный спектакль[221].

С провозглашением Второй республики во Франции на основе всеобщего избирательного права все классы французского общества «вдруг были привлечены к участию в политической власти, принуждены были оставить ложи, партер и галерею и выйти на революционную сцену в качестве действующих лиц» (7: 714). С назначением О. Барро 20 декабря 1848 г. премьер-министром первым актом правления стала реставрация старой роялистской администрации, и «в один миг преобразилась вся официальная сцена – кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, позиция партий, движущие силы драмы, сущность коллизии, вся обстановка» (ib.: 46).

Неразрешенность исторических противоречий, когда отголоски прошлого продолжают тяготеть над народами (1: 418), определяет возвращение к основаниям развития и к их расширению, что ведет к новым циклам, к повторному воспроизведению событий. Иногда возникает впечатление, что «общество очутилось теперь позади своего исходного пункта, на самом же деле ему приходится еще только создавать себе исходный пункт…» (8: 122).

Например, буржуазные революции, казалось бы, «стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом…» (ib.). Но когда они достигают апогея, «общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска» (ib.). Поэтому повторение буржуазных революций неизбежно.

Так и совершаемые при участии пролетариата революции XIX века «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезывающее всякий путь к отступлению…» (ib.: 122-123).

В частности, во Франции в 1869 г. К. Маркс отмечал очень интересное движение: «Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе» (32: 496). Уроки содействовали тому, что в дальнейшем «народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов» (17: 561).

[221] Сдержанный эгоизм немцев определяет другую эстетику социума: «Отношение между различными сферами немецкого общества поэтому не драматическое, а эпическое» (1: 426).

В оценке неоднократной повторяемости событий следует исходить из формулы К. Маркса: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни» (1: 418). Иначе говоря, борьба с прошлым и его снятие – не разовый, а многоэтапный процесс.

Так, жизненная история французской революции, начавшейся с 1789 г., не закончилась ни в 1830 г., когда одержал победу один из ее моментов (2: 148), ни в 1848 г. С правления Луи Бонапарта «период революций снизу на время закончился; последовал период революций сверху» (22: 536).

В 1845 г. социальное движение в Европе Ф. Энгельс характеризовал как «лишь второй акт революции, лишь подготовку к развязке той драмы, которая началась в 1789 г. в Париже, а теперь охватила своим действием всю Европу» (2: 590).

Как историческая многоактовая драма описываются события революции 1848 г.: «В Вене только что закончился второй акт драмы, первый акт которой был разыгран в Париже под названием “Июньские дни”. В Париже мобили, в Вене “хорваты”, и тут и там лаццарони – вооруженный и подкупленный люмпен-пролетариат – против занятого трудом мыслящего пролетариата. В Берлине мы скоро переживем третий акт» (5: 494).

Завершение одной драмы может находить продолжение в начале другой драмы. В событиях в Италии Ф. Энгельс видел пролог движения 1849 г., а в войне против мадьяр – эпилог движения 1848 г. «Возможно, что этот эпилог выльется еще в новую драму, которая подготовляется втайне», – писал он (6: 175). Кроме того, отмечается действие закономерности повторения сценических положений: «Этот эпилог отличается столь же героическим характером, как первые, быстро следовавшие одна за другой сцены революционной трагедии 1848 года, как падение Парижа и Вены; своим героическим характером он выгодно отличается от жалких или незначительных эпизодов периода между июнем и октябрем. Последний акт 1848 года переходит через терроризм в первый акт 1849 года» (ib.). Отсутствие в ряде эпизодов повторных героических комплексов лишает драму единства действия и цельности.

Ф. Энгельс полагал важным последовательно пройти все акты революционного процесса. Возможность господства рабочей партии может наступить, на его взгляд, только тогда, когда все официальные партии «в борьбе между собой потерпят крах одна при помощи другой и одна вслед за другой» (35: 319). И очень плохо пришлось бы рабочей партии, если бы она начала революцию немедленно с ее последнего акта, то есть сразу выступила против всех официальных партий, сплоченных в единую реакционную массу.

По общему правилу, «всякая партия, стремящаяся прийти к власти прежде, чем обстоятельства позволяют ей осуществить свою собственную программу, обречена на гибель; но нетерпение буржуазных партий так велико, что все они раньше времени разбиваются об этот подводный камень» (36: 410). «…Пока мы еще не можем сами активно творить историю, – писал Ф. Энгельс, – мы заинтересованы в том, чтобы историческое развитие не приостанавливалось, а для этого нужна грызня буржуазных партий между собой» (38: 154).

Глава 31. МИР-СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД [222]

31.1. Взаимозависимость

С диалектико-материалистической точки зрения мир есть система, связное целое (20: 630) или взаимная связь тел, воздействующих друг на друга (ib.: 392). Общественные тела – от людей и социальных вещей до общественных организмов – также находятся во взаимной связи и взаимообусловленности.

Взаимообусловленность в общественной жизни Ф. Энгельс иллюстрировал на примере развития России в период после Крымской войны: «Армию погубили гигантские пространства империи, погубили продолжительные переходы к театру военных действий; необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог. Но железные дороги означают создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия. С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступают земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя создать одну отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с ней всю систему; текстильная промышленность сравнительно современного типа, уже раньше пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян от крепостной зависимости порождало свободу передвижения, причем следовало ожидать, что вслед за тем само собой произойдет освобождение значительной части этих крестьян и от владения землей» (22: 450).

В общественной жизни относительная независимость, самостоятельность снимается взаимозависимостью, когда одно является необходимой причиной другого. Существо самостоятельно, если «обязано своим существованием самому себе» (42: 125). Человек есть существо зависимое, так как живет милостью других – тех, кто создал его жизнь и ее поддерживает. «Народному сознанию непонятно чрез-себя-бытие природы и человека, потому что это чрез-себя-бытие противоречит всем осязательным фактам практической жизни», – писал К. Маркс (ib.).

Первоначально взаимозависимость людей, основанная на кровном родстве или господстве и подчинении, имеет локальный и личный характер. В первобытности и в традиционном обществе «отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью» (23: 346).

В европейском средневековье личная зависимость характеризует все сферы жизни: здесь «все зависимы – крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы» (ib.: 87). Но уже в феодальном обществе личные отношения отчасти принимали вещный характер («развитие отношений земельной собственности из отношений чисто военной субординации» (46-I: 108), круговорот натуральных служб и повинностей (23: 87)). Но эти вещные отношения имели ограниченный, определенный природой характер и поэтому представлялись личными (46-I: 108).

С развитием товарного производства узы личной зависимости подрываются и разрываются: они замещаются отношениями вещной зависимости. Члены гражданского общества вовсе не самодовлеющие атомы, несвязанные с другими существами (2: 133). Можно лишь воображать себя «самодовлеющим, лишенным потребностей, абсолютно полным, блаженным существом» (ib.). Себялюбие эгоистического человека становится его «любовью к другим вещам и другим людям, находящимся вне его» (ib.). Он вынужден создавать реальную связь

[222] Мир-системный взгляд эксплицирован в мир-системном анализе. Наиболее удачная работа: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 2006.

с другими индивидуумами, обладающими предметами его потребностей: «…*интерес,* – вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества» (ib.).

Так, повторяющиеся вспышки эпидемических заболеваний показали английскому буржуа, что если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней, то необходимо улучшить санитарное состояния городов (21: 262). Как следствие, проведена (или улучшена) канализация, проложены широкие улицы.

Взаимная зависимость товаровладельцев обусловлена вещественным различием товаров как основанием обмена (23: 171). Взаимозависимость состоит в том, что «каждый является одновременно и средством, и целью, и притом достигает собственной цели, только становясь средством для другого, а средством для другого становится лишь постольку, поскольку достигает своей цели…» (46-II: 452).

В товарном производстве возникает взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу производителей: «Производство каждого отдельного лица зависит от производства всех других; точно так же превращение его продукта в жизненные средства для него самого стало зависеть от потребления всех остальных» (46-I: 99). Благодаря разделению труда «независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» (23: 118).

В мире казалось бы независимых друг от друга частных собственников «сквозь частную собственность слышим биение *человеческого сердца:* это – зависимость человека от человека» (1: 338). Так отношения вещной зависимости превращаются «во всеобщую форму – выработку всеобщей основы отношений личной зависимости» (46-I: 108).

Взаимозависимость обнаруживается и в международных отношениях. «Наконец, июньское поражение открыло деспотическим державам Европы ту тайну, что Франции необходимо во что бы то ни стало сохранять мир с соседями, чтобы быть в состоянии вести гражданскую войну у себя дома, – замечал К. Маркс. – Это отдало во власть России, Австрии и Пруссии народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, но в то же время судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы пролетарской революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота. Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!» (7: 31).

31.2. Совместное действие

Взаимозависимость необходимо приводит к непосредственному или опосредствованному взаимодействию различных, взаимообусловленных факторов. Вследствие устойчивого взаимовлияния возникают ситуации направленного совместного действия (вместе-действия) – в виде содействия или противодействия.

Характеризуя становление человека, Ф. Энгельс обращал внимание на совместную деятельность руки, органов речи и мозга, благодаря чему «люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их» (20: 493). В дальнейшем развитие труда «способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена» (ib.: 489).

В совместной деятельности индивидов возникает умноженная производительная сила, т. е. новая социальная сила (3: 33). Каждой общественной ступени развития производительных сил соответствуют определенные способы совместной деятельности (3: 28).

Так, линейный строй пехоты, усовершенствованный Фридрихом II, был необходимым следствием совместного действия двух материальных факторов: «Одним из этих факторов был людской состав навербованного монархами войска, которое отчасти составлялось даже

из вражеских, насильно зачисленных в армию военнопленных, – оно было хорошо вымуштровано, но ненадежно, и только палка держала его в повиновении. Вторым фактором являлось вооружение – неуклюжие тяжелые пушки и гладкоствольное, быстро, но плохо стрелявшее кремневое ружье со штыком» (20: 657). Условия американской и французской революций определили другие способы организации боя.

Феодальная Европа образовывала иерархию сложного типа. В этой компактной культурной области «впервые возникла система преимущественно национальных государств, которые друг на друга влияли и держали друг друга в страхе» (ib.: 105). Следствием стал эффект интериоризации внешних взаимодействий: «Таким путем была подготовлена почва, на которой только и стало возможным в позднейшее время говорить о человеческом равенстве, о правах человека» (ib.: 105-106).

Описывая разложение феодализма и возникновении национальных государств в Европе Ф. Энгельс указывал на ряд причин, совместное действие которых «усиливалось из года в год вследствие их возрастающего взаимного влияния друг на друга, все более ускорявшего развитие в одном и том же направлении, обеспечило во второй половине XV века победу над феодализмом, хотя еще и не бюргерства, но королевской власти» (21: 415). К этим причинам он относил поддержку королевской власти и бюргерства сословием юристов, введение в действие римского права, создание королевских армий, формирование из горожан и свободных крестьян пехоты, умевшей владеть луком и арбалетом, употребление пороха и артиллерии, распространение книгопечатания.

Необычайно революционный характер XIX века обусловлен, по Ф. Энгельсу, тем, что «совместное действие пара и ветра, электричества и печатного станка, артиллерии и золотых россыпей производит в течение одного года больше изменений и революций, чем раньше происходило их на протяжении целого столетия…» (9: 33).

31.3. Концепция гегемонии

Комплекс взаимосвязанных, совместно действующих элементов образует систему. Констелляция (созвездие, сочетание) взаимно влияющих друг на друга причин может быть случайным. Но взаимное усиление как результат взаимодействия причин формирует устойчивое направление развития, приводящее к новой целостности.

Сравнивая роль различных причин, взаимовлияние которых привело к формированию буржуазного общества в Европе, Ф. Энгельс обращал внимание на два момента.

Во-первых, на ведущую роль укреплявшейся королевской власти: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, – это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним» (21: 411).

Во-вторых, на определяющую роль взаимодействия королевской власти с бюргерством: «Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, – ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, – и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника» (ib.: 411–412).

Всякое противоречивое взаимодействие есть борьба противоположностей, из которых одна играет ведущую роль. Асимметрия взаимодействия проявляется в том, что тенденция развития определяется ведущей противоположностью. Определяемая противоположность ограничивает ведущую противоположность и вместе с тем является основанием ее развития.

Описывая асимметрию в обществе, А. Грамши сравнивал ее с педагогическим отношением «учитель – ученик». Он подчеркивал, что «эти взаимоотношения существуют во всем обществе в целом и применительно к каждому отдельному индивиду в его отношении к другим индивидам, между слоями интеллигентскими и неинтеллигентскими, между правящими и управляемыми, между элитой и последователями, между руководителями и руководимыми, между авангардом и основными силами»[223]. Такое «педагогическое» отношение ведущего и ведомого А. Грамши называл отношением гегемонии и констатировал, что оно «обнаруживается не только внутри одной нации между различными составляющими ее силами, но и в международном и мировом масштабе: между комплексами национальных и континентальных цивилизаций» (ib.).

О гегемонии как о ведущей роли (руководстве, главенстве) обычно принято говорить на уровне мировой политики. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс, иллюстрируя положение Германии в первой половине XIX века, приводили следующий фрагмент из стихотворения Г. Гейне «Зимняя сказка»:

Французам и русским досталась земля,
Владеют морем бритты,
Мы же владеем царством снов,
И здесь мы пока не разбиты.
Здесь у нас гегемония есть,
Здесь мы не раздроблены, к счастью;
Другие народы на плоской земле
Развились большею частью (3: 473).

К. Маркс и Ф. Энгельс писали о надутом и безмерном национальном чванстве немцев, которые «рассматривают свои фантазии как окончательный приговор, который они выносят деятельности других народов, и так как они повсюду способны быть только зрителями, наблюдателями, то они считают себя призванными вершить суд над всем миром, утверждая, что весь исторический процесс достигает своей конечной цели в Германии» (ib.).

В 1880 г. констатировалось, что Священный союз маскировал гегемонию русского царя над всеми правительствами Европы (19: 247-248). А эта гегемония, проявлявшаяся в военном деспотизме России, Пруссии и Австрии, означала «монгольское господство над современным обществом» (ib.: 248).

Возникшая в раннем средневековье европейская система государств (20: 105) в эпоху Возрождения стала органической системой: «…Вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи» (20: 501), – а «Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе» (ib.)[224]. В XIX веке Англия – сердце буржуазного организма, конечности которого находятся на континенте (7: 100). Франция – точнее Париж – выступает мозгом, «в котором европейская цивилизация достигла своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого через определенные промежутки времени исходят электрические разряды, потрясающие весь мир…» (4: 500). Россия являлась «становым хребтом объединенного европейского деспотизма» (19: 146).

Таким образом, гегемония в европейской системе распределена между отдельными государствами. Франция – генератор исторической инициативы в Европе – инициативы революционной (5: 500) и контрреволюционной (8: 237). Англия – демиург буржуазного космоса: «Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Ан-

[223] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. С. 50.
[224] Идея системы государств в масштабе Европы и Евразии была разработана в книге: *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

глии. Первоначальный процесс всегда происходит в континенте различные фазы цикла, постоянно вновь проходимого буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме» (7: 99). Благодаря господству на мировом рынке Англия господствует над всеми народами континента (6: 82). Англия есть единственная страна, «где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире» (16: 404) и «может стать рычагом для серьезной экономической революции» (ib.).

31.4. Центр и периферия

В поступательном движении дифференцируются его центр и периферия. Центр – это источник движения, определяющий его характер. Периферия – это зона распространения движения в окружающей среде. Выделяют также полупериферийные зоны, занимающие промежуточное положение, – бывшие центральные, либо близко расположенные к центру.

Так, в европейском средневековье король в качестве верховного главы феодальной иерархии был центром притяжения вассалов, так как только король был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга. И в тоже время действовали силы отталкивания от центра, так как вассалы по отношению к королю находились в состоянии непрерывного мятежа из-за того, что «ленные отношения во всех странах образовывали клубок прав и обязанностей, пожалованных, отнятых, снова возобновленных, отобранных за проступки, измененных или как-либо иначе обусловленных, – клубок, который невозможно было распутать» (21: 411). А поскольку основным феодальным отношением является отдача земли в ленное владение за определенную личную службу и повинности (ib.), то на периферии этого порядка были мелкие крестьяне, владевшие своим участком земли на правах лена (48: 57).

Центр отличается высокой интенсивностью движения. По оценке Ф. Энгельса, колоссальная централизация людей в Лондон умножила «силы этих двух с половиной миллионов людей в сотню раз» (2: 263). Именно поэтому центр является точкой уязвимости. Занятие неприятелем центра в густонаселенных и более или менее централизованных государствах означает прекращение национального сопротивления. Так, падение Парижа ведет к падению всей Франции (13: 266).

Но в ряде редко заселенных стран – например, в рабовладельческих штатах США или в России – такой центр тяготения, с потерей которого был бы сломлено сопротивления, отсутствует. И, возможно, они «не могут быть завоеваны без занятия каждой деревни и каждого местечка, – одним словом, без занятия всей периферии» (15: 506). Точнее же, Россия фактически неуязвима и «почти абсолютно недоступна для завоевания вследствие бездорожья, протяженности территории и бедности ресурсов» (22: 16).

А Петербург – эксцентрический центр Российской империи, для которого периферию еще нужно создать[225]. Цивилизация в Германии также существовала лишь местами: «Ни один город не мог сделаться промышленным и торговым центром всей страны, каким для Англии был, например, уже Лондон» (7: 347).

Центры исторического развития смещаются. Рабовладельческие общества подрывают себя и поглощаются другими, более сильными обществами (Греция была покорена Македонией, а последняя – Римом). В результате «происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства» (20: 643).

В средние века средоточием мировых сношений была Италия (Венеция, Генуя). Добыча золота и серебра в Германии (а также в Венгрии), сравнительно высокое развитие цехового ремесла и посреднической торговли поставили Германию в 1470–1530 гг. «во главе Европы и

[225] *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века.

тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации» (37: 229).

На Балканах, где были сильны традиции транзитной торговли, центром консолидации южных славян стала располагавшая национальной историей и литературой Сербия: «Христиане в Болгарии, Фракии, Македонии и Боснии смотрят на Сербию как на центр, вокруг которого они все должны объединиться в будущей борьбе за независимость и национальное существование» (9: 34). Необходимость противостоять Турции вынудила Сербию «заимствовать у Западной Европы свои политические учреждения, свои школы, свою науку, свою промышленную организацию» (ib.), несмотря на родственную близость и общность религии русских и турецких славян.

В Новое время благодаря мануфактуре средоточие мировых сношений сместилось во Фландрию, затем в Голландию и в Англию (7: 233). Со сдвигом центра мировой промышленности в Соединенные Штаты высшие классы Англии «могут все же еще долгое время оставаться банкирами и ростовщиками мира, подобно тому как это было до них с венецианцами и голландцами в период их упадка» (19: 272-273).

Смещение центра – признак жизненности исторического движения. Именно так оценивал Ф. Энгельс динамику рабочего движения в Италии: «Тем не менее, движение идет вперед, и лучшим признаком его жизненности является то, что центр тяжести его перемещается из почтенных, но полумертвых городов Романьи в оживленные промышленные и фабричные города севера…» (ib.: 134). Оживленная экономическая жизнь позволяет возобновлять деятельность рабочих клубов, профессиональных союзов, органов пролетарской печати, преследуемых правительством.

В результате войны франко-германской войны 1870 г. центр тяжести европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию (ib.: 129). По наблюдениям Ф. Энгельса эта роль центра проявлялась в «единстве цели, отличной организации, энтузиазме, неистощимом юморе, вытекающем из уверенности в победе» (39: 90), в равномерном росте «с непреодолимой естественной силой» (38: 213). Это контрастировало с рассеянностью и разобщенностью рабочих Англии, мелочными ссорами и перебранками, приливами и отливами в рабочем движении Франции, Италии, Америки. Но центральная роль немецких рабочих возлагала на них новую ответственность и более высокие обязанности, требующие с их стороны дополнительных усилий (19: 129).

В 1902 г. К. Каутский зафиксировал дальнейшее передвижение центра тяжести революционного движения с Запада на Восток: «В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их <…> События, последовавшие за франко-прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе с тем и революционного движения в Европе из Франции в Германию. Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию»[226]. После революции 1905 года в России началось пробуждение Азии – революционно-демократические брожения, движения и революции в Турции, Персии, Китае, в английской и голландской Индиях (ПСС-23: 145–146).

[226] *Каутский К.* Путь к власти: Политические очерки о врастании в революцию; Славяне и революция. М., 1959. С. 138.

Глава 32. ПЕРЕНОС ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

32.1. Неравномерность исторического развития

В научном естествознании предполагается, как писал Ф. Энгельс, что «движение является результатом перенесения, преобразования или продолжения какого-нибудь предшествующего движения» (20: 54). Аналогично в истории, вследствие, например, колонизации или завоевания в «страну переносится в готовом виде развившаяся на другой почве форма общения» (3: 73).

Так, после норманнского завоевания Англия и Неаполь «получили наиболее законченную форму феодальной организации» (ib.). Наполеон перенес в форме войны режим революционного террора из Франции в Германию: «Французские революционные армии … проповедовали повсюду свободу и равенство. Они прогнали свору дворян, епископов и аббатов и всех тех мелких князей, которые в течение столь долгого времени играли в истории роль манекенов. Французские революционные армии расчищали почву так, как если бы они были переселенцами, продвигающимися в девственных лесах американского Дальнего Запада; допотопный лес “христианско-германского” общества исчезал при их победоносном появлении, подобно туману при восходе солнца» (2: 563).

Перенос движения возникает вследствие разницы потенциалов, которая формируется из-за неравномерности развития. Констатировалось, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» (ПСС-26: 354). Но закон неравномерности развития отдельных стран действует не только при капитализме, но и на всех этапах общественного развития, да и во всем мире. «В мире ничто не развивается абсолютно равномерно, и мы должны бороться против теории равномерности, или теории равновесия»[227], – писал Мао Цзэ-дун.

Развитие отдельных групп общественных организмов протекает с разной скоростью. Некоторые «нации уходят вперёд» (2: 550), и застой превращается в регресс. Наряду с передовыми общественными организмами сохраняются консервативные и реликтовые группы, практически не изменившиеся в ходе развития. Так, народы Австро-Венгрии находились «на самых различных ступенях цивилизации, начиная с довольно высоко развитой (благодаря немцам) современной промышленности и культуры Богемии и кончая почти кочевым варварством хорватов и болгар» (6: 182).

Наряду с этим менее успешные, отстающие и периферийные и формы могут стать началом скачка на альтернативных направлениях развития.

По мнению Ф. Энгельса, первыми из массы варваров выделились пастушеские племена. Они производили больше, чем остальные племена, и имели молочные продукты, шерсть, пряжу, козий пух (21: 160), поступавшие в обмен с более отсталыми племенами, не имевшими стад (ib.: 165). А в Новое время пастушеские племена Швейцарии «принадлежат к числу наименее цивилизованных слоев европейского населения» (9: 92), а Швейцария в целом – «старейшее и наиболее устойчивое обиталище реакционного варварства в Европе» (43: 84-85).

Цивилизация возникла в Малой Азии, «в тех районах, где пшеница произрастает в диком состоянии…» (50: 425). Первые торговые народы «вели посредническую торговлю, основывались на варварском уровне производящих народов, среди которых они играли роль посредников» (48: 356).

В различных общественных организмах в наибольшей степени развиты те или иные стороны общественной жизни. Так, в раннем средневековье рассадником учености в Европе была Ирландия (16: 515). В XVIII веке Германия представляла христианско-спиритуалистическое

[227] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1967. С. 431.

начало (религию и церковь), Франция – антично-материалистическое начало (политику и государство), Англия – социальное начало (1: 600). Для Англии была актуальна промышленная (и социальная) революция, для Франции – политическая революция, для Германии – философская революция (2: 256).

К. Маркс считал, что каждая нация развивает одну из сторон общественного прогресса: «Полагать, что каждый народ внутри самого себя проделывает это развитие, было бы столь же нелепо, как полагать, что каждому народу следовало бы проделать политическое развитие Франции или философское развитие Германии. То, что нации сделали как нации, они сделали для человеческого общества, только вся их ценность состоит в том, что каждая нация разработала для других наций одно из тех главных определений (главных аспектов), в рамках которых проделывает свое развитие человечество, и, таким образом, после того как были разработаны: промышленность в Англии, политика во Франции, философия в Германии, они разработаны для всего мира, и их всемирно-историческое значение, как и всемирно-историческое значение этих наций, тем самым завершилось» (42: 545).

Революция в гражданском праве наиболее успешной была во Франции. Наполеон «принес с собой в завоеванные страны свой кодекс законов, который был бесконечно выше всех существовавших кодексов и в принципе признавал равенство» (2: 564). А мещанской Норвегии «удалось ввести у себя гораздо более демократическую конституцию, чем все существовавшие тогда в Европе» (37: 351).

Бесчисленные ростки всемирно-исторического значения произрастают на разной национальной почве (41: 121). Особым достоинством России является то, что она «считает, как известно, своим долгом ставить в подходящую минуту и в подходящем месте неотложные вопросы цивилизации в порядок дня мировой истории» (15: 464).

Буржуазная революция осуществлялась по частям различными национальностями и была возможна только как всеобщая революция: «Немцы, христианско-спиритуалистический народ, пережили философскую революцию; французы, антично-материалистический, а потому – политический народ, должны были проделать революцию на политическом пути; англичане, национальность которых представляет собой смешение немецких и французских элементов, которые, следовательно, носят в себе обе стороны противоположности и оттого универсальнее, чем каждый из обоих этих факторов в отдельности, были поэтому вовлечены и в более универсальную, социальную революцию» (1: 600).

Примечательно, что паровая машина состоялась в качестве интернационального изобретения: «Паровую машину изобрел француз Папен, но в Германии. Немец Лейбниц … подсказал ему при этом основную идею: применение цилиндра и поршня. Вскоре после этого англичане Севери и Ньюкомен изобрели подобные же машины; наконец, их земляк Уатт, введя отдельный конденсатор, придал паровой машине в принципе ее современный вид» (20: 431). Добавим, что, если не считать столь интернациональной предыстории попыток разработки паровых турбин: а) Д. Папен работал над паровым котлом под руководством голландского механика Х. Гюйгенса; б) Д. Уатт был шотландец; в) дальнейшее значительное усовершенствование парового двигателя (применение на рабочем ходу пара высокого давления вместо вакуума) было сделано американцем О. Эвансом и англичанином Р. Тревитиком.

Капитализм действительно развивался неравномерно. «В Англии преобладает промышленность, во Франции – земледелие. В Англии промышленность нуждается в free trade [свободе торговли], во Франции – в покровительственных пошлинах, в национальной монополии наряду с другими монополиями», – писал К. Маркс (7: 80), утверждая, что «крупнейшие французские фабриканты являются мелкими буржуа в сравнении со своими английскими соперниками» (ib.). Поэтому во Франции промышленная буржуазия необходимо примкнула к «наиболее ярым фанатикам партии порядка» (ib.). Ее задачу выполняет мелкий буржуа, а задачу последнего выполняет пролетариат.

Как следствие, задача французского пролетариата разрешается не во Франции: «Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией» (ib.).

Полагая, что успешная пролетарская революция необходимо будет опосредствована мировой войной между нациями, К. Маркс прогнозировал 31 декабря 1948 г.: «Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии – только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия господствует над Англией. Таким образом, освобождение Европы – будь то завоевание угнетенными национальностями независимости, будь то низвержение феодального абсолютизма – обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса. Но всякий социальный переворот во Франции неизбежно будет сокрушен английской буржуазией, мировой промышленной и торговой гегемонией Великобритании. Всякое частичное социальное преобразование во Франции и вообще на европейском континенте, поскольку имеется в виду его доведение до конца, есть и останется пустым благим пожеланием. А старая Англия будет сокрушена лишь мировой войной, которая одна только может предоставить чартистской партии, организованной английской рабочей партии, условия для победоносного восстания против своих могущественных угнетателей. Только тогда, когда чартисты окажутся во главе английского правительства, социальная революция перейдет из области утопии в область действительности. Но всякая европейская война, в которой замешана Англия, есть мировая война. Она будет вестись в Канаде и Италии, в Ост-Индии и Пруссии, в Африке и на Дунае. И европейская война будет первым следствием победоносной рабочей революции во Франции. Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контрреволюционных армий, но в результате этой войны она сама будет брошена в революционное движение, станет во главе его и искупит свою вину перед революцией XVIII века. Революционное восстание французского рабочего класса, мировая война – таковы перспективы 1849 года» (6: 159-160). В итоге не Англия позаимствует революцию у континента, а «Англия, когда пробьет ее час, сама продиктует революцию континенту» (6: 83).

Победа европейского рабочего класса, по мнению Ф. Энгельса, может быть обеспечена «только совместными усилиями, по крайней мере, Англии, Франции и Германии» (22: 319-320). При этом решающую роль будет играть Польша: «Любая западная революция, которой не удается увлечь за собой Польшу и обеспечить ей независимость и свободу, осуждена на поражение» (19: 35). Польша рассматривалась в качестве пункта решающего значения, сдерживающего русский царизм. «Воистину Польша не похожа ни на какую иную страну. В революционном аспекте это краеугольный камень европейского здания: сумеет ли удержаться в Польше революция или реакция, – та или другая окончательно победит и во всей Европе», – констатировал Ф. Энгельс в 1876 г. (19: 36).

32.2. Внешнее основание развития общественного организма

Во внешних взаимодействиях общественные организмы, начиная с эпохи дуально-родового брака, опираются друг на друга, что обеспечивает их развитие. Приводя мнение Л. Г. Моргана о том, что браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали более крепкую породу, Ф. Энгельс резюмировал: «Племена с родовой организацией

должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собой» (21: 51).

В Древней Греции и Древнем Риме «вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя» (8: 567). Варварам с плоскогорий Азии, занимавшимся скотоводством, охотой и войной, требовалось обширное пространство для каждого члена племени. И античные граждане и кочевники должны были оставаться немногочисленными. Избыточное население совершало «великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» (ib.: 568).

В младенческий период капиталистического способа производства базисом для него служило расширение внешней торговли (25-II: 260). Так, с середины XV века европейская буржуазия с открытием внеевропейских земель «приобрела гораздо более обширную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности…» (19: 11-112).

При смещении центра мировой коммерции Англия все больше и больше оттесняется Соединенными Штатами Америки «на позиции Венеции, Генуи и Голландии, которые все вынуждены были давать свой капитал в ссуду под проценты, после того как было уничтожено их монопольное положение в торговле» (44: 182). В результате «Генуя и Венеция способствовали возвышению Голландии, Голландия снабдила капиталом Англию…» (ib.). К середине XIX века английская буржуазия оказалась «в такой колоссальной степени перенасыщена капиталом, что вынуждена строить железные дороги в обеих частях света, вкладывать капиталы в газовое освещение Берлина, виноградники Бордо, русские фабрики и американские пароходы» (ib.). Как констатировал К. Маркс, английский централизованный капитал приобрел «центробежную силу, которая снова гонит его во все концы света» (44: 183).

Прогрессивное развитие осуществлялось при прямой практической и духовной поддержке других стран. Ф. Энгельс напоминал: «Если Франция поддерживала американскую республику в борьбе за освобождение от английской тирании, то Англия двумя столетиями раньше освободила голландскую республику от испанского гнета» (4: 385). Идеи, популяризованные французскими философами XVIII века, первоначально зародились в Англии (4: 386).

Совершенно особая отличительная черта немецкого развития усматривалась в том, что «две составные части империи, в конце концов разделившие между собой всю Германию, обе не являются чисто немецкими, а были колониями на завоеванной славянской земле: Австрия – баварской, Бранденбург – саксонской колонией; и власть в самой Германии они добыли себе только потому, что опирались на свои иноземные, не немецкие владения: Австрия – на Венгрию (не говоря уже о Богемии), Бранденбург – на Пруссию» (39: 86). Пруссия же создавалась и существует «на русской “подкладке”» (34: 248). Без России «господство юнкеров в Пруссии не продолжалось бы и одного дня» (21: 324). Впрочем, кроме самодержавия на Востоке необходимой опорой порядка в Германии считался бонапартистский режим на Западе (15: 232).

Россия как ядро сохранявшегося до конца XIX века Священного союза выступала «главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции» (22: 13), так как обладала стратегической позицией, почти недоступной нападению (37: 4). Роль России как последнего оплота общеевропейской реакции настолько значима, что мог наступить такой момент, когда реакционные правительства Европы охотно швырнули бы царизму «Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции» (22: 51).

В целом царизм в России удерживался не иначе, как беспрерывно делая займы у Западной Европы (20: 189).

Россия, как и Соединенные Штаты Америки, снабжала Европу сырьем и служила рынком для сбыта ее промышленных изделий. Кроме того, «эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата» (22: 56). Поэтому обе страны так или иначе являлись оплотом существовавшего тогда в Европе порядка (ib.: 57).

Балансируют с опорой на различные государства мелкие нейтральные государства. Например, «Швейцария живет наполовину милостью, наполовину соперничеством своих крупных соседей; каждый раз, когда эти соседи выступают в согласии между собой, она должна припрятать свои громкие республиканские фразы и подчиняться приказам» (45: 116). Англия и России заинтересованы в «независимости и могуществе Дании, государства, живущего только грабежом мировой торговли в форме зундской пошлины…» (44: 60-61).

Небольшие независимые государства, окружающие Германию, даже при либеральной форме правления являются основными пунктами сосредоточения реакции: «Так, Бельгия, образцовое конституционное государство, была первой страной, устоявшей перед ударом февраля, первой страной, где было введено военное положение и вынесены смертные приговоры патриотам. Швейцария избегала революционной бури далеко не почтенным образом, укрывшись за китайской стеной нейтралитета, пока революция была на подъеме, и выполняя роль раболепного орудия Священного союза против безоружных эмигрантов, когда реакция снова подняла голову во всей Европе» (21: 435). Бессилие мелких государств вынуждает их полагаться на давно существующие, реакционные государства. Так, мелкие и средние немецкие государи выступали инициаторами объединения Германии под эгидой Австро-Венгрии или Пруссии (44: 61).

В отношении мелких государств Г. В. Ф. Гегель писал: «Существование и спокойствие небольших государств более или менее гарантированы другими государствами; поэтому они не являются в самом деле самостоятельными государствами, и им не приходится выдерживать испытания огнем на войне»[228]. Из-за своего нейтралитета мелкие нейтральные государства (Бельгия, Греция, Швейцария) часто оказываются в окружении конфликтов и становятся «козлами отпущения» или «мальчиками для битья» (9: 90). Кроме того, такие страны – это «современные политические лаборатории, опытные поля, где производятся эксперименты, впоследствии применяемые в крупных государствах» (39: 253). Бельгия – образцовая конституционная монархия, а Швейцария – идеал республики (43: 219). Но демократические эксперименты внутри Швейцарии (например, введение права убежища для эмигрантов) осуществляются только под контролем заинтересованных соседних великих держав (22: 83).

Наиболее выигрышную позицию занимает общественный организм, опирающийся в своем развитии на множество других. Так, Англия посредством своей промышленности и торговли господствовала над всеми рынками и потому сравнительно мало зависела от торговли с разными странами (6: 82). Благодаря этому Англия больше, чем какая-либо другая страна, развивалась своим собственным, самостоятельным путем (ib.: 82-83).

32.3. Эффект домино

Опора на другой общественный организм означает и зависимость существования от него. События в одной стране могут вызывать по цепочке перемены в зависимых странах. *Эффект домино* – цепная реакция, при которой изменение первого элемента цепи вызывает через относительно небольшое время изменения соседних элементов, которые затем вызывают изменения следующих.

Так, когда в Германии лютеранская реформация вырождалась, «кальвинистская реформация послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии, освободила

[228] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 455.

Голландию от владычества Испании и Германской империи и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившего в Англии» (21: 315).

Во время февральской революции 1848 г. во Франции выражалась уверенность в том, что «нации, ближе всего соприкасающиеся с Францией, первыми последуют за ней по тому пути, на который она только что вступила» (4: 527). Республиканская Франция могла снять накопившееся напряжение в международных отношениях или стать образцом для народов Европы: «Англия и Германия вновь протягивают руку вашей великой стране. Испания, Италия, Швейцария и Бельгия или воспрянут или воспользуются покоем и свободой под эгидой вашего союза. Польша, подобно Лазарю, воскреснет из мертвых в ответ на призыв, с которым вы обратитесь к ней на трех языках. Немыслимо, чтобы даже Россия не присоединила, наконец, к этому своего голоса, столь непривычного еще для уха западных и южных народов» (4: 537). Революционные последствия толчка, данного парижскими рабочими, ожидались, прежде всего, в Германии (ib.: 501).

По итогам 1848 г. констатировалось, что произошли восстания в Италии, Австро-Венгрии, Германии, Ирландии, Польше (6: 159). А поражение рабочего класса во Франции означало «поражение средних классов во всех европейских странах, где средние классы, соединившись на момент с народом, ответили на крик галльского петуха кровавым восстанием против феодализма» (ib.).

Первым элементом цепи могут быть небольшие государства, которые очень часто дают первый толчок движению, потрясающего всю Европу. «Тогда началось в Швейцарии и Италии: в Швейцарии – внутренней распрей между демократическими и католическими кантонами, разрешившейся войной Зондербунда; в Италии – либеральными опытами Пия IX, либерально-национальными преобразованиями в Тоскане, в мелких герцогствах, в Пьемонте, Неаполе, Сицилии; война Зондербунда и бомбардировка Палермо стали, как известно, непосредственным прологом февральской революции 1848 г. в Париже, – вспоминал Ф. Энгельс, – Ныне, когда кризис может назреть уже через пять-шесть лет, к Бельгии, по-видимому, перейдет роль Швейцарии, к Австрии – роль Италии, а к Германии – роль Франции» (39: 117).

Аналогично усматривались перспективы движения за всеобщее избирательное право. «В данный момент мы переживаем, мне кажется, – писал Ф. Энгельс, – период прилива, период, который начался с завоевания избирательного права бельгийскими рабочими. Вслед за Бельгией в движение за избирательную реформу вступила Австрия; вслед за Австрией пролетариат в Германии недавно потребовал, чтобы всеобщее избирательное право было распространено с рейхстага и на парламенты германских государств» (ib.: 253). «…Раз уж камень покатится, толчок передастся по всем направлениям, и одна страна окажет обратное воздействие на другую», – заключал Ф. Энгельс (ib.: 117).

По В. И. Ленину, «диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные, как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата» (ПСС-31: 56). В 1885 г. действия малых государств Ф. Энгельс рассматривал в перспективе угрозы европейской (и мировой) войны: «Эти жалкие осколки былых наций – сербы, болгары, греки и прочий разбойничий сброд, которым в интересах России восторгаются либеральные филистеры, – готовы сжить друг друга со света и вот-вот перегрызут друг другу жадные глотки. Это было бы чудесно, и филистеры со своей восторженной болтовней о национальностях получили бы поделом, если бы только от каждой из этих мелких народностей не зависели война и мир в Европе» (36: 329). Впрочем, война, на его взгляд, могла бы вызвать революцию в Париже, что впоследствии дало бы косвенным образом сильный толчок движению в остальной Европе…» (ib.: 330).

Англия казалась наиболее уязвимой со стороны Ирландии. Предполагалось, что вследствие национально-освободительной и социальной революции в Ирландии английский ленд-лордизм рухнет не только в Ирландии, но и в Англии (16: 405-406).

Во второй половине XIX века ключевой страной европейского процесса стала считаться Россия: «В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, – в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер» (22: 51). Революция в России необходимо привела бы к падению бисмарковского режима и способствовала бы созреванию революции в Германии (21: 324). И далее: «…Как только падет деспотизм Петербурга, не будет в Европе и Австро-Венгрии» (37: 5).

Этот масштабный процесс Ф. Энгельс описывал следующим образом: «Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, – вот, на мой взгляд, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним погибнет, рухнет, лишившись его сильнейшей поддержки, злосчастная держава, представляемая ныне Бисмарком. Австрия распадется на части, так как будет утрачен единственный смысл ее существования: быть помехой самим фактом своего существования воинствующему царизму в его стремлении поглотить разрозненные народности Карпат и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно выберет свою политическую позицию; румыны, мадьяры, южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои отношения и, освободившись от всякого иностранного вмешательства, установить свои новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы, вместо того чтобы губить на виселицах и на каторге лучших своих людей» (37: 4-5).

32.4. Историческое развитие: методическое и ускоренное

Историческое развитие Англии производило впечатление независимого и самостоятельного, но медленного и основательного – «это своеобразное методическое развитие» (8: 219). Но в нем, по оценке Ф. Энгельса, «гораздо больше революционного содержания, чем во всех этих преходящих потрясениях на континенте, вместе взятых» (ib.: 220). Когда Великая французская революция потерпела крушение, Англия революционизировала общество посредством паровой машины. Это «постоянное революционизирование английского общества крупной промышленностью спокойно продолжаются, независимо от того, побеждает ли в данный момент на континенте революция или контрреволюция, и это развитие совершается, хотя и медленно, но зато верно и без малейшего попятного движения» (ib.). Таково действие гегелевского хитроумного духа, старого «крота истории», который славно роет.

Методическое развитие – это классическое, последовательное развитие, в котором не перескакиваются естественные фазы развития. Например, во Франции в XVIII веке и в Германии в XIX веке «философская революция предшествовала политическому перевороту» (5: 273).

Но в целом в «путаной Германии» нет «такой классической ясности развития, как во Франции» (36: 140). При изучении немецкой истории Ф. Энгельс ориентировался на сравнение с соответствующими периодами истории Франции и находил в них правильный масштаб, ибо во Франции происходило противоположное тому, что в Германии: «Там – образование национального государства из disjectis membris [разрозненных частей] феодального государства, у нас в это же время – самый глубокий упадок. Там – редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас – дикий, все усиливающийся сумбур. Там – в период средневековья английский завоеватель, вмешиваясь в пользу провансальской народности против северофранцузской, является представителем чужеземного вторжения. Войны с англичанами представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, которая, однако, оканчивается там изгнанием вторгшихся иностранцев и подчинением Юга Северу. Затем следует борьба центральной

власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга – Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас же как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только "немецкое королевство" в пределах Священной римской империи можно назвать национальным государством) и начинается, в больших масштабах, разграбление немецких земель» (39: 85-86).

Несмотря на отсталость Германия имела историческую возможность ускоренного развития: «Во-первых, немцы больше других освободились от всякой религиозной чепухи, во-вторых, им не пришлось проходить через стадию длительного буржуазного движения…» (16: 550). Французское общество в периоды революций усваивало по сокращенному способу уроки и опыт, которыми должно было овладеть ранее «при правильном, так сказать методическом, ходе развития» (8: 122). Различные классы французского общества периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями, во время революции 1848 г. исчисляли данные периоды неделями (7: 60). По словам К. Маркса, «революции – локомотивы истории» (7: 86).

Отмечался эффект уплотнения исторического времени, свершения большего количества событий в эпоху революции. «Резюмируем: организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так называемого спокойного (гужевого) исторического прогресса», – писал В. И. Ленин (ПСС-12: 335).

Ускоряют развитие также кризисы. В отношении периода хронического кризиса в США в 1873-1878 гг. К. Маркс писал: «Те перемены, которые потребовали в Англии для своего осуществления целых столетий, произошли здесь в течение нескольких лет» (34: 278).

Ощущение ускорения общественного развития иногда настолько явственно, что позволяло даже формулировать соответствующие законы. Со времени публикации Николаем Коперником своего открытия развитие наук пошло гигантскими шагами и усиливалось «пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта» (20: 347). Это словно доказывало, что «для человеческого духа, имеет силу закон движения, обратный закону движения неорганической материи» (ib.).

Формулировался аналогичный закон ускорения развития организмов – пропорционально квадрату расстояния во времени от исходного пункта. «Чем выше, тем быстрее идет дело», – говорил Ф. Энгельс об органических формах, соответствующих различным геологическим периодам (ib.: 620). Соответственно, отмечался эффект сжатия исторического времени: «Прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным» (ib.: 487). Конспектируя труд Л. Г. Моргана, К. Маркс записал: «Период дикости и низшая ступень периода варварства – эти два этнических периода охватывают, по крайней мере, четыре пятых всей жизни человечества на земле» (45: 261).

Исходя из закона ускорения, делались исторические прогнозы: «События в наше время следуют одно за другим с поразительной быстротой, и то, для чего прежде нации требовалось целое столетие, в настоящее время легко совершается в несколько лет. Старая Империя продержалась четырнадцать лет; императорскому орлу чрезвычайно повезет, если это возрожденное в самом жалком виде произведение искусства продержится столько же месяцев» (8: 237). Но вопреки данному прогнозу Вторая империя просуществовала дольше – девятнадцать лет.

Впрочем, эффект ускорения наблюдался и во время Второй империи. Констатировалось, что в правление Луи-Наполеона «роковая необходимость, благодаря которой он удерживает власть, будет тревожить его через все более и более короткие промежутки времени» (14: 469).

Экономическая неоправданность военных акций вынуждала Наполеона III «совершить следующий шаг быстрее, чем предыдущий» (ib.). В связи с этим прогнозировалась война Франции с Англией.

Развитие капитализма во всех странах ускорялось введением протекционистских пошлин, государственных субсидий. Для национальной промышленности создавалась тепличная атмосфера, что убыстряло в несколько раз процесс, который в противном случае мог бы носить более затяжной характер (38: 398). Тепличная атмосфера втискивает в какие-нибудь двадцать лет процесс индустриализации, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более (ib.). При такой модели другие страны использовались как источники инвестиций и технологических нововведений, а также в качестве рынков сбыта товаров по ценам ниже издержек их производства.

По-видимому, как и в технике, перенос исторического движения совершается только тогда, когда налицо все очень многообразные и сложные различные условия: «Если не хватает одного условия, то переноса движения не происходит, пока это условие не осуществится» (20: 598). Это доказывают лежащие в Ниле паровые плуги и бесполезно стоящие в сараях молотилки и другие орудия (ib.: 564).

А. Лабриола доказывал, что «народы отсталые или задержанные в их поступательном движении могут осуществить и ускорить процесс своего развития под влиянием внешних причин»[229]. Так, южные славяне были взяты на буксир немцами и мадьярами (6: 184). Япония, «охваченная бурным и самопроизвольным порывом подражания, проходит меньше чем в тридцать лет через относительно значительный процесс ассимиляции европейской культуры, который заставляет уже нормально работать собственную энергию этой страны»[230].

Предполагалось, что основным механизмом ускоренного (сокращенного) развития отсталых стран может стать опора на передовые страны. Страны находящиеся на докапиталистической ступени развития, могли встать на путь сокращенного процесса развития, используя остатки общинно-родовых порядков и активную поддержку победившего пролетариата западноевропейских народов (22: 446).

[229] *Лабриола А.* Исторический материализм: Очерки материалистического понимания истории. С. 78.
[230] Там же. С. 78–79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По словам Ф. Энгельса, колесница истории «безжалостно катится по развалинам империй, без малейшего сострадания сокрушая целые поколения» (9: 33). Поэтому следует научиться «воздавать должное вечным переменам в человеческих судьбах, в которых нет ничего постоянного, кроме самого непостоянства, ничего неизменного, кроме самого изменения…» (ib.). «Таким образом, дорогой друг, что бы там ни было, а мир находится в движении», – успокаивал в письме своего корреспондента К. Маркс (50: 451).

Основоположники исторического материализма упоминают в своих работах ряд законов истории, которые представляют собой эмпирически фиксируемые тенденции, направляющие зависимости, наблюдаемые эффекты:

– «варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов» (9: 225);

– «едва лишь обеспечивается удовлетворение одного круга потребностей, как высвобождаются, создаются новые потребности» (47: 254);

– труд «как закон развития человеческой истории» (19: 350);

– «закон разделения труда» (ib.: 226);

– «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делалось до сих пор» (ib.: 350-351);

– «всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» (21: 259);

– «без антагонизма нет прогресса» (4: 96);

– «материальная возможность последующей формы [производства] – как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия – создается в рамках предшествующей формы» (47: 291);

– «придется испытать последствия своих собственных поступков» (37: 130);

– «чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, – для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели… За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться» (22: 308-309).

По-видимому, можно сформулировать много подобных законов истории. Оцениваться и применяться они могут по-разному.

Например, необходимо разделять труд, не забывая, о кооперации и перемене труда.

Неудовлетворенным существующей формой общества необходимо в ее рамках максимально развивать производительные силы, создавая материальные возможности последующей общественной формы.

Занимаясь борьбой, необходимо контролировать, ведет ли она к прогрессу, к изобретениям и к их внедрению.

Тактика энергичных «перегибов», которую не раз применял В. И. Ленин (ПСС-7: 272; ПСС-45: 71), есть жизненный принцип буржуазии, торгующейся в стихийном конкурентном

обществе. Ф. Энгельс так характеризовал немецких коммерсантов: «Они воспитывались на торговле и для торговли, умели торговать и сторговываться. Они знали, что нужно побольше запрашивать, но и с готовностью идти на уступки» (21: 425). Но такая тактика пагубна для индустриального рабочего, труд которого опирается на точный расчет инженерно-технических работников: «Часто малейшая неточность в измерениях и расчетах, малейшая ошибка в вычислениях может иметь роковые последствия и для успеха данного производственного процесса (как, например, ничтожная неправильность в промерах при изыскании относительно железнодорожного пути иногда обходится в миллионы при самой постройке дороги), и нередко даже для здоровья и жизни работников»[231].

Один из уроков исторического материализма заключается в понимании того, что идейные образования – от базового опыта до мыслительных конструкций – объясняются из конкретной общественной практики. Поэтому надо учиться прослеживать до далеких практических истоков генезис перцептивных схем, доктрин и идеологий. Впрочем, даже применительно к историческому материализму эта задача всерьез не решалась.

Нельзя забывать, что «основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции» (ПСС-6: 31). Они осознавали себя ремесленниками-журналистами (30: 511; 38: 403). К. Маркс жаловался на «гадости мещанского существования» (28: 254), но для своей семьи считал неуместным «чисто пролетарский образ жизни» (31: 111). В 1892 г. Ф. Энгельс так определял свой классовый статус: «…Но нам, несчастным рантье, приходится истекать кровью…» (38: 236). К. Маркс также идентифицировал себя как рантье (33: 98; 34: 4).

Апелляции к пролетариату не очень убедительны, так как массовое сознание фабричных рабочих основательно не изучалось. В связи с этим возникают вопросы и в отношении ряда выводов исторического материализма.

Не представляется достаточно обоснованным предположение о рабочем классе как гегемоне общественной формации, следующей за капитализмом. Возможно, следует также учитывать сложный состав совокупного рабочего, общественно комбинированной рабочей силы – «один больше работает руками, другой больше головой, один как управляющий, инженер, технолог и т. д., другой как надсмотрщик, третий непосредственно как рабочий физического труда или даже как простой подручный…» (49: 95). Структуру совокупного работника К. Маркс планировать рассмотреть в книге «Наемный труд».

На фоне констатаций младенчества и в лучшем случае – отрочества и юности капитализма (21: 263) в наиболее развитых странах – с недоверием воспринимаются исторические прогнозы о его близком конце[232]. Ошибочность ряда предсказаний, в том числе предсказания в 1844 г. близости социалистической революции в Англии, Ф. Энгельс объяснял юношеской горячностью (22: 277). Едва ли это так, потому что в 1870 г. К. Маркс давал следующую оценку: «Англичане обладают всеми необходимыми материальными предпосылками для социальной революции. Чего им недостает, так это духа обобщения и революционной страсти» (16: 436).

Ф. Энгельс признавал, что к середине XIX века капитализм в Англии находился в юношеском возрасте (22: 277). И этого юношеского возраста к концу XIX века почти достиг капитализм Франции, Германии и особенно Америки (22: 330). Понятно, что данные оценки возраста буржуазной формации могут быть уточнены с учетом его зарождения в XV веке (36:

---

[231] *Богданов А.* Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 41.

[232] Высказывалось следующее мнение: «…Маркс грехи молодости капиталистического общества, неустройства, которые он на первых порах не успел устранить, принял за признаки старческой дряхлости» (См.: *Марголин С. О.* К критике основных мотивов исторического материализма // Логос. 1913. Кн. 3-4. С. 239).

166) и периода внутриутробного развития в недрах феодализма. Так, во Франции буржуазное общество оказалось в колыбели только в 1789 г. (2: 89). Очевидно, что в наиболее развитых странах мира переворот в надстройке над капиталистическим способом производства (т. е. его полная эмансипация) завершился только во второй половине XX века.

Капитализм пока не исчерпал свою историческую миссию: «…Капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе» (39: 130). Еще не выполнено историческое назначение капитала – формирование всеобщего трудолюбия, превращение прибавочного труда во всеобщую потребность (46-I: 280).

В перспективе сохранения социальности как безусловного приоритета общественного развития социалистическая перспектива обнадеживает, но нуждается в переосмыслении в связи с фактами, свидетельствующими о социализме как явлении предыстории человечества (например государственный социализм – будь то императорский социализм Наполеона III, государственный социализм О. Бисмарка или государственный социализм как одна «из детских болезней пролетарского социализма» (39: 184)). Возможно, с коммунизма начнется подлинная история человечества, но коммунизм – еще не последняя общественная формация. С учетом столь отдаленных перспектив благоприятна неспешность.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Завершая попытку позитивного критического осмысления диалектического и исторического материализма, Т. И. Ойзерман пришел к следующим выводам. Диалектико-материалистическая философия, на его взгляд, еще не вышла из стадии становления, поскольку она «носит не столько систематизированный, сколько эскизный характер»[233]. Материалистическое понимание истории также остается «скорее, наброском, изложением концептуального замысла»[234]. С этими оценками можно согласиться.

Историческая ограниченность и относительность конкретного содержания марксистской философии не умаляет общепризнанной ее жизненной и интеллектуальной эвристики. В представленной реконструкции она является жизнерадостным и жизнеутверждающим воззрением и содержит множество полезных идей. Марксизм воспринимался в России как «действенный оптимизм»[235].

Ранее тиски партийной дисциплины не позволяли даже просто ознакомиться со всем классическим наследием, а тем более его освоить и подготовить столь же содержательные работы. Замечая пруссачество за германскими социал-демократами, Ф. Энгельс внушал: «Вам, партии, нужна социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности. Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором» (38: 77).

В настоящее время исследовательская ситуация несколько нормализовалась и марксизм перестал восприниматься как «философский камень»[236], решающий все общественные проблемы. Собственно марксова проблема сформулирована в «Размышлениях юноши при выборе профессии» – в этом первоистоке марксистской философии. И в условиях свободы выбора и перемены профессий она приобретает все большую актуальность.

Определенные успехи неомарксизма указывают на такие возможности дальнейшего творческого развития марксизма как:

– деканонизация ортодоксальной марксистской традиции, ее пересмотр с целью дифференциации положительных и отрицательных элементов, использования заложенных в ней возможностей для обновления и расширения сферы действия;

– ориентация на возрождение аутентичной традиции;

– интерес к возникновению марксистской традиции и к ее сравнительным конкурентным преимуществам;

– дополнения марксизма соперничающими традициями и последующий синтез с ними (например, фрейдомарксизм);

– творческое развитие марксистской традиции, ее адаптация к социокультурному ландшафту (например, австромарксизм).

Существуют и более широкие формы амальгамации марксистской философии, которая соотносима не только с наукой и утопией, но и с христианством как первой (и архетипической) идеологической формой социализма (22: 467). «По моему мнению, марксизм как пролетарская версия коммунизма есть *снятие капитализма на его собственной основе,* – размышлял В. П. Фофанов. – Если он и знаменует выход за рамки духовности и практики этой социально-

---

[233] *Ойзерман Т. И.* Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 31.

[234] *Ойзерман Т. И.* Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 32.

[235] *Булгаков С. Н.* От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895-1903. М., 2006. С. 369.

[236] *Тюгашев Е. А.* Марксизм в диалоге культур // Вопросы культурологии. 2007. № 11.

экономической системы, то, философски выражаясь, лишь в отрицательном определении. Иначе говоря, марксизм сам нуждается в дальнейшем снятии, нуждается в том положительном синтезе, который позволит преодолеть его односторонность и его ограниченность собственным основанием. Преобладание в нем отрицания как "уничтожения" вместо снятия, как "уничтожения с сохранением" особенно наглядно как раз в сфере религиозного сознания. Теизм сменяется атеизмом. Положительная же форма преодоления теизма в классическом марксизме не просто отсутствует, но и не мыслится как значимая компонента»[237].

Таким образом, диалектический материализм и исторический материализм открыты для дальнейшего развития. Поставленная К. Марксом задача перехода от общества животного и от общества гражданского к обществу собственно человеческому общепризнана и имеет непреходящую актуальность. Для ее решения требуется проработка только затронутых марксизмом вопросов социальности и мышления животных, антропокогнитивного разнообразия, множества форм мыслящего духа во вселенной, относительной и предметной истинности различных форм и видов общественного сознания.

Реализация творческого потенциала марксизма обусловлена рефлексией его оснований. Поэтому по отношению к диалектическому и историческому материализму возможна более сложная философская позиция – рефлексивный материализм.

[237] *Фофанов В. П.* Мировоззренческий синтез на грани тысячелетий: роль теософии // Безант А. Древняя мудрость / Предисловие и комментарии Т. Г. Круговой. Послесловие В. П. Фофанова. Новосибирск, 1994. URL: https://web.archive.org/web/ 20050213161452/http://filosof10.narod.ru/lib/Filosofia/Bezant.doc

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Маркс К.

Размышления юноши при выборе профессии (40: 3-7)

Животному сама природа определила круг действий, в котором оно должно двигаться, и оно спокойно его завершает, не стремясь выйти за его пределы, не подозревая даже о существовании какого-либо другого круга. Так же и человеку божество указало общую цель – облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество.

Возможность такого выбора является огромным преимуществом человека перед другими существами мира, но вместе с тем выбор этот является таким действием, которое может уничтожить всю жизнь человека, расстроить все его планы и сделать его несчастным. серьезно взвесить этот выбор – такова, следовательно, первая обязанность юноши, начинающего свой жизненный путь и не желающего предоставить случаю самые важные свои дела.

У каждого есть перед глазами определенная цель, – такая цель, которая, по крайней море ему самому, кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца, ибо божество никогда не оставляет смертного совершенно без руководителя; голос этот говорит тихо, но уверенно.

Но это – легко заглушаемый голос, и то, что мы считали воодушевлением, порождено, быть может, мгновением, – и точно так же возможно, что мгновение вновь уничтожит его. Наше воображение, быть может, воспламеняемо, наши чувства возбуждены, призраки носятся перед нашими глазами, и мы страстно увлечены той целью, которую, мнится нам, само божество нам указало; но то, что мы с жаром прижимали к сердцу, скоро отталкивает нас, – и вот все наше существование разрушено.

Мы должны поэтому серьезно взвесить, действительно ли нас воодушевляет избранная профессия, одобряет ли ее наш внутренний голос, не было ли наше воодушевление заблуждением, не было ли то, что мы считали призывом божества, самообманом. Но сможем ли мы это узнать, не обнаружив самый источник воодушевления?

Великое окружено блеском, блеск возбуждает тщеславие, а тщеславие легко может вызвать воодушевление или то, что показалось нам воодушевлением; но того, кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдержать, и он бросается туда, куда его влечет непреодолимая сила: он уже больше не выбирает сам своего места в обществе, а это за него решают случай и иллюзия.

Нашим призванием вовсе не является такое общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать: подобное положение не таково, чтобы, занимая его, быть может, в течение долгого ряда лет, мы ни разу не почувствовали бы усталости, наше рвение никогда бы не иссякло, наше воодушевление никогда бы не остыло. Наоборот, вскоре мы почувствуем, что наши желания не удовлетворены, что наши идеи не осуществились, мы станем роптать на божество, проклинать человечество.

Но не одно только тщеславие может вызвать внезапное воодушевление той или иной профессией. Мы, быть может, разукрасили эту профессию в своей фантазии, – разукрасили ее так, что она превратилась в самое высшее благо, какое только в состоянии дать жизнь. Мы не подвергли эту профессию мысленному расчленению, не взвесили всей ее тяжести, той великой ответственности, которую она возлагает на нас; мы рассматривали ее только издалека, а даль обманчива.

В этом случае наш собственный разум не может служить нам советником, ибо он не опирается ни на опыт, ни на глубокое наблюдение, будучи обманут чувствами, ослеплен фантазией. Но куда же нам обратить свои взоры, кто поддержит нас там, где наш разум покидает нас?

Родители, которые уже прошли большой жизненный путь, которые испытали уже суровость судьбы, – подсказывает нам наше сердце.

И если наше воодушевление сохраняет еще свою силу, если мы продолжаем еще любить избранную профессию, чувствовать призвание к ней и после того, как хладнокровно обсудили ее, увидели всю ее тяжесть, все ее трудности, – тогда мы должны избрать ее, тогда не обманет нас воодушевление, не увлечет поспешность.

Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие.

Уже наша физическая природа часто противостоит нам угрожающим образом, а ее правами никто не смеет пренебрегать.

В наших силах, правда, стать выше ее, но тем быстрее произойдет тогда наше падение; мы решаемся в таком случае строить здание на рыхлой основе, и вся наша жизнь превращается в злосчастную борьбу между духовным и телесным принципом. Но как может тот, кто не в состоянии победить в самом себе борющиеся элементы, противостоять неудержимому натиску жизни, как может он спокойно действовать? А ведь только из спокойствия могут возникнуть великие и прекрасные дела; оно – та почва, на которой только и произрастают зрелые плоды.

Но несмотря на то, что при таком физическом состоянии, которое не соответствует нашей профессии, мы не в состоянии работать долго и редко работаем с радостью, все же мысль, что мы свое благополучие принесли в жертву долгу, толкает нас на то, чтобы действовать энергично, хотя и со слабыми силами. Если же мы избрали профессию, для которой у нас нет необходимых способностей, то мы никогда не исполним ее достойным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы – бесполезные существа на свете, что мы являемся такими членами общества, которые не могут осуществить свое призвание. Самым естественным результатом будет тогда презрение к самому себе; а есть ли чувство более мучительное есть ли чувство, которое еще меньше, чем это, может быть возмещено дарами внешнего мира? Презрение к самому себе – это змея, которая вечно растравляет и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в нее яд человеконенавистничества и отчаяния.

Заблуждение относительно наших способностей к определенной профессии, которую мы подвергли подобному рассмотрению, – это ошибка, которая мстит за себя, и если даже он, не встречает порицания со стороны внешнего мира, то причиняет нам более страшные муки, чем те, какие в состоянии вызвать внешний мир.

Если мы все это взвесили и если условия нашей жизни позволяют нам избрать любую профессию, тогда мы можем выбрать ту, которая придает нам наибольшее достоинство, выбрать профессию, основанную на идеях, в истинности которых мы совершенно уверены. Мы можем выбрать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества и для нашего приближения к той общей цели, по отношению к которой всякая профессия является только средством, – для приближения к совершенству.

Достоинство есть именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление.

Но достоинство может придать лишь та профессия, в которой мы не являемся рабскими орудиями, а самостоятельно творим в своем кругу; та профессия, которая не требует предосудительных действий – предосудительных хотя бы только по внешнему виду – и за которую даже самый лучший может приняться с благородной гордостью. Профессия, обладающая всем этим в наибольшей степени, не всегда является самой высокой, но всегда самой предпочтительной.

Но подобно тому как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под тяжестью профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными.

Тут мы не видим другого спасения, кроме самообмана, а спасение, которое строится на самообмане, – это спасение, полное отчаяния.

Те профессии, которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами, наиболее опасны для юноши, у которого еще нет твердых принципов, прочных и непоколебимых убеждений. Вместе с тем эти профессии кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления.

Они могут осчастливить того, кто имеет к ним призвание, но они обрекают на гибель того, кто принялся за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту.

Наоборот, высокое мнение об идеях, на которых основана наша профессия, придает нам более высокое положение в обществе, повышает наше собственное достоинство, делает наши действия непоколебимыми.

Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, содрогнется при мысли, что может стать недостойным ее, – он будет поступать благородно уже потому, что благородным является положение, занимаемое им в обществе.

Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей; сама религия учит нас тому, что тот идеал, к которому все стремятся, принес себя в жертву ради человечества, – а кто осмелится отрицать подобные поучения?

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей.

Энгельс Ф.

БИБЛИИ ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ДЕРЗКОГО ПОКУШЕНИЯ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ВЕРЫ (41: 284-317),

СИРЕЧЬ УЖАСНАЯ, НО ПРАВДИВАЯ И ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ЛИЦЕНЦИАТЕ БРУНО БАУЭРЕ, ИЖЕ, ДИАВОЛОМ СОБЛАЗНЕННЫЙ, ОТ ЧИСТОЙ ВЕРЫ ОТПАВШИЙ, КНЯЗЕМ ТЬМЫ СТАВШИЙ, НАКОНЕЦ, БЫЛ УВОЛЕН В ОТСТАВКУ

ХРИСТИАНСКАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА
В ЧЕТЫРЕХ ПЕСНЯХ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Чтоб ты могла воспеть достойно славу веры,
Лети, моя душа, в пределы горней сферы!
Но в силах ли сама ты совершить полет
Без помощи того, кто крыльям мощь дает?
Молитесь за меня, о верующих рати.
Да возгремит мой стих под сенью благодати!
Лев с Заальских берегов, с рычанием воспрянь,
О *Хенгстенберг*, простри победоносно длань!
Ученый *Зак*, тебе послушны лиры струны:
Великий маг, свои мне одолжи перуны!
Служитель ревностный небесного отца,
Круммахер, научи глаголом жечь сердца!
Огнем своих стихов, превозносящих веру,
Кнапп, дай мне осветить греховную пещеру!
И ты, насмешников крестом разивший в грудь.
Меня сопровождать, о *Клопшток*, не забудь!
Чем был бы без тебя, о богослов *Иоанн*, я?
Благослови мое великое дерзанье.
О царь *Давид* и ты, *Иезекиил* пророк,
Я с вами сокрушу неверия порок.
Чтоб до конца довел я песнь во славу божью.
Вы, верой мощные, молитвенно к подножью
Престола вышнего свой обратите лик:
Тогда не страшен мне хулы безбожный крик! –
Что смолк блаженный хор и не слышна осанна?
И песни ангельской почто иссякла манна?
Ужель на небеса проник лукавый дух
И от его очей свет радости потух?
В пределах, где царят блаженство и отрада,

Кто поднял плач и стон? О чем иеремиада?
То души праведных подняли голоса,
Стенанием они смущают небеса:
«Услышь, господь, услышь! Внемли моленью верных,
Не дай погибнуть им в страданиях безмерных!
Терпенью твоему когда конец придет.
Когда ты казнь пошлешь на богохульный род?
Доколе процветать ты дашь в земной юдоли
Безбожным наглецам? Скажи, господь, доколе
Философ будет мнить, что «я» его есть «я»,
А не от твоего зависит бытия?
Все громче и наглей неверующих речи...
Приблизь же день суда над скверной человечьей».
Господь на то в ответ: «Не пробил час для труб,
Еще не так смердит от разложенья труп.
К тому ж и воинство мое – от вас не скрою –
Не подготовлено к решительному бою.
Богоискателями полон град Берлин,
Но гордый ум для них верховный господин;
Меня хотят постичь при помощи понятий,
Чтоб выйти я не мог из их стальных объятий.
И *Бруно Бауэр* сам – в душе мне верный раб –
Все размышляет: плоть послушна, дух же слаб.
Но уж недолго ждать. Он сбросит мыслей сети,
И сатана его не сможет одолети;
Взыскующий меня, в конце концов, найдет:
Он дух свой вызволит из гибельных тенет
Гордыни мышленья, что душу раздвояет,
И в ликовании душа его взыграет.
Для философии вот будет-то подвох.
Когда уверует он в то, что бог есть бог».
И души праведных тогда возликовали
И славить господа согласным хором стали:
«Достоин славы ты, владыка вышних сил,
Который шар земной и небо сотворил.
Уж близок день: твой гнев накажет нечестивых,
И возвеличишь ты рабов своих радивых».
Господь же продолжал: «Да, Бауэр избран мной,
Чтоб верующих стан вести в последний бой.
Когда на грешный мир прольются чаши гнева,
Разверзнется земля и выкинет из зева
Поток огня, когда кровавые бичи
Хлестнут морскую гладь и туча саранчи
Покроет небосвод, и содрогнутся горы,
И звери в ужасе свои покинут норы, –

Тогда со знаменем: «за веру и престол»
Он в битву полетит, как молодой орел».
И души праведных сильней возликовали
И славить господа согласным хором стали:
«Ты, господи, велик, и ты непобедим.
Пусть жертвенный к нему вовек струится дым».
Еще не отзвучал псалом их величавый,
Как появился вдруг шумя, смердя – лукавый.
Нечистым пламенем горел свирепый лик,
И крови праведных алкал его язык.
Он быстро подошел к господнему престолу
И, наглые глаза не опуская долу,
Вскричал кощунственно: «Доколь ты будешь ждать,
Меня к бездействию доколе принуждать?
Боишься, верно, ты, что в день, когда сраженье
Между тобой и мной за власть произойдет,
Я нанесу вам пораженье
И захвачу твой небосвод.
А если ты не трус, готовься к бою.
Вели архангелу трубить.
Я войско дикое мое в ряды построю:
Мы жаждем встретиться с тобою
И ангелов твоих сразить».
Господь: «Терпение! Уж близок, близок час.
Когда узнаешь ты, кто всемогущ из нас.
Взгляни на землю вниз: там множатся знаменья.
Ввергающие мир в великое смятенье:
Поджоги, мятежи и за войной война;
Закон в забвении, а вера предана;
Хулители цветут, а праведники в горе...
Но – погоди! – в сто раз ужасней будет вскоре.
Я верного слугу теперь себе избрал.
Чтобы он грешникам о царствии вещал.
Осмеян ими будет он как потерявший разум;
Мне это наруку, чтоб все покончить разом.
Еще не пробил час. Но если все пойдет
И впредь, как шло досель, – то скоро час пробьет».
«Кто ж избран? Имя чье у вас отныне свято?»
«Я *Бауэра* избрал». –
«Какого? Лиценцьята?»
«Да именно его». –
«Ну, он не так уж прост:
Его не радуют ни пение, ни пост,
Он просит у тебя сокровищ чрезвычайных,
Чтоб умозрительно их постигать в тиши;

А в догматах, в их выспреннейших тайнах
Не обретает он покоя для души».
Господь: «Пускай теперь со странностями он, –
В его мозгу, поверь, все скоро прояснится;
Пускай он в дерзкие раздумья погружен, –
Ты в том уверен будь: рассудка он лишится».
Лукавый: «Я берусь отбить его у вас
И вставлю в мой венец чудесный сей алмаз.
Ведь *Гегель* в нем засел гвоздем, как говорится;
Уж я за этот гвоздь сумею ухватиться».
Господь; «Я отдаю его тебе во власть,
За праведной его душой ступай! Не мешкай!
Заставь его с собой в твой черный ад упасть
И оглуши его злорадною насмешкой.
Но что как доказать сумеет он, что тот.
Кто верует в меня, путь не теряет правый.
Куда б ни завели его огни болот?»
«Я вызов принял твой! – ответствовал лукавый, –
От *Бруно Бауэра* не жди для неба славы!»
Сказал и бурею понесся в черный ад.
Оставив за собой невыносимый смрад.
Пока бесчинствовал на небе враг господний.
Волненье вспыхнуло внезапно в преисподней;
Мятежным пламенем охвачена она;
Несутся возгласы: «Явись к нам, сатана!»
Толпу мятежников сам *Гегель* возглавляет,
Вольтер над головой дубиной потрясает,
Дантон безумствует, и *Эдельман* орет,
Наполеон, как встарь, командует: «Вперед!»
Орда проносится средь огненного чада.
Свирепо требуя к себе владыку ада.
И, вот стремительно свергается с небес
В владенья мрачные свои лукавый бес.
«О чем, – кричит он, – шум? Что разыгрались страсти?
Иль вы из-под моей хотите выйти власти?
Вам не достаточно ли пекло я топил.
Вас кровью праведных не досыта ль поил?»
«Молчи, – кричит *Вольтер*, трясясь от возмущенья, –
Бездельник! Для того ль я насаждал сомненье,
Чтоб умозрительный везде повис туман
И философия прослыла за обман?
Чтоб даже Франция глумилась надо мною?
Все это терпишь ты? Стыдись! Будь сатаною!»
«К чему, – кричит Дантон, – богослужебный чин
Я создал разуму и сотням гильотин

Работу задавал, коль вновь стоят над миром
Бездарнейшая знать с прожженным вкупе клиром?»
Тут *Гегель*, чей язык со зла прилип к гортани,
Вдруг словеса обрел, потребные для брани.
«Я жизнь свою науке посвятил.
Учил безбожью, не жалея сил.
Возвел самосознанье на престол я.
На божество успешно штурм повел я.
Но мне стать жертвою невежд пришлось,
Меня истолковали вкривь и вкось;
И, наложив на умозренье цепи.
Рождали чушь, одну другой нелепей.
Но вот явился *Штраус*. Когда ж, смельчак,
Меня постичь сумел он кое-как,
Ему тотчас влиятельные лица
Из Цюриха велели удалиться
Какой позор! Революционный нож
Я мудро изобрел – и что ж?
Нигде, нигде пристанища нет ныне
Поборнице свободы, гильотине!
Итак, я жил и мыслил столько лет
Напрасно, сатана? Держи ответ!
Когда ж придет за нас могучий мститель.
Отродья набожного истребитель?» –
Все это выслушав с улыбкою слащавой,
«Да перестань скулить, – сказал в ответ лукавый, –
Вам, верные рабы, несу благую весть:
Я мстителя нашел. Да, мститель этот есть».
«Так кто же это, кто?» – кричат все в нетерпеньи.
«То – *Бруно Бауэр*». Смех и крики возмущенья
Послышались в ответ; как разъяренный лев.
Тут *Гегель* зарычал, свой изливая гнев:
«Ну и выбрал же! Над нами ты глумишься, окаянный.
Бауэр подчиняет разум трибуналу веры чванной
И велит идти науке к ней с молитвой покаянной!»
Лукавый отвечал: «Ты слеп, мудрец чудесный.
Мой *Бауэр* не таков, чтоб пищею небесной
Духовный голод свой он утолить сумел:
Доходит до всего, кто мужествен и смел.
Пусть надевает он смирения личину!
Поверь, недолго ждать: ее с него я скину».
И молвил *Гегель*: «Бес, смиряюсь пред тобой!»
Ликуя, вся орда, подняв ужасный вой,
Владыку довела до адовой границы,
И воспарил он ввысь, подобно черной птице.

В ученой келии, где дух царит угрюмый,
Наш *Бауэр* мыслит вслух, упорной занят думой.
Он в Пятикнижие вперил свой острый взор,
А сзади дергает лукавый за вихор;
«Кто, Моисей иль нет, создатель книги этой?
О философия, темны твои ответы.
Я феноменологию познал до дна,
И мне эстетика во всем ясна;
Я в тайны логики умом проник
И метафизику постиг,
И даже богословием – увы! –
Я овладел усильем головы.
Я ныне доктор, лиценцьят.
Веду коллегий целый ряд;
Я умозреньем веру в бога сил
С понятьем абсолюта примирил;
Я с остротой необычайной
Разделался со всякой тайной;
Я понял догмы искупленья,
Творенья и грехопаденья,
И даже догмат о зачатье
Пречистой девы смог понять я.
Но – ах! – весь этот хлам не в силах мне помочь
Вкруг Пятикнижия рассеять тайны ночь.
Кто несомненное мне даст истолкованье?
Откуда получу насущный хлеб познанья?
Вот книга, полная таинственных речений! –
То рукопись Филиппа... Развернуть
Ее хочу я. Мне она укажет путь
Из лабиринта тягостных сомнений.
Так! С первых же страниц исходит яркий луч,
Журчит навстречу категорий ключ;
Они друг другу золотые ведра.
Без устали передают так весело и бодро.
Здесь шири нет меры.
И дали безбрежны.
Науки и веры
Объятья так нежны!
Природные стихии подо мной.
Какое зрелище! Но – о мученье! –
Над Пятикнижьем все ж туман густой,
Скрывающий его происхожденье.
Филипп, явись же!»
Стена раздвинулась, и призрак в трех венцах
Вдруг встал пред Бауэром, внушая жуткий страх.

«О *Бауэр*, со стези не уклоняйся той.
Что *Гегель* в логике предначертал тебе!
Там, где сияет с абсолютной ясностью
Понятие, рассудком не противься ты.
Зане тот дух является свободою».
«Ответь мне на вопрос, кто автор Пятикнижья?
О, не молчи, – молю, скажи!» «С тобою схож
Лишь дух, который сам ты познаешь.
Не я».
– «Не ты? Не уходи, мне путь поведай правый».
Он вскакивает, – глядь, пред ним стоит лукавый.
«Ха-ха, ха-ха, ха-ха! Приятель богослов.
Ты растерялся, друг, и не находишь слов?
Ведь ты не так уж глуп, а понимаешь туго.
Что обречен бродить в пределах злого круга».
Тут *Бауэр* библию хватает с перепугу...
Хохочет бес: «Тебе окажет ли услугу
Сей хлам? Его давно мы вышвырнули вон.
Ужели все еще тебя прельщает он?
Ужели в келии угрюмой на затворе,
Все время занятый добычей категорий.
Стремясь пылающий огонь смешать с водой
И отвратительной питая дух едой, –
Тот дух, который вон из сумрачной темницы,
Оковы разорвав, навек уйти стремится, –
Ужели так тоску свою ты утолишь?
Стыдись! О *Гегеле*, приятель, вспомни лишь.
Учил ли он тебя в союз впрягать единый
Со мраком свет, с водой огонь и холм с долиной?
Нет, факты все презрев, традиции рассказам
Он, бога гордый враг, противоставил разум».
«Твои слова, о бес, звучат мне, как музыка!
Их искушение воистину велико.
Но, бес, я не боюсь их ядовитых жал, –
Уз умозрения и ты не избежал.
Ведь духу моему открыты все явленья;
Ему ли отступить перед тобой в смущеньи?
Я знаю, ты хитер, но твой прием уж стар:
Ты опьяняешь нас вином словесных чар.
Сулишь поднять наш дух над милой плотью мира, –
Потом голодного абстракции вампира
Даешь в владыки нам; и уж не в силах мы
Таить иную мысль, как ту, что мы – есмы.
Мертвящий хлад высот твоих меня пугает,
Где разрушает дух все то, что постигает.

Молоху древнему твой злобный дух под стать:
Все позитивное стремится он пожрать.
Ты видишь, сатана, что ты насквозь мне ясен;
Передо мной своих не расточай же басен.
Вот Пятикнижие: лишь позитивно лик
Его пойму, – и вот: я иудаизм постиг».
Бес издевается: «Ну, не потеха ль, право?
Ты хочешь блеск придать тому, что стало ржаво.
Там, где господний перст усмотрен был во вшах,
Где храма план чертил господь на небесах,
Где божий глас везде и в каждое мгновенье
Народу чудился, – уместно ль умозренье?
Напрасно мозг трудишь над этой чепухой;
Ты лучше с верою вступи в смертельный бой.
Иди туда, где дух в своей уверен силе,
А не копается, как жалкий червь, в могиле;
Где он себе престол величия воздвиг,
А вера перед ним покорно клонит лик».
«О бес, о чем в тиши я помышлял украдкой.
Ты вслух мне говоришь, вселяя трепет сладкий
И душу веселя предчувствием побед.
Но тайный голос мне нашептывает: «Нет!
Жизнь изжита твоя»».
«Не трать же даром время.
Лишь захоти, – и вмиг спадет неволи бремя».
«С чего же мне начать?» –
«Не помышляй, что здесь,
В *Берлине* набожном, где восседает спесь,
Ты мог бы воспарить в ликующую сферу
И насмерть поразить бессмысленную веру.
В веселый *Бонн* тебя я увести решил,
Где в Рейне смоешь ты всех предрассудков ил.
Там к жизни действенной и радостной воскресни
В союзе с пьяною лозой и пьяной песней.
Там вольно дышится, там все – к победе путь;
Там и твоя, поверь, вздохнет свободно грудь».
«Веди меня, я твой!» –
«Там гордо спорят мненья,
И истина свое там празднует рожденье.
Там на развалинах духовной нищеты
Свободомыслию алтарь воздвигнешь ты!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Позор тебе, о *Бонн*, религии твердыне!
Посыпь главу золой, бей в грудь себя отныне!
На кафедру, что бог всевышний возлюбил,
Днесь *Бруно Бауэра* лукавый посадил.
Он брызжет пеною, а за спиной лукавый
Вливает в речь его потоки злой отравы.
Как пес взбесившийся, он в ярости кричит;
Устами Бауэра нечистый говорит:
«Не поддавайтесь же коварным богословам.
Всегда вас обмануть и провести готовым.
Значенье слов простых им любо извращать
И, крадучись, бродить во тьме ночной, как тать.
Между собой они всегда в жестокой драке.
За букву каждую грызутся, как собаки;
Их деятельность – ложь, их проповедь – обман.
Дурной софистикой насыщенный туман.
Как сельской детворе, соскучившейся в школе.
Нет большей радости, чем, убежав, на воле
Затеять шум и гам; напрасно их бранит
Учитель взбешенный и палкой им грозит; –
Так бедный богослов над текстом тщетно бьется;
Разноречивый текст над ним как бы смеется.
Он жмет его в тисках и гнет в бараний рог.
Позабывая то, что только что изрек,
И в исступлении слова ломает диком,
Покуда, наконец, не убегают с криком
Противоречья все. Он им орет вослед:
Куда, куда? Назад! Приличия в вас нет!
Хватает веры жезл и, вне себя от гнева.
Свирепо машет им направо и налево,
И в ведовской котел пихает их назад.
Чтоб бедных удушил невыносимый чад.
Все таковы они. Евангелисты тоже
На невменяемых теологов похожи.
Один евангелист не смог понять никак,
Что сказано другим, и вот он так и сяк
Значенье слов его меняет, извращает,
В противоречиях все глубже утопает;
Но дело сделано: предшественник убит...
Против *Иоанна* же никто не устоит.
Смотрите-ка»... Но тут прорвалось возмущенье:
«Вон богохульника! Он не избегнет мщенья.
Да будет вырезан кощунственный язык.
Отсюда вон его! Ты, господи, велик!»

Но стан другой вскричал: «Да здравствует глашатай
Свободомыслия и мрака враг заклятый!
Умолкни, род ханжей! Не то, пусть честный бой
Покажет, правда ли силен владыка твой».
«Долой лжеца, долой!» – несутся крики справа.
«Долой ханжей!» – кричит бунтовщиков орава.
«Молчать, безбожники!» – «Закройте, овцы, пасть!
Вам на рога козлам не миновать попасть».
«*Владыка наш – Христос*». – «*Нам Бауэр вождь*».
Тут палки
Заговорили вдруг, и все смешалось в свалке.
Кипит жестокий бой, все без толку орут;
Там сломана скамья, пюпитр повержен тут;
Безбожники из них воздвигли баррикады
И мечут в христиан из-за своей засады
Тяжелых библий том за томом и скорей
Спешат их задавить под грудой псалтырей.
Благочестивая вотще штурмует братья,
Отбиты без труда все штурмы без изъятья.
Обильно льется кровь, и в набожных рядах
Немало раненых, поверженных во прах.
Но вот безбожников железные отряды
Со своего пути сметают баррикады
И лбом кидаются на набожную рать;
Она, не выдержав, пускается бежать, –
Толкаясь и спеша, толпится в коридоре
И переводит дух лишь у ворот, где вскоре,
В подмогу присланы от господа, стоят
Отряды педелей, и ректор, и сенат.
Они пытаются словами примиренья
Утишить пыл вражды; но через миг теченье
Их втягивает в свой слепой водоворот,
И с новой яростью сражение ревет.
По мудрым головам запрыгали дубины,
Вновь выпрямляются согнувшиеся спины,
У задранных носов стал сразу скромный вид,
Как туча в воздухе, пыль книжная стоит.
Слетают парики с голов позитивистов...
Все резче и сильней напоры атеистов.
От страха смертного на *Фихте* нет лица:
Дрожит ничтожный сын великого отца.
Как *Брандис* ни бежит, а все-таки от пыли
Систем ему сюртук очистить не забыли.
Увы! Над *Гегелем* победа им не впрок:
Отряды *Гегеля* их стерли в порошок.

Вот, вот их сокрушат удары атеистов.
Чей натиск сделался поистине неистов.
Но нет! На небесах не дремлет божий глаз;
Когда его рабов настигнул смертный час,
Он *Зака* ниспослал с прилизанным прибором
Пролить елей в сердца, смущенные раздором.
Покинул только что он божий вертоград.
Как звезды тихие, глаза его горят.
Его могучий нос – столп безграничной веры.
Точат уста его слова любви без меры.
На богоизбранной ослице он сидит.
(Ослицы этой хвост являет странный вид:
К нему прикреплены слова библейских текстов.
Чтобы врагов пугать и обращать их в бегство-)
В раздумьи опустил он голову на грудь,
Ослице дух святой указывает путь.
Победный клич врага услышав в отдаленьи.
Он хочет дать пути иное направленье.
Н о набожная тварь противится, встает
Внезапно на дыбы и всадника несет.
«Что на тебя нашло, любезная ослица?
Откуда ропот твой? Прошу остановиться».
Куда тебе! Она садится крупом в грязь;
Впервые палку он хватает, разъярясь,
И бьет, и бьет, и бьет; животное, не внемля,
Кидает всадника, остервенясь, на землю.
Но тут внезапно бог уста ее открыл
И замыслы свои чудесно возвестил:
«Брось палку! Дух святой мне преградил дорогу!
Идя на бранный клич, я повинуюсь богу.
О доблести своей воспомни и восстань,
В богоугодную отважно кинься брань.
Вещает бог тебе, свои отверзи уши!
Из скотьих уст, о Зак, ты весть благую слушай;
Ты *Заком* был досель, отныне *Бёйтель* ты!
Их распрю усмирить ты призван с высоты».
И *Бёйтель*, взор горе воздев, сказал: «О, кто же
Твой чудный промысел постигнуть сможет, боже?
Через скотину мне ты посылаешь зов;
Ему послушен, в бой я ринуться готов».
Сказал и поспешил на поло тяжкой брани.
Чрез груды бедных жертв мучительных страданий
Себе он проложил дорогу напролом.
Во славу мира вслух произнося псалом.
Ду|по11 смущенные стояли оба стана,

И *Бёйтель*, вдохновясь, к ним обратился рьяно:
«Ужели в сих местах, где славословий хор
Когда-то лишь звучал, днесь царствует раздор?
Как смеете вы здесь перед господним ликом
Друг друга колотить в затмении великом?»
Благочестивых стан, смутясь, отходит вспять,
Глядит насмешливо кощунственная рать.
И *Бёйтель* продолжал: «Тут рознь и бой кровавый,
А в небесах покой блаженно-величавый.
Там хоры ангелов сидят у ног творца,
Там божий агнец, сын единственный отца,
На землю грешную взирает, сострадая.
А вкруг него звучат святые песни рая.
Я вижу агнца лик как бы в блаженном сне,
Я слышу: он свою вещает волю мне;
– «Вотще я уповал на *Бруно* богослова!
Не с нами ныне он; он жертва духа злого.
Когда-то в келии сидевший, затворясь.
Днесь слово божие он втаптывает в грязь.
Его приспешники мою терзают братью;
Да будет предан он, неверный раб, проклятью!
Се мною избран ты. В широкий мир иди
И верных господу на битву приведи!
Средь шумных городов и среди сел безвестных,
Ослицу оседлав, вещай о муках крестных.
Кольчугу господа на грудь свою надень.
Зане уж недалек последний битвы день.
Щит веры в длань возьми; он лучшая ограда
От козней дьявола и лютых копий ада.
Ты чресла поясом молитвы препояшь,
На голову свою надень, избранник наш.
Спасенья чудный шлем и меч служенья богу
В ножны терпения вложи. Итак, в дорогу!» –
Господь, я внял призыв и, верный раб, иду
Смести с пути греха безбожную орду».
В храм потекло меж тем собранье рати чистой,
В кабак же, как всегда, удрали атеисты.
Тут набожный пророк ослицу в рысь пустил
И славословить стал владыку вышних сил:
«Творцу хвала, в сердцах людей – благоволенье».
Все слушали окрест святое песнопенье,
А наш блаженный муж все продолжал свой путь;
Ослице ж бог внушал, когда и где свернуть.
В то время в Лейпциге сидели тихо рядом
Три мужа, издавна намеченные адом.

То *Руге* за столом неистовый сидит;
Печать тяжелых дум чело его хранит;
Толстяк и, ты б сказал, миролюбивый малый;
Но когти у него острее, чем кинжалы.
С пивным филистером его б сравнить ты мог;
Но свил себе гнездо в груди его порок.
О *Руге*, веселись! Но веселись с опаской,
Великий суд грядет, с тебя сорвет он маску.
Второй, надменный взор вперивший в свой стакан, –
Свирепый *Пруц*, страстей клокочущий вулкан.
Он с человечностью порвал навеки узы;
Все чувства у него и думы все – медузы.
В сердца невинные он, ловкий рифмоплет.
Зерно греховного безбожия кладет.
Так веселись же, *Пруц*, но веселись с опаской:
Великий суд грядет, с тебя сорвет он маску.
И третий, наконец, который крутит ус.
То *Виганд*, выдумок живой, ходячий груз,
Богохулителей издатель постоянный.
Поддержка и оплот всей банды окаянной.
Бородкой *Блюхера* ты не спасешься, брат!
Великий суд грядет, тебя он ввергнет в ад.
Все трое за столом сидят, полны обид;
Вдруг *Виганд*: «Для того ль я деньги, – говорит, –
Просаживал, к тому ль дал капитал немалый,
Чтоб получить запрет на «Галльские Анналы»?».
«О время мерзкое! – тут *Руге* закричал: –
Чтоб цензор целиком не слопал мой журнал,
Из рукописей треть я выручал насилу:
Все ж сходит мой журнал безвременно в могилу».
На это *Пруц*: «Увы, стихи мои лежат!
Не пропускает их с полгода цензор-кат.
Но нет! Шалите вы! Не уморить вам Пруца;
Есть выход, черт возьми: к эротике вернуться».
«Что ж! – крикнул Руге (гнев горел в его глазах), –
Литературный мне дозволен альманах»;
Теките же в него, о сладенькие песни!
Новелла скучная, коль можешь, в нем воскресни».
«Я ж, – *Виганд* продолжал, – приобрести готов
Роман новейший Мюгге из четырех томов
Отныне прилеплюсь душою к беллетристам;
Тех цензоры щадят, те не чета софистам.
Вас, пиво и любовь воспевшие, зову
И грежу лишь о вас во сне и наяву.
Итак, протянем же друг другу руки, братья,

И вместе заключим правительство в объятья».
Внезапно в комнату лукавый дух вошел.
«Эх вы, «Свободные» – вскричал он, дик и зол, –
Что с вашим мужеством, что с вашим дерзновеньем?
Вас цензор испугал своим постановленьем.
Как стыдно мне теперь, что доверял я вам.
Вам, львиной шкурою прикрывшимся ослам.
Пождите ж! Стоит лишь в аду вам очутиться,
Я там вам заклеймлю предательские лица.
Но нет, я вас, трусы, не допущу в мой ад.
Вас к богу прогоню, в несносный райский сад».
«Да не кричи же зря! – тут Виганд вдруг воскликнул;
Для нас исхода нет! Ты плохо в дело вникнул!»
«Вы глупы, как ослы, – вскричал со злобой бес: –
Из-за деревьев вам, ослы, не виден лес.
Анналы *Галльские* отвергла эта каста?
Перекрестите их в *Немецкие* – и баста
Цензуру буду я отныне выполнять.
Все образуется, прошу лишь не плошать.
Тому, кто с дьяволом на «ты», не подобает
Бежать за три версты, как только пес залает.
Мужайтесь же! Теперь я далее спешу,
А вас за атеизм, как встарь, стоять прошу».
Сказав, исчез. И вдруг предстал, – не ждан, не гадан, –
Брат Бёйтель; вкруг него курился росный ладан.
На богоизбранной ослице он сидит.
(И вознесенье он верхом на ней свершит.)
Воздевши к небу взор, горящий дивным жаром,
«Богоотступники! – вскричал он в гневе яром, –
Так говорит господь: вы – дети сатаны.
Вы злобой к праведным сынам моим полны;
В последний раз к вам шлю избранника-пророка.
Чтоб надоумить вас отречься от порока;
Раскайтесь же и ниц падите предо мной,
Пока не полегли под дьявольской пятой.
Так говорит господь: я буду строг к строптивым,
Их насмерть поражу во гневе справедливом
И на съедение отдам моим рабам;
Любезный *Хенгстенберг*, любезный *Бёйтель*, – вам!
Могила грешникам да будет в вашем чреве.
Так рек господь». – Сказал и удалился в гневе.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Что вижу? Целый стан, неся зловонье, мчится!
Как только солнца лик от смрада не затмится?
Кто эти воины? Кто нечестивый род
Со всех концов земли в сражение ведет?
Нет, то не воины! То собрались отбросы
Со всей Германии точить крамолы косы.
Они уж чуяли, что казнь недалека.
Что их господь отверг, что дьявола рука
Над ними поднята, они уже хотели
Богопротивные свои отринуть цели, –
Как вдруг раздался зов: *Арнольда* зычный рог
На дьявольский совет всех в *Бокенгейм* привлек.
««Свободные», доколь сидеть за печкой будем?
Уже романтика растлила душу людям,
Реакция царит, и мерзостный паук
Улавливает в сеть служителей наук.
Над *Бауэром* висит дамоклов меч; в цензуре
Плоды всех ваших дум сметаются, как бурей.
Так вот же вам, друзья, мой краткий манифест
(Коль цензор мне его пропустит, а не съест):
Пора собраться нам, как истым дипломатам,
И средства обсудить борьбы с врагом заклятым;
Свобода! Для властей страшнее слова нет,
И в этом-то словце для них всех зол секрет;
В согласие вошел с жандармом агнец божий
И возлюбил лишь тех, что на скотов похожи.
Итак, «Свободные», вас в Бокенгейм зову;
Там новых подвигов откроем мы главу».
Как только манифест проник во все селенья,
Сердца безбожников объяло вожделенье:
«Скорее в *Бокенгейм*!» – кричат все, как один.
Наглейших выставил, конечно, град *Берлин*.
Кто впереди идет? То *Арнольд Руге* ярый;
За ним свирепые шагают янычары.
Что Якобинский клуб? Собрание детей
В сравненьи с мерзостной, безбожной ратью сей.
Вот *Кёппен* шествует с огромными очками;
Ему б в углу сидеть, но *Руге* злое пламя
В его груди рукой безжалостной возжег.
Он шпагу ржавую надел на левый бок.
Которая висит, как хвостик у чертенка;
Все время ею он повиливает звонко.
При эполетах он и с рупором в руке.
Чтобы был слышен всем – и тем, кто вдалеке, –

Крик смелой юности, взыскующей познанья.
А вот и *Мейен* вслед! Он обратил вниманье
Европы на себя – надежда вражьих сил,
Он в чреве матери Вольтера изучил.
Мерзавец, он с собой ведет юнцов безусых.
Племянников своих; их развратить во вкусах
Сумел он и теперь со всей своей родней
В гостеприимный ад летит вниз головой.
А тот, что всех левей, чьи брюки цвета перца
И в чьей груди насквозь проперченное сердце.
Тот длинноногий кто? То *Освальд* – монтаньяр!
Всегда он и везде непримирим и яр.
Он виртуоз в *одном*: в игре на гильотине,
И лишь к *единственной* привержен каватине,
К той именно, где есть всего один рефрен:
Formez vos bataillons! aux armes, citoyens!
А тот подле него, похожий на атлета,
Не *Эдгар* ли *Бауэр* с душой кровавой это?
Да, это он! Пушком покрыт злодея лик,
Но, хоть годами юн, коварством он – старик;
Он фраком голубым души не скроет черной;
Снаружи франт, внутри – он санкюлот задорный.
За кровопийцей тень шагает по пятам:
Ей *Радге* прозвище, его он дал ей сам.
Вот Штирнер, лютый враг стеснительных условий.
Он *нынче* пиво пьет, а завтра крикнет: Крови!
Лишь взвизгнет кто-нибудь свое: a bas les rois,
Уж он тотчас ввернет: a bas aussi les lois!
Последним тащится – нечесаный, небритый,
Давно не видевший ни мыла, ни корыта,
Собачьей старостью согбенный – *Патриот*;
По духу – заяц он, по виду – санкюлот.
Так с криком, с топотом несутся атеисты.
Которых ты пожрешь со временем, нечистый.
Всех впереди Арнольд; тома своих Аннал
Он к длинному шесту, как знамя, привязал.
Когда же прибыли все к месту назначенья.
Уже был *Бруно* там; в припадке исступленья
Он машет в воздухе листом того труда.
Которым библию сметает навсегда.
Зеленым сюртуком на тощенькой фигуре
Он выдает свое родство с семьею фурий.
Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет, – бежит, нет, катится лавиной.

Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед.
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый!
Из *Кёльна Юноша* за ним ступает вслед;
Ни в небе, ни в аду такому места нет.
В нем, в этом молодом патриции богатом.
Смешался санкюлот лихой с аристократом!
Путей запутанных душа его полна,
В кармане у него содержит сатана
Рать Золотой Орды. Вслед *Ртг* проклятый
Идет, грозя рукой, в кулак огромный сжатой.
Из уст его столбом восходит вечно дым:
Он страстью к прелести табачной одержим,
И с трубкою своей тогда лишь расстается.
Когда, оскалив рот, над господом смеется.
Но кто сей грозный муж, сей жуткий паладин.
Что с юга на призыв пришел совсем один?
Он сам – что целый стан безбожных и бесстыдных,
Что целый кладезь дум и замыслов ехидных,
И вечно с подлою хулою на устах;
То *Людвиг* – господи, помилуй! – Фейербах.
Бесшумно двигаясь, скользит он над землею,
Как жуткий метеор, что брошен силой злою.
Питанья символ, хлеб, держа в руке одной.
Бокал, наполненный огнем вина, – в другой.
Се восседает он по самый пуп в купели,
Уча, как новый чин осуществлять на деле.
Смысл таинств состоит, по мненью мудреца,
В том, чтоб купаться, жрать и пить, пить без конца.
Его встречает рев приветных восклицаний,
Его ведут в кабак -для пьяных возлияний,
И поднимается столь яростны!! галдеж.
Что в том, что все кричат, двух слов не разберешь.
Шатанье взад, вперед и буря завываний
Не унимаются, и в зале заседаний
Порядок водворить немыслимо никак:
Недаром ведь покой – им ненавистный враг.
Вдруг гнев на Кёппена, сидевшего дотоле
В молчании, напал: «В степях я диких, что ли!
Не стыдно ль, варвары, галдеть вам, позабыв
О том, зачем сюда пришли мы на призыв?
О *Арнольд*, друг и вождь, открой скорее пренья,
И нашим силам дай скорее приложенье».

Тут *Освальд* с *Эдгаром* подняли вместе вой:
«Да успокойтесь же! К чему галдеж такой?»
Затихло вскоре все, и *Арнольд*, между делом
Уж три бифштекса в рот впихнувши жестом смелым,
Вскочил на кафедру и, утирая рот,
Окинул взором зал. Потом как заорет:
«Что за чудный синклит вижу вокруг! Други, готовьтесь в бой!
Вас, «Свободные», ждет слава иль смерть за идеал святой;
Пусть реакция нам подло грозит, пусть подымает вой.
Пусть безумствует! Что ж! Ей ли сразить наш неразрывный строй?»
Но Освальд с Эдгаром прервали красноречье;
Их возглас прозвучал, как рев нечеловечий:
«Прекрасных слов уже довольно ты, *Арнольд*,
Сказал. Мы ныне требуем другого: дела!»
Толпа задвигалась, и «браво» загудело;
Со всех сторон неслось, как эхо: «Дела, дела!»
Но *Руге* крикнул вдруг, с насмешкой на устах:
«Наши дела лишь в словах; так было, и впредь будет долго,
С древа абстракции сам практики плод упадет».
А оба крикуна тем временем, в погоне
За делом, малым хоть, на стуле, как на троне,
Подняли Бауэра; и уж толпа кругом,
И Бруно, как орел, парит под потолком.
Смотри, его глаза горят безумным жаром.
Чело помрачено, как тучей, гневом ярым;
Под ним же, слышишь, рев!.. – Но, – глядь, – в углу другом
Из *Трира* чудище, на *Ртг* верхом.
Ревет неистово. Ревут, как звери, оба:
«Знать, баснями кормить ты будешь нас до гроба?!»
Бауэр: «О ослепленный!
Да погляди же!
Воинство набожных
Ближе и ближе!»
Чудище: «Проклятый род
Растет, растет!»
Бауэр: «*Бёйтелъ*, верхом на скотине,
По весям странствует ныне!»
Чудище: «Как слышно, давно замыслил Иегова
Послать на землю Мессию снова».
Бауэр: «Не один агнец нам
Жизнь нынче отравляет ядом:
Приходится бороться с целым стадом».
Чудище: «Ведь нынче под луной,
Куда ни плюнь, повсюду дух святой».
Оба: «Кроме того, что нас мучает Троица,

Союз полиции и веры не дает успокоиться!»
Чудище: «Не дремлет их воинство!
Где же наше достоинство?»
Бауэр: «Они за оружие,
А мы-то чем хуже, а?»
Уж крикнул тот-другой: «Мы им дадим отпор!»
Но *Фейербах* опять воспламенил раздор.
«Ужели, – крикнул он, – вам пря не надоела?
Коль требует кто дел, пусть примется за дело!
Свободный человек лишь сам себя ведет;
Кому в своих делах давать ему отчет?»
Вдруг *Кёппен* встал: очки двойным сверкнули бликом,
«Свободные» молчат пред олимпийским ликом:
«Почто противишься союзу, *Фейербах*?
Порядок водворит лишь он у нас в рядах;
Поток прогресса вдаль тогда польется ровно
и – что важней всего – мы победим бескровно!»
Тут *Освальд* с *Эдгаром*: «Какой ты атеист? –
Вскричали вне себя: – Ты жалкий жирондист!»
А *Штирнер*, возмутясь: «Насилие над волей!
Нам криком навязать закон желают, что ли?
Вас после этого «Свободными» зови!
Нет! Рабство гнусное сидит у вас в крови!
Долой законы все!» – Тут полное смятенье
Грозило охватить бесовское раденье, –
Как вдруг раздался шум, и через крышу в зал
Бумажный змий влетел; то Виганд – о скандал! –
На собственном явился самолете.
«Позорно вы себя, – им крикнул он, – ведете!
Ужель вам мало,
Что на Анналах
Сумел летать я.
Их сам слепил я,
Их сам скрепил я,
Ваш *Блюхер*, братья!
Парю ж над вами я в атмосфере!
Долой унынье! Мужайтесь в вере!
Ведь Франкфурт рядом
С покорным стадом
Своих мужей. Там тишь да гладь.
Там робкий лепет,
Там рабский трепет.
Вы не хотите пример с них взять?
Иль к вам оттуда
Подуло худо.

Союзный ветер донесся алой?
И в этой стуже
Все хуже, хуже
Дышать «Свободным»? Тогда за мной!
Я в *Лейпциг* вас зову, где я воздвиг оплот,
Который никогда от штурма не падет;
Тот дом, где торговал я гегельянством, ныне
В несокрушимую мной превращен твердыню.
Так вот же, в *Лейпциг* мной вы все приглашены!
Где центр издательства, да будет центр страны».
«Да, в *Лейпциг*! – крикнуло собранье в увлеченьи; –
Оттуда выступим в последнее сраженье».
На змие *Виганд* взмыл, все двинулись за ним;
И только *Фейербах* остался недвижим. –
Но прочь от этих мест! Ласкающие дали
Меня влекут, – манит град *Галле*, что на *Заале*.
Блаженный град! Тебя не позабыл господь,
Не смог твоих сынов лукавый побороть.
Как *Руге* ни точил слюны своей отраву,
Свою ты сохранил непомраченной славу.
И Руге в ярости покинул твой предел.
Так славь же господа за свой благой удел!
И правда! Радостно сбираются сегодня
Для славословия избранники господни.
Прекрасный сонм! Вот там сапожничек стоит;
Ему быть набожным грудь впалая велит.
А рядом трезвенный кабатчик круглолицый.
Он нацедит тебе за денежку водицы,
Смиреньем набожным сияет лунный лик;
Как не сказать, что ты, о веры ключ, велик?!
Вот бабушка стоит, согбенная грехами;
Сквозь тело ветхое сияет веры пламя;
Она хрипит псалом блаженно, как в раю,
Крестя все время грудь иссохшую свою.
Смотри, а вот и *Лев* с брегов высоких *Заале*,
Чье благочестие архангелы признали;
Он с верою в поход на *гегелингов* шел.
Он с верой защищал и церковь, и престол.
Он с верой гнусную историю вселенной
Исправил; внес в нее небесный свет нетленный.
Войдите ж, верные, в уютный, скромный дом
И спойте господу признательный псалом.
Ты слышишь! Сладостно их пенье раздается
И к трону вышнему, как фимиам, несется:
«Мы – падаль пред тобой, господь.

Полна зловонья наша плоть,
А в наших душах семя ада.
С рожденья мы обречены
Грешить на радость сатаны;
Нас растопчи! Так нам и надо!
Все же нашему страданью
Врачеванье
Ты благой даруешь дланью.
Ты в небеса впускаешь нас.
Где ангелы возносят глас.
Поя тебе хвалу, о боже!
Ты прочь лукавого прогнал,
Который так нас угнетал!
Пожри проклятого, о боже,
Пусть же за свои деянья
В воздаянье
Он получит наказанье!»
Но вот, перекрестясь, на стул сапожник встал
И проповедь о зле, объявшем мир, сказал:
«Смотрите, бездны пасть раскрыта перед нами;
В ней адское бурлит, шумит, бушует пламя.
День близок, – огненный взовьется ураган,
И он проглотит нас, всех верных христиан.
Смотрите! Множатся бесов злоумышленья!
Велик господь! Грядем мы к светопреставленыо».
«Аминь, – воскликнул *Лев*, – о братья, верьте, верьте!
Без фиговых листков по свету бродят черти;
К нам шлет великую блудницу Вавилон:
Богиню разума; дрожат алтарь и трон.
Чем *Руге* не *Дантон*? Второго *Робеспьера*
Мы видим в Бауэре! Марата-изувера
Еще превозойдет проклятый *Фейербах*!...
Последний ждите день с молитвой на устах!»
Так кончил он. И вдруг предстал, не ждан, не гадан.
Брат Бёйтелъ; вкруг него курился росный ладан,
На богоизбранной ослице он сидит
(И вознесенье он верхом на ней свершит).
Воздевши к небу взор, горящий дивным жаром,
«К вам путь меня привел, – воскликнул он, – недаром;
Так говорит господь: Сей муж – избранник мой;
Он двинет воинство мое в последний бой.
Вы ныне *Бёйтелю* должны повиноваться.
Пред ним мои враги, как плевел, расточатся.
Так мне сказал господь; я на колени пал
И со смирением его призыву внял.

С отвагою в душе пустился я в дорогу,
Чтоб верой озарить греховную берлогу.
И я пошел в дворцы владетельных князей,
В хоромы знатные, в жилища богачей;
Но к суете земной полны они влеченья;
У них я встретил лишь насмешку и презренье.
Чревоугодники сидели за столом,
Богато убранным, и тешились вином.
Прах отрясая с ног, я в гневе удалился.
Н о ночью мне во сне господь, мой бог, явился
И рек: – «В игольное ушко пройдет верблюд
Скорей, чем богачи в небесный рай войдут.
Ты к беднякам иди! Там, на большой дороге.
Тебя с надеждой ждут, кто нищи и убоги.
Хромых, слепых, калек, стоящих у оград,
Сбери и приведи в святой мой вертоград.
Вот лучшее ядро благочестивой рати.
Иди ж! Они тебе воскликнут «исполати»!» –
Такой мне был во сне божественный глагол;
Я внял ему и к вам, о верные, пришел.
Вас призывает бог, творите же молитвы
И приготовьтесь к дню последней, грозной битвы.
«Свободных» армия уж к Лейпцигу идет,
Где в доме *Виганда* их крепость и оплот.
И там за грудой книг, за кипами бумаги,
Они нас будут ждать. Исполнитесь отваги,
О верные! Разбить должны мы злую рать
Врагов всевышнего и крепость их занять.
Мужайтесь же, друзья, в любви, в надежде, в вере!
Я вижу: предо мной открыты в небо двери.
Ко всем сокровищам святая вера – ключ.
Ты, *Галле* набожный, лишь верою могуч.
Был с верой божий сын зачат в девичьем лоне;
Исполнясь верой, кит вернул свободу Ионе,
Нам воскресение бог с верой возвестил
И с верой он уста ослиные открыл.
Прозрел слепой в тот миг, как укрепился в вере.
Я с верой вверх гляжу и вижу в небо двери;
Я с верой говорю: credo ut intelligam [верую, чтобы понимать],
Я с верою за крест держусь, на зло врагам.
Все, что б ни делал я, основано на вере;
Я с верой вверх гляжу и вижу в небо двери.
Мне говорит господь: пусть станет *Лев*, мой раб.
Над братьей в Галле; тут его пусть будет штаб.
А ты по городам, по весям и селеньям

Вербуй мне воинов с неутомимым рвеньем.
Ты, Бёйтель, мой пророк, не должен отдыхать.
Пока не собрана благочестивых рать.
Так рек господь, и я в великой крепок вере;
Прощайте же, друзья! Я вижу в небо двери». –

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Что вижу? Озари, святой *Иоанн*, мой разум
Твоим пророческим, божественным экстазом!
Борьбу архангела с драконом видел ты;
Сними же с глаз моих завесу суеты!
Что вижу я? Грядет день грозного сраженья.
День Страшного суда, день светопреставленья!
Что вижу? Груды туч покрыли неба круг;
Громада их растет, вздымается, – и вдруг
Бросается, как лев, в средину небосклона.
Исчадье адское из грозового лона
С шипеньем вырвалось; сей – огненным хвостом
Бьет воздух яростно, тот – дьявольским волчком
Несется вскачь, и все ревут в безумной злобе.
Как в ведовском котле клокочущей в утробе.
Ужель, проклятый род, ты небом овладел?
На божии стези ты как ступить посмел?
И молния, и гром похищены тобою?
О горе! *Боннский* бес вас подготовил к бою,
Но божьей милости не иссякает ключ, –
И дьявольскую тьму рассеет солнца луч.
«Свободных» дикий стан валит в свою твердыню;
Но скоро, скоро бог накажет их гордыню.
Их *Виганд*, в воздухе паря, ведет вперед.
За ним орава вся бесстыдная орет.
На *Лейпциг* путь лежит; там «*Гутенберг*» в надежный
Плацдарм он превратил для армии безбожной.
Там башни сложены из множества томов.
Окопы вырыты, и к штурму вал готов.
Писанья Бауэра четыре равелина
Покрыли; ружьями защищена куртина.
Там *«Фридрих» Кёппена* лежит над рядом ряд,
и прошлогодние Анналы там лежат.
«*Труба*» и *Фейербах* тяжелою громадой
Вкруг крепости лежат и служат ей оградой.
Преградой там стоит – твой, Руге, «Новеллист»;
Чтоб пот стирать с лица, навален «Пиетист»
А свой чертовский дом на случай отступленья
Поспешно превратил хозяин в укрепленье;

Законопатил дверь и окна хитрый враг,
А склад оружия он поднял на чердак,
Чтоб сверху набожных огня подвергнуть граду,
Коль удалось бы им прорваться за ограду.
Они вступают, шум подняв и дикий гам,
И размещаются по башням и по рвам.
А набожная рать идет из *Галле* биться;
Для штурма у нее – *Иакова* лестница.
Столп огненный пред ней, как знамя – исполин,
А по пути – костры пылающих купин.
О посети меня, святое вдохновенье,
Чтоб мог я описать их дивное движенье!
Колонну первую ведет державный Лев;
Он шествует вперед, нисколько не сробев,
И только пять томов истории всемирной
Держа в своих руках; как в обстановке мирной.
Он – без оружия: он верою силен.
Вслед *фон дер Зюнденом* вторая из колонн
Ведется в бой; сей муж грех ненавидит страстно;
Оружия на нем ты б стал искать напрасно;
Одним присутствием своим врага он бьет.
Вот почему бойцы, идя за ним в поход.
Вооружились лишь псалмами и молитвой;
Услышав пенье их, противник с поля битвы
Бежит за три версты. – Послал бойцов и Бонн;
Брат *Нихтс* – отважный вождь их набожных колонн.
Из *Швабии* отряд летит, как буревестник;
Он в знамя превратил свой «Христианский вестник» *♦.
Берлинцев *Хенгстенберг* ведет в последний бой;
А *бременцы* текут, о Маллет, за тобой.
Поп *Хирцелъ* тоже тут. Он *цюрихскую* братью,
Что *Штрауса* предала позорному проклятью.
Ведет; и базельцы за ним во след текут.
Ты, *вуппертальский* маг, *Круммахер*, тоже тут.
На стогны Лейпцига вступает рать святая.
Вдруг пенье дивное, как будто песня рая,
Разносится окрест; у всех один вопрос:
«Откуда эта песнь, что трогает до слез?»
И перед ними вдруг, верхом, – не ждан, не гадан, –
Брат Бёйтель; вкруг него курится росный ладан.
«Меч божий, – он поет, – и гедеонов меч
У нас! Мы победим в ужаснейшей из сеч.
Хоть крепость грозная воздвигнута злодеем, –
Мы адовы врата, – о верьте! – одолеем!»
И вот ослица вскачь на гордый вал бежит;

За ней рать набожных, поя псалом, спешит.
О, что за мощный штурм! Зови, о враг господний,
Па помощь дьявола из черной преисподней!
Лишь только *Бёйтель* вал успел, взлетев, занять –
На приступ *Хенгстенберг* ведет святую рать.
Но в стан безбожников спешит тогда лукавый.
Чтоб мужество вдохнуть в смущенную ораву.
Вот *Виганд с Мейеном* на равелин взнеслись
И мечут тысячу огней смертельных вниз.
Вон *Штирнер* связки книг кидает вниз с размаха
И многих набожных хоронит в груде праха.
И *Арнольд* тут как тут: тома своих Аннал
Он мечет в каждого, штурмующего вал.
А со стены из книг, как молотом Перуна,
Тяжеловесною «Трубою» машет *Бруно*.
В засаду спрятавшись (кто там его найдет?).
Брошюры за спину кидает *Патриот*.
В бой *Кёппен* бросился, нахмурив грозно брови.
Но все старается пролить поменьше крови.
Несется *Эдгар* в бой, отважен и удал;
Твой, *Освальд*, перечный костюм от крови ал.
А кельнские бойцы! Потух в пылу сраженья
У *Ртг* чубук, но не пришел в смущенье
Боец испытанный; потухший свой вулкан
Он тычет в животы несчастных христиан.
Червонцы *Юноша* без устали кидает;
Из Трира *чудище*, как юный лев, прядает.
Но все смелей святых дружинников отпор.
Все ярче и звончей их славословный хор.
Глядите! *Хенгстенберг* на *Виганда* напал,
Схватил за бороду и, сотрясая вал.
Стащил безбожника; лежит он без дыханья;
От русой бороды – одно воспоминанье.
Арнольд в опасности, и *Эдгар* смерти ждет,
В дом *Кёппен* убежал, с ним вместе – *Патриот*.
Уж гордый книжный вал напору поддается,
Уже шатается; один лишь *Бруно* бьется.
Он в *брата Бёйтеля* метнул охапку книг,
И бледность смертная святой покрыла лик.
И *фон дер Зюндену* грозит удар ужасный.
Но тут *Галлеский Лев* воспрял душою страстной
И, как Самсон, рванул могучий книжный вал;
Он лег под ним, но что ж, и *Бауэр* с ним упал.
Лежит злодей в грязи, разбит своим паденьем;
Добить лежачего спешат святые с пеньем.

Тут *Бёйтелъ*, с силами собравшись, встал, схватил
За ухо *Бауэра* и так возговорил:
«Господь победу дал великой нашей вере!
Он – мощный наш оплот! Я вижу в небо двери!
Вперед же, верные! Сломите рог врагу,
А *Бауэра* я сам пока постерегу».
И *Бауэра* связав, вперед дружина мчится...
Уж к дому Виганда Иакова лествица
Приставлена; уже трещит дверной косяк,
Уж склад оружия на чердаке иссяк,
Уж бедный *Патриот* заламывает руки,
Уж *Арнольд* раненый от страшной стонет муки,
Уж *Мейена* уста и нос кровоточат, –
Тогда в смятении летит лукавый в ад.
С ужасным ревом он влетает в дом проклятья.
Ругаясь и грозя, к владыке злая братья
Бежит со всех сторон. И он вопит в смущеньи:
«Позор! «Свободными» проиграно сраженье!
Вотще глумился я, напрасно я смердел:
Нас песнопением противник одолел.
Лишился бороды наш *Виганд*, *Бауэр* – в путах,
А гордый книжный вал атак не вынес лютых».
От рева ужаса гудит над адом свод.
И *Гегель* от стыда в отчаяньи орет.
Но лишь улегся страх в сердцах оравы мерзкой.
На беса полился ноток угрозы дерзкой.
Шумят мятежники, и *Гегель*, сам не свой.
Кричит: «Стыдись! И ты быть хочешь сатаной?!
Где был твой серный чад, где пламя разрушенья?
«Аминь» услышав, – трус! – приходишь ты в смятенье!
От старости в тебе твой злой огонь потух!
Лишь маленьких детей ты ловишь и старух.
Тут надо не скулить, а действовать! *Вольтер*,
Нам помоги! Сюда, *Дантон* и *Робеспьер*!
Вы жили на земле, во всем подобны людям!
Так к богу ж дьявола! Чертями сами будем.
Бессилен навсегда мифический синклит;
Тысячелетний жар трусов не накалит;
Воспрянь, *Марат*! Людьми ведь были мы когда-то;
Так изберем вождем мы своего же брата!
Мифическим лицом был, есть и будет бес;
И он нам лютый враг, как всякий сын небес.
К победе же, вперед!» – И, дико завывая,
Из ада понеслась кощунственная стая.
Толпу мятежников сам *Гегель* возглавляет,

Вольтер над головой дубиной потрясает,
Дантон безумствует, и *Эдельман* орет;
Наполеон, как встарь, командует «Вперед!»
Марат, двух адских чад схватив рукою каждой.
Зубами щелкает, томим кровавой жаждой.
Несется *Робеспьер*, глаза его горят, –
О горе! Изрыгнул уродов этих ад.
И с ревом дикая орда свой лет снижает
Туда, где *Бауэра брат Бёйтель* охраняет.
Брат Бёйтель в ужасе, ослица слезы льет:
«Погибли мы, господь! вот-вот наш час пробьет!»
Тут в Бёйтеля впилась стрела *Марата*-зверя,
Он наземь падает и видит в небо двери.
Уж *Гегель Бауэра* целует, говоря:
«Да, ты постиг меня! Мой сын, я жил не зря!»
Он узы снял с него. Несется вопль оравы:
«Будь, *Бауэр*, нам вождем! Веди нас в бой кровавый!
Отставлен сатана, его нам замени!»
И с ревом кинулись на набожных они.
Увы! В святых рядах все множатся потери;
А *Бёйтель*, как всегда: он видит в небо двери.
Ослица на небо несет святую плоть.
Какое чудо ты содеял, о господь!
Ты взял его живым, как *Илию-пророка*,
И сокрушил навек все замыслы порока.
Вослед за *Бёйтелем* и весь господний стан
В лазурь возносится, блаженством обуян.
Но – ах! – нет отдыха мужам святым и там; –
«Свободные» летят за ними по пятам;
Сменились ужасом блаженство и отрада;
На небо ворвалось, крича, исчадье ада. –
Тем временем в аду, осиротевшем вдруг.
Лишившемся своих наивернейших слуг,
Лукавый бес стоял в немом оцененьи
И на порог глядел, где в диком исступленьи
Отряд мятежников пронесся и исчез.
Но вот, придя в себя, воскликнул злобно бес:
«Так, поделом же мне! Я гнусно предан теми,
В которых сам, глупец, взрастил безбожья семя!
Вдохнув свободы жар «Свободным» этим в грудь,
К свободе от меня я указал им путь.
С народом этим я связался ведь напрасно;
К свободе без границ они стремятся страстно.
«Свободные» ничто святым не признают;
Но ведь в конце концов и мне тогда капут.

Против себя иду, борясь с владыкой вышним;
Я только миф для них и признаюсь излишним.
Скорей же в небеса! Я к богу полечу
И с ним святой союз навеки заключу».
Он воспаряет вверх и, пав пред троном бога:
«О, не карай меня, – он молит, – слишком строго!
Отныне я – твой друг». И рек господь благой:
«Откладываю суд, о дьявол, над тобой!
Иди и смой грехи в крови оравы злобной;
Когда придешь назад, поговорим подробно».
Лукавый радостно пускается в полет
И бой неслыханный в разгаре застает.
Увы, хоть к набожным пришла с небес подмога,
Они окружены хулителями бога.
Несется Бауэр вскачь с одной звезды к другой
И машет в воздухе, как молотом, «Трубой».
Навстречу выступил весь ряд евангелистов;
Но власти нет у них над князем атеистов.
Что для него твой рог, о вол *Луки*! Твой рев,
Лев *Марка*. Он и вас разить «Трубой» готов.
Вслед *Гегель* с яростным упорством наступает
И крылья ангелам огнем своим сжигает.
Вольтер дубиною грозит, оскалив рот;
Собор святых отцов безбожный *Руге* бьет;
Вот *Бауэр*, налету схватив звезду, с размаху
Метнул ее в врага, бегущего со страху.
Глядите! Сатана лежит, сражен «Трубой»;
Архангел *Михаил* готов трубить отбой;
Вот *Гегель* Сириус схватил с отвагой пылкой
И *Хенгстенберга* им ударил по затылку.
Испуганно пища, хор ангельский в разброд
По небу, среди туч, несется взад, вперед.
Пред трирским чудищем крест держит ангел божий.
Но тот кулак свой сжал, на монолит похожий.
Вот ангелов сама Мария звать идет
Исполнить ратный долг: «На Бауэра вперед!
Должны мы отомстить безбожному уроду
За то, что он хотел постичь мою природу».
Но тщетны все мольбы, напрасен нежный взор, –
Безбожных воинов стремителен напор;
Они уж близятся к священному порогу.
Уж верным все трудней им заградить дорогу.
Уже ослица лбом столкнулась со звездой,
И *Бёйтелъ* в ужасе летит вниз головой.
Уж *Бауэр* подскочил, грозя «Трубой» навеки

Свет жизни потушить в сем божьем человеке,
Уж ярый *Руге Льва* за шиворот поймал
И в рот ему сует страницы из Аннал, –
Как вдруг – о чудо! – лист сияньем окруженный,
С небес спускается, и *Бауэр*, пораженный
Внезапным ужасом, глядит на этот лист.
Глядит и весь дрожит, проклятый атеист.
Нерукотворный лист спускается все ниже,
У *Бауэра* на лбу пот выступил. Гляди же!
Он поднял лист, прочел и шепчет, сам не свой:
«В отставку!» Злая рать, услышав это, вой
Безумный подняла и с криками «В отставку!»
Вниз понеслась стремглав, создав на небе давку.
Святые празднуют победу из побед;
Бегут «Свободные», им ангелы вослед.
На землю падают злодеи без дыханья...
Того, кто сеет зло, не минет наказанье!

Маркс К.

ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ (42: 261-263)
(ТЕКСТ 1845 ГОДА)

1) К «ФЕЙЕРБАХУ»

1

Главный недостаток всего предшествовавшего материализма (включая и фейербаховский) заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, *или* в форме *созерцания*, а не как *чувственно-человеческая деятельность, практика*; не субъективно. Поэтому *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась абстрактно идеализмом – который, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, – действительно отличными от мысленных объектов, но саму человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязно-торгашеской форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности.

2

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос, В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос.

3

Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно вынуждено поэтому делить общество на две части – из которых одна возвышается над обществом.

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная* практика.

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный и земной. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Но то, что земная основа отделяет себя от самой себя и строит себе некое самостоятельное царство в облаках, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя должна не только быть в самой себе понята в своем противоречии, но и практически революционизирована. Следовательно, после того, как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть теоретически и практически уничтожена.

5

Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах требует *созерцания*; но он не рассматривает чувственность как *практическую*, человечески-чувственную деятельность.

6

Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Gemut] обособленно и предположить абстрактного – *изолированного* – человеческого индивида;

2) сущность может поэтому рассматриваться только как «род». Как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов природными узами.

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть общественный продукт и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, принадлежит к определенной форме общества.

8

Всякая общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большее, к чему приходит созерцательный материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это – созерцание отдельных индивидов и гражданского общества.

10

Точка зрения старого материализма есть гражданское общество, точка зрения нового материализма есть человеческое общество или общественное человечество.

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его.

Приложение 4

Лукач Д.

Изменение функций исторического материализма. Доклад, сделанный при открытии исследовательского института исторического материализма в Будапеште [238]

Победа, одержанная пролетариатом, ставит теперь перед ним очевидную задачу – максимально усовершенствовать то духовное оружие, благодаря которому он смог до сих пор выстоять в своей классовой борьбе. И первое место среди этого оружия занимает, конечно, исторический материализм.

Исторический материализм служил пролетариату в период его угнетения в качестве одного из самых мощных боевых средств, и естественно, что пролетариат забирает его с собой в эпоху, когда он собирается заново выстроить общество и его культуру. Уже поэтому только нужно было создать данный институт, задачей которого является применение метода исторического материализма к исторической науке в целом. По отношению к прежнему состоянию пролетарской классовой борьбы исторический материализм означал хотя и превосходное (с научной точки зрения) боевое средство, но все же не более чем только программу, лишь руководство по написанию истории. Ныне же нам выпала задача действительно заново писать историю, отбирая, группируя и обсуждая события прошлого с точки зрения исторического материализма. Теперь мы должны попытаться сделать исторический материализм методом конкретного научного исследования, методом исторической науки.

Здесь, однако, возникает вопрос: а почему это стало возможным только сейчас? При поверхностном рассмотрении дела кажется, что время совершенствования исторического материализма наступило именно сейчас только потому, что пролетариат, наконец, пришел к власти. А вместе с властью он обрел возможность распоряжаться теми духовными и физическими силами, без которых указанное совершенствование не могло бы осуществиться, и которые пролетариат никогда бы не смог получить в подчинение от старого общества. Но в основе этого требования лежат и более глубокие мотивы, чем только голый факт власти, ставящий пролетариат ныне в положение, позволяющее организовать науку по его собственному усмотрению. Эти более глубокие мотивы самым тесным образом связаны с радикальным изменением функций исторического материализма. Такое изменение наступило вместе с диктатурой пролетариата, то есть в силу того факта, что классовая борьба ведется теперь пролетариатом сверху вниз, а не снизу вверх, как раньше, и охватывает все его организационные формы, весь мир его мыслей и чувств, его классовое положение и его классовое сознание. Эти мотивы мы должны сегодня непременно обсудить как раз в связи с открытием нашего исследовательского института.

Чем был раньше исторический материализм? Он был, несомненно, научным методом для постижения явлений прошлого в их истинной сущности. Причем в противоположность к историческому методу буржуазии он одновременно дает нам возможность рассматривать и современность под углом зрения истории, т. е. научно, усматривая в ней не только поверхностные явления, но и те более глубокие движущие силы, которые действительно стоят за историческими событиями.

Благодаря этому исторический материализм был для пролетариата гораздо более ценным средством, чем только методом научного исследования.

---

[238] Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). М., 2017. С. 303–334.

Среди орудий классовой борьбы пролетариата он был самым важным. Ведь классовая борьба пролетариата означала одновременно пробуждение его классового сознания. А пробуждение этого сознания наступило для пролетариата повсеместно как результат познания им своего истинного положения, фактически существующих исторических взаимосвязей. Это есть именно то, что придает классовой борьбе пролетариата особый статус среди борьбы всех других классов общества: пролетариат получает свое наиболее острое оружие из лона истинной науки, ясного понимания действительности. Если в ходе классовых сражений прошлого крайне важными были разного рода идеологии, религиозные, моральные и другие формы «ложного сознания», то классовая борьба пролетариата, будучи освободительной войной последнего угнетенного класса, напротив, в самой обнаженной истине обрела свой боевой клич и вместе с ним свое мощнейшее оружие. Таким образом, исторический материализм, вскрыв истинные движущие силы исторических событий, стал в силу классового положения пролетариата его главным оружием. И важнейшая задача исторического материализма заключается в том, чтобы высказать точное суждение относительно капиталистического общественного порядка, чтобы разоблачить его сущность. Поэтому исторический материализм всегда использовался в классовой борьбе пролетариата для того, чтобы во всех случаях, когда буржуазия при помощи всевозможных идеологических элементов приукрашивала или закрашивала реальное положение дел, фактическое состояние классовой борьбы, просветить эти идеологические покровы холодным сиянием науки и показать, насколько они являются ложными, дезориентирующими и противоречащими истине. Таким образом, благороднейшая функция исторического материализма могла состоять все же не в чистом, научном познании, а в том, что исторический материализм был делом. Он не был самоцелью, он существовал для того, чтобы пролетариат мог уяснить себе общественную ситуацию и тем самым действовать в соответствии со своим классовым положением.

В эпоху капитализма исторический материализм был, таким образом, средством борьбы. Следовательно, сопротивление, которое буржуазная наука оказывала историческому материализму, было весьма далеко от того, чтобы быть простой ограниченностью. Скорее, это сопротивление было выражением верного классового инстинкта буржуазии, что и проявилось в буржуазной исторической науке. Ведь признание исторического материализма напрямую означало бы для буржуазии самоубийство. Каждый представитель буржуазии, который согласился бы с научной истиной исторического материализма, утратил бы тем самым свое классовое сознание, а вместе с ним и способность правильно представлять интересы своего класса. С другой стороны, и для пролетариата было бы самоубийственным останавливаться на познании научного своеобразия исторического материализма и видеть в нем один только инструмент познания. Сущность пролетарской классовой борьбы может определяться именно тем, что для нее совпадают теория и практика, что познание ведет здесь без всякого перехода к действиям.

Существование буржуазии предполагает, что она никогда не достигает ясного понимания общественных предпосылок своего собственного наличного бытия. Взгляд на историю XIX в. позволяет заметить постоянный и глубокий параллелизм между упадком буржуазии и постепенным распространением этого самопознания. На исходе XVIII столетия буржуазия была идеологически сильна и несокрушима. Таковой она была еще и к началу XIX в., когда ее идеология, идея буржуазной свободы и демократии, еще не была внутренне опустошена автоматизмом естественных законов экономики, и когда бюргерство еще питало надежду, причем из лучших побуждений, что эта демократическая, буржуазная свобода, это самовластие экономики однажды приведут человечество к спасению.

Не только история первых буржуазных революций – больше всего, конечно, Великой французской революции – исполнены блеском и пафосом этой веры. Эта вера также придает

беспристрастие и волю к истине великим научным откровениям буржуазного класса, к примеру, политической экономии Смита и Рикардо.

История буржуазной идеологии есть история потрясений этой веры, веры в спасительную миссию буржуазной трансформации общества. Начиная с теории кризисов Сисмонди и критики капиталистического общества у Карлейля, это саморазрушение буржуазной идеологии следует понимать в его неуклонном, нарастающем развитии. Выступив поначалу в форме феодально-критической реакции на растущий капитализм, эта взаимная критика господствующих антагонистических классов все больше становится самокритикой буржуазии, чтобы позднее все чаще замалчиваться и утаиваться в качестве ее нечистой совести. «Буржуазия правильно поняла, – пишет Маркс, – что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее»[239].

По этой причине открыто выраженная идея классовой борьбы дважды встречается в истории буржуазной идеологии. Сначала она выступает определяющим элементом ее «героического» периода, ее энергичной борьбы за общественное господство (в особенности во Франции, где политико-идеологические баталии были самыми острыми), а потом возвращается в последний период кризиса и распада буржуазии. К примеру, социальная теория крупных союзов работодателей часто является точкой зрения классовой борьбы, высказываемой открыто и даже цинично. Последняя, империалистическая, стадия капитализма идеологически вообще проявляется в методах, которые срывают с себя идеологические покровы и все чаще открыто высказывают в господствующих буржуазных кругах то, «что есть». (Можно, к примеру, вспомнить о великодержавной идеологии в империалистической Германии, а также о том, что военная и послевоенная экономика заставила буржуазных теоретиков не только увидеть в экономических отношениях чисто фетишистские отношения, но и взглянуть прямо в глаза связи между экономикой и удовлетворением человеческих потребностей и т. д.) Но это не значит, будто тем самым преодолеваются границы, положенные буржуазии ее местом в процессе производства, будто теперь она, подобно пролетариату, может исходить из действительного познания действительных движущих сил исторического развития. Напротив, эта ясность относительно отдельных проблем или фаз развития лишь сильнее раскрывает слепоту буржуазии относительно общественной тотальности. Ибо эта «ясность» есть, с одной стороны, только ясность для «внутреннего пользования»; та же самая продвинутая группа буржуазии, которая видит истинную причину империализма яснее, чем многие «социалисты», очень хорошо понимает, что это ее знание даже для части буржуазного класса и уж тем более для всего общества может оказаться очень опасным. (Вспомним в этой связи об исторической метафизике, которой обычно сопровождаются теории власти в эпоху империализма.) Но даже если к этому еще примешивается отчасти сознательный обман, все же, с другой стороны, речь идет не только об одном обмане.

Это значит, что сочетание «ясного понимания» отдельных объективно-экономических связей с фантастическо-метафизическим и путанным общим представлением о государстве, обществе и историческом развитии выступает и для более сознательного слоя буржуазии необходимым следствием ее классового положения. В то время как в эпоху подъема буржуазного класса предел познаваемости общества был еще темным и неосознанным, ныне объективный распад капиталистического общества отражается в тотальной бессвязности и несовместимости воззрений, идеологически объединенных в буржуазном сознании.

[239] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1957. Т. 8. С. 160.

В этом уже выражается идеологическая капитуляция буржуазии перед историческим материализмом – капитуляция, которая чаще всего не осознается и в которой, конечно, не сознаются. Ведь политическая экономия, которая развивается ныне, не вырастает более на чисто буржуазной почве, как во времена классической политической экономии. Именно в таких странах, как Россия, где капиталистическое развитие началось относительно поздно, и где, стало быть, имелась непосредственная потребность в теоретическом обосновании капитализма, оказалось, что возникающая в этой связи теория обнаруживает явно «марксистский» характер (Струве, Туган-Барановский и др.). Но тот же самый феномен одновременно наблюдался также в Германии (Зомбарт, например) и в других странах. Теории военной и плановой экономики тоже свидетельствуют о постоянном усилении данной тенденции.

Этому ни в коем случае не противоречит то обстоятельство, что, начиная примерно с Бернштейна, часть социалистической теории одновременно попадает под сильное влияние буржуазии. Причем проницательные марксисты уже тогда заметили, что речь в данном случае идет не просто о споре различных направлений внутри рабочего движения. Как бы ни расценивался с точки зрения пролетариата этот вопрос, этот все более частый и открытый переход ведущих «товарищей» в лагерь буржуазии (а случаи вроде Бриана – Мильерана или Парвуса – Ленша – только самые яркие примеры такого рода), с позиции самой буржуазии это лишь означает, что она больше не в состоянии защитить свою позицию собственными идеологическими силами.

Это значит также, что буржуазия не только нуждается в личностях перебежчиков из лагеря пролетариата, но – и это главное здесь – не может больше обходиться без научного метода пролетариата, представленного ею, конечно, в искаженной форме. Теоретическое ренегатство от Бернштейна до Парвуса является, правда, признаком идеологического кризиса внутри пролетариата; однако одновременно оно означает и капитуляцию буржуазии перед историческим материализмом. Ведь пролетариат боролся с капитализмом, принуждая буржуазное общество к самопознанию, а это самопознание неизбежно должно было приводить к обнаружению внутренней противоречивости данного общества. *Параллельно с экономической борьбой велась борьба за сознание общества. Но осознание общества равнозначно возможности руководства обществом.* Пролетариат одерживает победу в своей классовой борьбе не только в сфере политической власти, но одновременно и в этой борьбе за общественное сознание, разлагая буржуазную идеологию по восходящей линии в течение последних 50-60 лет и развивая свое собственное сознание как отныне единственно авторитетное сознание общества.

Важнейшим оружием в этом сражении за сознание, за социальное руководство обществом выступает исторический материализм. Он является таким же образом функцией развития и одновременно разложения капиталистического общества, как и все прочие идеологии. Но это часто выставлялось буржуазной стороной и как довод против исторического материализма.

Общеизвестный (и в глазах буржуазной науки решающий) аргумент против истины исторического материализма состоит в том, что он должен быть обращен на самого себя. Предполагая правильность своего учения, согласно которому все так называемые идеологические формообразования представляют собой функции экономических отношений, исторический материализм, будучи идеологией борющегося пролетариата, тоже выступает лишь такого рода идеологией, лишь функцией капиталистического общества. Я думаю, это возражение может быть отчасти признано обоснованным, но без нанесения тем самым ущерба научному значению исторического материализма.

Исторический материализм, конечно, может и должен быть обращен на самого себя, но даже такое его применение нив коем случае не приводит к полному релятивизму и к выводу о том, что исторический материализм не является правильным историческим методом. Содержательные истины исторического материализма устроены так же, как и истины классиче-

ской политэкономии в их рассмотрении Марксом: они суть истины внутри определенного социального и производственного строя. В качестве таковых, но только таковых, они обладают безусловным значением. Однако это не исключает появления таких обществ, в которых вследствие сущности их социальной структуры получат значение иные категории и другие истинностные связи. К какому результату мы здесь приходим? Прежде всего, мы должны теперь задаться вопросом об условиях значимости содержаний исторического материализма, – подобно тому, как Маркс в свое время исследовал социальные и экономические предпосылки значимости классической политэкономии.

Ответ на этот вопрос мы можем тоже найти у Маркса. Исторический материализм в его классической форме (которая, к сожалению, в чисто вульгаризированной форме стала достоянием общего сознания) означает *самопознание капиталистического общества*. Причем не только в описанном только что идеологическом смысле. Скорее, сама эта идеологическая проблема является не чем иным, как мыслительным выражением объективных экономических фактов. В этом смысле решающим результатом исторического материализма является то, что в нем приводятся к своему понятию тотальность и движущие силы капитализма, не постижимые грубыми, абстрактными, неисторичными и поверхностными категориями буржуазной науки. Исторический материализм является, таким образом, прежде всего теорией буржуазного общества и его экономической структуры. «Но в теории, – пишет Маркс, – предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов»[240]. Это сообразное с теорией состояние обнаруживается в том, что экономические законы, с одной стороны, овладевают всем обществом, а с другой – способны утвердиться в качестве «чистых естественных законов» благодаря своей чисто экономической потенции, то есть без помощи внеэкономических факторов. Маркс часто и со всей резкостью подчеркивает это различие между капиталистическим и докапиталистическим обществом, прежде всего, как различие между возникающим капитализмом, борющимся за свое общественное признание, и уже овладевшим обществом капиталом. «<...> Закон спроса на труд <...>, – пишет Маркс, – слепая сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. *Внеэкономическое*, непосредственное принуждение, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти “естественных законов производства” <...>. *Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще складывалось*»[241].

Из этой экономической структуры «чисто» капиталистического общества (которая дана, конечно, только как тенденция, но как тенденция, решающим образом определяющая всякую теорию) следует, что различные моменты общественной структуры обособляются друг от друга и в качестве таковых могут и должны быть осознаны. Значительный взлет теоретической науки в конце XVIII столетия, классическая политическая экономия в Англии и классическая немецкая философия обозначили осознание самостоятельности этих частичных систем, этих моментов структуры и развития буржуазного общества. Экономика, право и государство появляются здесь как *замкнутые в себе* системы, которые в силу собственного всемогущества и при помощи присущей им закономерности овладевают всем обществом. Когда, стало быть, некоторые ученые вроде Андлера пытаются доказать, что все отдельные истины исторического материализма были уже открыты наукой до Маркса и Энгельса, то они упускают главное. Причем они были бы не правы и в том случае, если бы их аргументация была

[240] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 191–192.
[241] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 747–748. Курсив мой – Д. Л.

обоснованной во всех отдельных вопросах, хотя на самом деле это не так. Ведь составившее эпоху методическое свершение исторического материализма состояло как раз в том, что эти по видимости полностью независимые, замкнутые и автономные системы были познаны как моменты всеобъемлющего целого, что привело к упразднению их мнимой самостоятельности.

Видимость такой самостоятельности не является, однако, всего лишь «заблуждением», которое тем самым просто «исправляется» историческим материализмом. Самостоятельность выступает здесь, скорее, мыслительным, категориальным выражением объективной социальной структуры капитализма. Следовательно, снять эту самостоятельность, выйти за нее – это значит мысленно выйти за пределы капиталистического общества, предвосхитить его упразднение с помощью ускоряющей силы мысли. Но именно поэтому снятая самостоятельность частичных систем остается сохраненной в правильно понятом целом. Это значит, что к правильному познанию взаимной несамостоятельности частичных систем, их зависимости от экономической структуры всего общества относится – в качестве их интегрирующего сущностного признака – познание того, что эта «видимость» их самостоятельности, замкнутости и собственной закономерности является необходимой формой их проявления в капиталистическом обществе.

С одной стороны, отдельные моменты хозяйственного процесса (как, например, приносящий проценты капитал и само товарное производство) пребывают в докапиталистическом обществе в полном, абстрактном отрыве друг от друга, не допускающем их взаимодействия ни в непосредственной форме, ни в форме, опосредствованной общественным сознанием. С другой стороны, некоторые из этих моментов образуют – как между собой, так и с внеэкономическими моментами хозяйственной системы – в любом отношении неразрывное единство внутри такого рода общественных структур (пример – ремесло и земледелие в феодальном поместье или налог с рентой в индийском крепостном строе). При капитализме, напротив, все структурные моменты общества находятся друг с другом в диалектическом взаимодействии. Их кажущаяся самостоятельность по отношению друг к другу, их сжатие до автономных систем, фетишистская видимость их собственной закономерности выступают с буржуазной точки зрения необходимым аспектом капитализма и в качестве такового – необходимым пунктом прохождения к правильному и полному познанию данных моментов. Только посредством действительного продумывания до конца тенденций автономизации, к чему, правда, буржуазная наука даже в лучшие свои времена не была способна, можно понять эти тенденции в их взаимозависимости и подчиненности тотальной экономической структуре общества. К примеру, установка марксизма – рассматривать все экономические проблемы капитализма уже не с точки зрения отдельного капиталиста, а целого класса – была, с одной стороны, субъективно, в рамках истории идей, достижима только как продолжение и диалектическое перевертывание чисто капиталистической позиции. С другой стороны, познаваемая при этом «естественная закономерность» феноменов, то есть их полная независимость от человеческой воли, познания и целей, образует объективную предпосылку их «доделки» [Aufarbeitung] при помощи материалистической диалектики. Проблемы вроде накопления капитала или средней нормы прибыли, а также вопросы отношения государства и права к экономике в целом совершенно ясно показывают, каким образом эта постоянно саморазоблачающаяся видимость выступает историко-методической предпосылкой построения и применимости исторического материализма.

Не является, таким образом, случайным, – да это и не может быть иначе в случае подлинных истин об обществе, – что исторический материализм как научный метод был развит к середине XIX в. Не случайно как раз то, что социальные истины всегда отыскиваются в тот момент, когда в них проявляется душа эпохи; той эпохи, в которой воплощается сообразная с

методом действительность. Исторический материализм, – как мы уже отмечали, – есть именно самопознание капиталистического общества.

Не случайно также и то, что политическая экономия как самостоятельная наука возникла лишь в капиталистическом обществе. Это не случайно, так как капиталистическое общество благодаря своей организации товарного хозяйства и средств сообщения придало экономической жизни такое самостоятельное, самодостаточное и покоящееся на имманентных закономерностях своеобразие, которое было неведомо обществам, предшествовавшим капитализму. Поэтому из всех наук классическая политическая экономия с ее специфическими законами стоит ближе всего к естествознанию. Экономическая система, сущность и законы которой исследует политическая экономия, чрезвычайно близка по своей специфике и по конструкции своей предметности той природе, с которой имеет дело физика, естествознание. Под этой природой подразумеваются связи, которые полностью независимы от человеческого своеобразия человека, от всех антропоморфизмов, – будь они религиозной, этической, эстетической или какой-нибудь иной природы. В политэкономии речь идет о связях, в которых человек проявляется как абстрактное количество, как нечто редуцированное к числам, к статистическим отношениям. В этих связях, – по словам Энгельса, – законы могут быть только познаны, но не подчинены, ибо эти законы относятся к связям, в которых, – опять же, по словам Энгельса, – производители утратили власть над общественными условиями своей жизни. Указанные связи вследствие овещнения, овеществления социальных условий существования, достигли своей полной автономии и живут самостоятельной жизнью; они стали замкнутой в себе и осмысленной внутри себя системой.

Поэтому не случайно то, что именно капиталистический общественный порядок стал классической почвой для применения исторического материализма.

Если мы трактуем исторический материализм как научный метод, тогда очевидно, что он может быть применен и к более ранним, предшествовавшим капитализму эпохам. Так он уже и применялся, причем успешно, обнаруживая по меньшей мере очень интересные результаты. Но когда мы прилагаем исторический материализм к докапиталистическим эпохам, мы замечаем одну весьма существенную и важную методологическую трудность, которая еще не была освещена в историко-материалистической критике капитализма.

Эта трудность упоминалась Марксом в бесчисленных местах его основных произведений. Энгельс тоже высказал ее потом совершенно четко в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: трудность эта заключена в *структурном* различии между эпохой цивилизации и предшествующими ей эпохами. И здесь Энгельс очень метко замечает, что «пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации». Ведь там «производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни <...>. Продукты и производство попадают во власть случая. Но случайность – это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью[242]. И далее Энгельс показывает, как из возникающей здесь структуры общества вытекает сознание данного общества в форме «естественных законов». Будучи классической идеологической формой господства экономики, это диалектическое взаимодействие случая и необходимости усиливается в той мере, в какой общественные процессы выходят из-под контроля людей и становятся самостоятельными.

Наиболее чистой (возможно, даже единственно чистой) формой этого покорения общества естественными законами является капиталистическое производство. Ведь всемирно-историческая миссия цивилизационного процесса, достигающего своей наивысшей точки при капитализме, состоит в обретении господства над *природой*. Эти «естественные законы» общества

[242] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 174.

покоряют бытие людей в качестве «слепых» сил, – даже если их «рациональность» познана, причем тогда даже более всего. Эти законы наделены функцией подчинения природы категориям обобществления, и они действительно реализуют эту функцию в ходе истории. Но это был, конечно, длительный и богатый отступлениями процесс. В ходе такого процесса, когда «естественные силы» общества *еще не* пробили себе дорогу, в нем, разумеется, должны были господствовать отношения, определяемые природой, причем как в «обмене веществ» между человеком и природой, так и в общественных отношениях людей друг к другу. Эти натуральные отношения должны были покорять общественное бытие людей, а вместе с тем и формы, в которых это бытие выражается в мыслях и чувствах (религия, искусство, философия и т.д.). «Во всех формах общества, – пишет Маркс, – где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей»[243]. Энгельс в одном из своих писем Марксу выражает эту же мысль еще резче: «Это как раз доказывает, что на данной ступени развития способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада древних кровных связей и древней взаимной общности полов (вехив) у племени»[244]. Поэтому, к примеру, моногамия является, по мнению Энгельса, первой формой семьи, «в основе которой лежали не естественные, а экономические условия»[245].

Речь здесь идет, конечно, о длительном процессе, в котором отдельные этапы не позволяют отделить себя друг от друга чисто механическим образом, но плавно перетекают друг в друга. Однако направление этого процесса очевидно: «естественная граница отодвигается назад»[246] во всех сферах общества. Отсюда – e contrario[247], а также в связи с обсуждаемой здесь проблемой – следует, что указанная естественная граница имела место во всех докапиталистических обществах, оказывая решающее воздействие на все общественные формы выражения людей. Маркс и Энгельс неоднократно и столь убедительно изобразили это в отношении собственно экономических категорий, что здесь достаточно ограничиться простой ссылкой на их произведения. (Вспомним, к примеру, о развитии разделения труда, о формах прибавочного труда, формах земельной ренты и т.д.) В добавление к этому Энгельс во многих местах[248] отмечает, что, в принципе, ошибочно говорить о праве в нашем смысле применительно к примитивным ступеням общественного развития.

Но еще более существенным образом проявляется это структурное различие в областях, которые Гегель называл абсолютным духом в противоположность формам объективного духа, образующим общественные, чисто межчеловеческие отношения (экономику, право, государство)[249]. Ведь в очень существенных, хотя и различных между собою, пунктах, формы абсолютного духа (искусство, религия, философия) суть способы столкновения человека с

---

[243] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 44.
[244] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 35. С. 103.
[245] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 68.
[246] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 523.
[247] Напротив, наоборот (лат.). – Прим. перев.
[248] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 46,159,177.
[249] Оговоримся во избежание возможных недоразумений: во-первых, данное гегелевское различие упоминается здесь только ради ясного терминологического разграничения, что ни в коем случае не означает принятие гегелевского учения о духе, в целом весьма проблематичного. Во-вторых, и с оглядкой на самого Гегеля неверно приписывать понятию духа психологический или метафизический смысл. Так, Гегель определяет дух как единство сознания и его предмета, что совсем близко подходит к марксовскому пониманию категорий, к примеру, в «Нищете философии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 129) и в «Критике политической экономии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 43). Здесь нет места для обсуждения различия между марксовским и гегелевским пониманием категорий, – различия, которое я не упускаю из виду, но которое располагается совсем в другом месте, чем там, где его обычно ищут.

природой, причем как с окружающей его природой, так и с той, которую он находит в себе самом. Конечно, и это различие не должно быть истолковано механистически. Природа есть общественная категория. Следовательно, то, что считается на определенной ступени общественного развития природой, и то, как устроено отношение этой природы к человеку, и в какой форме человек сталкивается с природой, одним словом, что значит природа по своей форме и содержанию, по своему объему и предметности, – все это всегда общественно обусловлено. Из этого, с одной стороны, следует, что на вопрос о том, возможна ли вообще в определенной общественной форме прямая встреча человека с природой, может быть дан только историко-материалистический ответ, так как объективная возможность такого рода отношения к природе зависит от «экономической структуры общества». С другой же стороны, коль скоро эти отношения с природой возникли, и притом общественно обусловленным способом, они действуют по своим внутренним закономерностям и сохраняют намного большую независимость от породившей их (с необходимостью) общественной почвы, чем формообразования «объективного духа». Эти последние могут, правда, тоже довольно часто и долго сохраняться и после того, как исчезла общественная основа, которой они обязаны своим существованием. Но тогда эти формы постоянно сохраняются в качестве преграды развитию, преграды, которая должна быть ликвидирована насильственно, или же они приспосабливаются к новым экономическим отношениям посредством изменения своих функций. (Развитие права дает много примеров и того и другого рода.) Однако историческая сохранность этих формообразований абсолютного духа (что до некоторой степени оправдывает гегелевскую терминологию) может, напротив, содержать в себе и нечто ценное, все еще актуальное, даже образцовое. Это значит, что отношения между генезисом и значимостью оказываются в абсолютном духе гораздо более запутанными, чем в духе объективном. Так, Маркс пишет, хорошо сознавая эту проблему: «Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом»[250].

Эта стабильность значимости искусства, видимость его совершенно надысторической и надобщественной сущности основывается на том, что в искусстве разыгрывается главным образом столкновение человека с природой. Такое направление художественного формотворчества простирается столь далеко, что даже изображаемые искусством общественные отношения людей друг к другу преобразуются в нечто вроде природы. И если, – как подчеркивалось, – эти натуральные отношения тоже обусловлены социально, если они сообразно с этим меняются вместе с преобразованиями в обществе, тогда в основе их все же лежат отношения, которые в противоположность непрерывной смене чисто общественных форм несут в себе субъективно оправданную видимость «вечности»[251]. Ведь эти отношения способны пережить разнообразные, причем весьма глубокие, изменения общественных форм, и для их ниспровержения иногда необходимы еще более глубокие, разделяющие целые эпохи, общественные переходы.

Таким образом, кажется, будто речь идет о чисто количественном различии непосредственных и опосредствованных отношений к природе, соответственно, о непосредственных и опосредствованных воздействиях «экономической структуры» на различные общественные формообразования.

Однако эти количественные различия только из перспективы капитализма представляются чисто количественными приближениями к его системе организации общества. А вот с точки

---

[250] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 48.

[251] Срав. высказывания Маркса о труде как созидателе потребительных стоимостей. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 51.

зрения познания того, как действительно были устроены докапиталистические общества, данные количественные градации означают качественные различия, которые в познавательном отношении выражаются как господство совершенно разных категориальных систем, как полностью различные функции отдельных частных областей в рамках всего общества. Даже с чисто экономической точки зрения здесь получаются качественно новые закономерности. Причем не просто в том смысле, что законы модифицируются согласно разным материям, к которым они применяются, но и в том смысле, что в разных социальных условиях господствуют разные закономерности, и что значение определенного типа закона связано с совершенно определенными социальными предпосылками. Достаточно только сравнить предпосылки обмена товаров по их стоимостям с предпосылками их обмена по ценам производства, чтобы это изменение законов ясно предстало перед глазами и в чисто экономическом смысле[252]. Конечно, общество с простым товарообменом, с одной стороны, уже является формой, приближенной к капиталистическому типу хозяйствования, однако, с другой стороны, все же обнаруживает качественно отличную от него структуру. Эти качественные различия усиливаются в той мере, в какой, в соответствии с типом данного общества (или внутри определенного общества сообразно с типом определенной социальной формы, например, с видом искусства), решающую роль играют натуральные отношения. Возьмем, к примеру, ремесло, то есть производство таких предметов повседневного обихода, как мебель, одежда, а также домостроительство. В самой тесной связи со способом разделения труда соединение ремесла с искусством в узком смысле этого слова может быть очень глубоким, так что границы такой связи нельзя провести даже на уровне эстетических категорий (как, например, в случае так называемого народного искусства). Коль скоро это так, то тенденции развития ремесла, часто столетиями технически и организационно неподвижного, в направлении искусства, развивающегося по своим собственным законам, оказываются качественно отличными от развития при капитализме, где производство благ осуществляется само собой, чисто экономически, находясь в непрерывном, революционном движении. Ясно, что в случае докапиталистических эпох позитивное воздействие искусства на ремесленное производство должно быть совершенно очевидным. (Переход от архитектуры романтизма к готике.) А вот при капитализме игровое пространство для развития искусства оказывается более узким. Это развитие не может оказать никакого определяющего воздействия на производство предметов потребления. Более того, сама возможность или невозможность существования искусства определяется чисто экономическими и производственно-техническими мотивами. (Современная архитектура.)

То, что здесь было сказано об искусстве, относится – правда, со значительными модификациями – и к религии. Здесь Энгельс[253] тоже очень четко различает между докапиталистическим периодом и эпохой капитализма. Но при этом надо учитывать, что религия никогда не выражает с такой же чистотой отношение человека к природе, как искусство, и что в религии социально-практические функции играют гораздо более заметную роль, чем в искусстве. Но иной характер общественных функций религии, качественное отличие закономерностей ее исторической роли в теократических обществах Востока от «государственной религии» в капиталистической Западной Европе кажутся очевидными и без особых доказательств. Гегелевская философия, предпринявшая систематизацию знания на рубеже двух эпох, уже противостояла проблемам капитализирующегося мира, однако развивалась в среде, где, по словам Маркса, нельзя было говорить «ни о сословиях, ни о классах, а в крайнем случае лишь о бывших сословиях и неродившихся классах»[254]. По этой причине философия Гегеля оказалась при рассмотрении взаимосвязи государства с религией (соответственно, общества с религией)

[252] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 193–194.
[253] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 328–329.
[254] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 183.

перед сложной и неразрешимой для себя проблемой. Ведь «отодвигание естественной границы» начало уже все возводить на чисто общественный уровень, на уровень овеществленных отношений капитализма, не сопровождаясь, однако, возможностью ясного осознания этих отношений. Ибо для тогдашнего уровня познания было невозможно увидеть за двумя понятиями природы, порожденными капиталистическим развитием, их социальное единство, т. е. капиталистическое общество с его разложением всех чисто натуральных отношений. Имеется в виду, с одной стороны, понятие природы как «совокупности естественных законов» (природы современного, математического естествознания), а с другой – природы как умонастроения, как образца для «испорченного» обществом человека («природы» Руссо и Кантовой этики). Именно в той мере, в какой капитализм осуществил настоящее обобществление всех отношений, в нем стало возможным самопознание, истинное и конкретное самопознание человека как общественного существа.

Причем не только в том смысле, что недостаточно развитая наука была не в состоянии познать этот и ранее существовавший факт, – как, например, в случае коперниканской астрономии, которая, конечно, и до Коперника была правильной, только вот не познанной. Но факт недостатка такого самопознания общества сам есть лишь мыслительное отражение того, что объективно-экономическое обобществление в данном смысле еще не утвердило себя, что пуповина, соединяющая человека с природой, еще не была разрезана процессом цивилизации. Ведь любое историческое познание есть самопознание. Прошлое становится только тогда прозрачным, когда может соответствующим образом быть проведена самокритика современности; «когда ее самокритика была до известной степени, так сказать, dynamei[255] уже готова»[256]. До этого прошлое должно либо наивно отождествляться со структурными формами современности, либо в качестве совершенно чуждого и варварски бессмысленного вообще выноситься за пределы познаваемости. Итак, становится очевидным, что только после того, как исторический материализм познал овеществление всех общественных отношений человека, причем не только как продукт капитализма, но и как преходящее, историческое явление, был одновременно найден и путь к познанию докапиталистических обществ с их неовеществленной структурой. (Поэтому связь научного исследования первобытного общества с марксизмом ни в коем случае не является случайной.) Ведь только теперь, когда открылась перспектива нового обретения неовеществленных отношений между человеком и человеком, между человеком и природой, стало возможным открытие в примитивных, докапиталистических формах тех моментов, в которых эти неовеществленные формы уже выступали, хотя и в совершенно иных функциональных связях. Теперь стало возможным понять эти формы в их собственной сущности и бытии, не насилуя их смысл механическим приложением к ним категорий капиталистического общества.

Таким образом, вовсе не было ошибкой жесткое и безусловное применение исторического материализма в его классической форме к истории XIX в. Ибо в истории этого столетия все силы, воздействовавшие на общество, на самом деле действовали как чистые формы проявления «объективного духа». В докапиталистических же обществах дело обстояло не совсем так. Там не было еще той самостоятельности, того самополагания-себя-как-цели [Sich-selbst-als-Ziel-Setzen], той внутренней завершенности и самовластности, той имманентности экономической жизни, что были достигнуты позднее в капиталистическом обществе. Отсюда следует, что исторический материализм не может быть обращен на докапиталистические общественные формообразования таким же способом, что и на капиталистическое развитие. Здесь нужен намного более тонкий и сложный анализ, чтобы, с одной стороны, показать, какую

[255] В возможности, потенциально (греч.). – Прим. перев.
[256] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 43.

роль среди движущих сил общества играли чисто экономические силы, если они там (в строгом смысле этой «чистоты») вообще существовали, а с другой стороны, чтобы доказать, каким образом эти экономические силы воздействовали на прочие общественные феномены. Это составляет причину того, почему исторический материализм должен гораздо осторожнее применяться к древним обществам, чем к социальным переменам XIX столетия. С этим связано также и то обстоятельство, что, если XIX в. смог достичь своего самопознания исключительно посредством исторического материализма, то историко-материалистическое исследование древних общественных укладов, например, истории первоначального христианства или древнего Востока, в той форме, как это сделал, к примеру, Каутский, кажется по меркам сегодняшних возможностей науки не достаточно тонким, т.е. представляется анализом, который не покрывает исчерпывающим образом фактическое положение вещей. Исторический материализм добился также своих наибольших успехов в анализе различных формообразований общества, права, а также относящихся к тому же уровню социальных форм, например, института стратегии и т.п. Поэтому, к примеру, работы Меринга – вспомним только его «Легенду о Лессинге» – глубоки и тонки, когда они касаются государственной и военной организации в эпоху Фридриха Великого или Наполеона. Но гораздо менее завершенным и исчерпывающим становится анализ Меринга в тех случаях, когда он обращается к литературным, научным или религиозным формообразованиям той же самой эпохи.

Вульгарный марксизм совершенно недооценивал это различие. Применение им исторического материализма впало в ту же самую ошибку, в какой Маркс упрекал вульгарную политическую экономию: вульгарные марксисты увековечивали исторические категории, включая категории капиталистического общества.

В отношении исследования прошлого это было до сих пор только научной ошибкой, не имевшей далеко идущих последствий из-за того, что исторический материализм служил орудием классовой борьбы, а не одним только инструментом научного познания общества. В конце концов, как бы ни отмечали мы сегодня отдельные научные неточности у Меринга и как бы ни подвергали сомнению безукоризненность некоторых исторических сочинений Каутского, – их трудам принадлежат непреходящие заслуги в деле пробуждения классового сознания пролетариата. Будучи инструментами и стимулами классовой борьбы, эти книги снискали их авторам немеркнущую славу, которая и в сознании грядущих поколений с избытком компенсирует присущие им научные недостатки.

Уже одна только эта историческая установка вульгарного марксизма существенно повлияла на способ действия рабочих партий, на их политическую теорию и тактику. Однако вопрос, в котором яснее всего выражается наше расхождение с вульгарным марксизмом, – это вопрос о насилии, о роли насилия в борьбе за достижение и сохранение победы в пролетарской революции. Это, конечно, не первый раз, когда органическое развитие исторического материализма и его механическое применение оказываются в оппозиции друг к другу. Вспомним, к примеру, о дебатах по империализму: является ли он новой фазой капиталистического развития или преходящим его эпизодом. Однако споры о насилии интересны тем, что они очень четко выявили, – хотя по большей части и бессознательно, – методологический аспект указанной оппозиции.

Вульгарно-марксистский экономизм как раз оспаривает значение насилия при переходе от одного экономического производственного порядка к другому. Он ссылается на «естественную закономерность» экономического развития, которая осуществляет этот переход якобы благодаря собственному всемогуществу, не прибегая к помощи грубой, «внеэкономической» силы.

При этом почти всегда приводится известное положение Маркса: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производственные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не

появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»[257]. Но при этом забывают, – разумеется, намеренно, – добавить к этим словам одно пояснение, в котором Маркс определил исторический момент этого «периода зрелости»: «Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса *предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества*»[258].

Уже одни только эти слова Маркса совершенно ясно показывают, что для него «зрелость» производственных отношений при переходе от одной производственной формы к другой означала нечто совсем иное, чем для вульгарного марксизма. Ведь организация массы революционных элементов в класс, причем не только «по отношению к капиталу, но еще и для самой себя»[259], превращение чисто производительной силы в рычаг преобразования общества есть не только проблема классового сознания, практической эффективности сознательного действия, но одновременно и начало упразднения чистой «естественной закономерности» экономизма. Это означает, что «наиболее могучая производительная сила» находится в состоянии бунта против системы производства, в которую она включена. Возникает положение, из которого можно выйти только при помощи насилия.

У нас здесь нет места, чтобы даже в общих чертах остановиться на теории насилия и его роли в истории; к примеру, чтобы доказать, что строгое разграничение понятий насилия и экономики есть недопустимая абстракция, что никакое экономическое отношение вообще нельзя помыслить без его связи с явным или скрытым насилием. Нельзя, например, забывать, что, по Марксу, даже в «нормальные» времена экономически обусловленным (в чисто объективном смысле) является только игровое пространство для определения отношения прибыли и заработной платы. А «фактический уровень ее устанавливается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом»[260]. Ясно, что шансы этой борьбы опять-таки во многом обусловлены экономически, причем эта обусловленность подвержена большим вариациям со стороны «субъективных» моментов, связанных с вопросом о «насилии»; к примеру, организованность рабочих и т.д. Резкое и механическое разведение понятий насилия и экономики вообще возникает лишь изза того, что, с одной стороны, фетишистская видимость чистой вещности [Sachlichkeit] экономических отношений скрывает их природу как межчеловеческих отношений, превращая их тем самым во вторую природу, окружающую людей с фаталистически действующей закономерностью. С другой стороны, понятийный отрыв насилия от экономики возникает из-за того, что фетишистская правовая форма организованного насилия заставляет забыть, что насилие латентно, потенциально присутствует в каждом экономическом отношении и стоит за каждым таким отношением. Помимо этого, понятийные отличия права и насилия, порядка и бунта, легального и нелегального насилия оттесняют на задний план общую силовую основу всех институтов классового общества. (Ведь «обмен веществ», который люди первобытного общества осуществляют с природой, столь же мало является экономическим, сколь мало правовыми выступают отношения первобытных людей друг к другу.)

Правда, между «правом» и насилием, между скрытым и явным насилием имеется различие, которое нельзя понять ни в философии права, ни в этике, ни в метафизике. Его можно постичь только как социально-историческое различие между двумя типами обществ. С одной стороны, имеются в виду общества, в которых производственный порядок уже столь прочно

---

[257] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.
[258] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 184. Курсив мой –Д. Л.
[259] Там же. С. 183.
[260] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 151.

утвердился, что он (как правило) функционирует без проблем и конфликтов, благодаря своим собственным законам. С другой же стороны, здесь подразумеваются общества, в которых из-за соревнования различных способов производства или по причине еще не достигнутой (и всегда относительной) стабилизации роли различных классов внутри производственной системы указанное различие превращает применение голого «внеэкономического» насилия в обычное дело. Данная стабилизация принимает в некапиталистических обществах консервативную форму и выражается идеологически как господство традиции, «богоугодного» и т. д. порядка. Только при капитализме, где такого рода стабилизация означает стабильное господство буржуазии внутри непрерывного, революционно-динамического хозяйственного процесса, стабилизация получает образ «естественно-закономерного» господства «вечных, железных законов» политической экономии. И поскольку каждое общество несет в себе тенденцию «мифологизирующего» проецирования в будущее структуры своего собственного производственного порядка, постольку и прошлое (и тем более – *будущее*) тоже кажется определенным и покоренным такого рода законами. Но при этом забывают, что возникновение и самоутверждение этого производственного порядка было плодом самого что ни на есть явного, жестокого и грубого «внеэкономического» насилия. «Tantae molis erat»[261] создать условия для свободного проявления “вечных естественных законов”», – восклицает Маркс по завершении своего изображения истории развития капитализма[262].

Но ясно и то, что со всемирно-исторической точки зрения исход соперничества конкурирующих производственных систем, как правило, определяется социально-экономическим превосходством одной из них над другой. Однако такое превосходство отнюдь не всегда с необходимостью совпадает с производственно-техническими преимуществами данной системы. То, что экономическое превосходство проявляется в ряде насильственных актов, – это мы уже видели. И само собой разумеется, что эффективность этих насильственных мер зависит от всемирно-исторической актуальности превосходящего класса, от его исторического призвания к дальнейшему руководству обществом. Спрашивается, однако: каким образом это состояние конкурирующих производственных систем можно понять в контексте всего общества? То есть в какой мере данное общество постижимо как единое общество в марксистском смысле, если ему все же не хватает объективного основания этого единства, т.е. единства «экономической структуры»? Совершенно очевидно, что речь здесь идет о пограничных случаях. Общества с полностью однородной, цельной структурой редко, конечно, встречались в истории. (Чистого капитализма, по словам Розы Люксембург, никогда не было и быть не может.) Соответственно, в каждом обществе господствующая производственная система налагает свой отпечаток на подчиненные ей системы, существенно модифицируя их собственную экономическую структуру. Вспомним, как в эпоху господства натурального хозяйства «промышленный» труд входил в земельную ренту, и ей были подчинены все его экономические формы[263]. С другой стороны, можно вспомнить о формах, которые принимает сельское хозяйство в условиях развитого капитализма. Но в собственно переходные периоды общество не покоряется *какой-то одной* производственной системой. Борьба между разными системами там еще продолжается, ни одной из них не удается навязать обществу соответствующую экономическую структуру или (хотя бы в тенденции) продвинуть общество в данном направлении. Очевидно, что в таких ситуациях невозможно говорить о какой-то экономической закономерности, которая подчинила бы себе *все* общество. Старый производственный порядок уже утратил свое господство над обществом как целым, а новый его еще не обрел. Налицо состояние открытой борьбы за власть или латентного равновесия сил, состояние, при котором

[261] Так было трудно (лат., см.: Вергилий. «Энеида», I, 33). – Прим. перев.
[262] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 769.
[263] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 349.

действие экономических законов, можно сказать, «прерывается» [«intermittieren»]: старый закон уже, а новый закон *еще* не действует всеобъемлющим образом. Насколько мне известно, теория исторического материализма еще не рассматривала эту проблему с экономической стороны. То, что основатели исторического материализма отнюдь не обошли вниманием этот вопрос, с полной ясностью показывает теория государства Энгельса. Энгельс констатирует, что государство «*по общему правилу* является государством самого могущественного, *экономически господствующего* класса <...>. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы *достигают такого равновесия сил*, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга»[264].

Но не следует забывать, что переход от капитализма к социализму обнаруживает экономическую структуру, принципиально отличную от структуры, свойственной переходу от феодализма к капитализму. Конкурирующие производственные системы не выступают здесь рядом друг с другом, в качестве обретших самостоятельность систем, как это характерно для зачатков капитализма в рамках феодального способа производства. Но конкуренция производственных систем при переходе к социализму выражается в виде неразрешимого противоречия внутри капиталистической системы, то есть в виде кризиса. Такого рода структура делает капиталистическое производство с самого начала антагонистическим, и тогда в период кризисов капитал как граница производства находит свое выражение даже «чисто экономическим образом, то есть с буржуазной точки зрения»[265]. В этом антагонизме ничего не меняет то обстоятельство, что все прошлые кризисы находили свое разрешение внутри капитализма. Всеобщий кризис всегда означает момент относительного прерывания имманентной закономерности капиталистического развития. Однако в прошлые времена *класс капиталистов* всегда оказывался способным *возвратить* производство в капиталистическое русло. У нас нет здесь возможности подробно рассмотреть вопрос о том, что (и в какой мере) использованные капиталистами средства преодоления кризиса не были прямым продолжением законов «нормального» производства, а также в какой мере при этом сыграли свою роль сознательно-организационные усилия, «внеэкономические» факторы, некапиталистический базис, то есть способность капиталистического производства к расширению[266]. Мы лишь констатируем, что объяснение кризисов – как это показали уже дебаты Сисмонди с Рикардо и его школой – должно выходить за рамки имманентных законов капитализма. Это значит, что экономическая теория, которая объясняет необходимость кризисов, одновременно должна указывать за пределы капитализма. И «разрешение» кризиса никогда не может быть прямолинейным, «имманентно-закономерным» продолжением докризисного состояния, но новой линией развития, которая впадает потом в новый кризис и т. д. Маркс формулирует данную связь совершенно ясным образом: «Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализующим образом противодействующие тенденции»[267].

---

[264] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 172. Курсив мой – Д. Л.

[265] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 285.

[266] См., к примеру, позицию английских капиталистов по вопросам кризисов, безработицы и эмиграции (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 586 и далее). Приведенные здесь мысли отчасти соприкасаются с глубокими замечаниями Бухарина о «равновесии» как методическом постулате: Bucharin N. Ökonomie der Transformationsperiode. S. 159-160. См. также: Бухарин Н. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 127. Но, к сожалению, у нас здесь нет возможности, чтобы вступить с Бухариным в развернутую дискуссию.

[267] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 270.

Каждый кризис означает, таким образом, мертвую точку в закономерном развитии капитализма, но увидеть в этой мертвой точке *необходимый* момент капиталистического производства можно только с позиции пролетариата. Различия, градация и нарастание кризисов, динамическое значение этих моментов прерывания в развитии, мощь усилий, которая необходима, чтобы вновь привести в движение экономику, – все это, однако, познаваемо не с точки зрения буржуазной (имманентной) экономики, а только с позиций исторического материализма. Ибо выясняется, что принципиальное значение следует придавать тому, переживает ли «наиболее могучая производительная сила», пролетариат, капиталистический производственный порядок всего лишь как объект, или он выступает при этом в качестве субъекта принятия решений. Кризис всегда и решающим образом обусловлен «антагонистическими отношениями распределения», столкновением, с одной стороны, капитала, продолжающего свое течение «пропорционально той массе, которую он уже составляет», а с другой – тем «узким основанием, на котором покоятся отношения потребления»[268], то есть объективно-экономическим *бытием пролетариата*. Однако эта сторона антагонизма в кризисах восходящего капитализма не заметна из-за «незрелости» пролетариата, из-за его неспособности быть чем-то другим, чем только «производительной силой», включенной без всякого сопротивления в производственный процесс и подчиненной экономическим «законам». По этой причине может возникать видимость, будто «законы экономики» способны так же выводить из кризиса, как и приводить к нему, – хотя в действительности классу капиталистов лишь удавалось до сих пор, вследствие пассивности пролетариата, преодолевать мертвую точку и вновь заводить капиталистическую машину. Качественное отличие решающего, «последнего» кризиса капитализма (который, разумеется, может быть целой эпохой чередующихся отдельных кризисов) от более ранних его кризисов состоит, таким образом, не в простом изменении их продолжительности и глубины, не в переходе количества в качество. Или лучше сказать: этот переход выражается в том, что пролетариат перестает быть простым объектом кризиса. Теперь полностью раскрывается внутренний антагонизм капиталистического производства, который согласно своему понятию уже означал борьбу буржуазного и пролетарского производственного порядка, столкновение обобществленных производительных сил с их индивидуально-анархическими формами. Организация пролетариев, целью которой всегда было «уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства»[269], переходит из стадии негативности, то есть всего лишь сдерживающего, ослабляющего и парализующего воздействия, в стадию активности. И только благодаря этому переходу меняется – существенным, качественным образом – структура кризиса. Меры, при помощи которых буржуазия стремится преодолеть мертвую точку кризиса, сегодня, – если говорить абстрактно, то есть без учета вмешательства пролетариата – тоже находятся в ее распоряжении, как и в прошлые кризисы. Однако в нынешней ситуации эти мероприятия становятся ареной открытой классовой войны, а насилие становится решающей экономической потенцией.

И тут снова обнаруживается, что эти «вечные естественные законы» имеют значение только для определенной эпохи капиталистического развития. Они не только являются формой проявления закономерности общественного развития для определенного социологического типа (для ставшего бесспорным экономического господства определенного класса), но и внутри этого типа они суть лишь проявления специфической формы господства капитализма. Но поскольку, как было показано, связь исторического материализма с капиталистическим обществом ни в коем случае не является случайной, постольку ясно, что эта структура

[268] Там же. С. 268–269.

[269] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 655.

представлялась и для общего материалистического понимания истории образцовой и нормальной, классической и канонической структурой. Мы, однако, привели примеры, которые ясно показывают, насколько осторожными и критичными были сами Маркс и Энгельс в трактовке специфических структур и законов развития прошлых, некапиталистических обществ. Причем внутренняя связь обоих этих моментов и на самого Энгельса подействовала так сильно, что в своем изображении распада родовых обществ он выделил древние Афины как «в высшей степени типичный пример», потому что «возникновение государства у афинян... происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего»[270]. Хотя, пожалуй, в отношении Афин это утверждение Энгельса, по сути дела, не вполне корректно; во всяком случае, древние Афины не являются типичным примером перехода к этой стадии развития.

Но вульгарный марксизм теоретически концентрируется именно на этом пункте: он отрицает роль насилия «как экономической потенции». Теоретическая недооценка исторического значения насилия, устранение его роли из прошлой истории является для вульгарного марксизма теоретической подготовкой оппортунистической тактики. Это возвышение специфических законов развития капитализма до всеобщих законов общества является теоретическим фундаментом оппортунистического стремления практически увековечить существование капитализма.

Ведь последовательное, прямолинейное капиталистическое развитие, как его понимают оппортунисты, их притязание на то, что социализм может осуществляться без «внеэкономического» насилия посредством имманентных законов экономики, – все это, по сути дела, равнозначно вечному продолжению капиталистического общества. Однако и феодальное общество ни в коем случае не породило капитализм органически из лона своего. Оно лишь произвело «материальные средства для своего уничтожения».

Феодализм высвободил «силы и страсти, которые чувствовали себя скованными этим способом производства». И только в рамках развития, включающего в себя «целый ряд насильственных методов»[271], эти силы заложили общественные основы капитализма. И лишь *по завершении* этого перехода вступают в силу экономические законы капитализма.

Было бы неисторичным и в высшей степени наивным ожидать от капиталистического общества, что оно сделает для идущего ему на смену пролетариата нечто большее по сравнению с тем, что в свое время сделал феодализм для капитализма. Вопрос о моменте зрелости для перехода был уже упомянут. Методически важным моментом этой теории «зрелости» является ее стремление достичь социализма без активного содействия пролетариата, выступая тем самым в виде запоздало возникшего подобия теории Прудона, который – уже после «Манифеста Коммунистической партии» – тоже ведь желал существующего порядка, но «без пролетариата». Еще один шаг делает эта теория, когда она отвергает значение насилия во имя «органического развития», опять-таки забывая при этом, что данное «органическое развитие» является лишь теоретическим выражением уже развитого капитализма, его собственной исторической мифологией. Ведь действительная история его возникновения идет совсем по иному пути. «Эти методы, – пишет Маркс, – отчасти покоятся на *грубейшем насилии* как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы *искусственно ускорить* процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и *сократить его переходные стадии*»[272].

---

[270] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 119.
[271] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 771.
[272] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 761. Курсив мой – Д. Л.

Предположим, что при переходе от капиталистического к пролетарскому обществу функции насилия совершенно не меняются, как это было при переходе от феодализма к капитализму. Но даже в этом случае действительное развитие учит нас, что «неорганический», «искусственный», «насильственный» характер перехода еще ничего не говорит против исторической актуальности, необходимости и «здоровья» возникающего при этом нового общества. Данный вопрос обретает, однако, совершенно другое обличье, когда мы поближе рассмотрим способ и функциональную роль насилия при переходе к капитализму, переходе, который означает нечто принципиально и качественно новое по сравнению с прежними переходами. Повторяем: решающее значение насилия как «экономической потенции» всегда становится актуальным при переходе от одного производственного порядка к другому. То есть, выражаясь социологически, роль насилия становится актуальной во времена, когда сосуществуют разные, конкурирующие друг с другом производственные системы. Но устройство борющихся друг с другом систем производства будет оказывать определяющее влияние на способ и функцию насилия как «экономической потенции» в переходный период.

В эпоху возникновения капитализма речь шла о борьбе статической системы с динамической; «самобытной» – со стремящейся к полному обобществлению; упорядоченной территориальными границами – с анархической (и в тенденции безграничной) системой. В противоположность этому, в случае пролетарского производства речь, как известно, идет в первую очередь о борьбе упорядоченной экономической системы с анархической[273]. И подобно тому, как производственные системы определяют сущность классов, возникающие из них противоположности определяют способ необходимого для преобразований насилия. Ибо оружие, – как говорил Гегель, – есть не что иное, как сущность самих бойцов.

Понимание нынешних противоположностей уже превышает контроверзы между истинным и вульгаризированным марксизмом в рамках критики капиталистического общества. Теперь речь идет на самом деле о том, чтобы в смысле диалектического *метода* развить дальше полученные до сих пор *результаты* исторического материализма, то есть приложить метод к той сфере, на которую он, соответствуя своей сущности исторического метода, еще не *мог* быть распространен. Это значит, применить его теперь со всеми модификациями, которые должны в первую очередь предполагаться любым несхематичным методом, то есть диалектикой, в случае принципиально и качественно нового материала. Правда, проницательный взор Маркса и Энгельса уже многое здесь предвосхитил. Причем не только в отношении предполагаемых фаз этого переходного процесса (в «Критике Готской программы»), но также и в методическом смысле. «Скачок из царства необходимости в царство свободы»[274], окончание «предыстории человечества»[275] ни в коем случае не были для Маркса и Энгельса прекрасными, но абстрактными перспективами, декоративно-эффектным, но методически ни к чему не обязывающим увенчанием критики современности. Напротив, это было ясно и сознательно осмысленным предвосхищением правильно понятого процесса развития, предвосхищением, методические следствия которого выводили к глубокому пониманию актуальных проблем современности. «Люди сами делают свою историю, – пишет Энгельс, – но *до сих пор* они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану»[276]. Маркс тоже использует во многих местах «Капитала» эту мысленно предвосхищенную структуру, чтобы, с одной стороны, с ее помощью ярче осветить современность, а с другой – чтобы на этом контрасте яснее и полнее представить черты наступающего будущего.

---

[273] В этом противопоставлении капитализм эпохи империализма тоже с необходимостью оказывается анархическим.

[274] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 295.

[275] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 8.

[276] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 175. Курсив мой – Д. Л.

Принципиально важный для нас характер этого контраста состоит в том, что «в капиталистическом обществе <...> общественный рассудок всегда заявляет о себе только post festum»[277] а именно, в случае феноменов, для которых после упразднения их капиталистической, овеществленной оболочки и редукции к лежащим в их основе истинным предметным отношениям достаточно простого предвидения. Ибо, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», – «в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим,

В коммунистическом обществе – настоящее над прошлым» [278]. И эту резкую, непреодолимую противоположность нельзя смягчить никаким «открытием» некоторых «тенденций» в капитализме, которые, по видимости, делали бы возможным его «перерастание». Данная противоположность неразрывно связана с сущностью капиталистического производства. Прошлое, господствующее над настоящим, – это и есть «post festum-сознание», в котором обнаруживается данный способ господства и которое является лишь мыслительным выражением основополагающего экономического состояния капиталистического, причем только капиталистического, общества. Речь идет об овеществленном выражении содержащейся в капиталистическом общественном отношении способности к расширению и обновлению через постоянный контакт с живым трудом. Однако ясно, «что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, – определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе»[279].

Социальный смысл диктатуры пролетариата, социализация прежде всего означают не что иное, как изъятие у капиталистов этого господства прошлого труда над живым трудом. Но тем самым для *пролетариата* рассматриваемого как класс, *объективно устраняется его опредмеченное и ставшее самостоятельным противостояние собственному труду*. Поскольку пролетариат принимает на себя командование одновременно над овеществленным и над живым трудом, постольку эта противоположность практически и объективно упраздняется. А вместе с этой противоположностью снимается и соответствующая ей в капиталистическом обществе противоположность прошлого и будущего. Теперь отношения прошлого с будущим должны структурно измениться. Сколь бы ни был длительным для пролетариата объективный процесс социализации и осознание измененного внутреннего отношения труда к его предметным формам (отношения прошлого к будущему), с наступлением диктатуры пролетариата совершился фундаментальный *поворот*. Речь идет о повороте, к которому *в рамках* буржуазного общества не может приблизиться никакая «социализация» как «эксперимент», никакая «плановая экономика» и т.д. Такого рода мероприятия суть в лучшем случае формы организационной концентрации *внутри* капиталистической системы, при которых фундаментальная связь экономической структуры, фундаментальное отношение сознания пролетарского класса к целому производственного процесса не претерпевают никакого изменения.

В отличие от этого, самая скромная и «хаотичная» социализация в смысле экспроприации, захвата власти ниспровергает *именно эту структуру* и тем самым объективно и серьезно настраивает развитие на исторический скачок. Вульгарные марксисты-экономисты постоянно забывают, – когда они пытаются посредством постепенных переходов ликвидировать этот скачок, – что капиталистическое отношение есть не просто производственно-техническое, «чисто» экономическое отношение (в трактовке буржуазной политэкономии), но в истинном смысле слова *социально-экономическое отношение*. Они упускают из виду, что «капитали-

[277] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 24. С. 354.
[278] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 439.
[279] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 439.

стический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, – капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой»[280]. Так что изменение общественного развития возможно только в форме, которая препятствует самовоспроизводству капиталистического отношения и придает самовоспроизводству общества иное, новое направление. Фундаментальная новизна этой структуры ничуть не меняется от того, что экономическая невозможность социализации мелкого предприятия воспроизводит капитализм и буржуазию «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»[281] От этого процесс становится, разумеется, намного сложнее и запутаннее, отношения сосуществующих социальных структур обостряются, но социальный смысл социализации, ее функции в процессе развития пролетарского сознания все же не претерпевают изменения. Именно правильное понимание фундаментального положения диалектического материализма – «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[282] – с необходимостью требует в момент революционного перелома практически серьезно воспринять категорию радикальной новизны, переворачивания экономической структуры, измененного направления процесса, то есть категорию скачка.

Ведь именно этот антагонизм между рассмотрением «post festum» и простым, истинным предвидением, между «ложным» и верным общественным сознанием обозначает точку, где скачок становится действенным в объективно-экономическом смысле. Данный скачок есть, разумеется, не одноразовый акт, который в мгновение ока и без всяких переходов осуществляет этот наиболее значительный переворот во всей прошлой истории человечества. Еще меньше этот скачок представляет собой – по схеме истекшего развития – одно только превращение медленного и постепенного количественного изменения в качественное. В этом случае предполагается, что «вечные законы» экономического развития производят свою работу за спинами людей, посредством своего рода «хитрости разума», а сам скачок означает не более чем осознание человечеством – post festum и, возможно, одним махом – уже достигнутого нового состояния. Однако на самом деле указанный скачок есть, скорее, более продолжительный и тяжелый процесс. Его качество как скачка выражается именно в том, что он каждый раз представляет собой *обращение* [Sichwenden] *к чему-то качественно новому*. В нем выражается сознательное действие, интенция которого направлена на познанное целое общества. Следовательно, процесс этот – в своей интенции и основе – родом из царства свободы. Обычно скачок включается по форме и содержанию в медленный процесс преобразования общества, он даже может только тогда по-настоящему сохранить свой характер скачка, когда он полностью входит в этот процесс и есть не более чем осознанный смысл каждого момента, его осознанное отношение к целому, сознательное ускорение процесса в нужном направлении. Имеется в виду ускорение, которое *только на шаг* опережает процесс и не стремится навязать ему чуждые цели и самодельные утопии. Это ускорение лишь обнажает внутренне присущие революционному процессу стремления, когда тот в страхе отшатывается от «смутной громады собственных целей» и грозит разрушиться в колебаниях и полумерах.

Скачок, таким образом, кажется полностью растворенным в процессе. Но «царство свободы» – это все же не дар милостивой судьбы, который человечество, изнемогающее в тисках необходимости, получает в награду за постоянство страдания. Это царство – не только цель, но и средство борьбы. И в этом проявляется принципиальная и качественная новизна ситуации: это первый в истории случай, когда человечество, благодаря классовому сознанию при-

[280] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 591. Курсив мой – Д. Л.
[281] Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 41. С. 6.
[282] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.

званного к господству пролетариата, сознательно берет на себя руководство историей. «Необходимость» объективного хозяйственного процесса тем самым еще не упраздняется, но получает новую, другую функцию. До сих пор вопрос состоял в том, чтобы угадать неизбежно наступающее будущее по признакам объективного процесса развития, чтобы применить это будущее с выгодой для пролетариата, то есть до сих пор «необходимость» была позитивно ведущим элементом процесса. Теперь же она стала препятствием, с которым следует бороться. Шаг за шагом будет отступать она в процессе преобразования общества, чтобы затем, после долгих и тяжелых сражений, оказаться, в конце концов, окончательно побежденной. Ясное и беспощадное познание того, что действительно есть, что неизбежно должно свершиться, остается при всем том в силе, даже выступает решающей предпосылкой и самым эффективным оружием борьбы. Ибо любая недооценка силы, которой еще обладает необходимость, низвела бы это преобразующее мир познание до пустой утопии и укрепила бы силы врага. Но познание тенденций экономической неизбежности не выполняет более функции ускорения этого ее процесса или добывания из него выгоды. Как раз напротив, цель здесь состоит в том, чтобы эффективно бороться с этим процессом, теснить его, а там, где это возможно, направлять его в другое русло или же – если (и насколько) это действительно необходимо – уклоняться от него.

Превращение, которое при этом осуществляется, означает преобразование экономики и обусловленную им перегруппировку классов. Однако у этой «экономики» нет более функции, свойственной любому докапиталистическому хозяйству: теперь экономика должна стать служанкой сознательно управляемого общества, должна утратить свою имманентность, свою внутреннюю закономерность, благодаря которой она, собственно, и становится экономикой. Одним словом, экономика должна быть упразднена как экономика. Эта тенденция выражается прежде всего в изменении связи экономики и насилия в переходный период. Ведь сколь бы ни было большим экономическое значение насилия при переходе к капитализму, экономика все же всегда оставалась там первичной; она использовала насилие только как вспомогательный принцип, расчищавший ей путь. Ныне же, напротив, насилие стоит на службе принципов, которые в любом прежнем обществе могли иметь место только как «надстройка», как момент, сопровождающий неизбежный экономический процесс и определяемый им. Ныне насилие стоит на службе человека и раскрытия его человеческой сущности. Часто говорилось и правильно говорилось: социализация есть вопрос власти [Machtfrage]. Вопрос насилия [Gewalt] превосходит здесь по значению экономический вопрос. Конечно, употребление власти, не считающееся с сопротивлением материала, есть безумие, и данное сопротивление здесь учитывается, но именно для того, чтобы его преодолеть, а не чтобы пойти у него на поводу. Тем самым кажется, будто насилие – голое, неприкрытое и явное насилие выходит на передний план происходящего в обществе. Однако это все же только видимость. Ведь насилие не есть самовластный принцип и не может быть таковым. И пролетарское насилие есть не что иное, как осознанная воля пролетариата к упразднению самого себя и одновременно – господства овеществленных отношений над людьми и господства экономики над обществом.

Это упразднение, этот скачок есть процесс. И дело как раз состоит в том, чтобы никогда не упускать из виду его качество скачка и его сущность как процесса. Скачок состоит в неопосредствованном обращении к радикальной новизне сознательно упорядоченного общества, «экономика» которого подчинена человеку и его потребностям. Процессуальная сущность этого скачка проявляется в том факте, что впервые в истории совершается преодоление экономики как экономики, впервые реализуется тенденция к упразднению ее собственных законов как исключительного господства экономических содержаний над сознанием тех, кто осуществляет это упразднение. Причем это происходит не только потому, что падение производства в переходный период, большие, чем обычно, трудности, связанные с поддержанием аппарата и удовлетворением (какими бы скромными они ни были) потребностей людей, а также

растущая крайняя нужда населения заставляют каждого задумываться о хозяйственных вопросах и проявлять заботу об экономике. Главная причина заключена в указанном функциональном изменении. Экономика как форма господства общества, как действительный мотор развития, который за спинами людей движет историю, должна была выражаться в их головах в неэкономических формах, «идеологически». Если принципы человеческого бытия намерены освободиться и впервые в истории взять в свои руки власть над человечеством, тогда на переднем плане этих намерений должны стоять объекты и средства борьбы, экономика и насилие, проблемы реальных этапных целей. Главным объектом интереса должно быть содержание последующего шага движения, а также шага уже реально сделанного или того, что обязательно предстоит сделать. Идеи, которые раньше назывались «идеологией» (и которые, правда, в главных своих моментах изменены), начинают превращаться теперь в реальные цели человечества. Именно поэтому становится, с одной стороны, излишним украшать ими ту экономическую и силовую борьбу, которая велась за эти идеи. С другой стороны, реальность и актуальность данных идей обнаруживается как раз в том, что весь интерес сосредоточивается сегодня на реальной борьбе за их воплощение: на экономике и насилии.

Поэтому отныне не должно казаться парадоксом, что указанный переход выступает периодом почти исключительно экономических интересов, эпохой открыто признаваемого и применяемого голого насилия. Экономика и насилие начали разыгрывать последний акт своего исторического действа, и видимость того, что они овладевают исторической сценой, не должна вводить нас в заблуждение относительно того, что это их последний выход в истории. «Первый акт, – пишет Энгельс, – в котором государство (как организованное насилие)[283] действительно выступает как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства <...>. Оно отмирает <…>»[284]. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»[285]. То, что до сих пор сопровождало в качестве одной только «идеологии» принудительный ход человеческого развития, а также жизнь человека как человека в его отношениях к себе самому, к окружающим его людям и к природе, может стать отныне собственным содержанием жизни человечества. Тем самым совершается *общественное* рождение человека.

В переходный период, который ведет к этой цели и уже начинает осуществлять ее (хотя нам предстоит еще очень долгий и мучительный путь), исторический материализм будет неизменно и еще долгое время сохранять свое значение в качестве благороднейшего оружия пролетариата. Ибо преобладающая часть общества остается покоренной чисто капиталистическими производственными формами. И на тех немногих островках, где пролетариат достиг своего господства, речь может идти лишь о том, чтобы кропотливо, шаг за шагом, теснить капитализм и сознательно вызывать к жизни новый общественный порядок, который уже не выражается в этих категориях. Но уже сам факт того, что борьба вступила в данную стадию, обнаруживает наряду с этим еще два очень важных функциональных изменения исторического материализма.

Во-первых, посредством материалистической диалектики следует показать, как должен быть пройден путь к сознательному контролю над производством и к овладению им, путь к свободе от принудительного воздействия опредмеченных общественных сил. Никакой самый тщательный и точный анализ прошлого не может дать нам на это удовлетворительный ответ; его даст только непредвзятое применение диалектического метода к данному, совершенно

[283] Пояснение в скобках вставлено Д. Лукачем. – Прим. перев.
[284] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 292.
[285] Там же. С. 295.

новому материалу. Во-вторых, до крайности обострившийся кризис капитализма (а каждый кризис представляет собой объективацию его самокритики) дает нам возможность с точки зрения этой его завершенной самокритики яснее и полнее, чем это было возможно до сих пор, выстроить исторический материализм как метод исследования «предыстории человечества». Одним словом, не только потому, что в ходе революционной борьбы нам еще долгое время надо будет мастерски обращаться с историческим материализмом, но и в силу самой его научной структуры нам необходимо сейчас использовать победу пролетариата, чтобы воздвигнуть для исторического материализма этот дом, эти мастерские.

Июнь 1919 г.

Сталин И.В.

О диалектическом и историческом материализме [286]

Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория – *материалистической*.

Исторический материализм есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества.

Характеризуя свой диалектический метод, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Гегеля как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики. Это, однако, не означает, что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля лишь ее "рациональное зерно", отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше с тем, чтобы придать ей современный научный вид.

"Мой диалектический метод, – говорит Маркс, – в основе своей не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней" (*К. Маркс*, Послесловие ко второму немецкому изданию 1–го тома "Капитала").

Характеризуя свой материализм, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Фейербаха как на философа, восстановившего материализм в его правах. Однако это не означает, что материализм Маркса и Энгельса тождествен материализму Фейербаха. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из материализма Фейербаха его "основное зерно", развив его дальше в научно-философскую теорию материализма и отбросив прочь его идеалистические и религиозно-этические наслоения. Известно, что Фейербах, будучи в основном материалистом, восставал против названия – материализм. Энгельс не раз заявлял, что Фейербах, "несмотря на материалистическую основу, еще не освободился от старых идеалистических пут", что "действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии" (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* т. XIV, стр. 652–654).

Диалектика происходит от греческого слова "диалего", что значит вести беседу, вести полемику. Под диалектикой понимали в древности искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины. Этот диалектический способ мышления, распространенный впоследствии на явления природы, превратился в диалектический метод познания природы, который рассматривал явления природы как вечно движущиеся – и изменяющиеся, а развитие природы – как результат развития противоречий в природе, как результат взаимодействия противоположных сил в природе.

В своей основе диалектика прямо противоположна метафизике.

---

[286] Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 253–282.

1) *Марксистский диалектический метод* характеризуется следующими основными чертами:

а) В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, а как связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга.

Поэтому диалектический метод считает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений.

б) В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век.

Поэтому диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания.

Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается.

“Вся природа, – говорит Энгельс, – начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста (первичная живая клеточка. – *И. Ст.*) и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в. непрерывном течении, в неустанном движении и изменении” (там же, стр. 484).

Поэтому, говорит Энгельс, диалектика “берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении” (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* т. XIV, стр. 23).

в) В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, а виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему.

“Природа, – говорит Энгельс, – есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждый днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, также и человек есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет” (там же, стр. 23).

Характеризуя диалектическое развитие как переход от количественных изменений к качественным изменениям, Энгельс говорит:

“В физике каждое изменение есть переход количества в качество – следствие количественного изменения, присущего телу или сообщенного ему количества движения какой-нибудь формы Так, например, температура воды не имеет на первых порах никакого значения по отношению к ее капельножидкому состоянию, но при увеличении или уменьшении температуры жидкой воды наступает момент, когда это состояние сцепления изменяется и вода превращается – в одном случае в пар, в другом – в лед. Так, необходим определенный минимум силы тока, чтобы платиновая проволока стала давать свет, так, у каждого металла имеется своя теплота плавления, так, у каждой жидкости имеется своя определенная, при данном давлении, точка замерзания и кипения – поскольку мы в состоянии при наших средствах добиться соответствующей температуры, так, наконец, у каждого газа имеется критическая точка, при которой соответствующим давлением и охлаждением можно превратить его в жидкое состояние. Так называемые константы физики (точки перехода от одного состояния в другое состояние – *И. Ст.*) суть большею частью не что иное, как название узловых точек, где количественное (изменение) прибавление или убавление движения вызывает качественное изменение в состоянии соответствующего тела, – где, следовательно, количество переходит в качество” (там же, стр. 527–528).

Переходя, далее, к химии, Энгельс продолжает:

“Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава. Это знал уже сам Гегель. Возьмем кислород если в молекулу здесь соединяются три атома, а не два, как обыкновенно, то мы имеем перед собой озон – тело, определенно отличающееся своим запахом и действием от обыкновенного кислорода. А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой и из которых каждая дает тело, качественно отличное от всех других тел” (там же, стр. 528).

Наконец, критикуя Дюринга, который бранит вовсю Гегеля и тут же втихомолку заимствует у него известное положение о том, что переход из царства бесчувственного мира в царство ощущения, из царства неорганического мира в царство органической жизни есть скачок в новое состояние, Энгельс говорит:

“Это ведь гегелевская узловая линия отношений меры, где чисто количественное увеличение или уменьшение вызывает в определенных узловых пунктах *качественный скачок*, как, например, в случае нагревания или охлаждения вода, где точки кипения и замерзания являются теми узлами, в которых совершается – при нормальном давлении – скачок в новое агрегатное состояние, где, следовательно, количество переходит в качество” (там же, стр. 45–46).

г) В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке “борьбы” противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий.

“В собственном смысле диалектика, – говорит Ленин, – есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*” (*Ленин*, “Философские тетради, стр.263).

И дальше:

“Развитие есть “борьба” противоположностей” (Ленин, т. XIII, стр. 301).

Таковы коротко основные черты марксистского диалектического метода.

Нетрудно понять, какое громадное значение имеет распространение положений диалектического метода на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.

Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обусловливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения “вечной справедливости” или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны.

Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем.

Требование буржуазно-демократической республики в условиях существования царизма и буржуазного общества, скажем, в 1905 году в России было вполне понятным, правильным и революционным требованием, ибо буржуазная республика означала тогда шаг вперед. Требование буржуазно-демократической республики для наших нынешних условий в СССР есть бессмысленное и контрреволюционное требование, ибо буржуазная республика в сравнении с Советской республикой есть шаг назад.

Все зависит от условий, места и времени.

Понятно, что без такого *исторического* подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок.

Дальше. Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше “незыблемых” общественных порядков, “вечных принципов” частной собственности и эксплуатации, “вечных идей” подчинения крестьян помещикам, рабочих – капиталистам.

Значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем так же, как капиталистический строй заменил в свое время феодальный строй.

Значит, надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы.

В восьмидесятых годах прошлого столетия, в эпоху борьбы марксистов с народниками, пролетариат в России представлял незначительное меньшинство в сравнении с единоличным крестьянством, составлявшим громадное большинство населения. Но пролетариат развивался как класс, тогда как крестьянство как класс распадалось. И именно потому, что пролетариат развивался как класс, марксисты ориентировались на пролетариат. И они не ошиблись, ибо, как известно, пролетариат вырос потом из незначительной силы в первостепенную историческую и политическую силу.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад.

Дальше. Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление.

Значит, переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлено не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом.

Дальше. Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением.

Значит, нужно не замазывать противоречия капиталистических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии, а не соглашательскую политику "врастания" капитализма в социализм.

Так обстоит дело с марксистским диалектическим методом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества.

Что касается марксистского философского материализма, то в своей основе он прямо противоположен философскому идеализму.

2) *Марксистский философский материализм* характеризуется следующими основными чертами:

а) В противоположность идеализму, который считает мир воплощением "абсолютной идеи", "мирового духа", "сознания", философский материализм Маркса исходит из того, что мир по природе своей *материален*, что многообразные явления в мире представляют различные виды движущейся материи, что взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи, что мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком "мировом духе".

"Материалистическое мировоззрение, – говорит Энгельс, – означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлении" (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. XIV, стр. 651).

Касаясь материалистического взгляда древнего философа Гераклита, по которому "мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим", Ленин говорит "Очень хорошее изложение начал диалектического материализма" (*Ленин*, "Философские тетради", стр. 318).

б) В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание; что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания; что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия; что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно продукт мозга, а мозг – орган мышления; что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку.

"Высший вопрос всей философии, – говорит Энгельс, – есть вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе… Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы… составили *идеалистический* лагерь. Те же, которые основным началом считали

природу, примкнули к различным школам *материализма*" (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 329).

И дальше:

"Вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир… Наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи" (там же, стр. 322).

Касаясь вопроса о материи и мышлении, Маркс говорит:

"Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит. Материя является субъектом всех изменений" (там же, стр. 302).

Характеризуя марксистский философский материализм, Ленин говорит:

"Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта… Сознание… есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение" (*Ленин*, т. XIII, стр. 266–267).

И дальше:

– "Материя есть то, что, действуя на наши органы чувства, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении… Материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое-вторичное" (там же, с. 119–120).

– "Картина мира есть картина того, как материя движется и как "материя мыслит"" (там же, стр. 288).

– "Мозг является органом мысли" (там же, стр. 125).

в) В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины и считает, что мир полон "вещей в себе", которые не могут быть никогда познаны наукой, марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы; что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин; что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики.

Критикуя положение Канта и других идеалистов о непознаваемости мира и непознаваемых "вещах в себе" и отстаивая известное положение материализма о достоверности наших знаний, Энгельс пишет:

"Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными "вещами в себе", пока органическая химия не стала приготовлять их одно за другим; тем самым "вещь в себе" превращалась в вещь для нас, как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Леверрье, на основании данных этой системы, не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана" (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 330).

Обвиняя Богданова, Базарова, Юшкевича и других сторонников Маха в фидеизме (реакционная теория, дающая предпочтение вере перед наукой) и отстаивая известное положение материализма о том, что наши научные знания о закономерностях в природе являются достоверными, что законы науки представляют объективную истину, Ленин говорит:

“Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только “чрезмерные претензии” науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в “опыте” человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно” (*Ленин*, т. ХШ, стр.102).

Таковы коротко характерные черты марксистского философского материализма.

Легко понять, какое громадное значение имеет распространение положений философского материализма на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.

Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества.

Значит, общественная жизнь, история общества перестает быть скоплением “случайностей”, ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку.

Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях “выдающихся лиц”, не на требованиях “разума”, “всеобщей морали” и т.п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей.

Дальше. Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества также познаваемо, а данные науки о законах развития общества являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку.

Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата.

Дальше. Если природа, бытие, материальный мир является первичным, а сознание, мышление – вторичным, производным, если материальный мир представляет объективную реальность, существующую независимо от сознания людей, а сознание является отображением этой объективной реальности, то из этого следует, что материальная жизнь общества, его бытие также является первичным, а его духовная жизнь – вторичным, производным, что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия.

Значит, источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях

материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.

Значит, если в различные периоды истории общества наблюдаются различные общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, если при рабовладельческом строе встречаем одни общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, при феодализме – другие, при капитализме – третьи, то это объясняется не "природой", не "свойством" самих идей, теорий, взглядов, политических учреждений, а различными условиями материальной жизни общества в различные периоды общественного развития.

Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения.

В связи с этим Маркс говорит:

"Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 269).

Значит, чтобы не ошибиться в политике и не попасть в положение пустых мечтателей, партия пролетариата должна исходить в своей деятельности не из отвлеченных "принципов человеческого разума", а из конкретных условий материальной жизни общества как решающей силы общественного развития, не из добрых пожеланий "великих людей", а из реальных потребностей развития материальной жизни общества.

Падение утопистов, в том числе народников, анархистов, эсеров, объясняется, между прочим, тем, что они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность не на основе потребностей развития материальной жизни общества, а независимо от них и вопреки им -строили на основе "идеальных планов" и "всеобъемлющих проектов", оторванных от реальной жизни общества.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества.

Из слов Маркса, однако, не следует, что общественные идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения не имеют значения в жизни общества, что они не производят обратного воздействия на общественное бытие, на развитие материальных условий жизни общества. Мы говорили здесь пока что о *происхождении* общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, об их *возникновении*, о том, что духовная жизнь общества является отражением условий его материальной жизни. Что касается *значения* общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их *роли* в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества.

Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых взглядов, новых политических учреждений. Новые общественные идеи и теории потому собственно и возникают, что они необходимы

для общества, что без их организующей, мобилизующей и преобразующей работы *невозможно* разрешение назревших задач развития материальной жизни общества. Возникнув на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые общественные идеи и теории пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс, мобилизуют их, организуют их против отживающих сил общества и облегчают, таким образом, свержение отживающих сил общества, тормозящих развитие материальной жизни общества.

Так общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия, сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимый для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие. В связи с этим Маркс говорит:

"Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами" (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. I, стр. 406).

Значит, чтобы иметь возможность воздействовать на условия материальной жизни общества и ускорить их развитие, ускорить их улучшение, партия пролетариата должна опереться на такую общественную теорию, на такую общественную идею, которая правильно отражает потребности развития материальной жизни общества и способна ввиду этого привести в движение широкие массы народа, способна мобилизовать их и организовать из них великую армию пролетарской партии, готовую разбить реакционные силы и проложить дорогу передовым силам общества.

Падение "экономистов" и меньшевиков объясняется, между прочим, тем, что они не признавали мобилизующей, организующей и преобразующей роли передовой теории, передовой идеи и, впадая в вульгарный материализм, сводили их роль почти к нулю, следовательно, обрекали партию на пассивность, на прозябание.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу.

Так решает исторический материализм вопрос об отношении между общественным бытием и общественным сознанием, между условиями развития материальной жизни и развитием духовной жизни общества.

3) *Исторический материализм.*

Остается выяснить вопрос: что следует понимать с точки зрения исторического материализма под "условиями материальной жизни общества", которые определяют в конечном счете физиономию общества, его идеи, взгляды, политические учреждения и т.д.

В самом деле, что это за "условия материальной жизни общества", каковы их отличительные черты?

Несомненно, что в понятие "условия материальной жизни общества" входит прежде всего окружающая общество природа, географическая среда, которая является одним из необходимых и постоянных условий материальной жизни общества и, конечно, влияет на развитие общества. Какова роль географической среды в развитии общества? Не является ли географическая среда той главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя людей, переход от одного строя к другому?

Исторический материализм отвечает на этот вопрос отрицательно.

Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества, и она, конечно, влияет на развитие общества, – она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды. На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных

общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезнейших изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет.

Но из этого следует, что географическая среда не может служить главной причиной, *определяющей* причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет.

Несомненно, далее, что рост народонаселения, та или иная плотность населения также входит в понятие "условия материальной жизни общества", ибо люди составляют необходимый элемент условий материальной жизни общества и без наличия известного минимума людей не может быть никакой материальной жизни общества. Не является ли рост народонаселения той главной силой, которая определяет характер общественного строя людей?

Исторический материализм отвечает на этот вопрос также отрицательно.

Конечно, рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть *определяющим* влиянием, так как сам по себе рост народонаселения не дает ключа для объяснения того, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй – феодальным, феодальный – буржуазным, а не каким-либо другим строем.

Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается. Плотность населения в Китае в четыре раза выше, чем в США, однако США стоят выше с точки зрения общественного развития, чем Китай, ибо в Китае все еще господствует полуфеодальный строй, тогда как США давно уже достигли высшей стадии развития капитализма. Плотность населения в Бельгии в 19 раз выше, чем в США, и в 26 раз выше, чем в СССР, однако США стоят выше Бельгии с точки зрения общественного развития, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху, ибо в Бельгии господствует капиталистический строй, тогда как СССР уже покончил с капитализмом и установил у себя социалистический строй.

Но из этого следует, что рост народонаселения не является и не может являться главной силой развития общества, *определяющей* характер общественного строя, физиономию общества.

а) В чем же в таком случае состоит та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?

Такой силой исторический материализм считает *способ добывания средств к жизни*, необходимых для существования людей, *способ производства материальных благ* – пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т.п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться.

Чтобы жить, нужно иметь пищу, одежду, обувь, жилище, топливо и т.п., чтобы иметь эти материальные блага, нужно производить их, а чтобы производить их, нужно иметь орудия производства, при помощи которых люди производят пищу, одежду, обувь, жилища, топливо и т.п., нужно уметь производить эти орудия, нужно уметь пользоваться этими орудиями.

Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному *производственному опыту* и *навыкам к труду*, – все эти элементы вместе составляют *производительные силы* общества.

Но производительные силы составляют лишь одну сторону производства, одну сторону способа производства, выражающую отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Другую сторону производства составляют отношения людей друг к другу в процессе производства, *производственные отношения* людей. Люди ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а *сообща, группами, обществами*. Поэтому производство есть всегда и при всех условиях *общественное* производство. Осуществляя производство материальных благ, люди устанавливают между собой те или иные взаимные отношения внутри производства, те или иные производственные отношения. Отношения эти могут быть отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, они могут быть отношениями господства и подчинения, они могут быть, наконец, переходными отношениями от одной формы производственных отношений к другой форме. Но какой бы характер ни носили производственные отношения, они составляют – всегда и при всех строях – такой же необходимый элемент производства, как и производительные силы общества.

“В производстве, – говорит Маркс, – люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство” (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. V, стр. 429)

Следовательно, производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ.

б) Первая особенность производства состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, вызывают перестройку всего общественного и политического уклада. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства, или, говоря грубее, ведут различный образ жизни. При первобытной общине существует один способ производства, при рабстве существует другой способ производства, при феодализме – третий способ производства и т. д. Сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, политические учреждения бывают различными.

Каков способ производства у общества, таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения.

Или, говоря грубее: каков образ жизни людей, таков образ их мыслей.

Это означает, что история развития общества есть прежде всего история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей.

Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества.

Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям "завоевателей" и "покорителей" государств, а должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов.

Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, – в экономике общества.

Значит, первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества.

Значит, партия пролетариата, если она хочет быть действительной партией, должна овладеть прежде всего знанием законов развития производства, знанием законов экономического развития общества.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности прежде всего из законов развития производства, из законов экономического развития общества.

в) Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего с изменений и развития орудий производства. Производительные силы являются, стало быть, наиболее подвижным и революционным элементом производства. Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, *в зависимости* от этих изменений и *соответственно с ними* изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей. Это не значит, что производственные отношения не влияют на развитие производительных сил и последние не зависят от первых. Развиваясь в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя. При этом необходимо отметить, что производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ним в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил. Поэтому, как бы ни отставали производственные отношения от развития производительных сил, они должны – рано или поздно – придти в соответствие и действительно приходят в соответствие с уровнем развития производительных сил, с характером производительных сил. В противном случае мы имели бы коренное нарушение единства производительных сил и производственных отношений в системе производства, разрыв производства в целом, кризис производства, разрушение производительных сил.

Примером несоответствия производственных отношений характеру производительных сил, примером конфликта между ними являются экономические кризисы в капиталистических странах, где частнокапиталистическая собственность на средства производства находится в вопиющем несоответствии с общественным характером процесса производства, с характером производительных сил. Результатом этого несоответствия являются экономические кризисы, ведущие к разрушению производительных сил, причем само это несоответствие представляет экономическую основу социальной революции, назначение которой состоит в том, чтобы разрушить нынешние производственные отношения и создать новые, соответствующие характеру производительных сил.

И наоборот, примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил является социалистическое народное хозяйство в СССР, где общественная собственность на средства производства находится в полном соответствии с общественным

характером процесса производства и где ввиду этого нет ни экономических кризисов, ни разрушения производительных сил.

Следовательно, производительные силы являются не только наиболее подвижным и революционным элементом производства. Они являются вместе с тем определяющим элементом развития производства.

Каковы производительные силы, таковыми должны быть и производственные отношения.

Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чьем владении находятся *средства производства* (земля, леса, воды, недра, сырые материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т.п.), в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов.

Вот схематическая картина развития производительных сил от древних времен до наших дней. Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т.п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию; дальнейшее улучшение металлических орудий обработки материалов, переход к кузнечному меху, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла, отделение ремесла от земледелия, развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства; переход от ремесленных орудий производства к машине и превращение ремесленно-мануфактурного производства в машинную промышленность; переход к системе машин и появление современной крупной машинизированной промышленности – такова общая, далеко не полная картина развития производительных сил общества на протяжении истории человечества. При этом понятно, что развитие и улучшение орудий производства осуществлялось людьми, имеющими отношение к производству, а не независимо от людей, – следовательно, вместе с изменением и развитием орудий производства изменялись и развивались люди как важнейший элемент производительных сил, изменялись и развивались их производственный опыт, их навыки к труду, их умение пользоваться орудиями производства.

В соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения.

Истории известны пять *основных типов* производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический.

При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства – раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные

отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов. Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства, – здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними – такова картина рабовладельческого строя.

При феодальном основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства – крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительные сил в этот период. Дальнейшее улучшение плавки и обработки железа; распространение железного плуга и ткацкого станка; дальнейшее развитие земледелия, огородничества, виноделия, маслоделия; появление наряду с ремесленными мастерскими мануфактурных предприятий – таковы характерные черты состояния производительных сил.

Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и наклонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба как не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая.

Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве, – она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя.

При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства – наемных рабочих, которых капиталист не может ни убить, ни продать, ибо они свободны от личной зависимости, но которые лишены средств производства и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту и нести на шее ярмо эксплуатации. Наряду с капиталистической собственностью на средства производства существует и имеет на первое время широкое распространение частная собственность освобожденных от крепостной зависимости крестьянина и ремесленника на средства производства, основанная на личном труде. Вместо ремесленных мастерских и мануфактурных предприятий появились громадные фабрики и заводы, вооруженные машинами. Вместо дворянских поместий, обрабатываемых примитивными крестьянскими орудиями производства, появились крупные капиталистические экономии, ведущиеся на основе агротехники и снабженные сельскохозяйственными машинами.

Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и

правильно обращаться с ней. Поэтому капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими, достаточно культурными для того, чтобы правильно обращаться с машинами.

Но, развив до колоссальных размеров производительные силы, капитализм запутался в неразрешимых для него противоречиях. Производя все больше и больше товаров и снижая цены на товары, капитализм обостряет конкуренцию, разоряет массу мелких и средних частных собственников, обращает их в пролетариев и понижает их покупательную способность, ввиду чего сбыт произведенных товаров становится невозможным. Расширяя же производство и собирая на громадных фабриках и заводах миллионы рабочих, капитализм придает процессу производства общественный характер и подрывает тем самым свою собственную базу, так как общественный характер процесса производства требует общественной собственности на средства производства, между тем как собственность на средства производства остается частнокапиталистической, несовместимой с общественным характером процесса производства.

Эти непримиримые противоречия между характером производительных сил и производственными отношениями дают знать о себе в периодических кризисах перепроизводства, когда капиталисты, не находя платежеспособного спроса ввиду ими же учиненного разорения массы населения, вынуждены сжигать продукты, уничтожать готовые товары, приостанавливать производство, разрушать производительные силы, когда миллионы населения вынуждены терпеть безработицу и голод не из-за того, что товаров не хватает, а из-за того, что товаров произведено слишком много.

Это значит, что капиталистические производственные отношения перестали соответствовать состоянию производительных сил общества и стали в непримиримое противоречие с ними.

Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью.

Это значит, что острейшая классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту капиталистического строя.

При социалистическом строе, который осуществлен пока что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципу: “кто не работает, тот не ест”. Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства.

Поэтому социалистическое производство в СССР не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ними нелепостей.

Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития.

Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества.

Такова зависимость развития производственных отношений от развития производительных сил общества, прежде всего от развития орудий производства, в силу которой изменения и развитие производительных сил приводят рано или поздно к соответствующим изменениям и развитию производственных отношений.

“Употребление и создание средств труда, – говорит Маркс (под “средствами труда” Маркс понимает главным образом орудия производства. – *И. Ст.*), – хотя и свойственные в зароды-

шевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека, как животное, делающее орудия. Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится… Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд" (*К. Маркс*, "Капитал", т. I, стр. 121, издание 1935 года).

И дальше:

– "Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способ обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном (феодалом. – *И. Ст.*) во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом" (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. V, стр. 364).

– "Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения" (там же, стр. 364).

Характеризуя исторический материализм, формулированный в "Манифесте Коммунистической партии", Энгельс говорит:

"Экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории… В соответствии с этим, со времени разложения первобытного общинного землевладения вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития... Теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободить от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы…" *(Предисловие Энгельса к немецкому изданию "Манифеста").*

г) Третья особенность производства состоит в том, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей. Оно происходит стихийно и независимо от воли людей по двум причинам.

Во-первых, потому, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства, ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застает уже готовые производительные силы и производственные отношения как результат работы прошлых поколений, ввиду чего оно должно принять на первое время все то, что застает в готовом виде в области производства, и приладиться к ним, чтобы получить возможность производить материальные блага.

Во-вторых, потому, что, улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким *общественным* результатам должны привести эти улучшения, а думают лишь о своих будничных интересах, о том, чтобы облегчить свой труд и добиться какой-либо непосредственной, осязательной выгоды для себя.

Когда некоторые члены первобытно-общинного общества постепенно и ощупью переходили от каменных орудий к железным орудиям, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким *общественным* результатам приведет это новшество, они не понимали и не сознавали того, что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что

он приведет в конце концов к рабовладельческому строю, – они просто хотели облегчить свой труд и добиться ближайшей, ощутимой выгоды, их сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной личной выгоды.

Когда в период феодального строя молодая буржуазия Европы рядом с мелкими цеховыми мастерскими стала строить крупные мануфактурные предприятия, и двигала, таким образом, вперед производительные силы общества, она, конечно, не знала и не задумывалась над тем, к каким *общественным* последствиям приведет это новшество, она не сознавала и не понимала, что это "маленькое" новшество приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией и против королевской власти, милости которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители, – она просто хотела удешевить производство товаров, выбросить побольше товаров на рынки Азии и только что открытой Америки и получить побольше прибыли, ее сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной практики.

Когда русские капиталисты совместно с иностранными капиталистами усиленно насаждали в России современную крупную машинизированную промышленность, оставляя царизм нетронутым и отдавая крестьян на съедение помещикам, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким *общественным* последствиям приведет этот серьезный рост производительных сил, они не сознавали и не понимали, что этот серьезный скачок в области производительных сил общества приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая даст возможность пролетариату соединить с собой крестьянство и совершить победоносную социалистическую революцию, – они просто хотели расширить до крайности промышленное производство, овладеть колоссальным внутренним рынком, стать монополистами и выкачать из народного хозяйства прибыли, их сознательная деятельность не шла дальше их будничных узкопрактических интересов.

В соответствии с этим Маркс говорит:

"В общественном производстве своей жизни (то есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей. – *И. Ст.*) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли *не зависящие* (курсив мой. – *И. Ст.*) отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил" (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 269).

Это, однако, не значит, что изменения производственных отношений и переход от старых производственных отношений к новым протекает гладко, без конфликтов, без потрясений. Наоборот, такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых. До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента – до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют как следует созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители – господствующие классы превращаются в ту "непреодолимую" преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает *громадная роль* новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие – насильственному перевороту, эволюция – революции.

“Пролетариат, – говорит Маркс, – в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс… путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения” (“Манифест Коммунистической партии”, издание 1938 года, стр. 52).

И дальше:

– “Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил” (там же, стр. 50).

– “Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым” (*К. Маркс*, “Капитал”, т. I, стр. 603, 1935 год).

Вот гениальная формулировка существа исторического материализма, данная Марксом в 1859 году в историческом “предисловии” к его знаменитой книге “К критике политической экономии”:

“В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления” (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 269–270).

Так обстоит дело с марксистским материализмом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества.

Таковы основные черты диалектического и исторического материализма.

Правда. 12 сентября 1938 года

Учебное издание

Тюгашев Евгений Александрович

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Учебное пособие для марксистских кружков
(базовый уровень)

Чебоксары, 2026 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано в печать 24.04.2026 г.
Дата выхода издания в свет 30.04.2026 г.
Формат 84×108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 20,23. Заказ К-1473. Тираж 500 экз.

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75, оф. 12
+7 (8352) 222-490
info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru